

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Кравченко А.И. Зарубежная социология профессий: основные подходы..... 5

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Соколова А.Г., Германович Т.В. Обзор лингвистического профиля высших учебных заведений в Республике Ирландия: проблемы и вызовы..... 13

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Алиев Д.Ф. Трансформация института семьи в России и на постсоветском пространстве: основные тенденции и коллизии..... 17

Амелин А.В., Коноплин Ю.С., Луцкая Е.Е., Пржиленская И.Б. Перспективы развития цифровых видеосервисов как альтернативы кинотеатрам и телевидению: социологический аспект..... 22

Гореликов Е.С. Реализация экспертного потенциала гражданского общества как фактор социальной солидарности..... 28

Гусакова О.С. Эволюция взглядов на конструирование образа государства в контексте теорий восприятия и познания..... 31

Демененко И.А. Человекоцентричность как новая парадигма управления человеческими ресурсами..... 37

Козырева Л.Д. Перекресток возможностей: социальная поддержка как фактор успешного трудоустройства молодежи..... 40

Костырин Е.Г. Инклюзивный потенциал цифровизации рынка труда для работников с инвалидностью..... 46

Ли Чжожу, Ван Цзинсюань. Многомерный анализ эволюции структуры социальной стратификации и трансформации социальных противоречий в Китае XXI века..... 51

Верницкий Г.И., Мельков С.А., Лябах А.Ю. Электоральные предпочтения: профиль идеального кандидата в муниципальные депутаты в г.о. Щелково Московской области..... 57

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.
ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке eLibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Мионов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, профессор Московского педагогического университета, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция)

Ответственный секретарь:

Мионова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор действительный член РАЕН; **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России; **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Института социологии и регионалистики, ЮФУ; **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, действительный член Академии литературы, почетный доктор Института социологии РАН; **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой по научной работе, МГУ им. М.В. Ломоносова; **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник, ИСПИ РАН; **Карпунин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Польша); **Кривоушков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления; **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института Высшей школы (Беларусь); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета; **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН; **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, член международной федерации журналистов, профессор Московского педагогического государственного университета, почетный работник Высшего профессионального образования РФ; **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, Президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского университета; **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры Корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной социологии факультета социологии, декан Факультета социологии СПбГУ, директор Центра изучения Германии и Европы; **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы.

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.08.2024 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Ушаков Е.В. Исследования случаев в государственном управлении: история развития методологии и современные тенденции..... 61

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Заховаева А.Г. Смысл понятий «насилие» и «ненасилие» в социокультурном контексте на базе гуманистической парадигмы. В поисках «формулы ненасилия» 65

Зимовец Л.Г., Куликовский А.В. Нововременная интеллектуальная традиция в пространстве политосферы Запада и России в новое и новейшее время .. 69

Кидямкин А.А. Философский анализ русского храмового зодчества как феномен социальной традиции: на примере Республики Мордовия 75

Колесникова Г.И. Свобода творчества в обществе постмодерна: проблемы и перспективы 80

Коннова Е.С. Экспликация бессознательного в медийном дискурсе: социально-философский анализ 85

Лустин Ю.М. Концептуальность этнической идентичности человека в диалектических трансформациях политического дискурса 89

Илларионов Г.А., Мусат Р.П., Минеев В.В., Рахинский Д.В. Нарративная концепция традиции А. Макинтайра в контексте политики защиты традиционных ценностей 95

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Данилов В.Л. Социально-философский анализ феномена миграции в контексте реализации национальной политики России 100

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Каратуева Е.Н. Дифференциация категорий «радикализм», «экстремизм», «терроризм» в политическом дискурсе 104

Форостянный Н.С., Тёмкина А.М. Политический потенциал БРИКС в трансформации системы международной безопасности 109

Лалшаков Г.С. Региональная идентичность и историческая память префектуры Окинава в контексте исторической политики Японии..... 113

Форостянный Н.С., Тёмкина А.М. Роль личности в международном политическом процессе на примере дипломатического наследия А.А. Громыко в период «Холодной войны» 117

Цыплакова Е.П. Роль гражданского общества в укреплении российской государственности 120

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Карева Л.А., Баюкова С.Д. Применение языковых средств при конституировании предложений коммуникативных типов..... 124

Шикунов Д.В., Бельский В.Ю. Место и роль России в отношениях с государствами постсоветского пространства 129

Казарян Г.И., Курилкина Е.А. Противостояние России и НАТО в Арктике 135

Кашченко Л.П. Политические причины раскола УПЦ: аспекты трансформации подхода к влиянию государства на церковь в секулярном обществе 140

Сейдерфан Ладжеварди. Оценка стратегического партнерства России и Ирана в контексте системы региональной безопасности Ближнего Востока..... 144

Цзи Кайлай. Внешнеполитический процесс институционализации интеграционной деятельности БРИКС 148

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Чжан Цзиньжуй. Размышления о политическом разделении между Россией и Украиной с точки зрения исторических и культурных различий восточнославянских народов..... 152

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGY: THEORY, MAIN CONCEPTS, MODERN APPROACHES

Kravchenko A.I. Foreign and domestic sociology of professions: basic approaches 5

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Sokolova A.G., Germanovich T.V. Overview of the linguistic profile of higher educational institutions in the Republic of Ireland: issues and challenges 13

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Aliiev D.F. Transformation of the family institution in Russia and the post-Soviet space: main trends and collisions 17

Amelin A.V., Konoplin Yu.S., Lutskaya E.E., Przhilenskaya I.B. Prospects for the development of digital video services as an alternative to cinemas and television: a sociological aspect 22

Gorelikov E.S. Implementation of the civil society expert potential as a factor of social solidarity 28

Gusakova O.S. Evolution of views on constructing the image of the state in the context of theories of perception and cognition 31

Demenenko I.A. People-centricity as a new paradigm for human resource management 37

Kozyreva L.D. Crossroads of Opportunities: Social Support as a Factor for Successful Youth Employment 40

Kostyrin E.G. Inclusive potential of digitalization of the labor market for workers with disabilities 46

Li Zhuoru, Wang Jingxuan Multidimensional analysis of the evolution of social stratification structures and the transformation of social contradictions in 21st century China 51

Vernitskiy G.I., Melkov S.A., Lyabakh A.Yu. Electoral Preferences: Profile of the Ideal Municipal Deputy Candidate in Shchyolkovo, Moscow Region 57

Ushakov E.V. Case studies in public administration: the history of methodology development and current trends 61

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Zakhovaeva A.G. Meaning of the concepts of “violence” and “non – violence” in a sociocultural context based on the humanistic paradigm. In search of “Formulas of Non -violence” 65

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Avanesova Galina Alekseevna – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences; **Balbeko Anatoly Mikhailovich** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia; **Volkov Yuri Grigorievich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Academy of Literature, Honorary Doctor Institute of Sociology RAS; **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department for Scientific Work, Moscow State University, M.V. Lomonosov; **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Doctor of Chemical Sciences, Professor, Chief Researcher, ISPI RAS; **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of Moscow University for the Humanities, Honored Scientist of the Russian Federation; **Kefeli Igor Fedorovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Sociology, Baltic State Technical University; **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute of Sociology (Poland); **Krivosukhov Viktor Vladimirovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor at the State University of Management; **Makarov Anatoly Vasilievich** – Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Head. Department of Design of Educational Systems of the Republican Institute of Higher School (Belarus); **Matyukhin Andrey Viktorovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head. Department of Philosophy and History of Moscow Financial and Industrial University; **Mikhailenok Oleg Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for the Study of Socio-Political Relations of the Center for Political Science and Political Sociology of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Orehovskaya Natalya Anatolyevna** – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panterova Valentina Vasilievna** – deputy editor-in-chief, candidate of philosophical sciences, professor, member of the International Federation of Journalists, professor of Moscow Pedagogical State University, honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich** – Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor of St. Petersburg University; **Subochev Nikolay Sergeevich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Corporate Governance at RANEPa, Honorary Worker of Higher Professional Education; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Comparative Sociology of the Faculty of Sociology, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University, Director of the Center for the Study of Germany and Europe; **Khaziev Valery Semenovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Research Center for the Development of Islamic Education of the BSPU named after M. Akhmedov.

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.08.2024. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ: "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

Zimovets L.G., Kulikovskiy A.V. New-modern intellectual tradition in the space of the political: the experience of philosophical research of the political sphere of the West and Russia in the new and modern times..... 69

Kidyamkin A.A. Philosophical analysis of Russian temple architecture as a phenomenon of social tradition: using the example of the Republic of Mordovia..... 75

Kolesnikova G.I. Freedom of creativity in postmodern society: problems and prospects..... 80

Konnova E.S. Explication of the unconscious in media discourse: socio-philosophical analysis..... 85

Lustin Yu.M. Conceptuality of human ethnic identity in dialectical transformations of political discourse..... 89

Illarionov G.A., Musat R.P., Mineev V.V., Rakhinsky D.V. Narrative concept of tradition A. Macintyres in the context of the policy of protection of traditional values..... 95

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

Danilov V.L. Social and philosophical analysis of the migration phenomenon in the context of the implementation of Russian national policy 100

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Karatueva E.N. Differentiation of the categories “radicalism”, “extremism”, “terrorism” in political discourse 104

Frostyanny N.S., Temkina A.M. The political potential of the BRICS in the transformation of the international security system..... 109

Lapshakov G.S. Historical Memory of Okinawa Prefecture in the Context of Japan’s Historical Policy 113

Frostyanny N.S., Temkina A.M. The role of personality in the international Political process on the example of A.A. Gromyko’s diplomatic legacy during the Cold War..... 117

Tsyplakova E.P. The role of civil society in strengthening Russian statehood 120

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

Kareva L.A., Bayukova S.D. The use of linguistic means in the constitution of sentences of communicative types 124

Shikunov D.V., Belsky V.Yu. The place and role of Russia in relations with the post-Soviet states 129

Kazaryan G.I., Kurilkina E.A. The confrontation between Russia and NATO in the Arctic 135

Kashchenko L.P. Political reasons for the split of the UOC: aspects of the transformation of the approach to the influence of the state on the church in a secular society 140

Seyed Erfan Lajevardi Assessment of the strategic partnership between Russia and Iran in the context of the regional security system of the Middle East 144

Ji Kailai. Foreign policy process of institutionalization of BRICS integration activities..... 148

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

Zhang Jinrui. Reflections on the political divide between Russia and Ukraine from the perspective of historical and cultural differences among East Slavic peoples 152

Зарубежная социология профессий: основные подходы

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

В статье дан анализ основных подходов в социологии профессий за рубежом. У истоков социологии профессий стояли Г. Спенсер, К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, В. Зомбарт, П. Сорокин. Проявляли к ней интерес Г. Зиммель, Т. Парсонс, П. Бурдьё и др. Социологическое осмысление понятия профессии началось с работ Г. Спенсера, К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, В. Зомбарта, Г. Зиммеля и др. Поскольку все они, хотя и в разной мере, затрагивали вопросы общественного разделения труда и специализации, их влияния на прогресс человеческого общества и воздействие на социальную структуру, пройти мимо профессии им не удалось. Свое дальнейшее развитие отрасль получила в работах современных социологов, таких как Б. Барбер, П. Бурдьё, К. Девис, И. Иллич, В. Лемперт, У. Мур, Дж. Пристли, А. Сарапата, К. Сваластога, Дж. Томпсон, М. Тьюмен и др.

На Западе социология профессий представляет одно из многочисленных и процветающих направлений, по которому написаны многие тысячи монографий, статей, учебных пособий. В ней выделяют следующие теоретические ориентации: 1) функционалистский подход (Э. Дюркгейм – Т. Парсонс¹), 2) интеракционистский подход (Э. Хьюз²), 3) парадигма профессии как властного ресурса (Е. Фрейдсон³, М. Ларсон⁴, Т. Джонсон⁵), 4) концепция разделения труда (А. Эббот⁶), 5) социокультурная теория (М. Вебер – П. Бурдьё).

Ключевые слова: профессия, труд, работа, призвание, социология.

Зарубежные концепции

В зарубежной социологии исследования выбора профессии и престижа профессий начались с 1950-х гг. (Р. Берджес и С. Липсет, К. Сваластога, Д. Сьюпер и др.) и изучались как определенный аспект социальной стратификации и мобильности. Этому периоду предшествовали классические работы К. Маркса, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и М. Вебера, на которых мы остановимся более подробно.

Маркс. Для К. Маркса профессия выступала мельчайшей таксономической единицей общественного разделения труда, который распадался вначале на пол и возраст (между мужчинами и женщинами, детьми, зрелыми людьми и стариками), на виды производства (охота и собирательство, земледелие и скотоводство), роды труда (физический и умственный труд), на классы и страты (рабочие, капиталисты, мелкая буржуазия) и лишь затем – на профессии и специальности. Исторически генезис общественного разделения труда происходит у него в зависимости от этой последовательности, когда на ранней ступени развития общества происходит разделение на более крупные, а на поздних ступенях – на более мелкие единицы. Скажем, отделение скотоводства от земледелия произошло раньше, отделение умственного труда от физического и соответствующее им деление на классы – позже, а профессиональное деление – это уже конечный этап всемирно-исторического процесса. Достоинство марксовской теории – в выделении объективных критериев разделения труда и проработка вопроса о разграничении профессии и специальности как особенного и единичного уровней в системе разделения труда.

Спенсер. Г. Спенсер полагал, что человеческая цивилизация развивается по восходящей линии, и огромную роль в таком восхождении играют социальные институты. Они выполняют функцию мощных локомотивов, которые тащат человеческое общество по пути порядка и прогресса.

Социальные институты обеспечивают превращение асоциального по природе человека в социальное существо, способное к совместным коллективным действиям. Спенсер выделяет шесть категорий институтов: домашние (семейные), обрядовые, политические, церковные, профессиональные и промышленные [1]. Каждый институт специализируется на выполнении только одной функции. Типологию социальных институтов Спенсера венчают промышленные и профессиональные институты, возникающие на основе общественного разделения труда. Профессиональные институты – гильдии, цеха, профессиональные союзы – консолидируют группы людей по профессиональным занятиям, вторые поддерживают производственную структуру общества [2]. Значение этих институтов возрастает по мере перехода от военизированных обществ к индустриальным. Промышленные институты принимают на себя все большую часть общественных функций, регулируют трудовые отношения. В период промышленной революции общества стали более сложными в результате углубляющегося разделения труда и развития таких специализированных институтов, как фабрики, банки, фондовые биржи и т.д.

¹ Parsons T. Professions // International Encyclopedia of the Social Sciences. The Macmillan Company & The Free Press., 1968., pp. 536–547; Parsons T. The Professions and Social Structure // Parsons T. Essays in Sociological Theory. New York: The Free Press, 1966. p. 34–46; Parsons T. Some Problem Confronting Sociology as a Profession // American Sociological Review, 1959, Vol. 24.

² Хьюз Э. Исследование занятий // Социология сегодня: проблемы и перспективы. М., 1965. С. 499–501.

³ Freidson E. Professional Powers. Chicago: The University of Chicago Press, 1986.

⁴ Larson Magali S. The Rise of Professionalism: A Sociological Analysis. Berkeley: University of California Press, 1977.

⁵ Johnson T. Professions and Power. London: Macmillan, 1972.

⁶ Abbott A. The system of professions. Chicago: Chicago University Press, 1988.

Институт профессий возникает из первичной политико-церковной деятельности. При этом к собственно профессии британский социолог относит лишь т.н. «свободные профессии»: это врачи и хирурги; танцоры и музыканты; ораторы и поэты, актеры и драматурги; биографы, историки и литераторы; ученые и философы; судьи и законники; учителя; архитекторы; скульпторы; живописцы [3]. Институт профессии, по Спенсеру, возникает, когда а) в обществе выделяются специализированные функции; б) они закрепляются за определенными группами общества; в) возникают объединения профессионалов для защиты своих специфических интересов.

Сравнивая подходы К. Маркса и Г. Спенсера к пониманию профессии, Т.Л. Александрова отмечает следующие различия [4]. Они касаются, во-первых, генезиса профессии. В одном случае это разделение материального труда, в другом – внепроизводственная деятельность (по управлению обществом и выполнению духовных функций). Во-вторых, различны критерии отнесения того или иного вида специализированной деятельности к собственно профессиональной: участие ли это в процессе созидания материального богатства или, напротив, в процессах духовного производства? В-третьих, различаются взгляды на функциональное назначение профессии: удовлетворение общественных или, в первую очередь, производственных потребностей.

На наш взгляд, Маркс и Спенсер заложили две различные традиции в понимании профессии. От Маркса берет начало советская школа понимания профессии как любой специальности, любого занятия или любого вида труда, в соответствии с которой в рамках рабочего класса выделяются тысячи профессий. Спенсер положил начало западной социологической традиции, где профессии относятся только к сфере умственного труда, к так называемым свободным профессиям. В соответствии с ней внутри рабочего класса никаких профессионалов и профессий быть не может. Современный профессионал, если брать англоговорящие страны, обязан иметь высшее образование, специальную лицензию на занятие частной практикой и множество иных атрибутов, которых нет и не может быть у рабочих на конвейере или у сантехника.

Дюркгейм. Идеи Спенсера, как пишет Т.Л. Александрова [5], нашли продолжение у Г. Зиммеля [6] и у Э. Дюркгейма [7]. Разнообразие профессий и видов деятельности в промышленности рассматривается Дюркгеймом как выражение общественной дифференциации. Вместе с тем замкнутость человека в своей специальности ведет к дезинтеграции общества, чрезмерное разделение труда создает угрозу общественным связям [7, с. 332–333]. В то же время только профессиональная группа может стать одним из тех институтов, которые интегрируют расколотое общество. В качестве образца он указывал на профессиональные группы адвокатов и судей, солдат и преподавателей, врачей и священников, обладающих собственной профессиональной этикой [7, с. 6]. В противоположность этому «экономические профессии», к которым Дюркгейм относил профессиональные группы в промышленности (предпринимателей и наемных работников), создают постоянные конфликты и ведут к торжеству «индивидуального эгоизма» [7, с. 11, 32].

При всем несходстве взглядов Маркса, Спенсера и Дюркгейма на сущность профессии (профессия как вид деятельности; профессия как институт; профессия как экономическая группа) отправной точкой их анализа служили общественное разделение труда и социальная структура.

Вебер. С иных позиций подходил к проблеме М. Вебер. Он отталкивается не только от индивидуально-

го поведения, субъективной мотивации и ценностно-рационального действия, но и от социальной стратификации, поэтому в его учении нашли себе место понимание профессии как типа социального действия и как элемента социальной структуры общества.

В своем главном труде «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) М. Вебер очень важное место отводит изложению своего собственного понимания профессии. И не случайно. По тем временам его взгляды представлялись подлинно революционными. До Вебера к профессии и работе относились как к техническому мероприятию, связанному с выполнением человеком определенного задания, применения тех или иных орудий труда, изготовлению товара. В лучшем случае на нее смотрели экономически как на вид оплачиваемого занятия. Попытки подойти к проблеме социологически ограничивались в большинстве случаев распределением профессий среди различных категорий населения, расчетом численности профессионально занятых, описанием уровня оплаты труда, условий труда и профессиональных заболеланий. Вебер кардинально изменил угол зрения. Он предложил рассматривать профессию как призвание человека, включая в это понятие не только религиозный долг, но также мотивацию, ценностные ориентации, отношение к работе.

Изучая статистические данные относительно профессионального состава населения в Бадене, где традиционно сильно влияние католицизма, он обратил внимание на непропорционально большую численность протестантов среди владельцев капитала, предпринимателей, менеджеров и квалифицированных рабочих современных предприятий. Обратившись к другим данным, проанализировав архивные материалы, начиная с XIV века, Вебер выдвинул гипотезу о наличии тесной связи между воспитанными духовными качествами, а именно: религиозной атмосферой дома и в общине, и направлением развития, выбором профессии и дальнейшим профессиональным становлением.

М. Вебер соотносил понятие профессии не только с экономической и социальной структурой общества, но также с поведением индивида, его жизненным миром и системой ценностей. Понятия «призвание» и «профессия» Вебер передает одним термином *Beruf*¹. На основании анализа протестантизма Вебер пришел к выводу, что эта двусмысленность термина «*Beruf*» не случайна: она вырастает из понимания профессиональной деятельности как божественного призвания.

Ранний протестантизм в лице кальвинизма выступил главной детерминирующей силой в формировании «капиталистического духа». Он инспирировал идеи и практику рациональной экономической деятельности. Для Вебера «дух капитализма» представляет специфический строй мышления, стиль жизни (или образ жизни), тип восприятия и поведения больших групп людей, и все они нормативно обусловлены хозяйственным укладом жизни народа и бытующей в данной стране культурой. Исходная и самая ранняя точка эволюции «капиталистического духа» также зафиксирована – это «Напутствие христианам» англичанина Ричарда Бакстера, по характеристике самого Вебера, одного из самых выдающихся среди всех известных духовников, служивших парламенту, Кромвелю и Реставрации. Именно он наиболее ярко выразил основные положения протестантской трудовой этики, в том числе касающихся профессии, а именно:

1. Время безгранично дорого, ибо каждый потерянный час труда отнят у Бога, не отдан преумножению сла-

¹ В английском этому понятию соответствуют *calling* и *vocation*.

вы Его (аналог первого тезиса Франклина “время – деньги”);

2. Жизнь человека чрезвычайно коротка и драгоценна, и она должна быть использована для “подтверждения” своего призвания;

3. Созерцание менее угодно Богу, чем активное выполнение Его воли в рамках своей профессии;

4. Труд физический и умственный является поставленной Богом целью человеческой извне.

5. Провидение Господне дало каждому профессию (призвание), которую он должен принять и на стезе которой должен трудиться;

6. Вне определенной профессии всякая дополнительная деятельность не что иное, как случайная работа; выполняя ее, человек больше времени ленятсяничает, чем трудится;

7. Определенная профессия является наивысшим благом для каждого человека. “Стремитесь иметь призвание, которое заполнит все ваше время, помимо того, которое вы отдаете служению Богу”;

8. Не труд как таковой, а лишь рациональная деятельность в рамках своей профессии угодна Богу;

9. Вершиной порочности является стремление к богатству как к самоцели, но Божьим благословением служит богатство как результат профессиональной деятельности. “Удовлетворенность покоем и накопленным богатством – почти всегда предвестник катастрофы” [8].

Все профессии, все виды трудовой деятельности, если они совместимы с евангельскими нормами морали, в равной степени угодны Богу и поэтому почетны. Всюду – в мастерской или на мануфактуре, за прилавком и в море – человек обязан был всеми своими силами служить Богу, доказывая трудом, что на нем почилла благодать Божия. В лютеранстве, как полагал М. Вебер, произошло приравнение труда к молитве (в немецком языке слово *Beruf* означает и призвание, и профессию). Протестантизм создал новый тип личности, сыгравший громадную роль в экономическом перевороте в Европе и Новом Свете: личности деятельной, дисциплинированной, ответственной, готовой к суровым испытаниям и героизму каждодневного труда. Одним из конституирующих элементов современного “капиталистического духа”, по мысли Вебера, и не только его, но и всей современной культуры является “рациональное жизненное поведение на основе идеи “профессионального призвания”, которая возникла из духа христианской аскезы. В основе аскетизма лежит религиозная оценка неутомимого, постоянного, самодисциплинированного, систематического мирского профессионального труда в качестве самого верного способа утверждения возрожденного человека и истинности его веры, которые должны были служить могущественным фактором в распространении того мироощущения, которое называется “духом капитализма”. Аскетизм утверждал ограничение досуга сферой внутренней религиозной работы по нравственному самоуглублению, ограничение потребления пределами удовлетворения разумных (минимальных, рациональных) потребностей. Аскетическая бережливость своим практическим результатом имела накопление капитала, который не расходовался на приобретение предметов роскоши, но производительно использовался в качестве инвестируемого капитала.

Великие проповедники Реформации Лютер и Кальвин учили, что человек должен подавлять свои эгоистические интересы и полагать себя инструментом для божественных целей. Спасение обретается не соблюдением формальных ритуалов церкви, а внутренней верой и личной ответственностью перед Богом. Протестантизм повелел стремиться не вообще к обогаще-

нию, а к разумному обогащению, построенному на трудолюбии и профессионализме. Само слово “профессия” (*Beruf*), впервые появившееся в лютеровском переводе библии, наполнилось новым смыслом: “Зов Бога”. Своим трудом человек заявлял не о своих успехах, а о славе Божьей. Трудиться означало теперь быть избранным. Через труд достигается спасение. Успешность в своей профессии означает получение большого дохода. Но богатство не должно быть предметом алчного стремления.

Если в «Протестантской этике» Вебер рассматривает профессию в глобально историческом плане, считая, что только с протестантизмом на европейскую почву приходит совершенно новое отношение человека к труду, повлекшее к изменению всего цивилизационного облика общества, то в двухтомном труде «Общество и экономика» [9] он подходит к проблеме скорее с технико-экономических позиций, рассматривая профессию как звено сложнейшей системы общественного разделения труда.

Составной частью социологии экономического действия М. Вебера надо считать экономическую и профессиональную стратификацию. Первая основана на распределении доходов и по существу идентична социальной стратификации, основным элементом которой являются классы. Классовая и социально-экономическая стратификация Вебера изложена в Приложении. Здесь же уместно рассмотреть профессиональную стратификацию. Она излагается в параграфе 24 главы “Социологические категории экономического действия”.

Понятие профессиональной структуры (если пользоваться устоявшимся в отечественной социологии термином), или структуры занятий (если придерживаться традиции, принятой в западноевропейских странах и США) лежит на стыке веберовской экономической социологии и социологии труда. Исходным в концепции профессиональной структуры выступает понятие профессиональной занятости. Термин “профессиональная занятость” он применяет к способу специализации, спецификации и комбинации функций, которые формируют для индивида базис, т.е. совокупность возможностей получать доход или заработную плату.

Профессиональная структура, согласно Веберу, различается в зависимости от: степени развития типичных профессий вообще; уровня профессиональной спецификации и специализации; уровня и способа профессиональной стабильности и подвижности. В состав профессий включается любое занятие, дающее заработок, а такие признаки, как постоянство занятия, необходимость обучения, уровень квалификации, характер применяемых способностей не являются для Вебера обязательными признаками профессии (скорее это атрибут лишь «стабильных» профессий).

Распределение занятий достигается у Вебера следующими способами: 1) с помощью гетерономного назначения функций внутри организации – это несвободная дифференциация занятий, – либо через автономную ориентацию на рынок труда – это свободная дифференциация занятий; 3) ориентированное на экономическое, а не внутриорганизационное использование услуг со стороны субъектов занятий, происходящее на автоили гетерокефальной основе.

Вебер оговаривает, что две переменные – структура профессиональной дифференциации и возможности получения предпринимательского дохода – тесно связаны между собой. Оба понятия выводят социологию на такие категории, как “статусная” и “классовая” стратификация. Причем статус формируется на основе профессиональных занятий. Несвободная дифференциация занятий возникает там, где в организации существует принуди-

тельное назначение функций, например в примитивно-коммунистических организациях, при королевском дворе, в феодальном поместье. В связи с этим Вебер употребляет специальный термин “литургия”, в древнегреческом полисе “литургия” означала государственную повинность, которую несли состоятельные граждане и метеки, например содержание участников гимнастических состязаний. Свободный тип распределения занятий возникает там, где существует успешная продажа (за хорошую цену своих профессиональных услуг на рынке труда [9, p. 141]).

Спецификация функций характерна для средневековых ремесленников, а специализация – для современной деловой организации. Как ни странно, отмечает Вебер, но распределение занятий в рыночной экономике в значительной мере подразумевает технически иррациональную спецификацию функций скорее, нежели рациональную специализацию. Причина – в ориентации экономики на рыночную конъюнктуру, следовательно, на интересы потребителей. Примером автокефальной профессиональной специализации служат так называемые “свободные профессии” – юристы, врачи, артисты. Напротив, фабричные рабочие и государственные служащие – это скорее гетерокефальные профессиональные позиции.

Структура профессиональных занятий какой-то одной социальной группы может достаточно широко варьироваться, в частности от того, насколько отчетливо определены и стабильны профессии, а это зависит от уровня развития стандартов потребления, техники производства, рыночной системы. В немалой степени на стабильность спроса на данную профессию влияет объем подготовки, требующийся для выполнения специализированных функций, возможности хорошо оплатить труд данной профессии.

Социолог, по мнению Вебера, должен основательно изучить типы образования и подготовки, тесно связанные с теми или иными типами *статусной стратификации*. Так, например, существует определенное множество функций, для выполнения которых требуется минимум подготовки, которые легко оплачивать сравнительно невысоким вознаграждением, и которые всегда остаются объектом постоянного и стабильного интереса для ищущих работу. Выбор профессии может основываться на традициях (семейные профессии), на целе-рациональных соображениях (например, величине заработка), а также на харизматических и аффективных критериях. Особая группа – критерии престижности профессии, когда выбирающий учитывает ее общественный статус.

Профессиональная специализация и характер занятости различны у социальных групп, владеющих собственностью и не владеющих ею. Одно дело собственник-капиталист, совмещающий предпринимательские и менеджерские функции, совсем другое – лишенный собственности рабочий. Характер занятости последнего зависит от случайных факторов – конъюнктуры на рынке труда, спроса на рабочую силу в данном регионе. Наемный рабочий никогда не может быть уверен, что завтра он найдет работу или не будет уволен с того предприятия, на котором он сейчас трудится.

В отличие от него работник в бюджетной экономике имеет как бы гарантированный заработок. Но его оплата, в этом можно быть уверенным, является компенсацией несвободного труда. Принудительное распределение функций, куда он вовлечен независимо от своей воли, нередко пожизненно закрепляет его за какой-либо одной профессией. Его заработная плата – это аванс в счет будущего продукта труда, который он изготовит

вскоре и который перейдет к хозяину, например лорду, в полную его собственность.

Хозяин субсидирует труд несвободного рабочего наравне с субсидированием вещественных средств труда, технологии и организации дела. Точно так же потребители субсидируют доход производителя в тех случаях, когда они, например, заранее покупают билеты на концерт, еще не прослушав его и не убедившись в хорошем качестве предоставляемого развлечения. Или вы заранее платите репетитору, готовящему вас к поступлению в вуз. Оплата его труда заранее авансируется вами и, каким бы ни было качество услуг, вы не вольны отказаться, ибо уже оплатили свое будущее потребление.

В настоящей рыночной экономике оплата должна происходить после приобретения товара и после того, как потребитель убедится в хорошем качестве товара. Тот же репетитор может получить деньги только с тех, кто поступил в вуз. Это справедливо, так как оплата труда происходит здесь после потребления услуг, а их высокое качество доказано успешной сдачей конкурсных экзаменов. Несомненно, перед нами случай рискованного предпринимательства, а не бюджетной экономики. И хотя Вебер не рассматривает такие случаи (с репетитором), но логика его рассуждений не противоречит сделанным нами выводам.

Тонкие механизмы присвоения и отчуждения в бюджетной экономике Вебер рассматривает на примере домашнего (семейного) хозяйства. Если рабочий отчужден от предмета труда, когда сырье ему поставляют, например, помещик, он автоматически будет отчужден и от контроля над конечным продуктом своего труда. Рабочий (крепостной или полукрепостной крестьянин) в условиях домашней промышленности, т.е. выполняющий трудовые процессы у себя на дому, сохраняет контроль чаще всего только над промежуточным продуктом – полуфабрикатом.

Он может продавать его или покупать (для выполнения последующих трудовых операций) либо у странствующего купцов, либо у таких же, как он, рабочих, так же специализирующихся на изготовлении частичного продукта. Весь производственный цикл разбит на этапы и операции, а каждая операция выполняется в отдельном крестьянском доме. Чтобы их соединить в одно целое, нужны посредники, которых лишь условно можно назвать потребителями.

Они приобретают полуфабрикат с целью его перепродажи таким же рабочим, но по более высокой цене. Каждый частичный рабочий, если речь идет о домашней промышленности, является, как правило, собственником примитивных средств производства (ручных инструментов, небольших ветряных или паровых двигателей), но не собственником ни предметов труда, ни продуктов труда, ни своей рабочей силы. Не изготовляя продукцию на рынок, он не выходит за рамки бюджетной экономики и получает не прибыль как плату за рискованное предпринимательство, а гарантированную зарплату.

Вознаграждение здесь не претерпевает колебаний, оно стабильно, но такая стабильность, во-первых, закрепляется чуть ли не на уровне прожиточного минимума, во-вторых, зависит от субъективного произвола собственника (лорда, помещика), а не от объективных факторов рыночной экономики. Противоположностью этому типу является труд свободного ремесленника или мелкого крестьянина, владеющего всеми средствами производства и работающего на рынок.

Другую разновидность профессиональной занятости составляет так называемый случайный предпринимательский труд, например мелких арендаторов, нанимающих участок только на определенный сезон, допустим,

для сбора винограда или лука. Мигрирующие рабочие являются собственниками (временными) предметов труда (сырья), а также продукта труда (урожая), который принадлежит им же.

Кроме указанных типов в структуру профессиональной специализации без постоянной занятости входят: 1) небольшие фабрики, перерабатывающие сырье (например, уголь), которое принадлежит другому собственнику (землевладельцу), либо фабрики, работающие по контракту с внешним предпринимателем, который сохраняет за собой контроль над продажами и другими коммерческими операциями; 2) особая разновидность домашней промышленности, когда небольшая группа формально свободных ремесленников, не имеющая первоначального капитала, выполняет некоторые промежуточные работы для хозяйства лорда, но подчиняется не ему, а монополизировавшей рынок группе купцов, которые и покупают их продукты [9, p. 143].

К этому же типу принадлежат различного рода спекуляции товарами, землей и т.п., спекуляции на бирже (рантье), случайные публикации непрофессиональных авторов и возникшая недавно «вспомогательная занятость». Все эти категории Вебер называет «случайные стяжательные действия». Их характерная черта, говорит он, фундаментальная нестабильность. Индивид переходит от одного вида занятия к другому, от одной «случайной» прибыльной деятельности к другой, «кочует» между нормальным узаконенным заработком и нищенством, воровством.

Существование подобных видов занятости обусловлено наличием в обществе, с одной стороны, источников благотворительности, с другой – карательных институтов. Стяжательные действия могут происходить при помощи силы либо уголовно наказуемых деяний. В этих случаях надо говорить о насилии над правами других или правовым порядком, а формой выражения такого насилия является мошенничество, обман. Подобного рода действия выходят за рамки собственно экономической деятельности [9, p. 144].

Поскольку в англоязычных странах к профессиям принято относить лишь избранный круг занятий, пользующихся высоким авторитетом в обществе, в частности, врачей, юристов, ученых, то и предмет изучения социологии профессий ограничен небольшим сегментом рынка труда. В него не попадают ни рабочие, ни крестьяне, ни служащие. В центре внимания американских и английских социологов находятся профессионалы – лица свободных профессий. Все другие категории экономически активного населения изучаются либо в рамках социальной стратификации, экономической социологии, либо социологии занятости (Sociology of Occupations). Правда, иногда тематические области объединяются, и тогда рождаются смешанные курсы под названием «Sociology of Occupations and Professions».

Парсонс. Видный теоретик американской социологии Т. Парсонс был из числа первых и уделял много внимания не только социальной структуре занятого населения в целом, но и глубокому исследованию роли профессионалов в современном обществе [10]. По мнению Т. Парсонса, профессиональная структура уходит своими корнями в античность и Средние века, поскольку речь идет о деятельности жрецов и священнослужителей, военачальников и вождей, юристов и медиков. Новый этап начался в конце XIX в., когда в число решающих критериев профессионализма выступили информация, знания и научная компетентность: сначала это произошло в юриспруденции и медицине, а затем в инженерных отраслях, прикладных и социальных науках. В трактовке Т. Парсонса, профессия в чистом виде – это

академическая карьера, связанная с научным поиском и передачей знания будущим поколениям. Вокруг нее, как своего ядра, размещаются другие профессии, посвященные приложению академических знаний к задачам поддержания общественного порядка (право), сохранения и укрепления здоровья населения (медицина), повышения эффективности государственных и частных организаций (администрация), рационального использования материальных ресурсов (технология) [11].

Интерес к социальному действию, экономической мотивации и изучению профессий в значительной мере был стимулирован знакомством с работами М. Вебера и длительной стажировкой в Германии. Т. Парсонс помимо прочего прославился также как знаток и переводчик произведений М. Вебера на английский язык [12]. Анализируя идеи Вебера, Парсонс заметил, что тот говорил почему-то лишь о трех типах власти – легальной, традиционной и харизматической, – ничего не сказав о четвертом типе – экспертной власти. Авторитет эксперта (знатока своего дела) основан не на силе принуждения, чуда или закона. Ему люди подчиняются потому, что верят, будто тот знает нечто, чего не знают они. Этот тип власти принадлежит профессионалам, репрезентативным типом которых он считал врачей – один из древнейших видов трудовой деятельности, которая обзавелась собственными профессиональными ассоциациями, журналами и учебниками, институтами и кафедрами, стандартами и программами обучения, этическим кодексом поведения. Свою экспертную власть врач использует не ради денежной наживы, как бизнесмены, и не ради достижения политических дивидендов, как политические деятели, а во благо другим людям, которых они лечат, а вместе с тем и во благо всему обществу, поскольку заботятся о здоровье всего населения.

Уже на этом примере Парсонс стремился подчеркнуть, что наиважнейшей характеристикой профессионалов, отличающей их от прочих людей, занятых своим трудом, служит исполнение общественной миссии. Юристы учат людей уважать и подчиняться законам общества, соблюдать заведенный правопорядок, врачи возвращают в строй потерявших трудоспособность граждан, способствуя тем самым экономическому процветанию общества, учителя и преподаватели воспитывают подрастающее поколение и выполняют наиважнейшую функцию социализации, ученые открывают новые законы и продвигают науку.

Т. Парсонс полагал, что в определение профессионала должны входить следующие характеристики: а) формальное образование и техническая подготовка, обязательно включающие интеллектуальный компонент, полученные в системе высшей школы (обычно университета), которая имеет законное право выдавать соответствующий сертификат, удостоверяющий полученные знания и приобретенную компетентность; б) умение демонстрировать полученные знания, навыки и умения на практике; в) созданные обществом институты, которые гарантируют, что данная компетентность и умения будут использованы социально одобряемым и социально значимым способом. Альтруистическая мотивация труда и достигательная мотивация – еще одна отличительные черты свободных профессий. Действительно, представителями рабочего класса движет желание заработать, а достижение высокого положения в своем профессиональном сообществе, признание и престиж, возможность самореализоваться присущи работникам умственного труда.

Парсонс предлагает различать профессионалов и исполнителей профессиональных ролей. Первые – круг избранных людей, элита экономически активного

населения, вторые – большинство занятого населения. Профессиональная роль, которую может вполне успешно выполнять любой здоровый взрослый человек, полагает американский социолог, не эквивалентна той роли, которая либо оценивается общественным мнением более высоко, либо требует большего числа умений и которую могут выполнять только некоторые люди. Для ее выполнения нужна определенная комбинация навыков и прирожденных способностей. Ими обладает «компетентное меньшинство», к уникальному мнению которого прислушивается большое число людей, а иногда, как в случае с выдающимися учеными, и все общество.

Профессиональная роль означает занятость в функционально-специализированном коллективе, скажем, на фирме, предприятии, в банке. Самые существенные черты современной профессиональной роли, полагал Т. Парсонс, это структурное обособление домашнего хозяйства и родственной группы от контроля над выполнением трудовых операций и передача контроля как над выполнением, так и над вознаграждением в руки функционально специализированной организации. Все мы – и профессионалы, и просто занятые – вовлечены в гигантский оборот рабочей силы, которым управляет рынок труда. Трудовой рынок представляет собой механизм, посредством которого, утверждает Парсонс, устанавливается связь между организациями, использующими труд, и лицами, ищущими работу. На рынке первичным фактором является сравнительное денежное вознаграждение. Механизм рынка распределяет его по каким-то своим законам, не обращаясь к помощи централизованных административных решений.

Хотя рынок труда – это набор профессиональных ролей, представители которых конкурируют между собой за дефицитные блага, представители свободных профессий находятся вне сферы действия его законов. Они выделены в особый сегмент, поскольку ограждены целым рядом неконкурентных институтов и практик, в частности, институтом академических свобод, системой привилегированной коммуникации, практикой публичного признания заслуг и продуктов труда (публикации, выступления в прессе). Отклонения от стандартных рыночных законов происходят потому, что профессионалы – обладатели редких талантов и уникальных знаний. Это штучный, а не оптовый товар. Возможно, поэтому Парсонс предлагает рассматривать независимые профессиональные роли, например, роли частнопрактикующего специалиста или свободного ремесленника, как предельные случаи, в которых коллектив состоит из одного человека. Профессионал всегда имеет дело и обслуживает ограниченный круг клиентов. Такова, в частности, адвокатская практика. Исполнители профессиональных ролей, скажем, обычные рабочие, имеют дело с неограниченным или диффузным кругом потребителей своей продукции. Их услуги не являются адресными, они не знают, кому конкретно направлены их товары. Их потребляет абстрактный рынок товаров. В соответствии с этим профессионал всегда может выбирать, кому он будет предоставлять свои услуги, а кому нет. Рядовой исполнитель профессиональной роли лишен подобной возможности. Измерителями успеха профессионала выступают не только высокие гонорары, но также репутация и уважения, которые в данном случае авторизованы: известный адвокат Н как бы ставит на своей продукции, даже если это услуга, а не осязаемый товар, личное клеймо качества. Продукция рабочего на огромном предприятии не авторизована, она растворена в успехе коллектива и предприятия: потребители нахваливают товары фирмы «Сони», не идентифицируя ее с конкретным исполнителем профессиональной роли в цехе № 4.

В статье «Новый аналитический подход к теории социальной стратификации» [13] Парсонс пишет, что система общественных ценностей наиболее адекватно воплощена в том сегменте профессиональных ролей, который называют собственно «профессиями» (область «свободных профессий»). Они преобладают не в адаптивной подсистеме, а в культурной, или аскриптивно-квалитативной подсистеме, как, например, роли учителя, ученого или министра по религиозным делам, или же в подсистеме, интегрирующей цели системы, как, например, роль правительственного чиновника. В культурной подсистеме ярким примером служит класс профессиональных ролей, связанный с «частной практикой», например независимые художники, которые не включены ни в какую организацию. Напротив, та профессиональная роль, которую средний взрослый мужчина выполняет «постоянно» («в течение полного рабочего дня»), в подавляющем большинстве случаев является частью организации, строго отграниченной своими физическими условиями, объектами владения и «управлением» от семьи и системы родства.

Если на производстве или предприятии ко всем исполнителям профессиональных ролей можно применить единые нормы и стандарты, скажем производительности труда или техники безопасности, то по отношению к профессионалам приложение стандартных оценок крайне затруднено, поскольку речь идет о качественно несравнимых видах деятельности. Нередко именно отклонение от заданного стандарта, например, неординарное инженерное решение, гениальное научное открытие или оригинальное художественное полотно, идущее вразрез с существующими канонами и традициями искусства, лучше всего оценивает качество полученной продукции. Таким образом, то, что для исполнителей профессиональных ролей выступает нормой (ожидаемое поведение), то для профессионалов должно быть отклонением (неожиданное поведение), которое на самом деле выступает для них единственно верным эталоном оценки.

Парсонс различал четыре критерия профессионального успеха: 1) экономический критерий – эффективность, производительность; 2) политический критерий – принятие властных решений, координация; 3) семейный критерий – солидарность; 4) научный или идеологический (включая и религиозный) критерий – открытие новых фактов, счастье, здоровье, спокойствие духа, образование. Парсонс утверждал, что экономическому (адаптивному) критерию первое место отдают в США, а политическому (достижение целей) – в СССР.

Белл. В начале 1970-х годов получила широкое распространение теория постиндустриального общества, созданная Д. Беллом, а вместе с ней в научный обиход вошли новые представления о профессиональной структуре. Вместо привычного слова «профессия» социологи стали употреблять малопонятный термин «ситуус» (Situs), обозначающий место, позицию, положение¹. В теории постиндустриального общества – это элемент социальной структуры, обозначающий объединение людей по их профессиональной деятельности и общности интересов независимо от их сословной принадлежности (статусов). Возникла концепция профессий как ситуусов. Ситуусы обозначали позиции, которые можно расположить на одном уровне с другими позициями. Так, в работе Р. Морриса и Р. Мерфи [14] выделяется 10 категорий ситуусов: юридическая власть, финансы и кредит,

¹ В экономике ситуус применяется для оценки местоположения недвижимости с экономической точки зрения, включая оценку влияния соседних объектов, экологических факторов, параметров доступа к транспортной инфраструктуре, удаленности конкурентов и потенциальных клиентов.

производство, транспорт, добыча ископаемых, строительство и ремонт, коммерция, эстетика и развлечения, образования и исследования, здравоохранение и социальная защита. Д. Белл в своей книге «Грядущее постиндустриальное общество» (1973) выделил два ряда ситуаций: 1) *институциональные* (государственные бюрократические структуры, экономические предприятия, армия, научно-образовательные комплексы и социальные комплексы); 2) *функциональные* (административные, технические, научные и культурные). Если институциональные ситуации задают иерархию профессиональных занятий и видов профессиональных элит (высшие категории государственных служащих, бизнес-элиты, научная и образовательная элита, видные общественные и политические деятели), например, с точки зрения пригодности государственной службе, то функциональные ситуации определяют уровень и тип профессионализма претендента.

Ситус не определяет конкретные профессии, а скорее разбивает сферы деятельности по различным направлениям в зависимости от содержания занятий. Если в индустриальном обществе, согласно Д. Беллу, доминирующим элементом социальной структуры выступали классы (горизонтальная стратификация), то в постиндустриальном обществе эту функцию выполняют ситуации (вертикальная стратификация). Белл определяет индустриальное общество, как «экономику товаров», противопоставляя его постиндустриальному как «экономике информации». Для него информация – это особый продукт, его особенность заключается в том, что, даже будучи проданным, оно остается также у своего производителя. Знание представляет собой коллективное благо, а потому «индустриальное общество характеризуется не трудовой теорией стоимости, а теорией стоимости, основанной на знании».

Сегодня в круг решаемых мировой социологией профессий вопросов входят следующие:

Распределение занятого населения между различными профессиями, численность каждой профессиональной категории и динамика этой численности

Место каждой профессии в социальной структуре общества, рейтинг профессий, факторы, влияющие на повышение или понижение этого рейтинга

Различия в политических предпочтениях, жизненных ожиданиях, интересах, уровне интеллекта, психическом состоянии, литературных вкусах, размере семьи, стандартах поведения внутри профессиональных групп

Наследование профессии от отца к сыну, профессиональные династии, профессиональные семейные монополии, преемственность профессиональной культуры, передача навыков, традиций и мастерства, профессиональная социализация

Служебная и профессиональная карьера, факторы, способствующие и препятствующие карьере, планирование карьеры, формы и типы карьеры

Профессиональные корпорации (духовенство, купеческие гильдии, ремесленные цехи, профсоюзы, профессионально специализированные города)

Профессиональные практики, ритуалы¹ и церемонии посвящения в профессию, профессиональные тай-

¹ Ритуалы посвящения включают церемонию переезда, исполнения и оценки шедевров, дачу клятв и обетов, награждение, помазание, инаугурацию. Ритуалы исполнения включают пиры, жертвоприношения, предсказания, процессии, благодарения и разнообразные ритуалы, которые сопровождают строительство каное или ремонт храма в дописьменных обществах, и которые убеждают в успехе хирургической операции или футбольного матча. Ритуалы собрания есть публичные выражения солидарности путём церемонных или частично церемон-

ны и секреты, нормы профессиональной деятельности, сакрализация занятий

Смена профессиональных ролей на протяжении жизненного цикла человека, смена занятий, специальности и места работы, совмещение профессий, членство и участие в различных профессиональных ассоциациях

Литература

1. Спенсер Г. Основания социологии. Т. 1–2. Соч. Т. IV. Киев – Спб. Харьков, б.г.
2. Dingwall R., King M.D. Herbert Spencer and the professions: occupational ecology reconsidered // *Sociological Theory* (1995) 13:1:14–24.
3. Спенсер Г. Синтетическая философия. Киев, 1997, с. 374–375.
4. Александрова Т.Л. Альтернативы экономического поведения: Человек в переходной экономике. – Екатеринбург, 2000.
5. Александрова Т.Л. Методологические проблемы социологии профессий // *Социол. исслед.*, 2000. № 8. с. 12.
6. Зimmel Г. Философия труда // *Избранное*: В 2 т. Т. 2. М., 1996.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
8. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. с. 184–206, 250–256.
9. Weber M. *Economy and Society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University California Press, 1978. Vol. 1.
10. Parsons T. Professions // Sills D.L., editor. *International encyclopedia of the social sciences*. Vol. 12. New York: Macmillan, 1975. pp. 536–547; Parsons T. A sociologist looks at the legal profession // Parsons T. *Essays in sociological theory*. New York: Free Press, 1954. pp. 370–385; Parsons T. The professions and social structure // Parsons T. *Essays in sociological theory*. New York: Free Press, 1954. pp. 34–49.
11. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. С. 131.
12. Weber M. The theory of social and economic organization / Parsons T., editor. New York: Free Press; 1947.
13. A Revised analytical approach to the theory of social stratification // *Parsons T. Essays in Sociological Theory*. Glencoe, The Free Press, 2 ed., 1964, p. 386–438.
14. Morris R.T., Murphy R.J. The Situs of Dimension in Occupation Structure // *American Sociological Review*, 24 (April, 1959). P. 231–239.

FOREIGN AND DOMESTIC SOCIOLOGY OF PROFESSIONS: BASIC APPROACHES

Kravchenko A.I.

The article analyzes the main approaches in the sociology of professions abroad. The sources of the sociology of professions were G. Spencer, K. Marx, E. Durkheim, M. Weber, V. Zombart, P. Sorokin. G. Simmel, T. Parsons, P. Bourdieu, and others showed interest in it. A sociological understanding of the concept of profession began with the works of G. Spencer, K. Marx, E. Durkheim, M. Weber, V. Sombart, G. Simmel, and others. Since all of them, although to varying degrees, touched upon the issues of the social division of labor and specialization, their impact on the progress of human society and the impact on social structure, they were unable to pass on the profession. The industry received its further development in the works of modern sociologists such as B. Barber, P. Bourdieu,

ных собраний. Некоторые профессии, прежде всего связанные с богослужением, военным делом и лечением, в наибольшей степени связаны с ритуальной практикой.

C. Davis, I. Illich, V. Lempert, W. Moore, J. Priestley, A. Sarapat, K. Svalastoga, J. Thompson, M. Tumen, et al.

In the West, the sociology of professions is one of the many and thriving areas in which many thousands of monographs, articles, and study guides have been written. The following theoretical orientations are distinguished in it: 1) the functionalist approach (E. Durkheim – T. Parsons), 2) the interactionist approach (E. Hughes), 3) the paradigm of the profession as an imperious resource (E. Freidison, M. Larson, T. Johnson), 4) the concept of the division of labor (A. Abbot), 5) sociocultural theory (M. Weber – P. Bourdieu).

Keywords: profession, labor, work, vocation, sociology.

References

1. Spencer G. Foundations of Sociology. Vol. 1–2. Works T.IV. Kyiv – St. Petersburg. Kharkov, no.d.
2. Dingwall R., King M.D. Herbert Spencer and the professions: occupational ecology reconsidered // Sociological Theory (1995) 13:1:14–24.
3. Spencer G. Synthetic Philosophy. Kiev, 1997, pp. 374–375.
4. Aleksandrova T.L. Alternatives of Economic Behavior: Man in a Transitional Economy. – Yekaterinburg, 2000.
5. Aleksandrova T.L. Methodological Problems of the Sociology of Professions // Sociological Research, 2000. No. 8. p. 12.
6. Simmel G. Philosophy of Labor // Selected: In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1996.
7. Durkheim E. On the Division of Social Labor. The Method of Sociology. Moscow, 1991.
8. Weber M. Selected Works. Moscow, 1990. pp. 184–206, 250–256.
9. Weber M. Economy and Society: An outline of interpretive sociology. Berkeley: University of California Press, 1978. Vol. 1.
10. Parsons T. Professions // Sills D.L., editor. International encyclopedia of the social sciences. Vol. 12. New York: Macmillan, 1975. pp. 536–547; Parsons T. A sociologist looks at the legal profession // Parsons T. Essays in sociological theory. New York: Free Press, 1954. pp. 370–385; Parsons T. The professions and social structure // Parsons T. Essays in sociological theory. New York: Free Press, 1954. pp. 34–49.
11. Parsons T. System of modern societies. M., 1997. P. 131.
12. Weber M. The theory of social and economic organization / Parsons T., editor. New York: Free Press; 1947.
13. A Revised analytical approach to the theory of social stratification // Parsons T. Essays in Sociological Theory. Glencoe, The Free Press, 2 ed., 1964, p. 386–438.
14. Morris R.T., Murphy R.J. The Situs of Dimension in Occupation Structure // American Sociological Review, 24 (April, 1959). P. 231–239.

Обзор лингвистического профиля высших учебных заведений в Республике Ирландия: проблемы и вызовы

Соколова Алла Германовна,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: as.falconi@yandex.ru

Германович Татьяна Вадимовна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: tangerm068@rambler.ru

Статья посвящена исследованию лингвистического профиля высших учебных заведений Республики Ирландия и спектра предлагаемых образовательных программ с изучением одного или двух иностранных языков. Изучение опыта внедрения новой государственной стратегии, запущенной в 2018 году, позволит российским педагогам использовать успешные инициативы для повышения мотивации обучающихся к изучению иностранных языков, а также избежать ошибок, препятствующих повышению языковой компетенции студентов высших учебных заведений.

Ключевые слова: иностранные языки, высшие учебные заведения, языковая диверсификация, мотивация студентов, языковая политика.

Введение

Мотивация – один из наиболее значимых факторов, определяющих успех обучающихся в изучении иностранных языков. В то время как индивидуальная и государственная заинтересованность в изучении иностранных языков растёт в большинстве стран Европы и по всему миру, в Республике Ирландия этот процесс сильно заторможен. Дискуссии по поводу снижения числа изучаемых языков в ирландских школах и о мотивации учеников к изучению иностранных языков затрагивают все более широкие темы в последние годы.

Так, самый беглый обзор лингвистического профиля учебных заведений Республики Ирландия показывает, что разработка новой стратегии обучения иностранным языкам на государственном уровне в последние годы была крайне необходима. С одной стороны, общеизвестно, что в Ирландии существует богатая традиция двуязычия, когда в системе среднего и высшего образования преподаются как ирландский, так и английский языки. Как член Европейского Союза с 1973 года, Ирландия соблюдает принцип многоязычия и языкового равенства, закрепленный в Римском договоре 1957 года. Ирландская конституция гласит, что ирландский язык является первым официальным государственным языком, а статус английского языка определяется как «принятого в качестве другого официального языка». Тем не менее, получение ирландского гражданства по натурализации не предусматривает сдачу экзамена на знание ни английского, ни ирландского языков. Несмотря на то, что ирландский язык является обязательным к изучению предметом в средней школе, в том числе и для школьников, не родившихся в Ирландии, только 40% ирландцев согласно данным последней переписи населения 2022 года утверждают, что могут говорить на этом языке. При этом, менее 2% населения используют ирландский язык для повседневного общения.

В средних школах Ирландии иностранные языки изучаются достаточно активно, но их выбор ограничен небольшим кругом языков, в частности, около половины обучающихся средней школы приходится на французский язык. Другие изучаемые языки включают немецкий, итальянский и испанский в младших классах, а в старших встречаются арабский, японский и русский. Следует отметить, что преподавание иностранных языков в школах в основном ведется носителями языка.

При этом стоит учитывать, что для получения аттестата об окончании школы (Leaving Certificate) иностранный язык как предмет в Ирландии не является обязательным. В связи с этим около 30% выпускников школ заканчивают обучение без иностранного языка в выпускном аттестате, а около 10% проходят только начальную ступень обучения, не получая какой-либо квалификации по иностранному языку согласно данных Департамента образования и навыков на 2017 год (Department of Education and Skills).

Выпускной экзамен на знание иностранного языка в Ирландии включает в себя устную и письменную части. Так, в 2024 году школьникам для сдачи выпускного экзамена была предоставлена возможность выбрать один

из следующих языков – ирландский, французский, немецкий, итальянский, испанский, японский, русский, китайский язык (мандаринский), польский, литовский или португальский. Данный выбор предоставляет широкие возможности для школьников, у которых родной язык не является английским. Иммиграционный опыт Ирландии отличается изменчивым характером как с точки зрения масштабов и скорости прибывающей миграции, так и с точки зрения перехода от возвратной миграции к миграции в Ирландию представителей других национальностей [1]. По данным последней переписи населения в 2022 году около 20% жителей государства (1 017 437 человек) были рождены за пределами Ирландии, и только 77% идентифицировали себя как представители европеоидной расы. Также около 3% населения имеют двойное гражданство (170 597 человек), в то время как граждане других государств, проживающие в Ирландии, в 2022 году составляли 12% от всего населения. В июне 2025 года Государственная экзаменационная комиссия планирует ввести также украинский язык в качестве экзаменационного предмета для учеников, переходящих в старшие классы с сентября, поскольку на данный момент в ирландских школах обучается около 15 000 украинских учеников.

В связи с этим возможность выбрать родной язык для сдачи выпускного экзамена мотивирует школьников из семей иммигрантов и этнически смешанных семей продолжать изучение и совершенствоваться в родном языке, не забывая его. Следует отметить, что большая часть вышеупомянутых языков не изучается в рамках обязательной школьной программы, поэтому необходимость подготовки к выпускному экзамену вынуждает обучающихся записываться на всевозможные языковые курсы или заниматься с профессиональными репетиторами.

Получение высшего образования в Ирландии всегда было желаемой и амбициозной целью выпускников школ, поскольку признанная квалификация открывает широкие возможности трудоустройства по всему Европейскому Союзу. По данным последнего Тематического отчета образовательных достижений 2022 года Центрального управления статистики (CSO Educational Attainment Thematic Report 2022) [2] в Республике Ирландия зафиксирован один из самых высоких показателей в Европейском Союзе (из 27 стран-членов) по наличию высшего образования у населения – 62% взрослых в возрасте от 25 до 34 лет в 2021 году по сравнению со средним показателем в ЕС на уровне 41%. В 2022 году Ирландия (62%) занимала третье место в Европейском Союзе после Кипра и Люксембурга (63%) по данному показателю для взрослого населения в возрасте от 30 до 34 лет, при этом число дипломированных специалистов с высшим образованием очень незначительно варьируется между полами – 64% женщин по 60% мужчин. В период между 2012/2013 и 2022/2023 учебными годами число студентов высших учебных заведений увеличилось на 25,2% (с 205 030 до 256 785 человек). Пик обучающихся в высших учебных заведениях пришёлся на 2021/2022 учебный год (261 010 студентов), что в целом свидетельствует о высоком интересе к получению высшего образования среди выпускников школ. Также в 2022 году число выпускников школ, не обучающихся в вузе и не трудоустроенных (так называемый NEET rate), составляло всего 9,3%.

Целью данного исследования является проведение анализа современного лингвистического профиля высших учебных заведений в Республике Ирландия, изучение спектра предлагаемых образовательных программ, реализуемых ирландскими вузами и включающих изучение иностранных языков, а также выявление факторов,

повышающих мотивацию обучающихся к выбору языковой специализации.

Результаты и обсуждение

Недостатки ирландской системы образования в отношении иностранных языков проявляются особенно очевидно именно в секторе высшего образования. Только 4% студентов ирландских университетов (по данным Languages Connect [3]) изучают иностранный язык на третьем уровне обучения, то есть на уровне высшего образования, либо в качестве части языковой специализации, либо в сочетании в другой дисциплиной, а также в качестве аккредитованного элемента учебного плана. В этом проявляется основное отличие от российской системы высшего образования, в которой изучение как минимум одного иностранного языка является обязательным на программах бакалавриата, специалитета, магистратуры, вне зависимости от выбранного направления подготовки, что остро ставит проблему мотивации обучающихся к изучению иностранных языков в меняющихся геополитических условиях.

С момента запуска проекта в сентябре 2018 года новая государственная языковая политика Language Connect [3] повышает осведомленность о многочисленных преимуществах владения иностранными языками и помогает выбрать высшее учебное заведение для получения полноценной степени по прикладным языкам или для изучения языка в качестве второстепенного или факультативного предмета в рамках курсов по бизнесу, праву, инженерному делу и т.д. Также Language Connect финансирует различные проекты в вузах для продвижения языков при получении высшего образования. Реализация государственной языковой политики в Ирландии рассчитана до 2026 года и включает в себя следующие инициативы:

- повышение языковой квалификации учителей и преподавателей иностранных языков;
- увеличение контингента ассистентов по иностранным языкам в школах;
- развитие академической мобильности для студентов и преподавателей, в том числе посредством программы Erasmus+;
- переработка краткосрочных курсов иностранного языка в младших классах школы и диверсификация предлагаемых к изучению иностранных языков;
- оказание дополнительной поддержки преподавателям иностранных языков, получившим квалификацию за пределами Республики Ирландия;
- укрепление сотрудничества с посольствами иностранных государств и предпринимательским сектором в области изучения языков;
- дальнейшее повышение осведомленности и информирование о преимуществах изучения иностранных языков.

Департамент педагогического образования (The Teacher Education Section) Министерства образования Ирландии утвердил схему дополнительного финансирования для поддержки работы групп и ассоциаций учителей и преподавателей, которые обеспечивают педагогам непрерывное профессиональное развитие и профессиональную взаимопомощь. Подобные ассоциации объединяют педагогов французского, испанского, немецкого, итальянского, японского и русского языков.

Диверсификация предложений по изучению иностранного языка в секторе высшего образования сопряжена со многими сложностями, но, несомненно, может принести много пользы. Расширение спектра предлагаемых иностранных языков, включая те, которые уже распространены среди «новых ирландцев», позволит

студентам развивать языковые навыки и получить в последствии более широкие карьерные перспективы, например, в профессии преподавателя, в экономической или социальной сфере, что только укрепит языковое разнообразие Ирландии и повысит личную самореализацию и качество жизни граждан.

Так, например, владение ирландским языком часто является обязательным требованием для занятия определенных должностей в ирландском правительстве и на государственной службе. Ирландский язык имеет особый статус в Ирландии как первый официальный язык наряду с английским. Для некоторых должностей, особенно тех, которые предполагают непосредственное взаимодействие с общественностью или где знание ирландского языка считается необходимым, владение ирландским языком может быть обязательным требованием при приеме на работу. Это может включать должности в таких секторах, как образование, государственная служба и культурные учреждения. В случае дипломатической службы знание ирландского языка может не быть строгим требованием для всех должностей, но может быть полезным в зависимости от конкретной роли и характера работы. Следует также отметить, что для граждан других государств, проживающих в Ирландии, изучение ирландского языка в школе не является обязательным, но отказ от изучения данного предмета требует получения официального письменного освобождения от Департамента образования.

Расширение спектра изучаемых иностранных языков влечет за собой проблему нехватки квалифицированных учителей и преподавателей. Высшие учебные заведения Ирландии совместно с Советом по преподаванию (The Teaching Council of Ireland) занимаются разработкой новых квалификаций в области преподавания после окончания университета. Цель данного проекта – позволить специалистам, владеющим языком на уровне носителя, преподавать его в средних школах без получения дополнительной степени бакалавра. Такие курсы могли бы повторять существующие профессиональные магистерские программы в области образования, уже предлагаемые ирландскими вузами, и включать модули по педагогике изучаемого языка.

Государственное агентство Enterprise Ireland, отвечающее за рост и развитие ирландских предприятий на мировых рынках, составило перечень из восьми языков, которые будут являться ключевыми с точки зрения будущей потребности Ирландии в квалифицированных кадрах: арабский, французский, немецкий, японский, португальский, русский, китайский (мандаринский) и испанский. В этой связи остро стоит вопрос о развитии как повышения квалификации преподавателей, так и разработке программ для получения специальных академических степеней по данным языкам, в том числе сочетающих языки с другими дисциплинами, например, с бизнесом и правом.

Кроме того, международная торговля Ирландии уже сталкивается с серьезными проблемами после выхода Великобритании из Европейского Союза, так как 20% услуг на рынке Ирландии зависят от британского рынка [4]. В этой связи возникает необходимость освоения новых потенциальных рынков сбыта, и в секторе высшего образования для удовлетворения возникающих потребностей была разработана Стратегия управления языком (Language Management Strategy) по подготовки специалистов по бизнесу и языкам в бакалавриате и аспирантуре, а также на курсах подготовки руководителей. Комплекс мер, реализуемых в рамках данной стратегии, включает в себя использование местных агентов, лингвистический аудит имеющегося персонала, использо-

вание профессиональных переводчиков, языковые тренинги и культурные брифинги, а также политику отбора и найма сотрудников, учитывающую текущие и будущие языковые потребности организации, включая найм носителей языка.

Языковые программы, предлагаемые ведущими ирландскими университетами

Знание иностранного языка – один из самых дефицитных навыков на ирландском рынке труда, поэтому в современном многокультурном мире выпускники языковых факультетов очень востребованы в самых разных отраслях. Так, расположенные в Дублине штаб-квартиры крупнейших международных корпораций Google, Facebook, LinkedIn, eBay стремятся заполнить квалифицированных специалистов с продвинутыми языковыми и межкультурными навыками. Перспектива трудоустройства в таких компаниях является отличной мотивацией для обучающихся. Выпускники языковых программ в Ирландии востребованы в самых разных областях, таких как журналистика, СМИ, издательское дело и менеджмент в сфере искусства, дипломатия, туризм, перевод и переводоведение, маркетинг и финансы, преподавание иностранных языков в школах и университетах или государственная служба. Многие выпускники принимают решение продолжить обучение в магистратуре и аспирантуре в таких сферах, как бизнес или юриспруденция, для которых диплом по иностранному языку является отличной базой.

В настоящее время ирландские высшие учебные заведения реализуют 43 образовательные программы подготовки бакалавров, в той или иной степени связанные с изучением иностранных языков. Так, например, ведущий университет Ирландии Trinity College Dublin предлагает языковые программы Школы языков, литератур и культурных исследований, которая, согласно международным рейтингам, регулярно входит в 100 лучших языковых школ мира. Четырехгодичная программа бакалавриата «Современные языки» («Modern Languages») подразумевает интенсивное знакомство с языками и культурами, предоставляя выбор из французского, немецкого, ирландского, итальянского, русского и испанского языков. При этом, за исключением французского и ирландского, языки можно изучать как с начального, так и продвинутого уровня. Другая языковая программа «Современный язык плюс дополнительная дисциплина» («Modern Language plus another subject at Trinity») позволяет обучающимся изучать один иностранный язык вместе с широким спектром других дисциплин в области гуманитарных наук.

Дополнительной мотивацией для обучающихся к изучению иностранных языков является год или семестр обучения за границей, подразумевающий полное погружение в изучаемый язык и культуру, что позволяет добиться свободного владения языком и более глубокого межкультурного понимания. Стоимость года обучения в данном университете составляет порядка 20–22 тысяч евро, процент зачисления абитуриентов (acceptance rate), который определяет конкурс поступающих – 34%. Следует отметить, что стоимость обучения для студентов, являющихся гражданами Европейского Союза, во всех указанных университетах, в 3–4 раза ниже, чем для неграждан.

University College Cork предлагает специализированную языковую программу бакалавриата «Языки мира» («World Languages»), включающую год обучения за рубежом в вузе-партнере и стажировку, а также компьютерное обучение языку в дополнение к традиционному преподаванию. Программа нацелена на подготовку выпускников с востребованными языковыми навыками

и на понимание системы и культуры изучаемого языка. Несмотря на то, что основное внимание в учебном плане уделяется живым европейским и мировым языкам, Латынь также является обязательной академической дисциплиной. Большинство языков (за исключением французского и ирландского) можно изучать без предварительной подготовки, но все студенты должны продемонстрировать знание языка, отличного от английского. Год обучения в данном университете составляет 18–20 тысяч евро, процент зачисления абитуриентов – 41%.

Аналогичную программу обучения «Современные языки» («Modern Languages») предполагает University College Dublin (UCD). Четырехгодичная программа подготовки бакалавров (BA International) включает приобретение передовых языковых навыков в сочетании с изучением литературы, истории и культуры страны изучаемого языка, а также развитие критического мышления и межкультурной осведомленности. Итальянский, португальский, испанский и немецкий языки можно изучать с начального уровня, но второй иностранный язык обязательно должен быть на более продвинутом уровне (сертификат после окончания школы или эквивалент ему). Большая часть обучения проходит в небольших группах, где студенты имеют возможность развивать своим коммуникативные навыки. Стоимость года обучения в данном университете составляет 27–29 тысяч евро, процент зачисления абитуриентов – 20%.

Высшие учебные заведения Ирландии, не являющиеся гуманитарными, также предлагают программы высшего образования с углубленной языковой подготовкой. Например, Technological University Dublin реализует программу подготовки бакалавров «Международный бизнес и языки» («International Business & Languages»), которая включает приобретение опыта ведения бизнеса, изучение спектра бизнес-моделей, необходимых для глубокого понимания международного бизнеса, а также овладение профессиональными компетенциями в одном или нескольких языках. Третий год обучения у студентов проходит за рубежом в стране основного изучаемого языка. Программа реализуется совместно Языковой школой университета и Школой маркетинга. Предлагаемые к изучению иностранные языки включают китайский, французский, немецкий, ирландский, итальянский и испанский. Стоимость обучения для студентов, не являющихся гражданами Европейского Союза, составляет около 12 500 евро в год.

Вторая программа, реализуемая в данном университете с изучением иностранных языков, – это подготовка бакалавров права («Law with a Language»), сочетающая в себе получение ирландской юридической степени с изучением юридической системы, языка и культуры одной из трех европейских стран – Германии, Франции или Испании. Несмотря на то, что основное внимание в учебном плане отводится изучению правовой системы Республики Ирландия, обучающиеся получают основы права и правовой системы одной из европейских стран, чему также способствует обязательно обучение за границей на третьем курсе в рамках программы Erasmus+ в вузе-партнере. По окончании обучения студенты должны достигнуть уровня C1 по выбранному им языку в соответствии с Общоевропейскими компетенциями владения иностранным языком. Стоимость годового обучения такая же, как и у предыдущей программы.

Заключение

Проведенный обзор лингвистического профиля высших учебных заведений Республики Ирландия позволяет сделать вывод, что в Ирландии, как и во всех странах, где английский язык является официальным государственным

языком, присутствует доминирование английского языка и связанное с этим недостаточное осознание культурной, социальной и экономической ценности изучения иностранных языков. Разработка и реализация на практике государственной стратегии Languages Connect (2018–2026 годы) является, безусловно, большим положительным сдвигом в проблеме изучения иностранных языков и требует правительственного надзора, поскольку простое стремление попытаться убедить и замотивировать широкую общественность и заинтересованные стороны с помощью онлайн-кампаний и заученных аргументов не принесёт желаемых результатов. Будущее изучения иностранных языков в Ирландии будет зависеть от сокращения расхождений между политическими заявлениями, с одной стороны, и финансовой и практической поддержкой учебных заведений в их реализации, с другой стороны. Изученный зарубежный опыт языковой подготовки в сфере высшего профессионального образования может быть полезен преподавателям, методистам и другим вузовским специалистам, вовлечённым в преподавание иностранных языков и межкультурной коммуникации в российских вузах.

Литература

1. Д. Бьорн, Ф. МакГиннити, И. Смит, М. Дэрмоди. Иммиграция и состав школ в Ирландии. Ирландские просветительские учения. Том 29, выпуск 3, 2010, сс. 271–288.
2. <https://languagesconnect.ie/> (Дата обращения 28.07.2024)
3. <https://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-eda/educationalattainmentthematicreport2022/> (Дата обращения 28.07.2024)
4. С. Линч (2016, 18 октября). За пределами Брексита: неопределенное будущее Ирландии по многим фронтам. Айриш Таймс. По данным: <http://www.irishtimes.com/news/ireland/irish-news/beyond-brexit-future-looks-uncertain-for-ireland-on-many-fronts-1.2834288>

OVERVIEW OF THE LINGUISTIC PROFILE OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE REPUBLIC OF IRELAND: ISSUES AND CHALLENGES

Sokolova A.G., Germanovich T.V.

National Research Moscow State University of Civil Engineering

The present article explores the linguistic profile of higher educational institutions in the Republic of Ireland as well as the range of educational programmes offering the study of one or two foreign languages. Studying the experience of implementing the new governmental strategy, launched in 2018, will enable Russian educators to apply successful initiatives in order to enhance students' motivation to study one or two foreign languages. Also, this will help to avoid mistakes that hinder improvement of language competence of students of higher education institutions.

Keywords: foreign languages, higher educational institutions, language diversification, motivation of students, language policy.

References

1. D. Byrne, F. McGinnity, E. Smyth, M. Darmody. Immigration and school composition in Ireland. Irish Educational Studies. Vol. 29, No. 3, 2010, pp. 271–288.
2. <https://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-eda/educationalattainmentthematicreport2022/>
3. <https://languagesconnect.ie/> (Access date 28.07.2024)
4. S. Lynch. (2016, October 18). Beyond Brexit: Future looks uncertain for Ireland on many fronts. Irish Times. Retrieved from: <http://www.irishtimes.com/news/ireland/irish-news/beyond-brexit-future-looks-uncertain-for-ireland-on-many-fronts-1.2834288>

Трансформация института семьи в России и на постсоветском пространстве: основные тенденции и коллизии

Алиев Джомарт Фазылович,

к.э.н., первый проректор Российского государственного
социального университета
E-mail: AlievDF@rgsu.net

В статье проанализированы основные тенденции эволюции института семьи на постсоветском пространстве на основе таких параметров, как рождаемость, брачность, установки на создание семьи и рождение детей. На основе данных официальной статистики и аналитических материалов, а также опросов общественного мнения были выявлены как различия брачно-семейных и репродуктивных практик, так и общие тенденции, характерные для постсоветских обществ. В российском, белорусском и отчасти армянском обществах наблюдается либерализация семейно-брачных отношений, доминирование ориентации на малодетную семью, увеличение брачного возраста, увеличение количества незарегистрированных браков. В обществах восточного социокультурного ареала (Казахстан, Узбекистан) в подавляющем большинстве семей сохраняются традиционные представления о гендерных ролях и соответствующие практики, высокий уровень рождаемости, а также влияние религиозного фактора на семейные отношения. Вместе с тем в Казахстане заметны тенденции модернизации и либерализации в сфере семейно-брачных отношений. Во всех обществах сохраняется признание семьи в числе ведущих личных ценностей и жизненных целей, что практически не зависит от социально-демографических характеристик опрошенных, экономической ситуации, политического курса и религиозного фактора.

Ключевые слова: институт семьи, рождаемость, брачность, репродуктивные установки, репродуктивное поведение, семейные роли, социально-психологический климат в семье, демографическая политика.

В XXI столетии институт семьи продолжает оставаться одним из ключевых институтов современного общества, обеспечивая его воспроизводство и стабильное развитие. Вместе с тем, экономические, политические и социокультурные трансформации оказывают существенное влияние на его эволюцию, обуславливая существенную дифференциацию и неравномерность его развития в том числе в обществах, территориально близких и имеющих общий исторический путь. Это актуализирует внимание к процессу трансформации института семьи на постсоветском пространстве. Налицо разнообразие семейных практик и институций, которое определяется комплексом факторов, включающих экономические, социокультурные, этноконфессиональные, демографические, административно-правовые и др.

Постсоветские общества являются весьма неоднородными по ключевым показателям социального экономического развития, а также в культурном и религиозном плане. Россия также является неоднородным в территориальном отношении обществом ввиду полиэтничного и поликонфессионального характера, которое характеризуется довольно заметной межрегиональной социально-экономической дифференциацией. Соответственно страны постсоветского пространства в сравнении с Россией имеют как общие тенденции демографического развития и функционирования института семьи, так и существенные отличия. В рамках данной статьи обратим внимание на такие параметры, как рождаемость, брачность и установки на создание семьи и рождение детей в таких странах, как Беларусь, Армения, Казахстан, Узбекистан. Эмпирической базой исследования являются данные официальной статистики и аналитические материалы, а также результаты опросов, полученные национальными центрами по изучению общественного мнения.

Динамика рождаемости в 2000–2023 гг. (рис. 1) показывает, что наиболее близким к российскому обществу является белорусское: минимальное количество рождений (среди рассматриваемых стран), небольшой рост до 2010 г., далее снижение, при этом отсутствуют данные за 2023 год, но имеющиеся тенденции позволяют предположить наиболее низкое число рождений в рамках рассматриваемого периода. На протяжении многих лет в белорусском обществе доминирует модель простой семьи с усиливающейся ориентацией на малодетность (один или два ребенка).

Своеобразным промежуточным вариантом по показателю рождаемости является армянское общество. Несмотря на ряд негативных факторов последних десятилетий (катастрофическое землетрясение 1988 года, войны с Азербайджаном, масштабный экономический кризис) динамика рождаемости в армянском обществе более плавная и в последние 5–7 лет держится на уровне 12,2–12,3 рождений на 1000 человек. Это заметно выше, чем в России и Беларуси.

Ситуация с рождаемостью уже сильно отличается в Казахстане и Узбекистане: число рождений на 1000 человек выше в 2–2,5, при этом в узбекском обществе с 2010 года наблюдается устойчивый рост рождений с 22 до 26,4 (2023). Суммарный коэффициент рождае-

мости превышает 3, что позволяет говорить о расширенном воспроизводстве населения, обусловленным в значительной степени социокультурными и религиозными факторами.

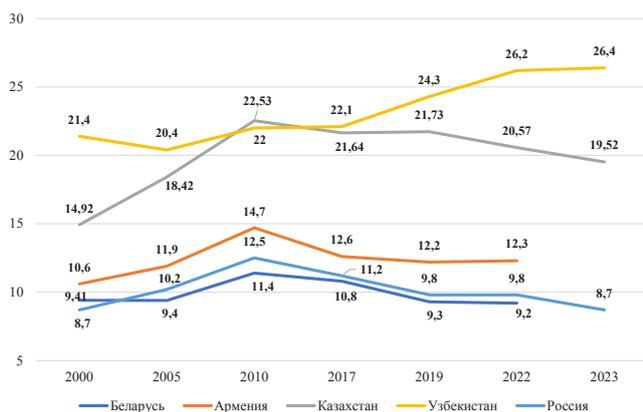

Рис. 1. Рождаемость на 1000 человек, 2000–2023 гг. [1, 6, 9, 13, 15, 18]

Рассматривая динамику браков и разводов, стоит отметить, что актуальным трендом российского общества является снижение числа браков и большое количество разводов, особенно в молодых семьях (18–24 года). Повышается средний возраст вступления в брак, наибольшее количество браков заключается среди 25–34-летних партнеров, а также старше 35 лет [7].

Для Беларуси и Армении также характерен довольно высокий средний возраст вступления в первый брак: 26,5 года у женщин и 28,7 года у мужчин и 28,9 у женщин и 32,7 у мужчин соответственно (2022) [9, 15]. Для Казахстана и Узбекистана нет сопоставимых данных, но динамика рождаемости и средний возраст рождения первого ребенка свидетельствует о том, что возраст вступления в брак существенно ниже.

Как видно на рисунке 2, тенденция снижения брачности характерна для всех рассматриваемых обществ и в 2023 г. колеблется на уровне 5,5–6,5 браков на 1000 человек населения. Минимальный уровень отмечен в Армении, максимальный – в России. При этом только в России наблюдался прирост в 2022 г. до 7,2, а далее вновь падение до 6,5. Возможно, сыграл свою роль фактор проведения СВО и мобилизация, вследствие чего партнеры, готовые вступить в официальный брак, отложили его регистрацию до изменения ситуации в лучшую сторону.

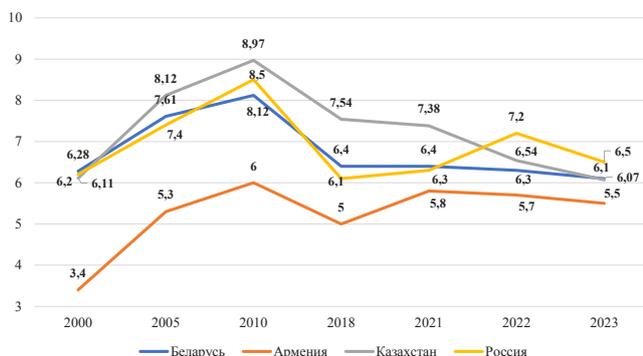

Рис. 2. Число браков на 1000 человек, 2000–2023 гг. [1, 3, 6, 9, 13, 15, 18]

Динамика числа разводов на 1000 человек (рис. 3) показывает, что с 2018 г. наблюдается небольшой рост и стабилизация на практически одном уровне (Россия – 4,7, Беларусь – 3,7, Армения – 1,5). Исключение составляет Казахстан, где отмечено снижение числа разводов с 3,0 в 2018 г. до 2,02 в 2023 г.

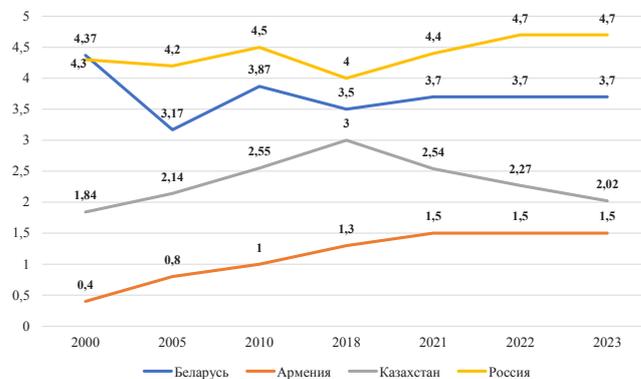

Рис. 3. Число разводов на 1000 человек, 2000–2023 гг. [1, 3, 6, 9, 13, 15, 18]

Данные опросов общественного мнения в разных странах показывают, что текущие тенденции обусловлены не только социально-экономическими, но и в значительной степени социокультурными факторами. Общей тенденцией для всех обществ является признание высокой роли института семьи, который входит в число ведущих жизненных ценностей опрошенных.

Так, опросы ВЦИОМ на протяжении ряда лет фиксировали, что создание счастливой семьи, воспитание детей входит в тип-5 жизненных целей россиян. В начале 2024 г. 87% респондентов отметили, что «одной из важнейших целей для человека является создание семьи» [14]; опрос 2023 г. показал, что среди молодежи 18–24 лет установка на счастливую семью выше, чем в других возрастных группах – 74% [17].

Социологические исследования свидетельствуют о том, что россияне считают зарегистрированный брак ключевым условием создания прочной семьи и рождения детей [2]. Гражданские браки в целом принимаются как временный этап для «проверки чувств», предшествующий официальному браку. Вместе с тем заметна тенденция принятия сожительству в качестве полноценной альтернативы официальному браку, особенно среди молодого поколения. Так, по данным Левада-центра (признан иноагентом) удельный вес респондентов, считающих нормальным создание семьи без заключения официального брака, с 2012 до 2022 г. вырос с 39% до 51%, доля тех, кто ни за, ни против, снизилась с 25 до 14% и доля противников почти не изменилась (33% и 31% соответственно) [5].

Сходные тенденции отмечены в белорусском обществе – по данным исследования «Поколения и гендер» (2018) «до 1990 г. совместную жизнь без регистрации брака начинала каждая шестая пара (15,4%), то в 2000 г. – уже 43%. В 2016–2017 гг. уже в 73% случаев зарегистрированному браку предшествовал фактический» [4]. Наиболее распространенной моделью репродуктивного поведения, по данным белорусских социологов, является «рождение детей с относительно большим промежутком (медианное значение – 4 года). Первый ребенок ранний – до 25 лет у женщин и до 27 лет у мужчин, а второй и последующие – относительно поздние» [4].

По оценкам армянских социологов, «за последние 25 лет в Армении родилось и выросло новое поколение, которое имеет свои представления о семье и взгляды на брак». По результатам общенациональных опросов 2017–2018 гг., семья остается доминирующей ценностью у молодежи: такого мнения придерживается 74,2% девушек и 59,2% юношей [11, с. 11].

Эволюция института семьи в Казахстане характеризуется тесным переплетением тенденций, характерных как для традиционных, так и для модернизированных обществ. В их числе снижение числа браков; распростра-

нение аборт; рост материнской и младенческой смертности, увеличение возраста вступления в брак, распространение незарегистрированных браков, снижение числа разводов, достаточно высокая распространенность религиозных браков, основанных на венчании (неке) [8].

Результаты социологического исследования, проведенного КИОР, показали, что «28,3% опрошенных относятся положительно к гражданским бракам, 32,8% отрицательно и 33,1% нейтрально. Доля поддерживающих гражданский брак наиболее высока среди молодежи, взрослое поколение пенсионного или предпенсионного возраста имеют преимущественно традиционные установки по отношению к семье: основа семьи – официальный брак между мужчиной и женщиной, выбор партнера из эндогамной группы, полная семья с патриархальной направленностью» [8].

По данным узбекистанских социологов (опрос Центра изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр», 2018 г.), благополучная семья в глазах населения характеризуется такими параметрами, как благоприятный социально-психологический климат в семье, тесная связь между поколениями; воспитание детей на основе национальных культурных ценностей, воспитание у детей трудолюбия, патриотизма, культуры поведения и общения, чувства долга и ответственности; материальный достаток; достаточно высокий уровень образования членов семьи; поддержание физического и психического здоровья [16, с. 78–80].

Большинство россиян считает, что полноценная семья – это семья с детьми, но при этом более трети считают, что «дети довольно сильно ограничивают свободу родителей». Как отмечают аналитики, «наблюдаемое среднее число рожденных детей в возрастной группе 40–54 года (поколения 1968–1982 г.р.) составляет 1,62 ребенка, бездетными остаются 18%, родили одного ребенка 30%, двоих детей – 38%, троих 9%» [10]. Соответственно, для большинства идеальная семья – это семья с двумя детьми, и именно эта модель чаще всего и реализуется на практике.

Опрос 2021 г. в Армении показал, что «почти половина (45,1%) из тех, кто имел или планировал создать семью, хотели бы иметь только двух детей. Троих детей в семье хотели иметь (или уже имели) только 27,6%. Таким образом, половина молодых людей намерена создать семью, а две трети из них хотели иметь двух или, в лучшем случае, трех детей» [11, с. 111]. При этом, как свидетельствуют статистические данные, экономическая ситуация и высокий уровень эмиграции корректируют репродуктивные установки молодежи, что выражается в отсроченном деторождении и снижении фактического количества детей в семье.

В Казахстане, по данным статистических наблюдений и социологическим исследований, прослеживается тенденция разделения супружества и родительства, увеличивается количество молодых пар, вступивших в брак, но откладывающих рождение детей «на потом». Несколько увеличился средний возраст матери при рождении первого ребенка (с 24,6 лет в 2017 до 25,2 в 2021). При этом дети остаются одним из важных показателей полноценной семьи – так, согласно данным, полученным в ходе проекта «Казахстанские семьи-2022», у 79% респондентов есть дети, тогда как у 21% их нет. Также за последние 5 лет увеличился суммарный коэффициент рождаемости (с 2,75 до 3,32 соответственно), становится еще более заметным разрыв в показателях рождаемости между городскими и сельскими территориями [8]. Реализуемые меры государственной поддержки института семьи, родительства и детства направлены на сохранение тенденции расширенного воспроизвод-

ства населения, поддержку планирования семьи и поддержания репродуктивного здоровья супругов, сохранение традиционных семейных ценностей.

В Узбекистане наблюдается довольно устойчивая тенденция увеличения общего и суммарного коэффициента рождаемости, несмотря на некоторое снижение количества зарегистрированных браков и увеличение количества разводов, что, по мнению экспертов, обусловлено в значительной степени интенсивной трудовой миграцией мужчин в другие страны. Опросы общественного фиксируют высокую значимость официально зарегистрированного брака – 97,1% считает процедуру государственной регистрации брака обязательной для создания семьи, более 90% опрошенных поддерживает, помимо этого, проведение исламского обряда бракосочетания [12]. Основой узбекистанской семьи являются традиционные ценности, гендерное разделение семейных ролей, что, в свою очередь, определяет высокий уровень брачности и рождаемости.

Таким образом, анализ основных тенденций эволюции института семьи на постсоветском пространстве показал существенное многообразие брачно-семейных и репродуктивных практик, обусловленных социокультурными, социально-экономическими, демографическими и другими факторами. Наиболее близки к российскому обществу белорусское и отчасти армянское, для которых характерны либерализация семейно-брачных отношений, доминирующая ориентация на малодетную семью, увеличение брачного возраста, рост числа незарегистрированных браков.

В обществах восточного социокультурного ареала (Казахстан, Узбекистан) в подавляющем большинстве семей сохраняются традиционные представления о гендерных ролях и соответствующие практики, высокий уровень рождаемости, а также влияние религиозного фактора на семейные отношения. Вместе с тем в Казахстане заметны тенденции модернизации и либерализации в сфере семейно-брачных отношений: так, при сохранении высокой рождаемости снижается количество официальных браков, увеличивается возраст вступления в брак, растет число незарегистрированных браков. По данным национальных опросов общественного мнения, общим для всех рассматриваемых обществ является признание семьи одной из ведущих личных ценностей и жизненных целей, что практически не зависит от социально-демографических характеристик опрошенных, экономической ситуации, политического курса и религиозного фактора.

Литература

1. Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. Демография. – URL: <https://www.stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography> (дата обращения: 30.07.2024).
2. Алиев Д.Ф. Социологический мониторинг семейного благополучия и репродуктивных установок российского населения: Научно-практическое пособие / Д.Ф. Алиев, Д.К. Танатова, И.В. Королев. – Москва: РГСУ, 2024. – 116 с.
3. Армстат. Демография. – URL: <https://armstat.am/ru/?nid=12&thid=demo&type=0&submit=%D0%9F%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA> (дата обращения: 30.07.2024).
4. Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Материалы для обсуждения. Предварительные результаты исследования. Том I. Методология и опыт проведения исследования «Поколения и гендер» / ред.: Д.Г. Рот-

ман, Том Эмери; Проект «Поддержка реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь». – Минск: Белсэкс, 2018. – URL: https://belarus.un.org/sites/default/files/2020-05/Digest%20GGS%20_ru.pdf (дата обращения: 30.07.2024).

5. Брачные нормы. – URL: <https://www.levada.ru/2018/12/18/brachnye-normy/> (дата обращения: 24.07.2024).
6. Демографическая статистика республики Казахстан. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/158502/> (дата обращения: 30.07.2024).
7. ЕМИСС. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59992> (дата обращения: 30.07.2024).
8. Казахстанские семьи – 2022. Национальный доклад, Астана, 2022. – URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/reader/2882> (дата обращения: 31.07.2024).
9. Национальный статистический комитет республики Беларусь. Население и миграция. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/estestvennoe-dvizhenie-naseleniya/godovye-dannye/> (дата обращения: 30.07.2024).
10. Нормативные взгляды на брак, детей и семейные роли. – URL: <https://www.levada.ru/2022/11/17/normativnye-vzglyady-na-brak-detej-i-semejnye-rolj/> (дата обращения: 23.07.2024).
11. Погосян Г.А. Армянская семья: между традицией и современностью // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 106–115.
12. Ранние браки, разводы, конфликты и насилие. Социологи провели исследование основных проблем семейной жизни в Узбекистане. – URL: <https://podrobno.uz/cat/obchestvo/rannie-braki-razvody-konflikty-i-nasilie-sotsiologi-proveli-issledovanie-osnovnykh-problem-semejnoj-zhizni-v-uzbekistane/> (дата обращения: 31.07.2024).
13. Рождаемость, смертность и естественный прирост по субъектам РФ. – URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b11_13/isswww.exe/stg/d1/04-06.htm (дата обращения: 30.07.2024).
14. Семья как ценность. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения: 31.07.2024).
15. Статистический комитет Республики Армения / Демографический сборник Армении, 2023. – URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=82&id=2624> (дата обращения: 30.07.2024).
16. Ташмухамедова Д., Каримова Д., Мавлонов Б. Современная семья в Узбекистане (по результатам социологических исследований). – Ташкент: Yurist-media markazi, 2019. – 136 с.
17. Традиционные ценности, современные цели. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi> (дата обращения: 31.07.2024).
18. Федеральная служба государственной статистики. Демография. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 30.07.2024).

TRANSFORMATION OF THE FAMILY INSTITUTION IN RUSSIA AND THE POST-SOVIET SPACE: MAIN TRENDS AND COLLISIONS

Aliiev D.F.
Russian State Social University

The article analyzes the main trends in the evolution of the family institution in the post-Soviet space based on such parameters as birth rate, marriage rate, attitudes towards creating a family and having

children. Based on official statistics and analytical materials, as well as public opinion polls, both differences in marital and reproductive practices and general trends characteristic of post-Soviet societies were identified. In Russian, Belarusian and partly Armenian societies, there is a liberalization of family and marriage relations, the dominance of an orientation towards a small family, an increase in the marriage age, and an increase in the number of unregistered marriages. In societies of the eastern socio-cultural area (Kazakhstan, Uzbekistan), the overwhelming majority of families retain traditional ideas about gender roles and corresponding practices, a high birth rate, as well as the influence of the religious factor on family relations. At the same time, in Kazakhstan, trends of modernization and liberalization in the sphere of family and marriage relations are noticeable. In all societies, the recognition of the family as one of the leading personal values and life goals remains, which is practically independent of the socio-demographic characteristics of the respondents, the economic situation, political course and religious factors.

Keywords: institution of family, birth rate, marriage rate, reproductive attitudes, reproductive behavior, family roles, socio-psychological climate in the family, demographic policy

References

1. Agency of Statistics under the President of the Republic of Uzbekistan. Demography. – URL: <https://www.stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography> (access date: 07/30/2024).
2. Aliiev D.F. Sociological monitoring of family well-being and reproductive attitudes of the Russian population: Scientific and practical manual / D.F. Aliiev, D.K. Tanatova, I. V. – Korolev. Moscow: RSSU, 2024. – 116 p.
3. Armstat. Demography. – URL: <https://armstat.am/ru/?nid=12&thid=demo&type=0&submit=%D0%9F%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA> (access date: 07/30/2024).
4. Belarus: Family Structure, Family Relations, Reproductive Behavior. Discussion materials. Preliminary research results. Volume I. Methodology and experience of conducting the research “Generations and Gender” / ed.: D.G. Rotman, Tom Emery; Project “Support for the implementation of the National Program of Demographic Security of the Republic of Belarus”. – Minsk: Belsens, 2018. – URL: https://belarus.un.org/sites/default/files/2020-05/Digest%20GGS%20_ru.pdf (access date: 07/30/2024).
5. Marriage Norms. – URL: <https://www.levada.ru/2018/12/18/brachnye-normy/> (access date: 07/24/2024).
6. Demographic statistics of the Republic of Kazakhstan. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/158502/> (access date: 07/30/2024).
7. EMISS. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59992> (access date: 07/30/2024).
8. Kazakhstanian families – 2022. National report, Astana, 2022. – URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/reader/2882> (access date: 07/31/2024).
9. National Statistical Committee of the Republic of Belarus. Population and Migration. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/estestvennoe-dvizhenie-naseleniya/godovye-dannye/> (access date: 07/30/2024).
10. Normative Views on Marriage, Children, and Family Roles. – URL: <https://www.levada.ru/2022/11/17/normativnye-vzglyady-na-brak-detej-i-semejnye-rolj/> (access date: 07/23/2024).
11. Pogoyan G.A. Armenian family: between tradition and modernity // Sociological research. 2021. № 10. P. 106–115.
12. Early marriages, divorces, conflicts and violence. Sociologists conducted a study of the main problems of family life in Uzbekistan. – URL: <https://podrobno.uz/cat/obchestvo/rannie-braki-razvody-konflikty-i-nasilie-sotsiologi-proveli-issledovanie-osnovnykh-problem-semejnoj-zhizni-v-uzbekistane/> (access date: 07/31/2024).
13. Birth rate, mortality and natural increase by subjects of the Russian Federation. – URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b11_13/isswww.exe/stg/d1/04-06.htm (access date: 07/30/2024).
14. Family as a value. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (access date: 07/31/2024).

15. Statistical Committee of the Republic of Armenia / Demographic Digest of Armenia, 2023. – URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=82&id=2624> (access date: 07/30/2024).
16. Tashmukhamedova D., Karimova D., Mavlonov B. Modern family in Uzbekistan (based on the results of sociological research). – Tashkent: Yurist-media markazi, 2019. – 136 p.
17. Traditional values, modern goals. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi> (access date: 07/31/2024).
18. Federal State Statistics Service. Demography. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (access date: 07/30/2024).

Перспективы развития цифровых видеосервисов как альтернативы кинотеатрам и телевидению: социологический аспект

Амелин Андрей Валерьевич,

магистрант кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой МПГУ
E-mail: av_amelin1@student.mpgu.edu

Коноплин Юрий Сергеевич,

д.п.н., профессор кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой МПГУ
E-mail: yus.konoplin@mpgu.su

Луцкая Екатерина Евгеньевна,

к.ф.н., доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой МПГУ
E-mail: ee.luckaya@mpgu.su

Пржиленская Ирина Борисовна,

д.с.н., доцент, зав. кафедрой культурологии МПГУ
E-mail: ib.przhilenskaya@mpgu.su

Данная статья посвящена изучению роли цифровых видеосервисов в досуговом потреблении россиян. Рассмотрены различные виды цифровых видеосервисов, преимущества и механизмы монетизации контента цифровых видеоплатформ, а также их влияние на медиапотребление различных возрастных групп. Представлены результаты авторского эмпирического исследования, социологического опроса (n=210, опрошались респонденты в возрасте от 14 до 60 лет), проведенного в 2023 г. в рамках нашего исследования использования цифровых видеоплатформ, которые показывают снижение посещения обычных кинотеатров и просмотра телепрограмм у респондентов молодых возрастов (до 35 лет) по сравнению со старшей возрастной группой (старше 55 лет), и возрастание потребления контента цифровых видеоплатформ. Обрисованы перспективы будущей возможной интеграции цифровых видеосервисов с телевидением и обычными кинотеатрами.

Ключевые слова: цифровизация, онлайн-кинотеатры, цифровой видеоконтент, культурное потребление, досуговые практики, социокультурные институты.

Введение

Для современного человека приставка «онлайн» уже является привычной: при помощи различных цифровых платформ мы слушаем музыку, читаем книги, смотрим кинофильмы и сериалы. Кроме того, прошедшие два года пандемии коронавируса вынудили многих из нас на практике познакомиться с онлайн-работой и онлайн-образованием. И это уже не вызывает удивления, поскольку мы живём в эпоху зрелой цифровизации, влияющей на развитие и функционирование как общества в целом, так и отдельных общностей и социальных групп. Сегодня уже можно сказать, что относительно цифровизации оправдался прогноз канадского исследователя в сфере экономики и бизнеса Дона Тапскота, который ещё в 1994 году издал монографию «Digital Economy» (дословно – Цифровая экономика, прим. Авторов), где описал основные черты будущего социального явления, такие как полная зависимость общества от компьютерных технологий, виртуальность и персонифицированность. На русском языке эта работа появилась в 1999 г. под названием «Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта», её заметили специалисты в области экономики, но она, в отличие от переведенных и опубликованных примерно в этот временной период работ Дэниела Белла и Элвина Тоффлера, не снижала широкой популярности у российских социологов [8].

Экономисты считают цифровую экономику не просто более сложной, чем предшествовавшую ей экономику интернета, но отражающей новый этап общественного развития, предполагающий не просто выполнение привычных задач более эффективным способом, который дает большую скорость прохождения транзакций, а цифровую трансформацию привычных видов человеческой деятельности, как производительной, так и досуговой [4]. Цифровизация предполагает развитие цифровой коммуникации, стирающей границы между реальным и виртуальным мирами, и построение цифровой идентичности, дополняющей классический набор идентичностей доцифровой эпохи. Цифровая идентичность неотделима от стремительно цифровизирующейся культуры повседневности, которая включает в себя повседневные социальные практики и досуговые формы времяпрепровождения индивида, основанные на персональных высокотехнологичных устройствах (компьютерах, смартфонах) и установленных в них программных продуктах, направленных на коммуникацию и досуг [10]. Поэтому не стоит удивляться тому, что в российском обществе цифровой и преимущественно визуальный контент, относящийся к культурному потреблению, без которого немислим современный досуг, и значим, и значителен по объемам.

Данная статья посвящена процессу усиления роли цифрового видеоконтента в культурном потреблении россиян и развитию соответствующих досуговых практик, и в частности, демонстрации успешности онлайн-платформ, которые уже достаточно прочно вошли в нашу жизнь. Ежегодно увеличивается число подписчиков различных видеохостингов, которые, в свою очередь, активно развиваются и предоставляют пользователям при-

влекательные условия пользования контентом. Важно отметить, что контент современных цифровых видеосервисов не ограничивается фильмами и сериалами, а может также включать подборки множества ТВ-каналов, что делает онлайн-видеосервисы конкурентоспособными не только на рыночной территории классических кинотеатров, но и в нише привычного кабельного телевидения. Возможности цифровых видеоплатформ делают их потенциальной альтернативой и кинотеатрам, и телевидению. И, учитывая тенденцию к ежегодному росту числа подписчиков онлайн-кинотеатров [2], мы можем говорить о постепенной смене досуговых приоритетов целевой аудитории телевидения в сторону новых поставщиков контента, которые со временем совместно могут обрести статус социокультурного института. Это делает данный вопрос актуальным с точки зрения социологического исследования. При этом важно принимать во внимание и экономическую сторону этого вопроса, поскольку, выявив наиболее успешную с точки зрения монетизации нишу из вышеописанных, можно спрогнозировать развитие и функционирование каждой из них на годы вперёд.

Методы исследования

Статья опирается на методологию количественных социологических исследований – авторского интернет-опроса (n = 210, опрошены респонденты от 14 до 60 лет), проведенного в 2023 г. и посвященного потреблению видеоконтента, данные которого рассмотрены в сопоставлении с данными мониторингов российского рынка онлайн-кинотеатров, ежеквартально проводимых исследовательской компанией «GfK-Русь» [5, 6], и статистикой посещения российских кинотеатров [7].

Основные результаты – анализ способов взаимодействия цифровых видеоплатформ с аудиторией

Цифровые видеоплатформы являются одной из разновидностей OTT-сервисов (OTT – Over the Top), обеспечивающих интернет-доступ к собственным услугам без прямого контакта с оператором связи (провайдером) и без какого-либо участия провайдера в доведении контента для пользователя. OTT-сервисы не зависят от провайдера, не требуют специального оборудования – контент поставляется на компьютер, планшет, смартфон или любое другое устройство, предоставляют широкий диапазон услуг. Это не только онлайн-кинотеатры или стриминговые сервисы типа Okko и Ivi, но и обмен сообщениями (WhatsApp и др.), и видеоконференцсвязь (Zoom, Skype и др.), видеохостинги (YouTube, Rutube) и многочисленные медиасервисы. Рассматриваемые нами онлайн-кинотеатры наряду с аудиосервисами и образовательными ресурсами, предполагающими доступ через приложение или вебсайт, относятся к OTT-медиасервисам. При этом провайдеры, вкладывая деньги в инфраструктуру, зачастую недополучают прибыль из-за OTT-сервисов, которые лучше приспособлены к монетизации [1, 9].

Рынок данных сервисов начал своё формирование в России чуть более 10 лет назад, и за это сравнительно небольшое время достиг впечатляющих результатов. Согласно исследованию компании «GfK-Русь», по состоянию на III квартал 2022 года, 44% опрошенных в возрасте от 16 до 55 лет имели подписку на какой-либо онлайн-кинотеатр (включая бесплатную), что, в пропорции к численности населения России составило около 34 миллионов человек. Рост подписчиков за год, считая с III

квартала 2021 года составил 5%, при этом увеличилось с 24 до 30% количество платных подписчиков [5, 6]. Если данная динамика в ближайшие годы сохранится на таком уровне, то в течение 5 лет можно ожидать, что численность пользователей онлайн-кинотеатров превысит треть населения России. Рассмотренная нами статистика дает нам основания ожидать от рынка OTT-сервисов в России использования солидных шансов на лидерство в сфере медиа уже в ближайшее десятилетие, что безусловно выигршно смотрится на фоне регрессивной динамики последних лет в статистике посещения кинотеатров и в стабилизации доли развлекательного и спортивного ТВ в рейтингах телепросмотров [3, 7].

Важным моментом в исследовании любого рынка являются механизмы извлечения прибыли из исследуемой ниши. В сфере OTT-сервисов игроки применяют 4 основных механизма монетизации.

1. AVOD (Advertising-Based Video on Demand) – пользователю предоставляется бесплатный видеоконтент при условии, что в течение просмотра ему демонстрируются рекламные блоки, которые нельзя пропустить. Такой способ монетизации используют многие стриминговые платформы.
2. TVOD (Transactional video on demand) – пользователь платит за отдельный контент, который он хочет посмотреть.
3. SVOD (Subscription Video on Demand) – пользователь получает доступ ко всему контенту сервиса при оформлении платной подписки.
4. EST (Electronic Sell Through) – приобретение пользователем цифровой копии контента [2].

С точки зрения бизнеса преимущество цифровых видеоплатформ состоит в том, что в них не существует ограничений в выборе механизма монетизации контента. Именно поэтому большинство современных онлайн-кинотеатров использует все эти методы, руководствуясь своим пониманием ситуации, диктующим необходимость использования того или иного механизма. Для привлечения новых пользователей можно использовать механизм монетизации AVOD, при котором для пользователя бесплатным является основной контент, а деньги компания получает за счёт рекламных контрактов. Для премьерных или эксклюзивных показов, как и для самого популярного и актуального контента, лучше применить TVOD. При реализации данного механизма, как правило, пользователь после оплаты получает контент на определённое время, по истечении которого уже нельзя посмотреть выбранный фильм или сериал. Например, многие сервисы при покупке контента клиентом предоставляют возможность начать просмотра в течение 30 дней, а с момента начала просмотра это время сокращается, как правило, до одних суток. Механизм EST отличается от TVOD как раз тем, что контент приобретается не на время, а пока цифровая копия сохраняется на электронном носителе у покупателя. После оплаты пользователь может загрузить на своё устройство цифровую копию выбранного контента. При помощи данного механизма можно продавать особый или неактуальный контент, и, как правило, исполненный в не самом лучшем качестве.

Но, безусловно, основным способом монетизации контента онлайн-кинотеатров – это SVOD – подписки на определённый срок. Чаще всего именно предложения по подпискам являются основой рекламной кампании того или иного онлайн-кинотеатра, выступая в качестве базовой публичной оферты. Сервисы стараются привлечь пользователей выгодными предложениями. В основном, предлагаются подписки на 1 месяц, 3 месяца, полгода и 1 год. Возвращаясь к исследованию «GfK-Русь» [6],

стоит отметить, что большинство пользователей онлайн кинотеатров – это именно платные подписчики. Их число в III квартале составляло две трети от всех подписчиков. Обратим внимание на этот важный момент, поскольку в ходе формирования в России рынка OTT-сервисов многие эксперты были уверены в том, что данная ниша не приживётся в нашей стране ввиду активности интернет-пиратства. Однако, с течением времени число людей, готовых платить за предоставляемый контент, только растёт, а легальные онлайн-кинотеатры имеют дополнительный стимул развиваться и предлагать подписчикам всё новый и новый контент на привлекательных условиях, снижая уровень нелегальных интернет-показов. Так у лидера среди онлайн-кинотеатров, «Кинопоиска», в III квартале 2022 года выросло как общее количество подписчиков (с 14,7 до 17,2% от числа опрошенных компанией «ГfK-Русь» 7500 человек в возрасте от 16 до 55 лет), так и примерно в той же пропорции количество купивших подписку (с 10,5 до 12,4%) [6].

Основные результаты – анализ данных социологического опроса

Доступность большому числу людей, возможность предлагать привлекательные условия использования, разнообразие механизмов монетизации и многие другие условия, положительно сказывающиеся на развитии рынка российских онлайн-кинотеатров и других OTT-сервисов, подкрепляются также куда менее благополучной статистикой телевидения и классических кинотеатров. Данные социологического опроса (n = 210), проведённого в рамках нашего исследования использования цифровых видеоплатформ, указывают на снижение интереса потребителей к данным способам просмотра видеоконтента. Далее мы подробно остановимся на результатах

данного опроса, представленным на таблицах и рисунках ниже по тексту.

В вопросе «Как часто Вы смотрите телевизионные каналы?» самая большая доля от общего числа респондентов выбрали вариант ответа «Не чаще 1–2 часов каждый день» (27%). С одной стороны, это действительно можно отнести к категории частого просмотра ТВ, однако, следует отметить, что некоторые опрошенные, выбравшие этот вариант ответа, отмечали, что в этих случаях телевизор, как правило работает «фоном», пока они сами занимаются бытовыми вопросами.

Наибольшую значимость для данного исследования имеет распределение ответов по возрастным категориям. В вопросе потенциальной замены телевидения и кинотеатров OTT-сервисами актуален момент смены поколений, поскольку цифровые видеосервисы вошли в нашу жизнь совсем недавно, а кино и ТВ являются значимыми социокультурными институтами уже на протяжении нескольких десятков лет. Неудивительно, что чаще остальных предпочтение телевидению отдают представители старшего поколения. Среди опрошенных старше 55 лет не нашлось тех, кто, оценивая частоту просмотра ТВ-каналов, выбрал вариант ответа «Вообще не смотрю». В возрасте от 36 до 55 лет лишь 6% респондентов выбрали этот вариант. В то время как среди школьников и молодёжной аудитории (от 14 до 35 лет) это один из самых популярных вариантов ответа: 31% респондентов в возрасте от 19 до 25 лет отметили, что вообще не смотрят телевизор (табл. 1). Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что со снижением возраста респондента интерес к телевидению падает, но в то же время о полном замещении телевидения интернетом в ближайшем обозримом будущем речи идти не может, и вряд ли через несколько лет привычное телевидение попадет в категорию аутсайдеров среди платформ, представляющих видеоконтент.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как часто Вы смотрите телевизионные каналы?» (По возрастным категориям)

Как часто Вы смотрите телевизионные каналы?	До 18 лет	От 19 до 25 лет	От 26 до 35 лет	От 36 до 55 лет	Старше 55 лет
3 и более часов каждый день	6%	6%	14%	13%	30%
Вообще не смотрю	11%	31%	24%	6%	0
Другое	0	2%	0	1%	0
Затрудняюсь ответить	6%	4%	0	1%	0
Не чаще 1–2 раз в год	0	4%	3%	6%	5%
Не чаще 1–2 раз в месяц	8%	6%	2%	3%	0
Не чаще 1–2 часов в неделю	14%	8%	0	11%	6%
Не чаще 1–2 часов каждый день	33%	7%	27%	38%	29%
Несколько раз в год	0	14%	3%	1%	0
Несколько раз в месяц	11%	10%	5%	0	12%
Несколько часов в неделю	11%	8%	22%	20%	18%

Предпочтения респондентами вида телевидения представлены выше, в ответах на другой вопрос – «Какой вид телевидения используется у Вас дома?» (рис. 1). Треть опрошенных указали, что у них дома используется классическое кабельное телевидение. Примерно такое же число опрошенных отметили, что пользуются интерактивным ТВ. Интерактивное телевидение можно отнести к OTT-сервисам, так как в данном случае трансляция ТВ-каналов осуществляется посредством интернета – либо на официальных ресурсах самих кана-

лов, либо в онлайн-кинотеатрах, что может быть дополнительным аргументом в пользу цифровых видеоплатформ. Будущее телевидения неразрывно связано с развитием онлайн-видеосервисов. Конечно, привычное нам классическое телевидение с жесткой программной сеткой в ближайшее время никуда не исчезнет, но будет постепенно уступать место интерактивному. Так, например, корпорация «Ростелеком» уже предлагает в качестве своих тарифов Интернет + Интерактивное ТВ и множество фильмов и сериалов в онлайн-кинотеатре Wink.

Есть определённая уверенность, что количество подобных предложений в ближайшее время увеличится, поскольку к «Ростелекому» присоединятся и другие провайдеры.

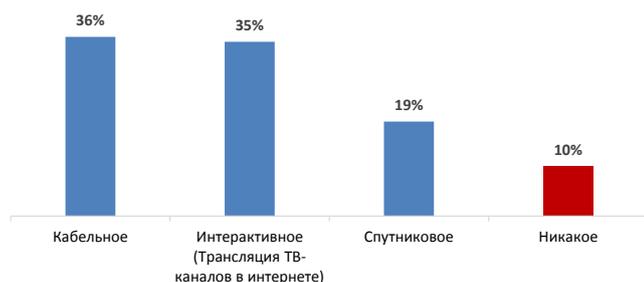

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Какой вид телевидения используется у Вас дома?»

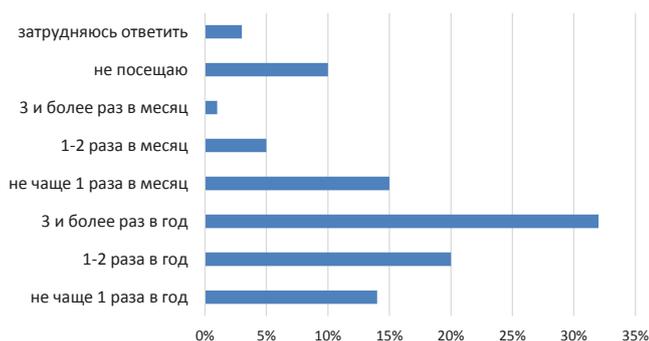

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы посещаете кинотеатр?»

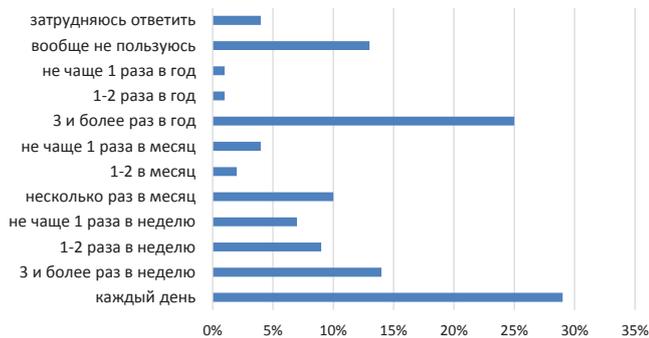

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы пользуетесь цифровыми видеоплатформами (онлайн-кинотеатрами, стриминговыми сервисами, видеохостингами и т.п.)?»

Гораздо более удручающей выглядит ситуация с посещаемостью кинотеатров. Коронавирусные ограничения и уход с российских больших экранов продукции Голливуда оказали негативное влияние на рынок традиционного кинопроката. Согласно полученных нами данных, малая часть респондентов (5%) заявили о том, что они часто (1–2 раза в месяц) посещают кинотеатры (рис. 2). Основная масса опрошенных ответили, что посещают кинотеатр несколько раз в год (32%) и пятая часть (20%) – всего 1–2 раза в год. Начиная с 2020 года в России отмечается снижение интереса к посещению кинотеатра как досуговой практике, что уже вылилось в сокращение числа кинозалов [7].

Существует мнение, что не совсем целесообразно сравнивать контент кинотеатров и цифровых видеосервисов, поскольку классические кинотеатры, в отличие от онлайн-конкурентов, демонстрируют премьеры полнометражных проектов. Однако, сегодня ситуация уже меняется в пользу возможностей цифровых видеосер-

висов: многие онлайн-кинотеатры сотрудничают с компаниями по производству фильмов и сериалов, делая эксклюзивный контент для своих платформ. Посредством такого сотрудничества выпускаются в основном многосерийные проекты («Волшебный участок», «Игра с огнем», «Калимба», «Право на свободу», «Слово пацана. Кровь на асфальте», «Черное облако» и др.), но есть и примеры полнометражных фильмов («Вызов», «Триггер», «Последний богатырь. Посланник Тьмы» и др.). Таким образом, возможности онлайн-кинотеатров с применением механизма монетизации TVOD, уже позволяют им выпускать премьеры кинопроектов наравне с классическими кинотеатрами. Учитывая то, как цифровые платформы продвинулись в вопросе защиты контента от нелегального распространения (Во многих онлайн-кинотеатрах заблокирована возможность смотреть контент с включённым режимом записи экрана, а также делать снимки экрана – прим. авторов), такой вариант вполне возможен уже в ближайшее время.

В качестве подкрепления всего вышесказанного выступают результаты по вопросу «Как часто Вы пользуетесь цифровыми видеоплатформами?» (рис. 3). Большинство респондентов ответили, что пользуются OTT-сервисами каждый день (29%). А также 14% опрошенных указали, что пользуются контентом цифровых платформ 3 и более раз в неделю. И, несмотря на то, что третьим по популярности среди респондентов стал ответ «Вообще не пользуюсь» (13%), результаты наглядно показывают успех цифровых платформ: варианты ответов, которые можно объединить в категорию «Очень часто» («1–2 раза в неделю», «3 и более раз в неделю» и «Каждый день»), в совокупности набрали 52%.

В данном вопросе также важно распределение ответов респондентов по возрастным категориям (табл. 2). Вполне ожидаемо, что наименее всего цифровыми видеосервисами пользуются люди старше 55 лет. Среди данной возрастной категории 35% респондентов ответили, что вообще не пользуются данными платформами. Однако, процент респондентов старшего поколения, пользующихся цифровыми видеосервисами 1–2 раза в неделю, также достаточно велик (24%). Но здесь важно отметить, что в категорию цифровых видеосервисов входят не только онлайн-кинотеатры и стриминговые сервисы, но и видеохостинги – такие, как, например, YouTube и Rutube. Вероятно, в вопросе пользования OTT-сервисами респонденты старше 55 лет отдают своё предпочтение именно этим платформам.

Самым популярным ответом на вопрос «Как часто Вы пользуетесь цифровыми видеоплатформами?» среди остальных возрастных категорий стал «Каждый день». Наибольший показатель по данному ответу – в категории подростков и молодёжи школьного возраста (42%). Также в данной возрастной категории и среди студенческой молодёжи популярен вариант ответа «3 и более раз в неделю» (19 и 27% соответственно), что, безусловно, расценивается как частое использование OTT-платформ. В возрастных категориях от 26 до 35 и от 36 до 55 лет также большая часть респондентов пользуются онлайн-видеосервисами каждый день (33 и 23% соответственно). Из этого можно предположить, что цифровые видеоплатформы не только хорошо прижились в России, но и становятся едва ли не обязательным атрибутом жизни среднего россиянина.

Приближаясь к подведению итогов исследования, необходимо добавить несколько слов о механизмах монетизации контента. Мы подробно разобрали этот момент на примере OTT-сервисов, а теперь нужно разобрать данный компонент относительно телевидения и кинотеатров. ТВ-провайдер может предложить лишь формат

«подписки» с ежемесячной платой по установленному тарифу. Конечно, трудно сравнивать в данной ситуации ТВ и, к примеру, онлайн-кинотеатры. Формат кабельного или спутникового телевидения не предусматривает продажи отдельных фильмов за треть, а то и половину сто-

имости ежемесячного платежа за пользование ТВ-услугами. Это объясняет активный отказ провайдеров от кабельного ТВ и переход к интерактивному ТВ. Возможностей монетизировать контент, а также привлечь клиентов в данном случае значительно больше.

Таблица 2. Ответы респондентов на вопрос «Как часто Вы пользуетесь цифровыми видеоплатформами?» (По возрастным категориям)

Как часто Вы пользуетесь цифровыми видеоплатформами?	До 18 лет	От 19 до 25 лет	От 26 до 35 лет	От 36 до 55 лет	Старше 55 лет
1–2 раза в год	0	0	0	2%	0
1–2 раза в месяц	2%	2%	3%	3%	0
1–2 раза в неделю	0	8%	14%	7%	24%
3 и более раз в неделю	20%	27%	3%	10%	12%
Вообще не пользуюсь	11%	10%	8%	14%	35%
Другое	0	0	0	0	0
Затрудняюсь ответить	5%	0	0	7%	0
Каждый день	42%	33%	32%	23%	12%
Не чаще 1 раза в год	0	0	2%	0	5%
Не чаще 1 раза в месяц	6%	4%	5%	4%	0
Не чаще 1 раза в неделю	0	2%	11%	14%	0
Несколько раз в год	0	2%	8%	9%	12%
Несколько раз в месяц	14%	12%	14%	7%	0

Кинотеатры же, напротив, могут предлагать практически исключительно продажи просмотров отдельных фильмов. Некий аналог такого механизма, используемого OTT-платформами, как TVOD. В очень редких случаях кинотеатры могут предлагать своим клиентам абонементы на поход в кино, но это не пользуется спросом, ввиду чего и не окупается. Здесь вновь цифровые видеосервисы оказываются в выигрыше за счёт своей гибкости в вопросе выбора одного или нескольких способов монетизации контента. Хотя стоит учесть, что на данный момент, за классическими кинотеатрами по-прежнему остаётся право показа премьер свежих кинолент. Однако, не исключено, что и такого рода контент совсем скоро может переключиться с больших экранов в онлайн, где он будет доступен на практически любых устройствах.

Заключение

Анализируя результаты проведённого исследования, можно прийти к выводу, что цифровые видеосервисы уже сегодня опережают своих конкурентов, кинотеатров и телевидение, по ряду показателей: 1) у данных платформ больше возможностей предлагать разнообразие контента, и следовательно, им легче отвечать разнообразным потребностям пользователей; 2) у видеосервисов гибкие механизмы монетизации, что позволяет привлекать больше средств для производства контента и эффективно сотрудничать с производителями контента – как с блогерами, так и со студиями; 3) потребление контента с цифровых видеосервисов не требует от пользователя дополнительных усилий, что критично как для больших городов, где работа и дорога зачастую не оставляют человеку временного ресурса на досуг, так и для сельской местности, где не всегда есть в транспортной доступности кинотеатр с устраивающим репертуаром. На успех цифровых видеосервисов также работают доступность цифровых устройств и мобильного интернета современному

человеку, тяга к заполнению своего свободного времени потреблением видеоконтента, наблюдаемая уже не только у молодого поколения.

Что касается обычных кинотеатров, то в текущей ситуации ограничений на выдачу прокатных лицензий их перспективы в качестве самостоятельных источников прибыли не вызывают оптимизма. Телевидению в связи с уходом с российского рынка большого количества зарубежных рекламодателей придется в будущем полагаться в значительной степени на программы государственной поддержки. Но весьма возможно «новое рождение» этих социокультурных институтов в сотрудничестве или симбиозе с молодым, но уже достаточно сильным конкурентом – цифровыми видеосервисами. На сегодняшний момент только начинается активное сотрудничество телевидения с OTT-сервисами и переход с кабельного/спутникового ТВ на интерактивное. Заметим, что интерактивность телевидения пока ограничена технологической стороной вопроса – трансляцией видеопотока через интернет с возможностью поставить его на паузу, вернуться назад, смотреть привычную передачу в удобное время.

На наш взгляд, стоит ожидать совместных проектов и с кинотеатрами. Вероятно, в обозримом будущем мы сможем наблюдать альянсы классических кинотеатров с онлайн-коллегами, где премьеры фильмов будут выходить одновременно на больших и малых экранах, но предлагаться зрителю будут в разных ценовых сегментах. Также следует ждать усиления конкуренции видеоплатформ в борьбе за потребителя. Медиапотребление становится всё более индивидуальным, ориентирующимся на сложные запросы индивида, и выиграет в конкурентной борьбе не тот, кто предложит большое количество видеоконтента по низкой цене, а тот, кто в дополнение к этому внедрит лучшие механизмы подбора контента, отвечающего потребностям своего подписчика, и привлекательные механизмы монетизации для производителя контента.

Литература

1. Витрина статистических данных. [Электронный ресурс]. – URL: <https://showdata.gks.ru/report/278928/> (дата обращения: 20.12.2023).
2. Гайдова К. CTV+OTT против кабельного TV // Исследования & инсайты. 2021. [Электронный ресурс]. – URL: <https://nt.technology.ru/blog/ctvott-protiv-kabelnogo-tv/> (дата обращения: 21.09.2023).
3. Как россияне смотрели телевизор в 2022 году. Инфографика [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/07/12/2022/638f2ce79a79474841ee0985?ysclid=lg9qrc256a317655357 (дата обращения: 20.03.2024).
4. Левицкая Е.П., Коновалова П.А. Цифровая экономика // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2018. № 12 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2018/12/16320> (дата обращения: 24.02.2024).
5. Онлайн-кинотеатры: знание, пользование, подписка Q4, 2021 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gfk.com/hubfs/website/editorial_ui_pdfs/PDF%20Russian%20movie%20theaters%20Q4%202021.pdf (дата обращения: 24.03.2024).
6. Рейтинг онлайн-кинотеатров в России. III квартал 2022 года. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ict.moscow/research/reiting-onlain-kinoteatrov-v-rossii-v-iii-kvartale-2022-goda/> (дата обращения: 31.10.2023).
7. Рынок кинотеатров в России – итоги первой половины 2022 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://research.nevafilm.ru/research/research-news/view/cinemarket-010722/> (дата обращения: 24.03.2024).
8. Тапскотт Д. (1999), Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта / пер. с англ. Игоря Дубинского; под ред. Сергея Писарева. – Москва: Рефл-бук, 1999. – 403 с. ISBN 5-87983-080-2
9. Что такое OTT-сервис. Объясняем простыми словами [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.rambler.ru/gadgets/49362678-chto-takoe-ott-servis-obyasnyаем-prostyimi-slovami/?ysclid=lg9o1jfw0388733179> (дата обращения: 31.03.2024).
10. Шевченко О.М., Штофер Л.Л. Коммуникативные и идентификационные трансформации как существенные проявления цифровой культуры // Гуманитарий Юга России. 2022.2 (54). Т. 11. С. 180–190. DOI 10.18522/2227–8656.2022.2.14 (дата обращения: 01.06.2024).

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF DIGITAL VIDEO SERVICES AS AN ALTERNATIVE TO CINEMAS AND TELEVISION: A SOCIOLOGICAL ASPECT

Amelin A.V., Konoplin Yu.S., Lutskaya E.E., Przhilenskaya I.B.
MPSU

This article is devoted to the study of the role of digital video services in the leisure consumption of Russians. Various types of digital video services, advantages and mechanisms of content monetization of digital video platforms, as well as their impact on media consumption of various age groups are considered. The results of the author's empirical research, an online sociological survey (n=210, respondents aged 14 to 60 years were interviewed, 2023), conducted as part of our study of the use of digital video platforms, which show a decrease in visits to conventional cinemas and watching TV programs among respondents of young ages (up to 35 years), are presented compared with the older age group (over 55 years old), and an increase in the consumption of digital video platforms content. The prospects of future possible integration of digital video services with television and conventional cinemas are outlined.

Keywords: digitalization, online cinemas, digital video content, cultural consumption, leisure practices, socio-cultural institutions.

References

1. Showcase of statistical data. [Electronic resource]. – URL: <https://showdata.gks.ru/report/278928/> (date of access: 20.12.2023).
2. Gaidova K. CTV+OTT versus cable TV // Research & Insights. 2021. [Electronic resource]. – URL: <https://nt.technology.ru/blog/ctvott-protiv-kabelnogo-tv/> (date of access: 21.09.2023).
3. How Russians watched TV in 2022. Infographics [Electronic resource]. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/07/12/2022/638f2ce79a79474841ee0985?ysclid=lg9qrc256a317655357 (accessed: 20.03.2024).
4. Levitskaya E.P., Konovalova P.A. Digital economy // Economy and management of innovative technologies. 2018. No. 12 [Electronic resource]. – URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2018/12/16320> (accessed: 24.02.2024).
5. Online cinemas: knowledge, use, subscription Q4, 2021 [Electronic resource]. – URL: https://www.gfk.com/hubfs/website/editorial_ui_pdfs/PDF%20Russian%20movie%20theaters%20Q4%202021.pdf (date of access: 24.03.2024).
6. Rating of online cinemas in Russia. III quarter of 2022. [Electronic resource]. – URL: <https://ict.moscow/research/reiting-onlain-kinoteatrov-v-rossii-v-iii-kvartale-2022-goda/> (date of access: 31.10.2023).
7. The cinema market in Russia – results of the first half of 2022 [Electronic resource]. – URL: <https://research.nevafilm.ru/research/research-news/view/cinemarket-010722/> (date of access: 24.03.2024).
8. Tapscott D. (1999), Electronic-digital society: Pros and cons of the era of network intelligence / trans. from English by Igor Dubinsky; edited by Sergei Pisarev. – Moscow: Refl-book, 1999. – 403 p. ISBN 5-87983-080-2
9. What is an OTT service. We explain in simple terms [Electronic resource]. – URL: <https://news.rambler.ru/gadgets/49362678-chto-takoe-ott-servis-obyasnyаем-prostyimi-slovami/?ysclid=lg9o1jfw0388733179> (accessed: 31.03.2024).
10. Shevchenko O.M., Shtofer L.L. Communicative and identification transformations as essential manifestations of digital culture // Humanitarian of the South of Russia. 2022.2 (54). Vol. 11. Pp. 180–190. DOI 10.18522/2227–8656.2022.2.14 (accessed: 01.06.2024).

Реализация экспертного потенциала гражданского общества как фактор социальной солидарности

Гореликов Евгений Сергеевич,

к.в.н., докторант Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: general85@yandex.ru

На данном этапе исторического развития российского государства, на фоне проведения специальной военной операции, непреходящую актуальность имеет вопрос переоценки эффективности системы взаимодействия главных социальных институтов. В этом смысле внимание автора падает на сферу неинституционализированных общественных практик взаимодействия гражданского общества и военной организации государства. Данные практики, как и ранее в нашей истории, возникли в период объективной внешней угрозы национальной безопасности. Как и прежде в российской истории, общество чутко считало тенденции, и начался процесс консолидации, следствием которого служит повышение уровня социальной солидарности. Очевидна всеобщая потребность в обеспечении достаточного уровня военной безопасности, потребность гражданского общества в участии в общественных процессах, а также потребность военной организации в прикладных проблемноориентированных экспертных знаниях. Именно эксперты из гражданского общества как своеобразные банки знаний в самых разных областях стыковых с военной деятельностью и их совокупность, названная экспертным потенциалом гражданского общества, и представляет научный интерес данной статьи.

Ключевые слова: экспертный потенциал гражданского общества, военная организация государства, военная безопасность, консолидация, социальная солидарность.

На данный момент можно с уверенностью сказать, что специальная военная операция на Украине, в ходе которой идет противостояние не только с Украиной, а со всеми странами НАТО, для России является крупнейшим после Великой Отечественной войны вооружённым столкновением. Участвуют все военные округа, непосредственно задействованы все виды Вооруженных Сил и рода войск (кроме РВСН), проведена частичная мобилизация. Переход конфликта в позиционную фазу, его затягивание и втягивание все большего количества участников ставят вопрос о привлечении потенциала всего российского общества, в том числе к выработке и реализации принципиальных решений по военным вопросам. Социальной стороной военного противостояния является изменение внутреннего осознания людьми масштабов угроз национальной безопасности. В связи со сложившейся военно-политической обстановкой отмечается массовое повышение заинтересованности гражданского общества во включении индивидов в помощь военной организации государства и демонстрация способности к такой деятельности. И это проявляется не просто в благих намерениях и заявлениях, но в конкретных делах и поступках обычных граждан, принимающих участие в специальной военной операции в качестве добровольцев, в инициативном размещении беженцев, в консолидированном осуждении покинувших страну людей, в сборе гуманитарной помощи, а также активизации волонтерской помощи представителей некоммерческих организаций, бизнеса, органов власти. Также имеет место содействие представителей гражданского общества деятельности органов военного управления, воинских формирований, а также производственного и научного комплексов страны, результатом чего является их совместная деятельность по обеспечению военной безопасности Российской Федерации.

Подобная включенность наводит на мысль о переосмыслении данных процессов. Во-первых, практика по-прежнему, что в самых разных областях стыковых с военной деятельностью граждане действуют на высоком уровне компетентности, а значит, могут считаться экспертами. Во-вторых, пассионарные устремления этой части гражданского общества, состоящей как из отдельных граждан, так и организаций, деятельность которых направлена на реализацию общественных интересов как через участие в диалоге с военно-политическим руководством, так и вне его, никоим образом не намекают на цели достичь политической или коммерческой выгоды. Таким образом, в настоящих условиях в России начали формироваться новые черты гражданского общества, что предлагается обозначить как экспертный потенциал. В общем смысле под экспертным потенциалом гражданского общества понимается интегральная характеристика способности представителей гражданского общества выражать свои суждения с той или иной степенью компетентности и стремления участвовать в общественных и государственных делах. Касаясь предмета данной статьи этот потенциал может быть реализован в следующих направлениях обеспечения военной безопасности:

1. парирование гибридных атак в невоенной (читай гражданской) среде, которые наносят ущерб военной безопасности государства;

2. привлечение и включение в военную деятельность представителей некоммерческих и общественных организаций, добровольно оказывающих содействие по таким областям как: военно-политический анализ и прогнозирование, гуманитарная помощь, материально-техническое снабжение, тактическая подготовка, тактическая медицина, техническое сопровождение;

3. включение в военную деятельность отдельных специалистов в различных стыковых с военной областью для моделирования и расчетов в рамках увязывания разнородных знаний для достижения совокупного результата.

Социальной же стороной возникновения экспертного потенциала гражданского общества как феномена является консолидация российского общества. Для максимальной фиксации данного утверждения, кроме прочего, целесообразно взглянуть на исторический опыт подобной консолидации российского общества под влиянием внешней угрозы.

Предлагается рассмотреть несколько исторических примеров. Первый – названный в романе Льва Толстого «Война и мир» – «дубина народной войны» или в других источниках – «народная война» – массовые и спонтанные действия русских крестьян против армии Наполеона в 1812 году. Развернутые партизанские движения и ополчения явились значимой если не решающей силой в разгроме противника. Естественно, что в условиях крепостного права в стране не было и не могло быть морально-политического единства общества, и поскольку движение все же было создано, то это можно объяснить только пробудившимся общим чувством глубокого патриотизма и общественной солидарности.

Вторым примером служат добровольные объединения вооруженных людей в борьбе за независимость России в Смутное время 1604–1606 гг., а именно Первое народное ополчение Ляпунова и Второе народное ополчение Минина и Пожарского. Предлагается рассматривать их как акты консолидации, как стихийную самоорганизацию разных сословий и сословных групп для решения общенациональных задач государственно-политического характера, формирования войска на добровольной основе, в том числе на пожертвования, восстановления институтов управления в ответ на резкое изменение внутри- и внешнеполитического положения Русского государства.

Третьим примером рассматривается народное исполнение лозунга «Всё для фронта! Всё для победы!», объявленного в директиве Совета народных комиссаров от 29 июня 1941 года. Страна превратилась в один боевой и трудовой лагерь, подчиненный единственной цели – Победе. Из этого примера мы видим с одной стороны глубинный народный порыв патриотизма и гражданской инициативы, с другой – усилия системы государственного управления по мобилизации и координации всех сторон жизни страны. Сплочение и монолитность гражданских и государственных сил явились той солидарностью общества, обеспечившей достижение общенационального результата.

Из приведенных и множества неупомянутых исторических примеров видно, что российское общество максимально консолидировалось и приходило в состояние солидарности именно в периоды внешней угрозы или прямого физического нападения. Здесь же уместно разобрататься с понятиями консолидации общества и общественной солидарности.

Консолидация (от лат. *consolido* – укреплять, поддерживать) – один из объединительных процессов вовлечения общества в совместное решение общих проблем. Многие авторы сходятся во мнении, что в ситуации, когда граждане ассоциируют себя не с каким-либо местным сообществом, а с государством в целом, снижается значение социально-политических разногласий, они уступают место сплоченности. «Устройство любого общества напрямую связано со способами объединения его членов» [3]. По крайней мере на данный момент мы можем выделить три основания консолидации в обществе.

Первый. Рыночные отношения, купля-продажа. Поскольку при таком способе высока конкуренция, происходит максимальное расширение прав и свобод, и сужение спектра обязанностей и ответственности [5].

Второй. Здесь кооперация происходит на основе организации совместной деятельности и объединения усилий для достижения общей цели. Начинает ощущаться отсутствие особых прав и свобод поскольку для эффективности деятельности необходимы согласованные действия членов общества.

Третий. Консолидация основывается на цели воспроизводства, продления человеческого рода. Общество становится более традиционным, повышается роль семьи как главного института такого общества.

В современном российском обществе все эти способы объединения присутствуют, они смешиваются и меняются со временем. Беспокойство, проблемы и цели российского общества сейчас связаны с текущей геополитической ситуацией, возникновением агрессивного окружения. Это, по-видимому, продолжится весьма долгий период. В этой связи в Российской Федерации растет спрос на пути повышения консолидации характерные для мобилизационного и традиционного общества. Для успешной адаптации к новым условиям за счет повышения уровня консолидации общества наше исследование фокусируется на втором способе [3]. Объектами консолидации выступают гражданское общество, государство и его военная организация, а обмен деятельностью и координация их усилий предлагается осуществлять на основе реализации экспертного потенциала гражданского общества.

Итак, как означено выше, если консолидация общества – это процесс объединения, то социальная солидарность – это состояние общества как результат этого процесса. Проблема социального порядка и беспорядка была одной из основных для многих первых социологов. Понимание солидарности как «естественного» состояния общества, когда в силу разделения общественного труда, люди объективно нуждаются друг в друге, принадлежит О. Конту и Э. Дюркгейму. В своей работе «О разделении общественного труда» (1893) Дюркгейм определил социальную солидарность как целостность общественной жизни, коллективность и, одновременно, высший моральный принцип, высшую и универсальную ценность, которая признается всеми членами общества [1]. В свою очередь, «социальный антрополог Мери Дуглас отмечает, что среди нескончаемых человеческих забот решающую роль играет задача вечно «скреплять» сотворенный человеком порядок» [2]. Данной задаче служит консолидация и в конце концов – социальная солидарность. Чем солидарнее общество, тем оно устойчивее. По отношению же к теме статьи, реализация экспертного потенциала гражданского общества является лишь одной из площадок для построения социальной системы, в которой общество (через представительство гражданского общества) и государство (через военную организацию государства) обладают реальной правовой и социально-политической субъектностью, и где их воз-

возможности и общие национальные интересы могут быть консолидированы.

Таким образом, реализация экспертного потенциала гражданского общества через экспертное взаимодействие с военной организацией государства, неся инструментальную (практическую) функцию для самой военной организации, впоследствии исполняет главную социальную функцию – повышает солидарность российского общества.

В заключение отметим, что в свое время Л.И. Мечников в работе «Цивилизация и великие исторические реки» обосновывая концепцию социокультурного развития, объясняет достигнутый уровень эволюции общества количественным показателем уровня солидарности, заменяющую первичную борьбу за существование. Обращая внимание на то, что солидарность может формироваться как произвольно, так и принудительно, социолог считал, что именно мера добровольности действий индивидов в этом процессе является основным показателем развития той или иной цивилизации. По словам Мечникова, история, в конечном итоге, это процесс постепенной трансформации от кооперации подневольного типа к свободным и добровольным ассоциациям людей, формирующимся «в силу общности интересов, личных склонностей и сознательного стремления к солидарности» [4].

Именно такой феномен сейчас и разворачивается в российском обществе: угроза национальной безопасности рождает общность интересов ранее, возможно, и противостоящих институтов гражданского общества и государства. Рано или поздно, но окончание военной фазы геополитического процесса неминуемо произойдет, а значит необходимо зафиксировать и закрепить этот опыт солидарных взаимоотношений пассионариев гражданского общества и государства. Соответственно, одним из направлений развития идеи реализации экспертного потенциала гражданского общества может служить создание институционального механизма, который скрепил бы и заменил существующее неупорядоченное взаимодействие гражданского общества и военной организации государства институционализированным. Подобное закрепление как на данном этапе, так и в последующем увеличит степень вовлечения населения в сферу обеспечения военной безопасности и тем самым еще более укрепит общественный порядок.

Литература

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М., 1996; Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.3. – М., 1956. С. 69
2. Бауман З. Мыслить социологически Пер. с англ. под ред. канд. А.Ф. Филиппова – М: Аспект Пресс, 1996. С. 62

3. Ключников С.А. Теоретические основы рассмотрения консолидации общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием I Лапинские чтения (г. Москва, 21–22 ноября 2022 г.) / Отделение общественных наук РАН, Вологодский научный центр Российской академии наук, Институт философии Российской академии наук. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2023. С. 168
4. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Пангея. 461 с. С. 246–247
5. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. 878 с., С. 243–271

IMPLEMENTATION OF THE CIVIL SOCIETY EXPERT POTENTIAL AS A FACTOR OF SOCIAL SOLIDARITY

Gorelikov E.S.

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

At this stage of the historical development of the Russian state, giving the special military operation, the issue of re-evaluating the effectiveness of the system of the main social institutions interaction is of continuing relevance. In this sense, the author's attention falls on the sphere of non-institutionalized public practices of interaction between civil society and military organization of the state. These practices, as before in our history, arose during a period of objective external threat to national security. As before in Russian history, society was sensitive to trends, and a process of consolidation began, which resulted in an increase in the level of social solidarity. There is an obvious common need to ensure an adequate level of military security, the civil society need to participate in public processes, as well as military organization need in applied problem-oriented expertise. It is experts from civil society as a kind of knowledge banks in a variety of fields that are connected with military activities and their totality, called the civil society expert potential, that is of scientific interest of this article.

Keywords: civil society expert potential, military organization of the state, military security, consolidation, social solidarity

References

1. Durkheim E. On the division of social labor. – М., 1996; Marx K., Engels F. Soch., 2nd ed. T.Z. – М., 1956. p. 69
2. Bauman Z. To think sociologically Trans. from English. ed. by candidate A.F. Filippov – М.: Aspect Press, 1996. p.62
3. Klyuchnikov S.A. Theoretical foundations for considering the consolidation of society: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with the International I Lapin Readings (Moscow, November 21–22, 2022) / Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Vologda: VolSC RAS, 2023. p. 168
4. Mechnikov L.I. Civilization and great historical rivers. Moscow: Pangea. 461 pp. 246–247
5. Mises L. Human activity: a treatise on economic theory. Chelyabinsk: Socium, 2005. 878 p., pp. 243–271

Эволюция взглядов на конструирование образа государства в контексте теории восприятия и познания

Гусакова Ольга Сергеевна,

аспирант, Высшая школа современных социальных наук (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: Sociologuegusakova@gmail.com

В статье рассматривается проблема конструирования образа как основополагающего элемента процесса познания. Целью исследования является теоретический анализ развития теории образа, начиная с древнегреческого периода и до настоящего времени. Автор использует исторический метод, анализируя корпус работ по теории восприятия и теории познания крупнейших мыслителей различных эпох, с акцентом на те исследования, где освещается тема конструирования образа. В ходе работы выявлены несколько важных аспектов: во-первых, проблема конструирования образа связана с выявлением его первоисточника. Во-вторых, выделены два традиционных подхода к решению этой проблемы, и прослежена их эволюция. В-третьих, проведен анализ современных представлений о конструировании образа, их преемственности по отношению к двум традиционным подходам. В результате автор устанавливает истоки и развитие концепций, лежащих в основе современного понимания конструирования образа, определяет ключевые этапы и моменты изменения парадигм в данной области, что способствует углублению понимания эволюции знаний в этой сфере.

Ключевые слова: образ, имидж, конструирование образа, теория образа, создание имиджа, теория восприятия.

Наверное, любую тему можно осмыслить в рамках философии и ее истории, не утрачивая при этом внутреннего содержания. Более того, исследуя современные явления общественного и государственного развития через призму философской традиции мы раскрываем новые глубины понимания, что способствует поиску инновационных идей, развитию новых методологий и парадигм, адаптации теоретических подходов к современным вызовам и задачам науки.

Тема образа государства является актуальной в наши дни. Актуальность этой темы, с нашей точки зрения, обусловлена необходимостью обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства. Информационная безопасность в информационную эпоху зачастую лежит в проведении собственного процесса социального конструирования, чьим продуктом является [...] образ страны, соответствующий ее национальным интересам [20]. В нашем исследовании мы предлагаем рассмотреть тему конструирования образа государства через призму генезиса теории восприятия и теории познания в истории философии. Это позволит нам использовать арсенал знаний, накопленных наукой для понимания того, как человеческий разум взаимодействует с окружающей средой и формирует представления о мире, а также как образы формируют общественное сознание, выстраивая и направляя конструкцию взглядов и оценочных суждений каждого гражданина, формируя социальные и индивидуальные ожидания [4].

Для проведения нашего исследования мы прибегли к использованию исторического метода. Путем анализа корпуса работ по теории восприятия и теории познания наиболее крупных мыслителей того или иного периода, мы выделили те работы, в которых затрагивается тема образа. Наше исследование охватило такие труды как: учение Демокрита об истечениях, концепцию Платона об эйдосах, работы «Исповедь» и «О Троице» Блаженного Августина, «Новый Органон» Фрэнсиса Бэкона, «Опыт о человеческом разумении» Джона Локка, «Размышления о первой философии» Рене Декарта, «Критика чистого разума» Иммануила Канта, «Логические исследования» Эдмунда Гуссерля, «Бытие и сознание» Сергея Рубинштейна, и, наконец, «Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания» Питера Бергера и Томаса Лукмана. В результате исследования мы пришли к следующим выводам о развитии теории образа. Во-первых, проблема конструирования образа в истории философии предстает как проблема его источника. Этот вопрос привлекал внимание мыслителей и ученых с древнегреческого периода и продолжает быть актуальным в настоящее время. Во-вторых, существует два традиционных подхода к решению данной проблемы: источник образа либо находится во внешнем мире, либо исходит из внутреннего мира субъекта. Эти два подхода со временем синтезировались в современную концепцию социального конструирования. В-третьих, различные группы могут формировать и поддерживать разнообразные версии реальности. Это означает, что общество способно конструировать не единственно возможный мир, а множество альтернативных реально-

стей, каждая из которых отражает уникальные сочетания социальных норм, ценностей и знаний.

В своем исследовании, в первую очередь, мы обратились к **древнегреческому периоду**, спецификой которого, особенно на раннем этапе его развития, является стремление понять сущность природы, космоса, мира в целом. Ранние мыслители ищут некоторое первоначало, из которого все произошло. Дискуссии об источнике образа, начатые в древнегреческий период, заложили основу для всей последующей теории конструирования образа. В ответе на вопрос «Что является источником образа?» сталкиваются два противоположных подхода: материалистический, согласно которому возникающие в сознании человека образы – отражение мира, и идеалистический, согласно которому сознание – начало мира, демиург мира. Рассмотрим немного подробнее сначала материалистическую линию Демокрита, а затем идеалистическую линию Платона.

Знаменитый греческий философ Демокрит (род. ок. 470 до н.э.) разрабатывает учение об атомах, понимая атом как наименьшую, далее неделимую физическую частицу, тем самым выступает основоположником *материалистической линии* в философии. Суть учения об атомах следующая. Началом бытия являются атомы и пустота. Атомы называются также идеями, природой, бытием, «что». Абсолютная пустота – «ничто», небытие. Атомы неделимы, невидимы, *внутренне бескачественны*. Возникновение вещей происходит благодаря соединению атомов, уничтожение – разъединению. Душа, по Демокриту, также есть совокупность определенных шарообразных атомов, перемешанных с атомами тела. Следовательно, душа телесна и смертна, поскольку с разложением тела рассеиваются и ее атомы.

Рассуждая над процессом познания, мыслитель разрабатывает теорию образов или «истечений», которая становится основой всех последующих материалистических теорий познания. Смысл ее состоит в том, что зрение, обоняние и слух сводятся к «особого рода осязанию». Демокрит так пишет о зрении: отражение не прямо возникает в зрачке, но воздух, лежащий между глазом и видимым [предметом], получает отпечаток, сдавливаясь видимым и видящим. Дело в том, что от всего всегда происходит некоторое истечение. Затем воздух, став плотным и приняв иной цвет, отражается во влажной части глаз. Плотное не принимает отражения, влажное же пропускает [его]. Поэтому влажные глаза для зрения лучше сухих» [13]. Эту материалистическую линию рассуждений в теории образа мы неоднократно встретим далее, в трудах различных выдающихся ученых. Например, Дени Дидро прямо сравнивал мозг с воском, на котором вещи оставляют свой отпечаток. А В.И. Ленин указывал: «...Логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...» [10]. Таким образом, источник образа в материалистических теориях всегда находится в мире материального. Конструирование образа связано со свойством материи, сходным с ощущением.

Интересно также как Демокрит объясняет тот факт, что наши чувственные восприятия иногда не совсем верно, а порой даже искаженно отражают окружающую нас действительность. Источник ложных чувственных восприятий Демокрит видит прежде всего не в субъективном, а в объективном. Объективным источником искажения действительности он считает непостоянство, непродолжительность существования «образов» и «отпечатков», их быстрое «рассеивание», или наложение друг на друга [13].

Противоположная точка зрения на природу образа принадлежит Платону (427–347 г. до н.э.), который

утверждает реальность идеального, выступая тем самым как родоначальник *идеалистической линии* в философии. Мир истинного, вечного и неизменного бытия – это умопостигаемая, интеллигибельная реальность. Предметом мышления являются бестелесные образования – (эйдосы) идеи. Мир идей представляет собой иерархически организованную целостность и истинную причину чувственного мира. Чувственный мир реален ровно в той степени, в которой он соответствует миру идеального. Об образах Платон упоминает в своем диалоге Государство, где он уподобляет чувственный мир, в котором живут люди – пещере, узникам которой реальность дается через органы чувств. От истинного мира идей до узников доходят лишь смутные тени – образы Пещеры. То есть, Платон указывает на ненадежность наших органов чувств и на приоритет разума. Также мыслитель замечает, что посредством образов мы оперируем опытом, накопленным в мире зримого, с целью постижения идей, присутствующих в области умопостигаемого.

В одном из диалогов Сократа со своим учеником Платон так описывает место образов в процессе познания: «Для сравнения возьми линию, разделенную на два неравных отрезка. Каждый такой отрезок, то есть область зримого и область умопостигаемого, раздели опять таким же путем, причём область зримого ты разделишь по признаку большей или меньшей отчетливости. Тогда один из получившихся там отрезков будет содержать образы. Я называю так прежде всего тени [...] и все подобное этому. [...] душа в своем стремлении к умопостигаемому [...] не в состоянии выйти за пределы предполагаемого и пользуется лишь образными подобиями [...]» [14].

Аристотель (384–322 г. до н.э.) ставит задачу найти нечто устойчиво пребывающее, инвариантное в чувственном мире, чтобы сделать возможным достоверное и доказательным научное знание подвижного и изменчивого природного мира. В результате Аристотель дает понятие сущности немного иное, чем у Платона, толкование. Он отвергает учение об идеях как сверхчувственных умопостигаемых предметах, отделенных от «причастных» им вещей, существующих *до* этих самых вещей. В своем учении о формах Аристотель называет сущностью (бытием) индивидуумы (индивидуум – неделимое), например, вот этого человека, вот эту лошадь и так далее. Познавать мы можем конкретный предмет с помощью своих органов чувств. Далее с помощью разума из частного происходит выделение общего. Форма Аристотеля, являясь одной и той же и вместе с тем общей для множества вещей, относится не к классу вещей как к целому, а отдельно к каждой вещи. То есть общее не существует «до вещей», отдельно от единичного, она реально существует в самих единичных вещах. Обобщение по Аристотелю является высшей ступенью познания, наукой: «животные пользуются в своей жизни представлениями и воспоминаниями, а опыту причастны мало; человеческий же род пользуется в своей жизни также искусством и рассуждениями. Появляется опыт у людей благодаря памяти; а именно многие воспоминания об одном и том же предмете приобретают значение одного опыта. И опыт кажется почти одинаковым с наукой и искусством. А наука и искусство возникают у людей через опыт» [3]. Источником образа для Аристотеля является не идеальный, а материальный мир, точнее, сенсорные данные о нем. Но образы все также возникают во внутреннем мире человека. Это нематериальные образования, которые служат посредниками между чувствами и разумом. Их главной задачей является построение связи между внутренним миром сознания и внешним миром материальных объектов [4].

Подводя итог древнегреческому периоду, отметим, что образ есть универсальная форма и продукт человеческого сознания, в его гносеологической трактовке сталкиваются два противоположных подхода: материалистический, согласно которому сознание – отражение мира, и идеалистический, согласно которому сознание – начало мира, демиург мира. Для линии Демокрита возникающие в сознании человека образы есть результат внешнего воздействия объекта, для линии Платона – результат внутренней активности субъекта. Так, учение Демокрита об истечениях (образах), постоянно истекающих от предметов и попадающих в органы чувств человека, противостояло учению Платона о знании – припоминании (анамнесисе) бессмертной и самодвижущейся души [11]. Общим для всех мыслителей периода было понимание бытия как чего-то неизменного, а также разделение понятий мнения и знания. Мнение – это представление, получаемое с помощью несовершенных органов чувств, а знание – это нечто достоверное, что становится доступным посредством мышления, генерализации представлений и опыта.

В эпоху **Средневековья** (V–XV вв.) античный космоцентризм сменился на христианский теоцентризм. Реальностью, определяющей все сущее, для средневекового мышления является не природа, а Бог. Высокий уровень формально-логического мышления и невозможность тем не менее понятийного осмысления многих явлений природной и социальной действительности, поиски выхода из тупиков духовной жизни в религиозно-мистической сфере и неудовлетворенность простотой и примитивностью традиционных религиозных культов и учений, несоответствие глубин только что открытого внутреннего, духовного мира человека и его обыденной деятельности и т.п. противоречия, обострившиеся в период поздней античности, привели ее философию, теологию и эстетику к всеобъемлющему символизму и аллегоризму [6]. Мир – это книга, написанная рукою Бога, в которой каждое существо представляет собой слово, полное смысла... Символ, следовательно, не субъективен, а объективен, общезначим. Путь к познанию мира лежит через постижение символов, их сокровенного смысла. Символизм средних веков – средство интеллектуального освоения действительности» [6]. Все бытие предстает в раннехристианской философии грандиозной всеобъемлющей и всепронизывающей системой образов. Диапазон значений этой категории велик – от иллюзорного подражания до условного знака. С помощью этой категории описывается весь универсум, человеческое общество, сам человек, произведения рук его, тексты Св. Писания – т.е. все объекты, попадающие в сферу человеческого интеллекта [6].

Вклад средневековья в теорию образа наиболее ярко иллюстрирует принцип, сформулированный Блаженным Августином, и служившим аксиомой в этот период. Согласно этому принципу познаваемое, присутствуя так или иначе в познающем, содержится в нем не в том виде, в каком оно существует в своей собственной субстанции, а соответственно природе познающего [15]. Образ материальной вещи, возникая в духовной природе познающего и принимая участие в ее свойствах и совершенствах, настолько же выше самой вещи, насколько вообще дух выше тела. Душа, по своему существу, есть жизнь, и образ бездушной вещи, находясь в разуме познающего, сам в некотором роде становится жизнью. То есть образ материальной вещи, который возникает в уме человека и включает в себя свойства и качества материальной вещи, является более высоким, чем сама эта вещь. Когда же мы познаем что-то высшее (имеется в виду познание Бога), сам наш дух возвышается,

и становится лучше и совершеннее. То есть познающий и познаваемое как бы изменяют друг друга. Возвышенный образ возвышает субъекта познания. В то же время внутренний мир познающего влияет на получаемый образ, изменяет, «оживляет» его. Позднее в арсенале уже материалистической теории появится противоположный принцип: бытие определяет сознание. Здесь очевидна разница двух подходов: идеалистические теории утверждают приоритет внутреннего (духа), тогда как материалистические – главенство внешнего (материи).

Подводя итог средневековому периоду, отметим, что понятие образа играет важную роль в теории познания и теории восприятия этого периода. Роль символов и образов представляется как важное звено в процессе познания и восприятия, а также в сфере понимания Бога, божественных законов и приобщения к божественному разуму. Развивается представление о субъективности восприятия, исследуются аксиологические аспекты конструирования образа.

В период **Нового времени** (в период с XV века до конца XVIII века) развитие нового буржуазного общества порождает изменения не только в экономике, политике и социальных отношениях, оно меняет и сознание людей. Важнейшим фактором такого изменения оказывается наука, и прежде всего экспериментально-математическое естествознание. В философии на первый план выходят проблемы теории познания – гносеологии. В теории образа продолжается полемика материализма и идеализма. Эти два направления в XVII веке принимают форму *эмпиризма* и *рационализма* [18].

Основоположником эмпиризма стал английский философ Фрэнсис Бэкон (1561–1626). Различные элементы эмпиризма развивались далее Томасом Гоббсом (1588–1679) и Джоном Локком (1632–1704). Всякое познание по Бэкону должно опираться на опыт, то есть идти от изучения единичных фактов к общим положениям (индуктивный метод). Однако, достигнуть истинного знания достаточно сложно, поскольку человек подвержен заблуждениям и различного рода предрассудкам, которые Ф. Бэкон называл «идолами». Ученый выделял четыре вида идолов: идолы пещеры, идолы театра, идолы площади и идолы рода. Все человеческое знание, Ф. Бэкон подразделяет на три вида, соответствующие трем интеллектуальным способностям – память, воображение и рассудок [7]. Вначале появляется ощущение от единичного объекта, затем образы воспринятого остаются в памяти в своем первоизданном виде, и уже после этого душа перерабатывает их при помощи рассудка. Говоря о памяти, Бэкон вводит в обиход такие понятия, как «предварительное знание» и «эмблема» [1,7]. Под предварительным знанием Бэкон понимает некое ограничение пространства поиска: «...если ум обладает каким-то определенным предварительным знанием, то тем самым бесконечность немедленно обрывается и память действует уже на более знакомом и ограниченном пространстве». Что касается эмблемы, то ее можно рассматривать как явленный в сознании образ предмета или явления. «Эмблема же сводит интеллигибельное к чувственному, а чувственно воспринимаемое всегда производит более сильное воздействие на память и легче запечатлевается в ней, чем интеллигибельное... Поэтому легче запомнить образ охотника, преследующего зайца, или аптекаря, окруженного пробирками, или судьи, произносящего речь, или мальчика, читающего стихи наизусть, или актера, играющего на сцене, чем сами понятия нахождения, расположения, выражения, памяти, действия.» [7]. Таким образом, переводя умопостижимое в чувственное эмблема облегчает запечатление и последующее воспроизведение информации, а, сле-

довательно, и весь процесс познавательной деятельности [17].

Английский мыслитель Джон Локк, критикуя концепцию врожденных идей Рене Декарта, о которой будет сказано далее, в своем основном философском труде «Опыт о человеческом разумении» (1690) предложил теорию *Tabula rasa* (с лат. – «Чистая доска») [12]. Согласно этой концепции, ребенок рождается без каких-либо врожденных идей или знаний и его разум можно сравнить с чистым листом, на которой ещё не начертаны никакие образы или понятия. Локк признавал роль врожденных способностей, но считал, что они не определяют содержание человеческого разума. Напротив, ключевую роль в формировании понятий и знаний у человека играют опыт и восприятие посредством чувств. По Локку, все знания и образы формируются на основе чувственного опыта (первичного источника знаний) и рефлексии (процессе размышления и анализа чувственных данных). Таким образом, эмпиризм утверждает, что всякое знание возникает из непосредственного взаимодействия с миром через чувства и восприятия, то есть имеет своим источником опыт. Соответственно, конструирование образов происходит благодаря восприятию и опыту. Все образы и идеи формируются путем сочетания простых ощущений, которые далее комбинируются и обрабатываются, создавая более сложные концепции. Развивается представление о наличии искажений и препятствий для объективного познания и конструирования точных образов реальности. Подчеркивается важность устранения этих искажений через строгий эмпирический метод и методическую индукцию.

Рационализм – от лат. *rationalis* – разумный, в гносеологии утверждает, что в нашем сознании есть знание, которое нельзя вывести, дедуцировать из эмпирических данных. Более того, для того чтобы иметь возможность ориентироваться в мире, необходимо наличие некоторого предзнания, которое носит универсальный, всеобщий, необходимый характер [2]. Для рационализма характерно убеждение в онтологическом превосходстве умопостигаемого мира над чувственным. Виднейшим представителем рационализма является французский философ Рене Декарт (1596–1650), который начинает свои философские построения с радикального сомнения. Сомнение у Декарта носит характер методического приема, с помощью которого мы освобождаем себя от всех суждений до этого, принимавшихся на веру. Мыслитель называет *cogito ergo sum* (я мыслю, следовательно, я существую) первоначальной интуицией, которая постигается мгновенно, ясно и отчетливо. Эта интуиция является аксиомой [19]. Декарт признает существование двух независимых друг от друга субстанций – мыслящей (*res cogitans*), которая открывается человеку непосредственно (процесс мышления и сознания является неоспоримым и очевидным для самого мыслящего) и материальной (*res extensa*), которую мы познаем опосредованно, через взаимодействие с отдельными вещами. Мыслящая субстанция имеет в себе врожденные идеи, которые присущи ей изначально, а не приобретены в опыте. Мыслящая субстанция определяется своей способностью к самосознанию и сознательному размышлению. Это делает её *независимой* от внешних материальных объектов и опосредованных способов познания, подчеркивает активную роль субъекта (мыслящего «Я») в процессе познания и существования. Что касается материальной субстанции, то ее Декарт отождествляет с природой, которую он приравнивает к протяжению, то есть к чистому количеству, которое можно познать, используя механистические законы. В теории образа такой дуализм неизбежно приводит к пониманию того, что духовное и фи-

зическое предоставляют различные виды реальности, которые трудно свести друг к другу [16]. Из построений Декарта следует, что любой образ, априори, субъективен. Мыслитель рассматривает сознание индивида («Я») независимо от окружающего мира и включает образы, воображение в структуру «Я» [4]. Учение Декарта о «Я» знаменует собой начало формирования концепции самосознания. С этого момента в философии утверждается идея о субъекте познания, который противопоставляется познаваемому объекту.

Подводя итог периоду Нового времени, отметим, что в это время наблюдается определенное возрождение античных дискуссий. В отношении источника образа полемика ведется между эмпириками (Фр. Бэкон, Дж. Локк), утверждающими, что источник образа в опыте, а различия в восприятии объясняются искажениями (идолами) разума, и рационалистами (Р. Декарт), которые считают, что в нашем сознании есть знание, которое нельзя вывести, дедуцировать из эмпирических данных, а различия в восприятии объясняются субъективностью восприятия. Также, именно этому времени мы обязаны появлением категории самосознания, которую не знала ни Античность, ни Средневековье. Значимость сознания, его роли в процессе познания, – обусловлено влиянием христианской цивилизации, породившей высокую ценность «внутреннего человека». Это понимание внутренней природы человека в мысли Нового времени эволюционировало в категорию «Я». Оба философских направления – эмпиризм, и рационализм рассматривают познание субъекта гносеологически, то есть – как противостоящего объекту. Это создает особый образ мышления, в котором вся действительность делится на субъекта, познающего мир, и объект его познания. Такое развитие гносеологии позволяет далее говорить о рефлексии, критическом мышлении, а следовательно возможности коррекции восприятия и сформированных образов.

Позднее в **Эпоху Просвещения** (XVII–XVIII вв.), Эммануил Кант (1724–1804) укажет на важнейшую роль в восприятии и познании априорных, независимых от опыта, категорий разума (это: пространство, время, количество, качество, отношение и модальность). Кант указывал: «Определенные формы нашего мышления – прежде всего, пространство и время – принадлежат не вещам в себе, но только к нашему способу восприятия; они не являются свойствами предметов, но суть лишь условиями нашего восприятия [9].

Также важную роль в теории познания и эстетики Канта играет различие между репродуктивной и продуктивной способностью воображения. Репродуктивная способность воображения, по Канту, представляет собой способность умственно воспроизводить воспоминания и впечатления, полученные из опыта. Эта способность позволяет уму воссоздавать прошлые визуальные, звуковые и другие сенсорные впечатления, а также сохранять и использовать информацию из прошлого опыта.

Продуктивная способность воображения, согласно Канту, относится к способности умственно создавать новые образы, которые не могут быть точным воспроизведением предыдущего опыта. Это творческое измерение воображения, позволяющее выходить за рамки конкретного опыта и создавать новые идеи, образы и концепции. Таким образом, из теории Канта следует, что образ является отпечатком, причиной которого является внешний мир, однако он неотделим от априорных, репродуктивных и продуктивных способностей человеческого разума.

Новизной **современного периода** (начало XIX века – до н.в.) выступили положения о социальном конструировании реальности, которые вобрали в себя поло-

жения и материалистической и идеалистической линий рассуждения.

Материалистическая линия рассуждения, которая эволюционировала в теорию отражения, утверждает, что нет никакого образа самого по себе, есть только образ предмета. Это понимание отличается от понимания образа в идеалистической традиции, где идеи – это чисто субъективные состояния, отношения идей, ощущений, мыслей к вещам оказывается соответствием между разнородными по существу членами двух параллельных рядов, где образы могут быть в лучшем случае только знаками материальных реальностей, находящиеся лишь в формальном соответствии с ними, совпадающие с этими реальностями по внешним соотношениям, но никак не раскрывающими сущность вещей [16]. В противоположность этому теория отражения утверждает, что образ не есть знак предмета. Образ, не может существовать безотносительно к предмету, отображением которого он является. Мы воспринимаем не образы, а предметы, материальные вещи – в образах. То есть первоначальный путь ведет не от сознания к вещи (как в идеализме), а от вещи к сознанию. Отношение образа к предмету познания выражено *процессом, деятельностью, взаимодействием*. Образ, включенный в этот процесс, в котором он только и существует, выходит из якобы *статического* отношения к предмету. В процессе познания один образ сменяется другим, более адекватным, более глубоким [16]. То есть работает механизм все более сфокусированной и ясной оптики, которая может быть направлена на объект познания, «освещающая», подсвечивая его, делая все более явным.

Доминирующей идеей идеалистической линии, которая представлена феноменологией, становится то, что «любая реальность и мир в целом, который мы воспринимаем как существующий, существует, можно сказать, только в качестве содержания наших собственных представлений, как нечто высказанное в суждениях или, лучше сказать, прошедшее проверку в процессе познания», т.е. сконструированное в сознании, закодированное в вербальные коды или образ (невербальное средство коммуникации) и переданное другим участникам познания [8]. Концепция сознания и мира выстраивается на основе понятия интенциональности, понимаемой как направленность сознания на объект. Основным методологическим принципом данной философии является принцип феноменологической редукции. Он заключается в воздержании (эпохе) от веры в реальность окружающего мира, процессом освобождения сознания от натуралистической установки [8]. При помощи практики эпохе мы получаем эйдос мира, его идеальную ценность. Образ не просто копия внешнего мира, а скорее способ, с помощью которого мы воспринимаем и осознаем объекты в мире. Феноменология рассматривает сознание как активный процесс конструирования и структурирования мира через образы. Образы не являются статичными копиями мира, а скорее активно формируются и структурируются сознанием.

Феноменология, переработанная австрийским социологом Альфредом Шюцом (1899–1959) в феноменологическую социологию будет являться главным идейным источником для детальной разработки основных категорий и тем социологии знания в феноменологической перспективе социологами Питером Бергером (1929–2017) и Томасом Лукманом (1927–2016). Основная идея Бергера и Лукмана состоит в том, что реальность социально конструируется, то есть *то*, что люди считают «реальностью», создается и поддерживается в процессе социальных взаимодействий [5]. Реальность, в их понимании, не существует объективно, независимо от чело-

веческого сознания, а формируется через человеческие действия и отношения. Работа Бергера и Лукмана «Социальное конструирование реальности» (The Social Construction of Reality), опубликованная в 1966 году, оказала значительное влияние на современное представление о теории конструирования образа. Понимание процессов, посредством которых реальность конструируется, позволяют иницировать и корректировать конструирование реальности, то есть современное общество способно воздействовать не только на окружающий мир, но и на само себя. Образ здесь выполняет функцию некой ориентации, целостного представления о должном, который объединяет усилия всех акторов, осознанно или нет участвующих в процессе конструирования социальной реальности.

Подводя итог современному этапу и всей истории теории конструирования образа, отметим, что текущее понимание теории образа складывается из отдельных положений материалистической и идеалистической линии рассуждения. Материалистическая линия рассуждения, которая всегда утверждала первичность материального, привнесла положение о непрерывности процесса конструирования образа. Образ активен, каждый раз взаимодействуя с субъектом, он воздействует на него. Происходит постоянное движение от «размытого», «неясного», неточного образа к более четкому, детализированному и подробному. Идеалистическая линия указывает на интенциональную природу сознания. Сознание всегда «о чем-то» или «на что-то» направлено. Мир не просто дан нам объективно и независимо от нашего сознания, а появляется через наше сознание и его взаимодействие с объектами. Интенциональность подчеркивает субъективный характер любого опыта. Восприятие мира всегда связано с нашим личным, субъективным взглядом, который может включать культурные, исторические и личные контексты. Это не означает, что мир субъективен в смысле нереальности, но что наша осведомленность о мире всегда формируется через призму индивидуального сознания. Таким образом, различные группы могут формировать и поддерживать разнообразные, иногда заметно различающиеся, версии реальности. Это означает, что общество способно конструировать не единственно возможный мир, а множество альтернативных реальностей, каждая из которых отражает уникальные сочетания социальных норм, ценностей и знаний.

Литература

1. Агафонов А. Ю., Волчек Е.Е. Психология мнемических явлений. // Самара. Универс-групп. – 2005. – 119 с.
2. Алексеев А. П., Васильев Г.Г. Краткий философский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. // Москва. Блок-Принт. –(2022. – 496 с.
3. Аристотель. Метафизика // Россия. Эксмо. – 2019. – 480 с.
4. Белоусова Ю.В. Феномен образа: генезис, онтология, функционирование в медиапространстве // Алетейя. – 2018. –128 с.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности // М.: Медиум. – 1995. – 322 с.
6. Бычков В.В. Эстетика отцов церкви: Апологеты. Блаженный Августин. // Ладомир. – 1995. – 593 с.
7. Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Сочинения в двух томах. АН СССР, Ин-т философии. 2-е изд., испр. и доп. // Москва: Мысль. – 1977. – Т. 1. –567 с.
8. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис ев-

ропейского человечества и философии. Философия как строгая наука. // М.: АСТ. – 2000. – 752 с.

9. Кант И. Критика чистого разума, Соч.т. 3. // М.: Мысль. – 1964. – 959 с.
10. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. // Москва: Госполитиздат. –1965. –Т. 18–525 с.
11. Лойфман И.Я. Категория образа в марксистско-ленинской гносеологии: структура и функции: сборник научных трудов. // Свердловск. УрГ У. – 1986. – 147 с.
12. Локк Д. Опыт о человеческом разумении. // Direct-MEDI A. – 1985. – 736 с.
13. Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты. // Изд-во АН Азерб. – 1946–401 с.
14. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3 Ч. 1. Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. // СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та. «Изд-во Олега Абышко». – 2007. –752 с.
15. Попов И.В. Труды по патрологии в 2-х т. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Московская Духовная Академия. Т. 2. // Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Московская Духовная Академия. – 2005. – 776 с.
16. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. // Издательский дом «Питер». – 2016. – 399 с.
17. Сайфутдинова Ю.Ф. Имидж государства как комплексный феномен: механизмы формирования в дискурсе социальной синергетики. // Казань. – 2019. – 120 с.
18. Фролов И. Т., Араб-Оглы Э.А., Арефьева Г.С. и др. Введение в философию: учебник для вузов: 2-х ч. // Москва: Политиздат. – 1989. – Ч. 1. – 367 с.
19. Хитров, А.В. Критика Кантом учения Декарта о cogito. Форум молодых кантоведов (По материалам Международного конгресса, посвященного 280-летию со дня рождения и 200-летию со дня смерти Иммануила Канта). // М., – 2005–208 с.
20. Шмыгин В.А., Шульц В.Л. Социальные технологии трансляции образа государства. Национальная безопасность / Nota bene. – 2022– № 6. – С. 71–82. doi: 10.7256/2454-0668.2022.6.39273

EVOLUTION OF VIEWS ON CONSTRUCTING THE IMAGE OF THE STATE IN THE CONTEXT OF THEORIES OF PERCEPTION AND COGNITION

Gusakova O.S.

Lomonosov Moscow State University

The article examines the problem of image construction as a fundamental element of the cognitive process. The research aims to provide a theoretical analysis of the development of image theory from ancient Greek times to the present. Employing a historical method, the author analyzes a corpus of works on perception and cognition theory by prominent thinkers across different epochs, with a focus on studies addressing image construction. Several important aspects are identified: firstly, the issue of image construction is linked to identifying its primary source. Secondly, two traditional approaches to solving this problem are delineated, and their evolution is traced. Thirdly, an analysis of contemporary views on image construction is conducted, their continuity with respect to the two

traditional approaches is examined. As a result, the author establishes the origins and development of concepts underlying the modern understanding of image construction, identifying key stages and paradigm shifts in this field, thereby contributing to a deeper understanding of the evolution of knowledge in this area.

Keywords: image, image construction, image theory, image creation, theory of perception.

References

1. Agafonov A. Yu., Volchek E.E. Psychology of mnemonic phenomena. // Samara. Universal group. – 2005. –119 p.
2. Alekseev A.P., Vasiliev G.G. Concise philosophical dictionary. 2nd ed., revised. and additional // Moscow. Block Print. – 2022. – 496 p.
3. Aristotle. Metaphysics // Russia. Eksmo. – 2019. – 480 p.
4. Belousova Yu.V. Phenomenon of the image: genesis, ontology, functioning in the media space // Aletheia. – 2018. –128 p.
5. Berger P., Luckmann T. Social construction of reality // M.: Medium. – 1995. – 322 p.
6. Bychkov V.V. Aesthetics of the Church Fathers: Apologists. Blessed Augustine. // Lodomir. – 1995. – 593 p.
7. Bacon F. The Great Restoration of Sciences. Works in two volumes. USSR Academy of Sciences, Institute of Philosophy. 2nd ed., corrected and enlarged // Moscow: Mysl. – 1977. – Т. 1. –567 p.
8. Husserl E. Logical Investigations. Cartesian Reflections. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. The Crisis of European Humanity and Philosophy. Philosophy as a Rigorous Science. // M.: АСТ. – 2000. – 752 p. .
9. Kant I. Critique of Pure Reason, Works.v. 3. // M.: Mysl. – 1964. – 959 p.
10. Lenin V.I. Complete Works. Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU. 5th ed. // Moscow: Gospolitizdat. –1965. –V. 18–525 p.
11. Loifman I. Ya. The category of image in Marxist-Leninist epistemology: structure and functions: collection of scientific papers. // Sverdlovsk. UrS U. – 1986. – 147 p.
12. Locke D. An Essay Concerning Human Understanding. // Direct-MEDI A. – 1985. – 736 p.
13. Makovelsky A.O. Ancient Greek Atomists. // Publishing House of the Academy of Sciences of Azerbaijan. – 1946–401 p.
14. Plato. Works in four volumes. Vol. 3, Part 1. Under the general editorship of A.F. Losev and V.F. Asmus. // St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. that. "Oleg Abyshko Publishing House". – 2007. –752 p.
15. Popov I.V. Works on patrology in 2 volumes. Sergiev Posad: Holy Trinity Lavra of St. Sergius: Moscow Theological Academy. Т. 2. // Sergiev Posad: Holy Trinity Lavra of St. Sergius: Moscow Theological Academy. – 2005. – 776 p.
16. Rubinstein S.L. Being and Consciousness. // Publishing House "Piter". – 2016. – 399 p.
17. Saifutdinova Yu.F. The image of the state as a complex phenomenon: mechanisms of formation in the discourse of social synergetics. // Kazan. – 2019. – 120 p.
18. Frolov I.T., Arab-Ogly E.A., Arefieva G.S. et al. Introduction to philosophy: textbook for universities: 2 parts // Moscow: Politizdat. – 1989. – Part 1. – 367 p.
19. Khitrov, A.V. Kant's Critique of Descartes's Doctrine of the Cogito. Forum of Young Kant Scholars (Based on the materials of the International Congress dedicated to the 280th anniversary of the birth and 200th anniversary of the death of Immanuel Kant). // М., – 2005–208 p.
20. Shmygin V.A., Shults V.L. Social technologies of transmitting the image of the state. National security / Nota bene. – 2022– № 6. – P. 71–82. doi: 10.7256/2454-0668.2022.6.39273

Человекоцентричность как новая парадигма управления человеческими ресурсами

Демененко Инна Арамовна,

к.с.н., доцент кафедры менеджмента, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
E-mail: demenenko-ia@rudn.ru

Актуальность исследования определяется возрастающей турбулентностью экономических и социальных систем, оказывающих влияние на реализацию политики менеджмента компаний и определяющих потребность переориентации системы управления человеческими ресурсами. Автор статьи обращает внимание на острую необходимость смещения локуса руководства с традиционных моделей управления персоналом на новые инструменты, направленные на повышение роли человека и его потребностей в управленческих процессах. В статье представлены примеры лучших практик реализации человекоцентричного подхода в управлении человеческими ресурсами.

Ключевые слова: человекоцентричность, человеческие ресурсы, управление, стратегия, эффективность.

В условиях сегодняшней реальности современное общество переживает сложный период цифровой трансформации, что оказывает масштабное влияние, как на экономические тенденции развития, так и социальные. Соответственно, перед государством и бизнес-структурами стоит задача создания новой технологической среды, включающей возможности внедрения цифровых и социальных инноваций одновременно.

В настоящее время все больше компаний проводят модернизацию организационных структур управления, совершенствуют технологии менеджмента, а также активно переориентируют парадигму управления человеческими ресурсами, в рамках которой компании ориентируются не на подбор новых сотрудников, а на удержание и развитие уже имеющихся.

По данным исследования аналитического агентства HRTech-решений TalentTech, данного подхода придерживаются уже 71% российских компаний [1].

Также, по данным опроса компании UTEAM, проведенного осенью 2022 года, «80% организаций приостановили или резко сократили подбор новых сотрудников, признавая, что стали прорабатывать механизмы более рациональной работы с текущим персоналом и повышения общей производительности труда. Это необходимо, так как задачи в кризисный период расширяются и усложняются, а компании не обладают достаточными ресурсами для расширения штата» [2].

Соответственно, актуализируются тенденции оптимизации бизнес-процессов, направленные на построение более эффективного и рационального использования имеющихся человеческих ресурсов. Данного рода инновационные решения определяют интерес менеджмента компаний к новой парадигме человекоцентричности в сфере управления человеческими ресурсами.

Термин «человекоцентричность» характеризует компании, которые концентрируются не только на ведении бизнеса, но и на удовлетворении потребностей сотрудников как главных поставщиков финансового успеха организации [3]. Многие признают человекоцентричность как следующий этап развития клиентоориентированного подхода, в рамках которого сотрудник воспринимается скорее не как исполнитель поставленных компанией задач, сколько как ее главный внутренний клиент и партнер [4].

На сегодняшний день отсутствует единый подход к определению понятия человекоцентричности, что конечно же, обусловлено новизной данного феномена. В 2016 году международная организация по стандартизации ISO выпустила стандарт 27500 «The human-centred organization – Rationale and general principles», описывающий принципы человекоцентричных организаций и риски, связанные с отсутствием в компании практик, ориентированных на человека, а именно:

- компания использует индивидуальные различия сотрудников как организационную силу;
- компания применяет общесистемный подход к работе: понимает организационную структуру, взаимодействие ее компонентов и вытекающие результаты;
- компания гарантирует, что здоровье, безопасность и благополучие являются ее приоритетами;

- компания считает своим стратегическим приоритетом эргономичность и доступность создаваемых и внедряемых ею информационных продуктов и решений, направленных на улучшение опыта сотрудника;
- компания ценит своих сотрудников и формирует осмысленную рабочую среду, в частности развивает корпоративную культуру и поощряет стремление к непрерывному обучению;
- компания открыта и заслуживает доверие, в том числе внедряет социальные политики, которые могут быть выполнены на всех уровнях организации;
- компания социально ответственна по отношению к сотрудникам, сообществам и окружающей среде [5].

Современный этап внедрения человекоцентричного подхода в различные сферы управления в России определяется 2023 годом (Петербургский Международный экономический форум), где представители Росатома, Газпрома и Академии народного хозяйства учредили Международный альянс человекоцентричных организаций.

Цель создания Альянса – «запуск международной площадки для кооперации со всеми заинтересованными организациями в качественном изменении рынка труда, выработка системных мер в области заботы о сотрудниках, изменение культуры отношений между работодателями и сотрудниками через информирование, экспертные дискуссии и обмен лучшими практиками» [6].

Среди российских компаний одним из лидеров внедрения человекоцентричной парадигмы является Росатом. В 2019 году компания заложила человекоцентричность в число своих стратегических «приоритетов 2020–2030» и определила цель – «стать лучшей в раскрытии потенциала и профессиональном развитии сотрудников» [7].

В 2023 году Корпоративная академия Росатом совместно с НИУ ВШЭ провела исследование, в рамках которого построила индекс человекоцентричности, оценивающий, насколько компания ориентирована на удовлетворение потребностей сотрудников и создание пользы для общества.

В основе человекоцентричного подхода Росатома лежит пять базовых принципов: развитие навыков будущего, осознанное развитие, равные и справедливые возможности, трудовая мобильность, ценности и уважение личности.

Компания «Газпром Нефть» реализует следующие управленческие практики по повышению индекса человекоцентричности: привлечение больших инвестиций в развитие сотрудников, внедрение гибких форматов работы, построение долгосрочных комплексных программ заботы о благополучии сотрудников с особым акцентом на защиту здоровья.

В ООО «Отраслевой центр разработки и внедрения информационных систем» (Холдинг РЖД) цифровые сервисы выстроены по принципу человекоцентричности. Как отмечает Наталья Долгачёва (заместитель генерального директора по развитию): «мы учитываем человеческий паттерн, определяем, из каких категорий состоит наша целевая аудитория, и затачиваем сервис под её потребности для того, чтобы социально-кадровые сервисы имели тот самый эффект мотивации, вовлечения и повышения лояльности работников» [8].

Следует отметить, что накопленный опыт крупных компаний может послужить плацдармом для малого и среднего бизнеса при внедрении инструментов человекоцентричности как стратегии развития нового этапа в управлении человеческими ресурсами.

Итак, человекоцентричность является новой парадигмой управления человеческими ресурсами, а также действенным методом системного управления организацией, основанного на понимании, что ее главной ценностью является человек, а максимальная эффективность достигается путем укрепления и раскрытия его потенциала.

Выстраивание алгоритмов менеджмента, основанных на человекоцентричной парадигме управления человеческими ресурсами способствует оптимизации показателей текучести кадров, росту лояльности и приверженности сотрудников, мотивированности и адаптивности, а также повышению показателей производительности труда как важнейших индикаторов устойчивости компании.

Литература

1. Рынок труда в 2023 году: как компании справились с HR-вызовами, 2023. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/638f37479a79474da8946119> (дата обращения: 25.07.2024).
2. Самольянов О.А. Принципы человекоцентричности в современной России: социально-философский анализ // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 3. С. 214–218.
3. Жураховский А.С., Федотова М.А. Особенности управления российскими компаниями с точки зрения индекса человекоцентричности // Дружковский вестник. 2023. № 4 (54). С. 119–126.
4. Штроо В.А. Человекоцентрированный подход и практика управления персоналом в российских организациях // Организационная психология. 2016. Т. 6, № 3. С. 91–104.
5. ISO 27500:2016. The human-centred organization. Rationale and general principles. – URL: <https://www.iso.org/standard/64239.htm> (дата обращения: 24.07.2024).
6. На ПМЭФ-2023 увеличился состав Альянса человекоцентричных организаций. – URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/651fbbbe9a7947008ce7b940> (дата обращения: 25.07.2024).
7. Макаревич А.В., Макарова О.Ю. Человекоцентричность как современный подход к управлению персоналом: опыт зарубежных и российских компаний // Экономика и предпринимательство. 2024. № 5 (166). С. 1113–1118.
8. «Человекоцентричность» как тренд. – URL: <https://vnutricom.ru/media/reviews/chelovekotsentrichnost-kak-trend-o-chem-rasskazali-rosatom-vkusvill-rzhd-i-qiwi-na-intercomm-club/> (дата обращения: 25.07.2024).

PEOPLE-CENTRICITY AS A NEW PARADIGM FOR HUMAN RESOURCE MANAGEMENT

Demenenko I.A.

Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba

The relevance of the study is determined by the increasing turbulence of economic and social systems that influence the implementation of company management policies and determine the need to reorient the human resource management system. The author of the article draws attention to the urgent need to shift the locus of leadership from traditional models of personnel management to new tools aimed at increasing the role of a person and his needs in management processes. The article presents examples of best practices for implementing a human-centric approach in human resource management.

Keywords: people-centricity, human resources, management, strategy, efficiency.

References

1. Labor market in 2023: how companies coped with HR challenges, 2023. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/638f37479a79474da8946119> (accessed: 25.07.2024).
2. Samolyanov O.A. Principles of human-centricity in modern Russia: social and philosophical analysis // Social and humanitarian knowledge. 2024. No. 3. pp. 214–218.
3. Zhurakhovsky A.S., Fedotova M.A. Features of management of Russian companies from the point of view of the human-centricity index // Drucker Bulletin. 2023. No. 4 (54). pp. 119–126.
4. Shtroo V.A. Person-centered approach and practice of personnel management in Russian organizations // Organizational psychology. 2016. T. 6, no. 3. pp. 91–104.
5. ISO 27500:2016. The human-centered organization. Rationale and general principles. URL: <https://www.iso.org/standard/64239.htm> (access date: 24.07.2024).
6. At SPIEF 2023, the membership of the Alliance of People-Centered Organizations has increased. – URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/651fbbbe9a7947008ce7b940> (access date: 25.07.2024).
7. Makarevich A.V., Makarova O. Yu. Person-centricity as a modern approach to personnel management: the experience of foreign and Russian companies // Economics and Entrepreneurship. 2024. No. 5 (166). pp. 1113–1118.
8. «Human-centricity» as a trend. – URL: <https://vnutricom.ru/media/reviews/chelovekotsentrichnost-kak-trend-o-chem-rasskazali-rosatom-vkusvill-rzhd-i-qiji-na-intercomm-club/> (access date: 25.07.2024).

Перекресток возможностей: социальная поддержка как фактор успешного трудоустройства молодежи

Козырева Лариса Дмитриевна,

д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий, Северо-Западный институт управления РАНХиГС
E-mail: kozyreva-ld@ranepa.ru

Проблема социально-правовой защиты молодежи в сфере занятости является важной проблемой на современном этапе развития Российской Федерации, так как молодые люди являются наименее конкурентоспособным и слабо защищенным слоем населения. В этом смысле обеспечение занятости современной молодежи представляет собой важнейшее направление социальной политики. Молодежный рынок труда в России характеризуется нестабильностью и несоответствием между потребностями рынка и подготовкой специалистов в учебных заведениях, что делает вопрос занятости и безработицы среди молодежи особенно актуальным. Предоставлением государственных услуг по трудоустройству граждан занимаются Агентства (центры) занятости населения (АЗН), основная цель которых – борьба с безработицей на местах, в том числе и молодежной. При этом сама молодежь зачастую не удовлетворена предлагаемой работой, заработной платой и условиями труда, и нередко отказывается от трудоустройства по полученной специальности, в том числе и услуг АЗН. Методом анкетирования молодежи (N=100), получающей услуги в АЗН Центрального района Санкт-Петербурга, проверяется гипотеза, что современная молодежь обращается в службы занятости в основном для осуществления социальных выплат, помощи в поиске подходящей работы и трудоустройства на временное место работы.

Ключевые слова: занятость, трудоустройство молодежи, Санкт-Петербург, Центры занятости, молодежный рынок труда.

Введение

Российский рынок труда в последние годы претерпевает значительные изменения, связанные как с внутренними, так и с внешними факторами. С одной стороны, уровень безработицы остается относительно низким, экономика страны после пандемии восстановилась, чему во многом способствовало государственное стимулирование различных отраслей. С другой стороны, нестабильная политическая ситуация и санкции привели к изменению бизнес-моделей многих компаний, сокращению штатов, уменьшению притока рабочей силы из стран ближнего зарубежья и т.д. Кроме того, демографические изменения в стране привели к старению рабочей силы, а молодежь, несмотря на общий низкий уровень безработицы, нередко сталкивается с трудностями в трудоустройстве из-за недостатка опыта, несоответствия вузовской системы обучения требованиям работодателей и другими причинами [5; 7; 12]. При этом именно молодежь является будущим трудовым ресурсом государства, обеспечивает его стабильность и устойчивое экономическое развитие.

Молодежь, являясь одной из самых крупных социально-демографических групп (численность молодежи в России в возрасте от 14 до 35 лет выросла на 12,6 миллиона и достигла в 2020 году 39,1 миллиона человек), составляет основной источник формирования трудового потенциала страны, в которой качественное состояние, экономическая активность, поведение в сфере занятости напрямую влияет на качественную реализацию рыночных реформ. Проблема социально-правовой защиты молодежи в сфере занятости является важной проблемой на современном этапе развития нашего государства, так как молодые люди являются наименее конкурентоспособным и слабо защищенным слоем населения на современном рынке труда в современной России. В этом смысле обеспечение занятости современной молодежи представляет собой важнейшее направление социальной политики. К сожалению, далеко не всегда молодому человеку удаётся самостоятельно найти подходящую работу вследствие воздействия множества социальных, экономических или психологических факторов [9]. Сегодня, в период значительных общественных изменений, связанных с переориентацией глобальной политики Российской Федерации и необходимости возобновления традиционных ценностей, важнейшую роль приобретает социальная поддержка молодежи. В целях развития человеческого потенциала молодежи сегодня создаются новые возможности для их личностного роста и инициативного проявления. Вследствие этого возрастает необходимость в усложнении критериев для оценки их потребности в социальной поддержке [4].

Цель данной работы – проанализировать защищенность молодежи на рынке труда и на основе полученных данных предложить рекомендации, направленные на совершенствование системы взаимодействия молодежного трудового ресурса со сферой занятости. Объектом исследования послужила социальная поддержка молодежи в сфере занятости как направление социальной политики, предмет исследования – механизмы социальной поддержки в сфере занятости молодежи, существу-

ющие в Агентстве занятости населения Центрального района г. Санкт-Петербурга.

Задачи исследования включали изучение нормативно-правовой основы регулирования молодежной занятости, выявление основных проблем молодежи в сфере занятости, провести оценку уровня удовлетворенности молодежи социальными услугами в сфере занятости на примере Агентства занятости населения Центрального района г. Санкт-Петербурга и разработать рекомендации по улучшению организации работы Агентства занятости населения Санкт-Петербурга в сфере занятости молодежи.

Эмпирической базой послужили материалы анкетирования молодых людей, обратившихся в Центр занятости Центрального района Санкт-Петербурга (N=100). Анкетирование проводилось с 01.03.2024 по 01.04.2024 г.

Исследование проводилось в рамках научной школы «Социальная поддержка молодежи» студенткой Ю. Чернышевой под руководством Л.Д. Козыревой, д. философ. наук.

Молодежь как социально-демографическая группа

Молодежь в России – это социально-демографическая группа лиц в возрасте от четырнадцати до тридцати пяти лет, с установленными законом особенностями прав и обязанностей, включая полное юридическое совершеннолетие с восемнадцати лет¹.

Возрастные границы молодежи обычно определяют периодом полового созревания, который завершается в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет, и интеграцией индивида в социально активную взрослую жизнь. В СССР нижней границей молодежи считался возраст 14 лет, что отражалось в государственной статистике и нормативных документах

Для обоснования верхней границы возраста молодежи необходимы репрезентативные эмпирические данные, которые пока что остаются неполными. Эти данные должны отражать возраст, в котором значительное количество молодых людей достигает устойчивого статуса в профессиональной, общественно-политической и семейной сферах.

На основе данных нормативных документов РФ (№ 489-ФЗ)² молодежь принято делить на четыре возрастные группы: 14–16 лет – подростки, 17–19 лет – юношество, 20–24 года – собственно молодежь, 25–35 лет – старшая молодежь.

Исходя из анализа всех категорий устойчивого социального статуса, верхняя возрастная граница молодежи может быть установлена в пределах от 30 до 35 лет. Таким образом, молодежь представляет собой особую социально-демографическую группу, характеризующуюся специфическим образом жизни, уникальным стилем поведения и культурными ценностями. Молодежь находится на этапе перехода от положения объекта общественного воздействия к роли субъекта социально-преобразующей деятельности. Системная характеристика этой группы включает процесс социализации, который является единством социальной адаптации и индивидуализации и включает этапы самопознания, са-

¹ О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 N 489-ФЗ (последняя редакция) / СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 20.05.2024)

² О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 N 489-ФЗ (последняя редакция) / СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 20.05.2024)

моопределения, самоутверждения, самоорганизации и самореализации.

Процесс формирования молодежи как социальной группы происходит через познавательную и социально активную деятельность, а также через взаимодействие с другими социально-демографическими группами. В результате такого взаимодействия молодежь усваивает и воспроизводит общественные функции, выполняя трансляционные и инновационные задачи, что позволяет рассматривать ее как самостоятельную общественную группу.

В России, несмотря на прогресс в поддержке занятости молодежи, сохраняются проблемы с безработицей, недостатком рабочих мест для выпускников и высокой занятостью в неформальном секторе. Российские реалии определяют развитие высшего образования не с точки зрения потребности специалистов в той или иной области, а с точки зрения фактической «нужности» высшего образования среди населения, причем в безотносительном отношении к выбираемой профессии – скорее по какому – то обычно в обществе гуляет мнение о востребованности высшего образования абсолютно в большинстве сферах трудоустройства. Именно тенденция к получению высшего образования в последние 5 лет привела к резкому увеличению студентов в университетах.

Важным аспектом современной политики поддержки занятости российской молодежи является учет перспективных изменений в социально-демографическом портрете этой группы населения до 2030 года. Важность этих изменений связана с особенностями вовлечения молодежи в трудовую деятельность и существующими проблемами на молодежном рынке труда [3; 11]. В этой связи социальная поддержка молодежи становится одной из приоритетных задач государства. Под социальной поддержкой молодежи можно понимать комплекс мероприятий, направленных на поддержку граждан, оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах, или граждан, обладающих правом на определенные социальные льготы в соответствии с действующим законодательством [10]. При этом важно отметить, что в научной литературе отсутствует единый подход к определению понятий «социальная поддержка молодежи» и «социальная поддержка населения». Несмотря на активное изучение этих терминов как в российской, так и в зарубежной науке, остаются открытыми вопросы о социальном содействии и поддержке в процессе социализации молодых людей, а также об особенностях их интеграции в общество [2]. В ходе анализа обсуждаются механизмы воздействия и влияния, оказываемые на молодежь в различных жизненных ситуациях [1].

Оценка уровня удовлетворенности молодежи социальными услугами в сфере занятости (на примере агентства занятости населения Центрального района г. Санкт-Петербурга)

Проблемная ситуация и обоснование актуальности исследования

Молодежный рынок труда в России характеризуется нестабильностью и несоответствием между потребностями рынка и подготовкой специалистов в учебных заведениях, что делает вопрос занятости и безработицы среди молодежи особенно актуальным [8]. Для того, чтобы трудоустройство было эффективным, целесообразно создание развитой институциональной структуры регионального рынка труда, которая объединяет формальные

и неформальные институты посредничества. Эти институты регулируют взаимодействие субъектов социального партнерства и способствуют согласованию интересов и потребностей всех участников, что обеспечивает успешную интеграцию молодых специалистов на рынке труда.

Предоставлением государственных услуг по трудоустройству граждан занимаются Агентства (центры) занятости населения. Основной целью Агентства занятости населения является борьба с безработицей на местах, в том числе и молодежной, поскольку молодежь до 30–35 лет считается одной из приоритетных целевых групп содействия занятости в рамках программ занятости и трудоустройства.

Острота данной проблемной ситуации обуславливает необходимость оценки качества услуг центров (агентств) занятости молодежи на региональных рынках труда. При этом сама молодежь зачастую не удовлетворена предлагаемой работой, заработной платой и условиями труда, и нередко отказывается от трудоустройства по полученной специальности, в том числе и услуг АЗН.

Гипотеза исследования: современная молодежь прибегает к помощи АЗН в основном для осуществления социальных выплат, помощи в поиске подходящей работы и трудоустройства на временное место работы. Метод сбора информации – анкетирование.

Выборочная совокупность: молодежь, получающая услуги в АЗН Центрального района Санкт-Петербурга. Выборка случайная. Размер выборки – 100 человек. Молодежь возрастной категории: 17–19 лет – юншество, 20–24 года – собственно молодежь, 25–35 лет – старшая молодежь, учитывая параметры пола.

Период проведения опроса: с 01.03.2024 г. по 01.04.2024 г.

Результаты исследования

Количество респондентов составило 100 человек, из которых 73 представители женского пола, 27 представители мужского пола (рис. 6). Молодежь до 20 лет (в том числе и несовершеннолетние от 16–18 лет) в АЗН появляется реже в АЗН чем молодежь от 21–29 лет. Связано это с тем, что молодежь до 20 лет, как правило, имеет род деятельности, связанный с учебой в учебных учреждениях разного уровня.

Стаж работы отсутствует у 72% процентов опрошенных, менее одного года 20% опрошенных, 8% опрошенных имеют стаж работы более одного года.

На вопрос о предоставленных услугах в АЗН молодежь ответила следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Востребованность молодежью отдельных услуг АЗН, %

Варианты ответов	Ответы (%)
Предоставление информации о вакантных рабочих местах в режиме экспресс – обслуживания (плац – автоматы, печатные средства массовой информации, информационные стенды)	28
Организация регистрации в целях поиска подходящей работы	34
Помощь во временном трудоустройстве	40
Оказание содействия в поиске подходящей работы (организация направления к работодателям, подбор трудовых вакансий)	26
Информирование о ситуации на рынке труда	30

Окончание

Варианты ответов	Ответы (%)
Направление на общественные оплачиваемые работы	20
Помощь в развитии самозанятости (предпринимательская деятельность)	35
Консультирование по вопросам внешней трудовой миграции	0
Организация профессиональной переподготовки, повышения квалификации	16
Осуществление психологической поддержки	4
Организация социально – адаптационной деятельности на рынке труда	6
Информирование о ярмарках вакансий	24
Осуществление социальных выплат по безработице	64

Исходя из результатов таблицы можно утверждать, что осуществление социальных выплат по безработице является основной причиной посещения молодыми людьми АЗН. Следует отметить, что молодые люди стремятся получить помощь в развитии предпринимательской деятельности. Минимальную востребованность имеют услуги по вопросам, связанным с внешней трудовой миграцией и психологической поддержкой.

Молодым людям был задан вопрос о времени ожидания в очереди (рис. 1). Больше половины опрошенных молодых людей остались довольны скоростью продвижения очереди в АЗН Центрального р–на СПб. Совсем малая доля тех (4%), кто остался абсолютно неудовлетворен скоростью продвижения очереди при получении государственной услуги.

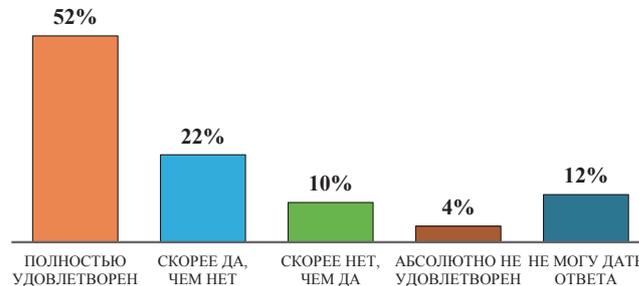

Рис. 1. Распределение респондентов по удовлетворенности ожидания услуги

Молодым людям был задан вопрос, касающийся оценки вежливости и компетентности специалистов, оказывавших государственные услуги. Исследование стремилось определить, насколько специалисты, предоставляющие конкретную государственную услугу, проявляли профессионализм и корректность в общении с молодыми гражданами (см. табл. 2).

Таблица 2. Оценка коммуникации со специалистом АЗН

При предоставлении государственной услуги специалисты Агентства были вежливы и компетентны в решаемом вопросе?	Ответ (%)
Да	66
Скорее да, чем нет	16
Скорее нет, чем да	8
Нет	8
Не могу дать ответа	2

По результатам видно, что большая часть молодых людей (82%) оценивает работу специалистов Центра с положительной точки зрения – специалисты вежливы и компетентны во время предоставления государственных услуг. Небольшая часть молодого населения (16%) отзывается о работе специалистов с негативной точки зрения.

Молодым людям так же нужно было ответить на вопрос о комфорте самого помещения АЗН, где оказываются государственные услуги в сфере занятости. Подавляющее количество молодых людей (93%) посчитали, что комфорт помещения АЗН находится на самом высшем уровне. При устном диалоге ими было пояснено, что в залах всегда светло и чисто, все стенды и информация о кабинетах находятся на «интуитивном уровне» – все просто и понятно. Лишь 7% молодых людей не смогли дать ответа, сославшись на то, что не знают с каким другим комфортным помещением, можно сравнивать комфорт предложенного помещения.

Следующий вопрос в анкете коснулся доступности излагаемой информации о предоставлении государственной услуги – насколько точно и понятно объяснялся порядок предоставления, какие документы нужно предоставить для исполнения государственной услуги и т.д. (табл. 3).

Таблица 3. Оценка доступности излагаемой информации

Доступно ли излагалась информация о порядке предоставления государственной услуги?	Ответ (%)
Да	48
Скорее да, чем нет	14
Скорее нет, чем да	20
Нет	8
Не могу дать ответа	10

Данный вопрос у респондентов вызывал некоторое замешательство. Несмотря на то, что больше половины респондентов (62%) отмечает доступность изложения информации о порядке предоставления государственной услуги, немалочисленная часть респондентов отмечает сложности документационного характера – большая часть молодежи не так часто сталкивается с объемом документов, которые нужно предоставлять куда – либо, поэтому ситуация, при которой нужно собрать немалое количество документов для предоставления той или иной государственной услуги вызывает у части молодежи некоторый дискомфорт.

Следующий вопрос в анкете касался результативности посещения Агентства занятости населения – был ли достигнут результат, на который изначально рассчитывал молодой клиент? Ответы представлены ниже (см. рис. 2). Результаты данного вопроса в анкете выглядят весьма негативно. Большая часть респондентов (46%) не смогла дать ответ на данный вопрос – в устном пояснении молодые люди обуславливали данный ответ весьма странно – многие из этого процента сообщали, что на данном этапе им кажется, что результат почти достигнут, однако, в силу возрастных особенностей личности молодых людей, все могло бы кардинально измениться в любой момент (отказ от услуг АЗН, нахождение работы по специальности без помощи АЗН, перекавалификация на стороннем учреждении и т.д.). Процент тех, у кого результат не достигнут (8%) крайне мал, что сообщает о хороших показателях результативности оказания государственных услуг.

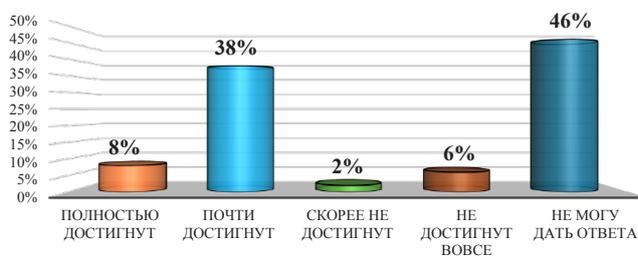

Рис. 2. Распределение респондентов по результату оказания услуги

Один из последних вопросов в анкете касался общей оценки работы АЗН Центрального района СПб – совокупность всех ответов выше заданных вопросов в анкете должна была подвести респондента под окончательную оценку всего процесса функционирования рассматриваемого АЗН. Большинство молодых клиентов Центрального района АЗН (86%) испытали положительные ощущения от посещения данного учреждения. Совсем малая часть осталась недовольна посещением данного Агентства (6%). Небольшая доля респондентов не смогла дать оценку работы АЗН, так как не достигла желаемого результата в процессе посещения данного учреждения, однако все еще находится на пути к достижению.

Последний вопрос в анкете задавался в свободной форме. Молодым людям предлагалось указать на приоритетные направления функционирования в АЗН – внести предложения в ход оказания государственных услуг в сфере занятости, предложить что-то новое, скорректировать уже существующие алгоритмы работы с клиентами службы занятости.

Воздержались 12 человек (24%), сославшись на отличную систему взаимодействия с клиентом во всех отношениях. Остальные же вносили различные предложения – упрощение процесса приема документации во время оказания государственных услуг, изыскание новых работодателей и форм взаимодействия с ними, максимально учитывать уровень стажа (если таковой имеется), квалификации, навыков и умений, требования к зарплате.

Итак, подводя итоги анкетирования, можно сделать следующие выводы:

- 1) Молодежь до 20 лет в АЗН появляется реже в АЗН чем молодежь от 21–29 лет.
- 2) Стаж работы отсутствует у более половины опрошенных респондентов.
- 3) Социальные выплаты по безработице является основным критерием для посещения молодыми людьми АЗН, а также получение помощи во временном трудоустройстве.
- 4) Получение государственной услуги проходит оперативно, время ожидания минимально.
- 5) Уровень удовлетворенности молодежи в получении госуслуг высокий, более 80%.
- 6) Оценка по качеству и доступности информации оказываемых услуг в АЗН достаточно высокая, из числа опрошенных респондентов.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась – современная молодежь действительно прибегает к помощи АЗН в основном для осуществления социальных выплат, помощи в поиске подходящей работы, трудоустройство на временное место работы. Однако одна из задач социальной работы в подобных учреждениях выполняется не в полном объеме: возрастная молодежь (30–35 лет) в большинстве случаев полностью отказывается от услуг АЗН, так как не удовлетворена предлагаемой работой, заработной платой и условиями труда,

и нередко отказывается от трудоустройства по полученной специальности, в том числе и услуг АЗН.

Рекомендации, направленные на совершенствование деятельности агентства занятости населения Центрального района г. Санкт-Петербурга

Для того, чтобы АЗН могло быть максимально конкурентноспособным в области социальной помощи молодежи нужно:

- освещать возможности предоставления подобных государственных услуг в средствах массовой информации, способных привлекать молодое население (телевидение, рекламные баннеры, социальные сети и т.д.).
- постоянно повышать профессиональные навыки специалистов АЗН, чтобы они могли наладить максимально благоприятную среду для коммуникации с молодыми людьми.
- оказывать более высокий уровень материальной поддержки на временных работах или общественных работах, куда молодое население отправляется с помощью АЗН.
- не направлять молодых людей к работодателям, ожидания которых зачастую не совпадают с навыками и возможностями соискателя.
- повысить заинтересованность работодателей в молодом трудовом ресурсе, предоставляемым АЗН.
- увеличить качественные показатели ярмарок вакансий, посредством привлечения большего количества работодателей.

Заключение

Таким образом, исследование выявило ключевые проблемы, с которыми сталкивается молодежь на рынке труда. Нормативно-правовая база в сфере молодежной занятости включает меры по содействию трудоустройству и защите трудовых прав, однако в России по-прежнему существуют проблемы с безработицей среди молодежи, нехваткой качественных рабочих мест для выпускников и высокой занятостью в неформальном секторе, что связано с несоответствием между предложением и спросом рабочей силы.

Важной в сфере занятости молодежи является государственная поддержка, которая включает выплату пособий по безработице, стипендий в период обучения и возможность участия в оплачиваемых общественных работах. Молодежь, обратившаяся в службу занятости, может получить консультации по вопросам трудоустройства, информацию о тенденциях на рынке труда, а также пройти профессиональное обучение. Помимо этого, служба занятости оказывает психологическую поддержку, способствующую стабильному эмоциональному состоянию и быстрому трудоустройству.

Анкетный опрос, проведенный в рамках данного исследования, позволил оценить характер работы АЗН Центрального района Санкт-Петербурга с молодежью. Было выявлено, что подавляющая часть молодежи, обратившаяся за помощью в службу занятости, не имеет стажа работы, что объясняется недавним выпуском. Большая часть опрошенной молодежи прибегала к помощи службы занятости в форме социальных выплат и поиска подходящей работы. Несмотря на то, что в службе занятости оказывается достаточно широкий перечень по оказанию государственных услуг, психологическая поддержка молодежи и деятельность по раз-

витию самозанятости оказались на последних позициях по популярности обращения молодежи.

Однако возрастная молодежь (30–35 лет) в большинстве случаев полностью отказывается от услуг АЗН, т.к. зачастую испытывает неудовлетворенность предлагаемым перечнем вакансий в АЗН, а также заработной платой и условиями труда, поэтому прибегают к самостоятельному поиску в трудоустройстве.

Для эффективной социальной защиты молодежи на рынке труда необходимо комплексное применение данных мероприятий, направленных на стимулирование занятости и развитие трудового потенциала, а также создание социальных гарантий и координацию работы государственных органов в области профессиональной ориентации и поддержки молодежи.

Литература

1. Баишева, А. Ю. социальная поддержка и защита молодых семей / А.Ю. Баишева // Всероссийские педагогические чтения 2023. – 2023. – С. 15–20.
2. Каймаразова, А.К. Особенности социальной мобильности молодежи в современном российском обществе / А.К. Каймаразова // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 1. – С. 70–74.
3. Козырева Л. Д., Шкурупей О.В. Социальная поддержка молодежи в России: новый формат социальной реальности / Л.Д. Козырева, О.В. Шкурупей // Социология. – 2020. – № 6. – С. 117–120.
4. Кондаурова А.П. Практика предоставления мер социальной поддержки молодежи в регионах РФ / А.П. Кондаурова // Молодёжь третьего тысячелетия. – 2023. – С. 614–616.
5. Краснова, М.В. Современные проблемы трудоустройства молодежи: региональный и профессиональные аспекты / М.В. Краснова // Экономика и предпринимательство. – 2022. – № 2(139). – С. 452–455. – DOI 10.34925/EIP.2022.139.2.081.
6. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 N 489-ФЗ (последняя редакция) / СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 20.05.2024)
7. Паршикова, Н.Д. Взаимосвязь перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации с системой трудоустройства молодежи / Н.Д. Паршикова // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Т. 10, № 8–1. – С. 122–129. – DOI 10.34670/AR.2020.10.60.013.
8. Резанова, Е.В. Положение современной молодежи на рынке труда: социологический аспект / Е.В. Резанова // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2021. – № 3(73). – С. 65–71.
9. Роль государства в решении проблем молодежи в сфере занятости и трудоустройства / С.Н. Козловская, Я.А. Куликова, Ю.С. Хваткова, А.С. Белоножков // ЦИТИСЭ. – 2023. – № 2(36). – С. 525–538. – DOI 10.15350/2409–7616.2023.2.46.
10. Усова О. А., Грищук В.А. Социальная поддержка различных категорий населения в Российской Федерации: эффективность, проблемы функционирования системы // Общество, экономика, управление. – 2019. – Т. 4. – № 1. – С. 18–23.
11. Шкурупей О.В. Социальная поддержка молодежи в «постковидном» мире // Социология. – 2021. – № 2. – С. 54–59.
12. Stolyarova, L.G. The Problem of Youth Employment: Modern Approaches to Solving the Issues of Employment of students and Graduates / L.G. Stolyarova,

CROSSROADS OF OPPORTUNITIES: SOCIAL SUPPORT AS A FACTOR FOR SUCCESSFUL YOUTH EMPLOYMENT

Kozyreva L.D.

North-West Institute of Management, RANEPА

The issue of social and legal protection of youth in the employment sector is a significant concern in the current stage of development in the Russian Federation, as young people are the least competitive and least protected segment of the population. In this context, ensuring employment for modern youth is a crucial aspect of social policy. The youth labor market in Russia is characterized by instability and a mismatch between the needs of the market and the training provided by educational institutions, making the issues of employment and unemployment among young people particularly relevant. Public employment services, supplied by Employment Agencies (Job Centers), are responsible for combating unemployment at the local level, including youth unemployment. However, young people are often dissatisfied with the jobs offered, wages, and working conditions, and frequently refuse employment in their trained specialty, including services provided by Employment Agencies. Through a survey of youth (N=100) receiving services from the Employment Agency of the Central District of Saint Petersburg, the hypothesis is tested that modern youth primarily seek assistance from employment services for social benefits, help in finding suitable work, and temporary employment opportunities.

Keywords: employment, youth employment, St. Petersburg, Employment centers, youth labor market.

References

1. Baisheva, A. Yu. Social support and protection of young families / A. Yu. Baisheva // All-Russian pedagogical readings 2023. – 2023. – P. 15–20.
2. Kaimarazova, A.K. Features of social mobility of youth in modern Russian society / A.K. Kaimarazova // Social and humanitarian knowledge. – 2024. – No. 1. – P. 70–74.
3. Kozyreva L. D., Shkurupey O.V. Social support for youth in Russia: a new format of social reality / L.D. Kozyreva, O.V. Shkurupey // Sociology. – 2020. – No. 6. – P. 117–120.
4. Kondaurova A.P. Practice of providing social support measures for young people in the regions of the Russian Federation / A.P. Kondaurova // Youth of the third millennium. – 2023. – P. 614–616.
5. Krasnova, M.V. Modern problems of youth employment: regional and professional aspects / M.V. Krasnova // Economy and entrepreneurship. – 2022. – No. 2 (139). – P. 452–455. – DOI 10.34925 / EIP.2022.139.2.081.
6. On youth policy in the Russian Federation: Federal Law of 30.12.2020 N 489-FZ (latest revision) / SPS "Consultant-Plus". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (date accessed: 20.05.2024)
7. Parshchikova, N.D. The relationship between promising economic specializations of the constituent entities of the Russian Federation and the youth employment system / N.D. Parshchikova // Economy: yesterday, today, tomorrow. – 2020. – Vol. 10, No. 8–1. – Pp. 122–129. – DOI 10.34670 / AR.2020.10.60.013.
8. Rezanova, E.V. The position of modern youth in the labor market: sociological aspect / E.V. Rezanova // Labor. Trade Unions. Society. – 2021. – No. 3 (73). – Pp. 65–71.
9. The role of the state in solving the problems of youth in the field of employment and job placement / S.N. Kozlovskaya, Ya.A. Kulikova, Yu.S. Khvatkova, A.S. Belonozhkov // CIT-ISE. – 2023. – No. 2 (36). – P. 525–538. – DOI 10.15350 / 2409–7616.2023.2.46.
10. Usova O. A., Grishchuk V.A. Social support for various categories of the population in the Russian Federation: efficiency, problems of functioning of the system // Society, Economy, Management. – 2019. – Vol. 4. – No. 1. – P. 18–23.
11. Shkurupey O.V. Social support for youth in the "post-covid" world // Sociology. – 2021. – No. 2. – pp. 54–59.
12. Stolyarova, L.G. The Problem of Youth Employment: Modern Approaches to Solving the Issues of Employment of students and Graduates / L.G. Stolyarova, A.A. Dyda // Bulletin of the Tula Branch of the Financial University. – 2020. – No. 1. – P. 363–364.

Инклюзивный потенциал цифровизации рынка труда для работников с инвалидностью

Костырин Евгений Геннадьевич,

преподаватель кафедры социальных технологий Института философии и социально-политических наук
E-mail: kostyrin.evgeny@yandex.ru

В статье на основе изучения опыта людей с инвалидностью раскрываются достоинства организации трудовой деятельности в цифровой среде. Выявлено, что такая форма занятости обладает определенным инклюзивным потенциалом. Бурно развивающаяся сфера гибко интегрирует кадры даже с изначально низкими стартовыми возможностями (отсутствие или низкий уровень профессионального образования, проживание в сельской местности, отсутствие опыта работы и т.п.). Алгоритмизация трудовых процессов позволяет осваивать и воспроизводить их без потери качества и с учетом возможностей, а не ограничений, что повышает конкурентоспособность. Снижение издержек на адаптацию рабочего места и ответственности работодателей за соблюдение норм специального права определяет большую готовность к взаимодействию с данной категорией сотрудников. Экономия ресурсов сотрудника и свобода выбора форм трудоустройства, объема нагрузки и графика работы позволяют эффективно использовать остаточную трудоспособность и не увеличивать нагрузку на работника и его близкое окружение.

Ключевые слова: дистанционная занятость, цифровизация труда, инклюзия, занятость лиц с инвалидностью.

Введение в проблему исследования

Ратификация международных нормативно-правовых актов в сфере защиты прав инвалидов в РФ привела к трансформации политики государства в отношении данной категории населения. Но несмотря на предпринимаемые государством меры, занятость лиц с инвалидностью в Российской Федерации остается низкой. Уровень участия в составе рабочей силы лиц с инвалидностью на 2023 год составляет 11,2%, а уровень занятости 9,4%¹. Трудовая эксклюзия не только повышает риск бедности, но и тесным образом связана с социальной изоляцией. Для государства же и экономики – это потеря потенциала значительной массы населения в условиях обостряющейся нехватки квалифицированных кадров. Статья 27 Конвенции о правах инвалидов² защищает от дискриминации и закрепляет право на труд данной категории населения в инклюзивных и благоприятных условиях. Последние позволяют компенсировать ограничения, которые связаны со здоровьем и эффективно справляться с профессиональными обязанностями. Для обеспечения подобных условий государства, ратифицировавшие Конвенцию, активно вводили требования к адаптивным рабочим местам и нормы квотирования для крупных субъектов экономической деятельности. Но подобные меры привели к падению профессионального имиджа соискателей с инвалидностью, нежеланию работодателей нести организационные и финансовые издержки. Подлинная инклюзия не достижима до тех пор, пока сотрудники с ограниченными возможностями здоровья, не будут оцениваться за профессиональные компетенции, вклад в работу организации, пока не будут созданы такие условия труда, в которых сами ограничения не будут играть значения. Страны, ратифицировавшие Конвенцию обязуются регулярно проводить мониторинги трудовой интеграции инвалидов, поддерживать исследования в данной области (статья 31). Однако предоставляемые государствами данные подвергаются критике со стороны правозащитных организаций за их фрагментарность и поверхностный характер. Значительные пробелы существуют и в исследовании положения лиц с инвалидностью на рынке труда.

Одной из таких научных лакун является изучение новых форм занятости лиц с инвалидностью, предполагающих выполнение трудовых функций с применением новых технологий. Цифровизация экономики и организации труда имеет большие перспективы для инклюзии, раскрытия трудового потенциала инвалидов. Е.В. Вашаломидзе утверждает, что «дистанционный формат организации труда обеспечивает вариативность занятости инвалидов, способствует расширению предлагаемых

¹ Росстат. Население/Положение инвалидов/»Уровень участия в составе рабочей силы, уровень занятости и уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше,

имеющего инвалидность, по группам инвалидности// https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FInvalid_trud_ors.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK

² Гарант/ Конвенция о правах инвалидов. Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 13.12.2006 № 61/106. // <https://base.garant.ru/2565085/?ysclid=lfzfeluu5j991381245>

им должностей, а также обеспечивает условия для работы лицам с минимальной мобильностью и ограниченными условиями для передвижения»¹. Однако, наряду с большим количеством публикаций, отмечающих необходимость изучения перспектив трудовой интеграции лиц с инвалидностью в цифровую среду², практически отсутствуют исследования, направленные на изучение позитивного и негативного опыта самых людей с инвалидностью, которые позволили бы понять инклюзивный потенциал цифровых технологических организаций труда. Явное противоречие между прикладным значением таких исследований в улучшении ситуации с трудоустройством инвалидов и их наличием в отечественном научном дискурсе и определило цель этой работы.

Методы исследования

Для изучения практик трудоустройства и выполнения трудовых функций в цифровой среде лицами с инвалидностью, а также определения инклюзивного потенциала было проведено качественное социологическое исследование – метод полуструктурированного интервью. Среди 31 респондента – лица с инвалидностью, имеющие положительный и негативный опыт трудоустройства в цифровой среде. Положительный опыт трудоустройства был представлен 26 респондентами, лицами с 1 и 2 группой инвалидности, имеющие ограничения опорно-двигательного аппарата, языковые и речевые нарушения, ограничения зрения и слуха. Выборка формировалась методом снежного кома. Исследование проводилось в период с марта по май 2024 года.

Результаты исследования

Трудовые маршруты в условиях неравенства стартовых возможностей

Целый ряд исследователей отмечают, что экономическое исключение лиц с инвалидностью тесным образом связано с конструированием процесса взросления детей и молодежи с инвалидностью (гиперопека, формирование идентичности инвалида)³, недоступностью качественного образования⁴, низкими коммуникативными компетенциями⁵. Исследование позволяет говорить,

что цифровое пространство предоставляет достаточно широкий спектр трудовых маршрутов как предполагающих высокий уровень компетенций в профессиональной области и наличие формального образования (квалификации), так и не предполагающих таковых. Среди респондентов нашего исследования были программисты, разработчики, специалисты технической поддержки, аналитики банковской системы, руководители образовательных проектов, менеджеры продуктов, работники интернет-магазинов, администраторы сайтов. Безусловно, ряд из них отмечали, что их профессиональное образование имеет отношение к профилю профессиональной деятельности. Цифровая экономика формирует спрос на специалистов с T-образными навыками (например, высшее образование лингвиста и обучение на методиста цифровых образовательных программ или экономическое образование в сочетании с аналитиком данных), но предлагает и такие предложения, для которых достаточно обучение в корпоративных университетах, прохождение разнообразных курсов. Успешные практики Тинькофф, Сбербанка, Скилбокса формируют внимание к лицам с инвалидностью как свободному трудовому резерву. Крупный бизнес активно создает линейку адаптированных образовательных курсов, прохождение которых или не требует совсем, или предполагает минимальные финансовые вложения.

«Удаленно сейчас столько курсов всякий присылают, там на госуслугах, еще где-то обучение, в группах для инвалидов. Я же общаюсь в группах разных, там тоже сбрасывают» (И. 20.)

Отсутствие доступного пространства в образовательных учреждениях в период получения образования стимулировало некоторых респондентов к выбору дистанционной формы обучения, которое многие рассматривают как «проникновение в цифровую среду» (И. 20). Узость коммуникативного пространства служила для многих респондентов импульсом «переноса» активности в интернет, где происходило общение, поиск информации, организовывался досуг.

«Я вообще цифровой житель, полноценный цифровой гражданин. Я умею здесь все мне кажется и чувствую себя более свободной» (И. 6.)

С развитием удаленной работы, распространением организации трудовых процессов на основе цифровых технологий, многие инвалиды, которые не могли найти место работы или занимали позиции, не соответствовавшие их ожиданиям и потребностям оказались тем трудовым резервом, который не был скован обязательствами, был готов к «апробированию» предлагаемых программ, располагал временем для обучения.

«После пандемии развитие удаленной работы стало до такой степени налажено, как это правильно развиваться, всех коснулось. Не надо было именно нашей ниши инвалидов касаться. Им пришлось и для здоровых людей, а те требовали ещё больше. И вот эта пандемия, она очень высоко подняла уровень дистанционной работы». (И 7.)

Исследование показало, что материальный достаток также мало влияет на возможность работы в Интернете. Технологии позволяют осуществлять трудовую деятельность, используя телефон, планшет или ноутбук без особого программного обеспечения. Там же, где это требуется, работодатель порой готов предоставить все необходимое, обеспечить удаленную установку, предоставить оборудование и даже компенсировать амортизационные расходы при вложениях самого работника.

дотустройства в условиях цифровизации общества// Цифровая социология. 2022. Т. 5. № 3. С. 76–87.

¹ Вашаломидзе Е.В. Передовые практики организации и внедрения дистанционных форм занятости// Социально-трудовые исследования. 2023. № 3 (52). С. 122–129. С. 123.

² Бурлаков В.В., Курбала Л.Ю. Рабочие места для людей с ограниченными возможностями: проблемы и перспективы развития в условиях цифровизации экономики// Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. № 1. С. 45–55.; Швачкина Л.А., Родионова В.И. Трудоустройство молодых инвалидов в эпоху цифровизации// В сборнике: Управление культурными различиями и цифровизация: на пути к устойчивому развитию высшего образования и социально-экономических систем. Сборник статей. Новочеркасск, 2021. С. 56–63.; Макаров Г.В. Трудовая занятость лиц с ограниченными возможностями здоровья в условиях цифровизации: возможности и ограничения// В сборнике: Социологический нарратив 2023: новая социальная реальность: жизнь на пороге киберпанка. Сборник статей по материалам XXII Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов. Москва, 2023. С. 173–177.

³ Деточенко Л.С. Переходы к зрелости молодых людей с инвалидностью. Ростов-на-Дону, 2022. – 220 с.

⁴ Алексеева Е.Н. Дистанционная занятость лиц с ограниченными возможностями здоровья в эпоху цифровизации // В сб. Научные результаты в социальной работе. 2023. Т. 2. № 4. С. 209–217.

⁵ Козлов В.Н., Романенкова Д.Ф. Потребности лиц с инвалидностью в компетенциях, расширяющих возможности тру-

Требования цифрового рынка труда и свобода от стереотипов

«IT сфера свободна от многих предубеждений, но требовательна» (И. 5.) – так обобщил один из респондентов ответ на серию вопросов об опыте дискриминации в цифровой среде и преимуществах и недостатках такого вида трудоустройства. Большинство респондентов имеют значительный уровень функциональных ограничений, 1 или 2 группу инвалидности. В своих интервью они транслировали опыт ограниченной доступности различных сфер жизни. Низкий уровень доступности среды, инфраструктуры, связь трудовых процессов с мобильностью, отсутствие гибкости в условиях трудоустройства, неготовность использовать остаточную трудоспособность и изменять привычные модели взаимодействия, – по их мнению приводили к экономической дискриминации в традиционной модели организации трудовой деятельности.

«Когда выяснялось, что у меня есть инвалидность, сразу ставили какие-то условия, возникали какие-то преграды. Смущала моя инвалидность изначально, когда я приходила на очные собеседования» (И. 3).

«Я закончила в 2005 году первое свое образование. Тогда не было возможности трудоустроиться куда-нибудь так, чтобы я могла преподавать. У нас в городе про доступную среду, ну тогда по всей стране про доступную среду никто не слышал... то есть у меня просто не было доступа» (И. 17)

«Вы представляете, они откликнулись на твое резюме, то есть им все понравилось, они зовут тебя на собеседование и как только они узнают, что ты персона, передвигающаяся на инвалидной коляске, предлагают позицию ниже, хотя ты только что подходила для нормальной позиции». (И. 6.).

Цифровое трудоустройство не требует преодолевать физические барьеры, затрачивать усилия, время и финансовые средства на организацию условий труда. И это понимают как сами соискатели с инвалидностью, так и их работодатели. Абсолютно все респонденты заявили, что не испытывали сложностей в организации технического обеспечения трудового процесса. Многие позиции требуют достаточно простого оснащения: телефона, ноутбука или компьютера без высоких технических требований, особого программного обеспечения. Во многих случаях работодатель готов предоставить технику, программы, сопроводить их установку и обучение, компенсировать затраты сотрудника на адаптацию рабочего места. И в этом случае соискатель с инвалидностью не отличается от соискателя без ограничений по здоровью, не требует особого подхода. Значит, исчезает большой спектр опасений и сама основа для травмирующего опыта стигматизации при трудоустройстве или в процессе работы.

Значительное количество респондентов заявили о том, что работодатель не знает/ долгое время не знал о наличии инвалидности. Информировать работодателя просто не было необходимости.

«На самом деле мало кто из моих работодателей знал, что я передвигаюсь на инвалидной коляске, что я вообще инвалидом являюсь. Это не требовалось. Не подразумевалось, что мне нужно об этом рассказать, потому что в первую очередь оцениваются мои навыки как сотрудника, как специалиста, что я могу. Как я выполняю свою работу. То есть человеку все равно по ту сторону экрана, кто выполняет работу, если он выполняет ее качественно. Поэтому я даже не всегда сообщала, что у меня инвалидность есть». (И. 14.).

Но были и те, кто отмечал, что трудоустройство лиц с инвалидностью являлось стратегией работодателя.

Именно в этой категории, «не привязанной» к предыдущим условиям труда они видят потенциал решения вопроса мотивированных кадров.

«Все работодатели, с которыми работал, знали о проблемах со здоровьем. Более того, некоторые работодатели специально искали именно таких, объясняя это тем, что такие люди более ответственные в выполнении своих обязанностей». (И. 13).

Свободной от стигматизации является и взаимодействие в коллективе. Респонденты не раз вспоминали в интервью опыт преодоления недоверия, отчуждения со стороны коллектива в оффлайн среде, но ни один не зафиксировал наличие негативного отношения в онлайн пространстве.

«Там относятся к тебе на равных, то есть там нет разделений инвалид или здоровый. С тобой общаются на равных, как бы нет дискриминации какой-то» (И. 15).

Удаленное взаимодействие создает возможность конфиденциальности. Дробление трудовых функций позволяет уйти от явного и неравномерного распределения должностных обязанностей. Коллектив свободен от страха необходимости выполнения дополнительной работы за сотрудника с инвалидностью. В тот же момент, когда становится известно о наличии инвалидности, уже сформированы партнерские отношения, основанные на уважении профессиональных компетенций. Идентичность инвалида уступает место идентичности профессионала.

Инклюзивность в достоинствах

Оценить дружелюбность трудоустройства в цифровой среде позволяют ответы респондентов о плюсах такой занятости. Работа в Интернете позволяет выйти из-под опеки и быть свободным и независимым. Поиск работы, собеседование, выполнение трудовых функций не предполагают привлечения ресурсов ближнего окружения даже в том случае, когда человек требует постоянного ухода. Работа в цифровом пространстве позволяет экономить ресурсы человека и его родных на сборы, дорогу. Нет необходимости преодолевать инфраструктурные барьеры. В условиях нехватки финансовых ресурсов работа в цифровой среде позволяет их разумно расходовать, экономя на покупке одежды, расходах на проезд, питание, адаптацию рабочего места. Не малым плюсом является гибкий график работы, позволяющий учитывать биоритмы, выделять время для процедур, определять посильные объемы работ. Удаленная работа позволяет не только решать вопросы с доступом к рабочему месту, но и снимать многие дополнительные дискриминационные маркеры, в частности проживание в депрессивных с экономической точки зрения Регионах, сельской местности с малым количеством рабочих мест не требующих физического труда.

«Конечно, в лучшую. Особенно вот таким сидячим, тем, кто себя не может обслуживать. А голова же работает, почему бы ей не найти применение, да? Я живу в деревне. Какие же мне там езда куда-то? ... Но я считаю, что мы вообще шагаем очень продвинуто с точки зрения... дистанционной работы... Это так все далеко шагнуло, это так облегчает жизнь и здоровым людям. Ведь есть и здоровые девочки, работают на удаленке, потому что их это устраивает. Можно поставить на паузу работу, сделать домашнюю работу и дальше работать. Кто-то же любит по ночам работать». (И. 7).

«Преимущества работы в интернете: нет необходимости тратить время на дорогу, гибкий график, возможность выбрать работодателя по всей стране или даже по миру». (И. 13).

Многие респонденты отмечают, что трудовая деятельность открывает широкие возможности для самореализации. Е.В. Вашаломидзе описывая положение инвалидов на рынке труда говорит, что в традиционной занятости им предоставляется в основном низкооплачиваемая работа, как правило, связанная с выполнением простейших обслуживающих функций¹. Работа в интернете дает не просто большую заработную плату при более низких издержках, но и открывает выбор траекторий, в том числе более престижных.

Наличие нормативно-правовых барьеров ограничивает возможность официального трудоустройства некоторых категорий инвалидов и цифровое пространство не свободное от этих сложностей. Но Интернет позволяет организовать работу в формате фриланса. Холодова Е.В. характеризуя фриланс отмечает: «Если рассматривать данный вид занятости с традиционных позиций, то можно найти минусы, такие как более низкая оплата труда, чем в офисе, отсутствие «социальных гарантий», у фрилансеров сегодня нет оплачиваемых отпусков, больничных, премий, профсоюзных организаций»². Фриланс повышает риски мошенничества в цифровой среде. Но даже несмотря на указанные недостатки фриланс в Интернете имеет широкие возможности для поддержки малообеспеченных и уязвимых категорий населения.

Выводы

Цифровая трансформация экономики открывает широкие возможности для трудовой интеграции инвалидов и обладает значительным инклюзивным потенциалом. С использованием мобильных сетей, Интернета, становятся возможными получение профессионального образования и трудоустройство в удаленном режиме. Безусловно цифровое пространство дифференцирует возможности в зависимости от типа ограничений по здоровью. Но развитие ассистивных технологий позволяет эффективно и зачастую с минимальными затратами нивелировать целый ряд особенностей. Цифровая среда устраняет такие факторы трудового исключения как отсутствие подходящих рабочих мест и условий для трудоустройства инвалидов, пониженная конкурентоспособность указанных лиц в глазах работодателей. Что же касается существующих нормативно-правовых барьеров, то широко распространенный в интернет-пространстве фриланс дает возможность преодолеть и его. Цифровое пространство дает возможность и более мягкой интеграции инвалидов при наличии таких субъективных факторов как отсутствие необходимой квалификации, трудового опыта, привычки к соблюдению правил внутреннего распорядка, отсутствие или недостаточный уровень профессионального образования.

Литература

1. Алексеева Е.Н. Дистанционная занятость лиц с ограниченными возможностями здоровья в эпоху цифровизации // В сб. Научные результаты в социальной работе. 2023. Т. 2. № 4. С. 209–217.
2. Бурлаков В.В., Курбала Л.Ю. Рабочие места для людей с ограниченными возможностями: пробле-

¹ Вашаломидзе Е.В. Передовые практики организации и внедрения дистанционных форм занятости// Социально-трудовые исследования. 2023. № 3 (52). С. 122–129. С. 124

² Холодова Е.И. Значение фриланса для современного рынка труда как возможности социальной поддержки малообеспеченных слоев населения// Проблемы управления в социальных системах. 2013. Т. 6. № 9. С. 22–29.

мы и перспективы развития в условиях цифровизации экономики// Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. № 1. С. 45–55.

3. Вашаломидзе Е.В. Передовые практики организации и внедрения дистанционных форм занятости// Социально-трудовые исследования. 2023. № 3 (52). С. 122–129.
4. Гарант/ Конвенция о правах инвалидов. Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 13.12.2006 № 61/106. // <https://base.garant.ru/2565085/?ysclid=lfzfelu5j991381245>
5. Деточенко Л.С. Переходы к зрелости молодых людей с инвалидностью. Ростов-на-Дону, 2022. – 220 с.
6. Козлов В.Н., Романенкова Д.Ф. Потребности лиц с инвалидностью в компетенциях, расширяющих возможности трудоустройства в условиях цифровизации общества// Цифровая социология. 2022. Т. 5. № 3. С. 76–87.
7. Макаров Г.В. Трудовая занятость лиц с ограниченными возможностями здоровья в условиях цифровизации: возможности и ограничения// В сборнике: Социологический нарратив 2023: новая социальная реальность: жизнь на пороге киберпанка. Сборник статей по материалам XXII Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов. Москва, 2023. С. 173–177.
8. Росстат. Население/Положение инвалидов/»Уровень участия в составе рабочей силы, уровень занятости и уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше, имеющего инвалидность, по группам инвалидности// https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FInvalid_trud_ors.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK
9. Холодова Е.И. Значение фриланса для современного рынка труда как возможности социальной поддержки малообеспеченных слоев населения// Проблемы управления в социальных системах. 2013. Т. 6. № 9. С. 22–29.
10. Швачкина Л.А., Родионова В.И. Трудоустройство молодых инвалидов в эпоху цифровизации// В сборнике: Управление культурными различиями и цифровизация: на пути к устойчивому развитию высшего образования и социально-экономических систем. Сборник статей. Новочеркасск, 2021. С. 56–63.

INCLUSIVE POTENTIAL OF DIGITALIZATION OF THE LABOR MARKET FOR WORKERS WITH DISABILITIES

Kostyrin E.G.

Institute of Philosophy and Social and Political Sciences

The article reveals the advantages of organizing labor activity in the digital environment based on the study of the experience of people with disabilities. It was revealed that this form of employment has a certain inclusive potential. The rapidly developing sphere flexibly integrates personnel even with initially low starting opportunities (absence or low level of professional education, living in rural areas, lack of work experience, etc.). Algorithmization of labor processes allows them to be mastered and reproduced without loss of quality and taking into account opportunities, not limitations, which increases competitiveness. Reducing the costs of adapting the workplace and the responsibility of employers for compliance with the norms of special law determines a greater willingness to interact with this category of employees. Saving employee resources and freedom of choice of employment forms, workload and work schedule allow for the effective use of residual working capacity and not increasing the workload of the employee and his immediate environment.

Keywords: remote employment, digitalization of labor, inclusion, employment of persons with disabilities.

References

1. Alekseeva E.N. Remote employment of persons with disabilities in the era of digitalization // In the collection. Scientific results in social work. 2023. Vol. 2. No. 4. Pp. 209–217.
2. Burlakov V. V., Kurkala L. Yu. Jobs for people with disabilities: problems and development prospects in the context of digitalization of the economy // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Economics. Management. Law. 2022. No. 1. Pp. 45–55.
3. Vashalomidze E.V. Advanced practices in organizing and implementing remote forms of employment // Social and labor research. 2023. No. 3 (52). Pp. 122–129.
4. Garant / Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Adopted by the UN General Assembly Resolution of 13.12.2006 No. 61/106. // <https://base.garant.ru/2565085/?ysclid=izfe-liu5j991381245>
5. Detochenko L.S. Transitions to maturity of young people with disabilities. Rostov-on-Don, 2022. – 220 p.
6. Kozlov V.N., Romanenkova D.F. Needs of persons with disabilities for competencies that expand employment opportunities in the context of digitalization of society// Digital sociology. 2022. Vol. 5. No. 3. P. 76–87.
7. Makarov G.V. Employment of persons with disabilities in the context of digitalization: opportunities and limitations// In the collection: Sociological narrative 2023: new social reality: life on the threshold of cyberpunk. Collection of articles based on the materials of the XXII All-Russian scientific conference of students and postgraduates. Moscow, 2023. Pp. 173–177.
8. Rosstat. Population/Situation of disabled people/Labor force participation rate, employment rate and unemployment rate of the population aged 15 years and older with disabilities, by disability groups// https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmedia-bank%2FInvalid_trud_ors.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK
9. Kholodova E.I. The importance of freelancing for the modern labor market as an opportunity for social support for low-income groups of the population// Problems of management in social systems. 2013. Vol. 6. No. 9. P. 22–29.
10. Shvachkina L. A., Rodionova V.I. Employment of young disabled people in the era of digitalization// In the collection: Managing cultural differences and digitalization: towards sustainable development of higher education and socio-economic systems. Collection of articles. Novocherkassk, 2021. Pp. 56–63.

Многомерный анализ эволюции структуры социальной стратификации и трансформации социальных противоречий в Китае XXI века

Ли Чжожу,

аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия); директор редакции Ассоциации мировой политической экономики (Китай); приглашенный исследователь Института исследований государственной безопасности при Нанкайском университете
E-mail: liz@my.msu.ru

Ван Цзинсюань,

магистрант в Бэйханском университете, редакция Всемирного общества политической экономии
E-mail: 1145691644@qq.com

Данное исследование посвящено анализу трансформации социальной стратификации в Китайской Народной Республике с начала XXI века. Результаты демонстрируют, что социальная структура КНР подверглась существенным модификациям, в результате которых традиционная классовая дифференциация уступила место многоуровневой системе стратификации. Ключевые аспекты эволюции включают: кардинальные изменения в демографической композиции урбанизированных и аграрных территорий, усложнение взаимоотношений между городом и селом, радикальные трансформации производственных процессов и образа жизни населения, диверсификацию профессиональной структуры, а также углубление социально-экономического неравенства между мегаполисами и малыми городами. Выявленные тенденции привели к обострению социальных противоречий, потенциально способных перерасти в классовые конфликты, и повысили риски «мирной эволюции» и «цветных революций» по западному сценарию. В работе проанализированы меры, предпринятые КПК и правительством для нивелирования этих проблем. Авторы приходят к выводу о необходимости усиления внимания к оптимизации социальной структуры и обеспечению справедливого распределения экономических благ в процессе развития страны с целью сохранения национальной безопасности и социальной стабильности.

Ключевые слова: структура социальной стратификации, отношения между городом и деревней, профессиональная структура, социальные конфликты, социальное управление.

С начала XXI века экономика КНР демонстрирует беспрецедентные темпы роста, сопровождаемые углублением реформ политической и экономической систем. Социалистическая рыночная экономика интегрируется во все сферы общественной жизни. После завершения рыночных преобразований в области товаров и трудовых ресурсов, процесс маркетизации распространился на различные факторы капитала, включая финансовый сектор и рынок недвижимости, что оказало существенное влияние на социальный статус и повседневную жизнь населения КНР. Трансформация жилищного сектора от преимущественно государственного к доминированию частной собственности стала катализатором значительных изменений в социальной стратификации китайского общества. Данный процесс привел к вертикальной мобильности различных социальных групп как в сторону повышения, так и понижения статуса. Кроме того, пандемия COVID-19 и международное давление на развитие КНР со стороны развитых стран в последние годы также оказали значительное воздействие на социально-экономическую структуру китайского общества. Настоящее исследование посвящено комплексному анализу процессов социальной стратификации в современном Китае с учетом вышеупомянутых факторов.

Плюралистическая трансформация социальной структуры Китая

Социальная структура представляет собой ключевое понятие в социологии, отражающее систему социальных отношений. В контексте структуры китайского общества до начала реформ и политики открытости, в китайских социологических кругах традиционно преобладала концепция четырёх основных классов. Позднее возникла и другая модель – «два класса и одна прослойка» [7, с. 389–399]. Однако с проведением реформ и политикой открытости социальная структура китайского общества претерпела значительные трансформации. Традиционные классы – крестьяне, рабочие и интеллигенция – подверглись существенным изменениям, и возникли новые социальные слои.

Китайский социолог Лу Сюэи предложил концепцию десяти классов, включающую следующие категории: государственные и общественные администраторы, менеджеры, частные предприниматели, профессионалы и техники, клерки, самозанятые, работники сферы услуг, промышленные рабочие, сельскохозяйственные рабочие, а также городские и сельские безработные, включая лиц с неполной или нестабильной занятостью [7, с. 394–397]. На практике это представляет собой интерпретацию социальной стратификации с акцентом на профессиональные различия. Более точным подходом могло бы стать количественное измерение изменений социальной структуры Китая, используя методологию Международного стандартного индекса социально-экономического положения профессий (ISEI) и данные национальной переписи населения.

В контексте обсуждения социальной структуры важно различать марксистскую социологию и современную

буржуазную социологию. Марксистская социология интерпретирует отношения между экономикой, политикой и сознанием через призму экономического базиса, определяющего надстройку. В противоположность этому, представители буржуазной социологии, такие как Макс Вебер, отвергают диалектику, основываясь на концепциях классового самосознания и эклектической природы политического действия. Они стремятся к более полному объяснению социальной жизни через создание различных структурных моделей и анализ «взаимодействий» между объектами, помещёнными в различные «перспективы».

Марксистская социология, напротив, не ограничивается указанием на бесконечность критериев для различения социальных групп. Она фокусируется на выявлении основных различий и изучении взаимосвязей между ними, чтобы продемонстрировать, как эти различия формируют второстепенные элементы социальной структуры, и как последние, в свою очередь, воздействуют на основные. Для буржуазной социологии систематизация социальных различий и критериев может быть произвольной, тогда как марксистская социология стремится к выявлению сущности этих различий и формированию строгой системы критериев, которая точно отражает реальные общественные отношения.

И в процессе эволюции социальной структуры Китая заметно увеличилась доля среднего класса, хотя значительная часть населения все еще относится к нижнему классу. В частности, можно выделить четыре ключевых изменения.

Во-первых, произошли кардинальные изменения в демографической структуре городов и деревень. В начале XXI века Китай трансформировался из преимущественно сельского общества в общество с преобладанием городского населения. Показатель урбанизации, часто используемый в социологических исследованиях, наглядно иллюстрирует эти изменения. В 2001 году городское население составляло 480,64 миллиона человек (37,7% от общей численности), тогда как сельское – 795,63 миллиона человек (62,3%) [3]. По данным Седьмой национальной переписи населения Китая 2020 года, численность городских жителей достигла 901,99 миллиона человек (63,89%), а сельское население сократилось до 509,79 миллиона человек (36,11%) [2]. Таким образом, соотношение городского и сельского населения в 2020 году стало противоположным тому, что наблюдалось в 2001 году, когда более 60% населения проживало в сельской местности.

Во-вторых, отношения между городом и деревней стали более сложными и многослойными. Традиционно разрыв между городом и деревней был одной из главных проблем Китая, однако в последнее время этот разрыв стал не только более сложным, но и более диверсифицированным. Снижение разрыва можно наблюдать через сокращение разницы в доходах: если раньше годовой доход на душу населения в городах превышал доходы сельских жителей в три раза, то теперь этот показатель уменьшился примерно до двух раз. Например, по данным Национального бюро статистики Китая, соотношение располагаемого дохода на душу населения между городскими и сельскими жителями снизилось с 2,81 в 2013 году до 2,39 в 2023 году [4]. Однако эта картина является упрощенной, так как в современном Китае существует значительная дифференциация среди сельских районов: одни деревни процветают, другие остаются бедными. Также изменилась мотивация к урбанизации: если раньше крестьяне стремились получить городское гражданство, теперь многие предпочитают оставаться владельцами земли, которая обеспечи-

вает им стабильный доход. Этот процесс сопровождается преобразованием коллективных прав собственности в частные, что позволяет многим крестьянам стать держателями акций и получать дивиденды.

В-третьих, изменения в демографической структуре привели к масштабным переменам в способе производства и образе жизни населения. Социальные изменения, вызванные урбанизацией, затронули многие аспекты жизни. Миллионы людей перешли от сельскохозяйственного труда к работе в промышленности, сфере услуг и торговле. Образ жизни также претерпел значительные изменения: от натурального хозяйства к жизни, основанной на коммерческом обмене. Этот переход, хотя и вызвал сложности для пожилого населения, значительно повысил уровень потребления и обеспечил новые стандарты жизни. Городская жизнь, хотя и менее просторная, чем сельская, стала более комфортной и удобной, а новые городские жители получили доступ к городским социальным услугам, что привело к значительным изменениям в их правах и интересах.

В-четвёртых, профессиональная структура китайского общества претерпела значительные изменения. В XXI веке, на фоне экономического роста, профессиональная структура стала ещё более дифференцированной. Примером могут служить такие новые профессии, как курьеры, водители онлайн-такси и продавцы интернет-магазинов. Основной особенностью этих новых профессий является то, что большинство их представителей работают неполный рабочий день и часто занимаются несколькими видами деятельности в течение дня. Этот новый формат профессиональной занятости является новаторским в истории Китая. В классическом социалистическом обществе до реформ и открытости большинство людей всю жизнь трудились в одной профессии в одном учреждении. Однако начиная с 1990-х годов, с развитием рынка труда, работники стали чаще менять место работы и профессию. Новая тенденция в современном китайском обществе заключается в том, что люди всё больше стремятся к видам деятельности, которые приносят наибольший доход, и многие из них переходят на работу в формате частичной занятости. Однако, в то же время, в результате длительных реформ государственных предприятий количество традиционных рабочих, имеющих статус в государственных предприятиях, значительно уменьшилось. Всё большее число рабочих на государственных предприятиях теперь нанимаются через сторонние трудовые компании в форме трудовых агентств. Это означает, что традиционный рабочий класс, имеющий единое классовое сознание и классовые действия, был ослаблен и даже отстранён от политико-экономической основы. В связи с этим количество дел по трудовым спорам в Китае ежегодно увеличивается, особенно в случаях, связанных с трудовым вознаграждением. Количество таких дел возросло с 524 473 в 2021 году до 593 024 в 2022 году, что составило увеличение на 13,07%, тогда как до пандемии COVID-19, в 2020 году по сравнению с 2019 годом, рост составил лишь 3,62% [1].

В-пятых, социально-экономический статус населения крупных городов и мегаполисов стал значительно отличаться от статуса жителей малых городов и поселков. Как отмечалось ранее, Китай претерпел фундаментальные изменения в социальной структуре и в отношениях между городскими и сельскими районами. В результате этих многогранных политических преобразований усилилась дифференциация между большими и малыми городами. Эта дифференциация проявляется в трёх ключевых аспектах. 1. Профессиональная структура: если проанализировать данные о профессиях

по Международному стандартному индексу социально-экономического статуса профессий (ISEI), можно увидеть значительные различия между профессиями населения мегаполисов и малых городов. Профессиональная структура малых и средних городов зачастую не соответствует профилю выпускников университетов крупных городов, что приводит к оттоку талантов в мегаполисы. 2. Региональные различия в политико-экономическом развитии: Крупные города и мегаполисы получают больше политических, экономических и социальных ресурсов благодаря своему административному статусу. Правительству играет ключевую роль в распределении этих ресурсов, что создаёт значительные различия между регионами. 3. Различия в стоимости жилья: В крупных городах, несмотря на меры по контролю цен на жильё, наблюдается тенденция к их росту. В малых и средних городах цены на жильё зачастую остаются стабильными или даже снижаются. Учитывая, что 79,8% семейного имущества китайских городских жителей приходится на недвижимость [10, с. 33], это явление отражает дивергенцию богатства, что является важной причиной усиления имущественного расслоения в обществе.

В заключение, социальная структура Китая претерпела глубокие изменения с момента начала реформ и политики открытости. На смену традиционному классовому делению пришла многоуровневая система социальной стратификации. Исследования показывают, что, хотя большая часть населения всё ещё относится к классу ниже среднего, доля среднего класса значительно возросла. Процессы урбанизации, усложнение отношений между городом и деревней, диверсификация профессиональной структуры и растущие различия в социально-экономическом статусе между крупными и малыми городами стали ключевыми факторами этих изменений. В совокупности эти процессы способствовали усложнению социальной структуры Китая, отражая глубокие экономические, профессиональные и региональные трансформации китайского общества.

Эволюция социальных противоречий и реконструкция классовых отношений

Нам известно, исторический материализм и диалектический материализм предоставляют научную основу для анализа изменений в социальной структуре и присущих ей противоречий. Эта методология является фундаментальной при изучении эволюции социальных противоречий в Китае и их взаимосвязи с социальной структурой.

Анализируя историю развития Китая после начала политики реформ и открытости, можно отметить, что реформирование экономической системы не только ускорило развитие производительных сил, но и привело к глубоким изменениям в социальной структуре общества. В результате реформ произошли значительные изменения как в самих людях, так и в материальных условиях их существования, что в свою очередь трансформировало их социальные взаимоотношения. Эти структурные изменения проявились в таких аспектах, как: перестройка отношений «город-село», дифференциация профессиональной структуры, дисбаланс в распределении доходов, изменения в механизме социальной мобильности и перестройка структуры власти. Эволюция этих социальных структур взаимосвязана и способствует возможности возрождения классовых конфликтов в китайском обществе, способствуя трансформации социальных противоречий в классовые. Конкретные проявления этих противоречий включают в себя следующее. 1. Обострение противостояния экономиче-

ских интересов. Разрыв между классами с точки зрения доходов, накопления богатства и социального благосостояния увеличивается, формируя значительный экономический антагонизм. 2. Закрепление социального статуса. Неравномерное распределение социальных ресурсов, таких как образование, медицинское обслуживание и жильё, приводит к значительным различиям в качестве жизни между различными классами, снижая социальную мобильность и усиливая тенденцию к закреплению классов. 3. Усиление различий в политическом влиянии. Группы, обладающие значительным экономическим капиталом, часто имеют больше возможностей влиять на общественные решения, в то время как голоса нижних слоёв общества трудно услышать в полной мере. Таким образом, вне пределов партийных и государственных структур, политическое влияние общества фактически контролируется владельцами частного бизнеса. Однако этот слой имеет коренные интересные конфликты с рабочим классом, согласно Конституции Китая, является ведущим классом. Такое неравенство в политическом участии усугубляет социальные противоречия. 4. Культурная и ценностная дихотомия. Различия в жизненном опыте и социальном статусе способствовали формированию различных культурных идентичностей и ценностей у представителей разных классов, что ещё больше укрепило классовое сознание.

В условиях стремительного развития информационных технологий и социальных сетей социальные противоречия становятся более очевидными и получают новые каналы для распространения классового сознания, что ускоряет трансформацию социальных противоречий в классовые конфликты. Эти технологии создают благоприятную среду для перестройки и усиления классового сознательности. Например, в августе 2024 года судья Ван Цзяцзя из Народного суда района Янчэн города Лоэ провинции Хэнань была убита истцом по делу, которое она рассматривала [8]. Это событие вызвало значительный общественный резонанс. Значительная часть интернет-общественности считает, что Ван Цзяцзя была убита из-за того, что низкий уровень медиации в делах, вызванный отказом истца от досудебного примирения, мог привести к тому, что она не будет признана выдающимся работником суда в 2024 году. В результате, судья могла принять решение, не руководствуясь принципами справедливости, что привело к ошибочной оценке компенсации за упущенный заработок истца и, в конечном итоге, к её убийству. Кроме того, сторонники этой точки зрения считают, что нынешние судьи в Китае серьёзно отделились от трудового народа и фактически стали такими же, как западные судьи, утратив свою связь с реальными потребностями общества.

В условиях таких противоречий роль социалистического государства в регулировании социальных конфликтов становится особенно важной. КПК и Госсовет Китая, посредством институциональных инноваций и корректировки политики, пытаются смягчить напряжённость, возникающую в ходе социальных преобразований. Однако с углублением и усложнением конфликтов, вызванных эволюцией социальной структуры, эффективность и устойчивость этого регулирующего механизма сталкиваются с возрастающими трудностями. Точка зрения американского учёного С. Хантингтона, утверждающего, что «в глобальном мире войны будут происходить между обществами разных культур, а не между государствами» [11, р. 368], в текущих условиях оказалась теоретически ограниченной. Это видно на примере конфликтов между США и Китаем, а также между Россией и США. Существенное развитие глобальных противоречий продолжает быть борьбой между

социализмом и капитализмом, что на практике отражается в мировых антиимпериалистических, антифашистских и антигегемонистских движениях. Это свидетельствует о том, что выводы Ленина в теории империализма остаются актуальными. Для социалистического Китая эта проблема также имеет значительное значение. Что означает – более того, на фоне сложных социальных противоречий увеличиваются риски мирной эволюции и цветных революций, инспирированных западными капиталистическими странами против Китая. Эти угрозы проявляются в нескольких ключевых аспектах.

Во-первых, организованное идеологическое проникновение западных капиталистических стран в Китай. В ответ на изменения в социальной структуре Китая и нарастание поляризации интересов, некоторые западные капиталистические страны усилили свои усилия по идеологическому проникновению в Китай через различные каналы. Эти страны используют существующие социальные противоречия, чтобы усилить антагонизм между различными классами и социальными слоями, тем самым подрывая доверие китайского народа к социалистической системе. Примером подобных стратегий может служить заявление президента США Джо Байдена в 1991 году о том, что США будут продолжать свою «давнюю политику распространения правдивых новостей и демократических идеалов среди граждан стран, жизненно важных для интересов США» [9]. Это указывает на целенаправленное стремление США использовать информационное влияние для воздействия на внутреннюю политику и социальную стабильность в Китае.

Во-вторых, влияние западных капиталистических ценностей на социалистические ценности Китая. Развитие социалистической рыночной экономики, сопровождаемое высоким уровнем роста производительных сил, привело к усилению капиталистической либерализации по сравнению с периодом до реформ и открытости. В этом контексте западные ценности оказали значительное воздействие на китайскую традиционную культуру и основные социалистические ценности. Особенно заметно это среди молодого поколения, где наблюдается смещение ценностей и кризис идентичности в отношении социалистической идеологии и руководства КПК. Эта тенденция представляет собой потенциальную угрозу для устойчивости социалистической системы и ее дальнейшего развития.

В-третьих, расширение влияния поддерживаемых Западом общественных организаций и иностранных компаний в китайском обществе. С открытием китайского общества возросла активность различных общественных организаций и иностранных компаний, поддерживаемых западными странами. Некоторые из этих организаций, будучи связанными с антикитайскими и антикоммунистическими силами, стремятся подорвать социалистический строй в Китае, используя свое влияние на общественное мнение и социальную политику. На фоне растущего влияния социальных сетей и самопубликующихся СМИ, западные капиталистические страны активно используют эти платформы для распространения дезинформации, манипуляции общественным мнением и создания условий для социальных беспорядков в Китае.

Обобщая, основная цель мирной эволюции и цветных революций, которые направлены на обострение социальных противоречий в Китае, заключается в подрыве классовой базы КПК, а ключевой стратегией их реализации является разрушение тесных политических связей между КПК и рабочим народом. Важно понимать, что чем более сложные и масштабные исторические задачи стоят перед обществом, тем более значимо участие

трудящихся в их достижении. Именно активное и творческое участие народа является сутью социализма и ключевым фактором его становления и укрепления.

Вопрос о том, как мобилизовать народные массы на решение новых задач и проблем, как убедить их в необходимости активного участия в преобразованиях и сделать эти преобразования делом самих трудящихся, всегда занимал центральное место в марксистской теории. В.И. Ленин, например, подчеркивал, что успешное решение этих вопросов является основной целью идеологической и политической работы пролетарских партий.

Тем не менее, с учетом текущих изменений в социальных противоречиях Китая и целенаправленного влияния западных капиталистических стран, массовая поддержка КПК действительно подверглась определенным испытаниям. Например, часть трудящихся выражает сомнения в последовательности действий и заявлений некоторых партийных кадров, что создает кризис доверия к партийным структурам на местном уровне. Согласно данным, собранным китайским ученым Куай Чжэнмином, лишь 13,6% опрошенных считают слова и действия ведущих кадров абсолютно последовательными, 52,1% считают их в основном последовательными, тогда как 27% отмечают непоследовательность, а 6,4% оценивают их как полностью непоследовательные [5, с. 141]. Этот кризис доверия может стать значительным вызовом для КПК в условиях нарастания социальных противоречий и внешнего идеологического давления. Укрепление связей между партией и трудовым народом, а также восстановление доверия к партийным структурам становятся важнейшими задачами, необходимыми для предотвращения реализации сценариев мирной эволюции и цветных революций.

Разумеется, КПК и правительство КНР осознали сложившуюся ситуацию, и с момента избрания Си Цзиньпина Генсек ЦК КПК в 2012 году руководство страны предприняло ряд мер для предотвращения дальнейшего усугубления этих проблем. В частности, были реализованы следующие шаги. 1. Укрепление идеологической работы, включая усиление руководящей роли марксизма-ленинизма в идеологической сфере и повышение идентификации трудящихся с социализмом с китайской спецификой. 2. Установление абсолютного лидерства КПК в управлении всеми аспектами общественной жизни, включая передачу полномочий по принятию ключевых решений в социально-экономической политике Политбюро ЦК КПК, что привело к снижению роли Государственного совета до чисто исполнительного органа. 3. Углубление реформ с акцентом на разрешении социальных противоречий, сокращение разрыва между богатыми и бедными, продвижение социальной справедливости и устранение социальной базы для мирного развития и цветных революций. 4. Усиление контроля над киберпространством, совершенствование механизмов выявления и борьбы с дезинформацией и вредоносными высказываниями, а также поддержание чистоты информационного поля. 5. Уделение особого внимания работе с молодежью, усиление патриотического воспитания, предоставление дополнительных возможностей для развития молодежи, а также укрепление идентичности трудящихся с социалистическими ценностями. 6. Совершенствование системы социального управления, повышение способности правительства к решению сложных социальных проблем, укрепление социальной сплоченности и устойчивости к рискам. 7. Поддержание стратегической стабильности, обеспечение независимости и самодостаточности при открытии внешнего ми-

ра, противодействие вмешательству и проникновению внешних сил.

Тем не менее, из-за сложных исторических обстоятельств КПК и правительство Китая не уделили должного внимания фундаментальному принципу политики использования элементов капитализма в интересах социалистического строительства, который был сформулирован в начале периода реформ и открытости. Это привело к тому, что в реальной политической и экономической жизни Китая критерий оценки эффективности реформ был подменён на абсолютную цель – способствовать или не способствовать экономическому развитию. В результате, в ряде областей возникло негативное влияние экономического строительства на политическую и идеологическую сферы. Например, уже в декабре 1991 года, когда Политбюро ЦК КПК обсуждало причины развала Союза ССР, внутри партии возникли разногласия. Ли Пэн, занимавший тогда пост Премьера Госсовета, полагал, что СССР распался главным образом из-за неправильного выбора преемника, неверного политического курса, отказа от партийного руководства и успеха мирной эволюции. В то же время Цзян Цзэминь, на тот момент Генеральный секретарь ЦК КПК, утверждал: «Пока мы будем поднимать экономику, нам нечего бояться» [6, с. 262]. Однако марксизм-ленинизм, как учение, которое объясняет законы общественного развития и роль партии рабочего класса, подчёркивает значение идеологической и политической работы. Попытки решить проблемы исключительно экономическими методами, без должного воспитания сознания людей, неизбежно ведут к ошибкам.

Короче говоря, в современной эпохе основные противоречия в китайском обществе эволюционировали от простого противоречия между производительными силами и производственными отношениями к более сложным структурным противоречиям внутри общества. Если данные структурные противоречия не будут эффективно разрешены, они могут не только перерасти в глубокие классовые конфликты, но и быть использованы западными капиталистическими странами, что приведёт к ослаблению диктатуры пролетариата и даже к подрыву социалистического строя. Таким образом, в будущем социальное управление Китаем должно быть направлено не только на обеспечение экономического развития, но и на оптимизацию и корректировку социальной структуры, продвижение более справедливого и рационального механизма распределения социальных ресурсов, а также на предоставление равных возможностей для развития всем классам и социальным группам. Кроме того, КПК и правительство Китая должны постоянно сохранять бдительность, усиливая меры по предотвращению и контролю рисков в области политической безопасности и идеологии, обеспечивая тем самым национальную безопасность и социальную стабильность. Только таким образом можно предотвратить развитие потенциальных классовых антагонизмов, защититься от угроз мирной эволюции и цветных революций, а также обеспечить долгосрочное стабильное развитие социализма с китайской спецификой.

Литература

1. Государственное статистическое управление КНР. База данных «Государственные данные». – URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01>
2. Государственное статистическое управление КНР. Основные данные Седьмой национальной переписи населения. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-05/11/content_5605760.htm
3. Государственное статистическое управление КНР. Статистический бюллетень КНР о национальном экономическом и социальном развитии в 2001 году. – URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2002/content_61355.htm
4. Государственное статистическое управление КНР, журнал «Цюши». 2024. No. 16.
5. Куай Чжэньмин. Исследования по поддержанию чистоты партии в условиях диверсификации интересов. – Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 2013.
6. Ли Пэн. Дневник Ли Пэна по международным делам. Первый том. – Пекин: Издательство Синьхуа, 2008.
7. Лу Сюэйи. Социальная структура в современном Китае. – Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2010.
8. Народный суд района Янчэн города Лоз по провинции Хэнань. «Сообщение о трагической гибели судьи Ван Цзяцзя в результате исполнения ею служебных обязанностей». – URL: <https://lhycfy.hncourt.gov.cn/public/detail.php?id=1414>
9. Сенатор Джозеф Р. Байден-младший. «S.1093 – Закон о вещании в Китае». 17 мая 1991 г. – URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/1093/text?s=5&r=295>
10. Ся Юй и другие. Отчет о развитии средств к существованию в Китае (2014). – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2014.
11. Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York: Simon & Schuster, 1996.

MULTIDIMENSIONAL ANALYSIS OF THE EVOLUTION OF SOCIAL STRATIFICATION STRUCTURES AND THE TRANSFORMATION OF SOCIAL CONTRADICTIONS IN 21ST CENTURY CHINA

Li Zhuoru, Wang Jingxuan

Lomonosov Moscow State University, Beihang University

This study is dedicated to the analysis of the transformation of social stratification in the People's Republic of China since the early 21st century. The findings demonstrate that the social structure of the PRC has undergone significant modifications, resulting in a shift from traditional class differentiation to a multi-tiered stratification system. Key aspects of this evolution include: radical changes in the demographic composition of urban and rural areas, the increasing complexity of urban-rural relations, radical transformations in production processes and lifestyles, diversification of the professional structure, and the deepening socio-economic inequality between megacities and smaller towns. These trends have exacerbated social contradictions, potentially leading to class conflicts and increasing risks of “peaceful evolution” and “color revolutions” according to Western scenarios. The paper analyzes the measures taken by the CPC and the Chinese government to address these issues. The authors conclude that there is a need to enhance attention to optimizing the social structure and ensuring equitable distribution of economic benefits during the country's development process to maintain national security and social stability.

Keywords: Social stratification structure, urban-rural relations, professional structure, social conflicts, social governance.

References

1. National Bureau of Statistics of the People's Republic of China. National Data Database. – URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01>
2. National Bureau of Statistics of the People's Republic of China. Basic Data of the Seventh National Population Census. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-05/11/content_5605760.htm
3. National Bureau of Statistics of the People's Republic of China. Statistical Bulletin of the People's Republic of China on Nation-

- al Economic and Social Development in 2001. – URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2002/content_61355.htm
4. National Bureau of Statistics of the People's Republic of China, Qiushi Journal. 2024. No. 16.
 5. Kuai Zhenming. Research on Maintaining Party Purity Under the Condition of Diversifying Interests. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2013.
 6. Li Peng. Diary of Li Peng on International Affairs. Volume I. Beijing: Xinhua Press, 2008.
 7. Lu Xueyi. Social Structure in Contemporary China. Beijing: Social Science Literature Press, 2010.
 8. Yangcheng District People's Court, Luoye City, Henan Province. "Notice of the Tragic Death of Judge Wang Jiajia in the Performance of Official Duties." – URL: <https://lhycfy.hncourt.gov.cn/public/detail.php?id=1414>
 9. Senator Joseph R. Biden, Jr. "S.1093 – The China Broadcasting Act." May 17, 1991. – URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/1093/text?s=5&r=295>
 10. Xia Yu et al. China Livelihood Development Report (2014). – Beijing: Peking University Press, 2014.
 11. Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York: Simon & Schuster, 1996.

Электоральные предпочтения: профиль идеального кандидата в муниципальные депутаты в г.о. Щелково Московской области

Верницкий Герман Игоревич,

аспирант кафедры государственного и муниципального управления ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика»
E-mail: givin@inbox.ru

Мельков Сергей Анатольевич,

д.п.н., профессор, зав. кафедрой государственного и муниципального управления ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика»
E-mail: 304304@mail.ru

Лябах Андрей Юрьевич,

старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика»
E-mail: 0190555@mail.ru

Исследование посвящено изучению электоральных предпочтений жителей городского округа Щелково Московской области, в рамках проведения выборов муниципальных депутатов. В статье отражены результаты социологического опроса 174 жителей городского округа Щелково Московской области, который был направлен на выявление основных общих данных об отношении респондентов к избирательной системе в РФ, участие в проводимых голосованиях и выявление основных факторов электорального поведения жителей г.о. Щелково, а также на определение профиля идеального кандидата в муниципальные депутаты, за которого бы граждане проголосовали.

Авторами было выявлено отношение респондентов к избирательной системе РФ, а также к тому, какой именно должен быть «идеальный» кандидат в муниципальные депутаты.

Ключевые слова: выборы, кандидат в депутаты, профиль кандидата, социологический опрос, факторы влияния, электоральные предпочтения.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена несколькими обстоятельствами и факторами.

Во-первых, полагаем, данная тема важна тем, что на настоящий момент в научной литературе уже определено достаточно большое количество различных теорий и моделей электорального поведения в различных социумах (и не только демократических), по которым в общих чертах организуют свое поведение избиратели [1, с. 86–105]. То есть, по отдельным показателям социально-экономического развития территории и населения можно спрогнозировать ожидания и поведение избирателей [2, с. 52–56]. Но, помимо этого, есть все же значительные региональные и местные расхождения в электоральных предпочтениях, которые могут отличаться в каждом отдельном муниципальном образовании – это следует, полагаем, учитывать каждому исследователю электорального процесса.

Во-вторых, важность исследования электоральных предпочтений обусловлена, также и тем, что снижение политической роли выборов и политических партий по объективным причинам усиливает в политике роль неинституциональных групп интересов [3]. Мы имеем в виду потенциальное политическое усиление лоббизма, перерождение политической элиты в закрытую административную элиту/группу.

В статье авторы исследования с помощью применения метода социологического опроса жителей г.о. Щелково ставят перед собой **цель** – сформировать профиль идеального кандидата в муниципальные депутаты в городском округе Щелково Московской области.

В соответствии с целью исследования, далее представлены результаты проведенного социологического опроса населения г.о. Щелково, который проводился авторами в период с 10.11.2022 по 04.12.2022 в электронном формате с помощью применения Google-форм [4]. Всего в опросе приняли участие 174 жителей г.о. Щелково в возрасте от 18 лет. Общая численность избирателей – 134 136 чел., доверительная вероятность (точность исследования) – 95% доверительный интервал (погрешность) составил 7,42%. Анкета была разбита на 2 логических блока. Первый блок вопросов направлен на выявление основных общих данных об отношении респондентов к избирательной системе в РФ, участие в проводимых голосованиях и выявление основных факторов электорального поведения жителей г.о. Щелково. Второй блок вопросов направлен на определение профиля идеального кандидата в муниципальные депутаты, за которого бы граждане проголосовали.

Так, полагаем, мы сможем в первом приближении определить/дать общую характеристику электорального поведения населения г.о. Щелково и определить их предпочтения, что в дальнейшем можно будет потенциально использовать политическим партиям для принятия решения о разработке предвыборных кампаний.

Практическая значимость исследования, полагаем, заключается в том, что его результаты можно использовать при составлении плана и стратегий проведения предвыборных кампаний и определении кандидатов для выдвижения на выборы в различные органы власти, прогнозирования итогов голосования, а также при дальнейшем исследовании по аналогичной тематике.

Авторский анализ полученных данных

Переходим к рассмотрению результатов по первому блоку вопросов анкеты. По результатам опроса было выяснено, что около половины опрошенных за последние 3 года не принимали участие в проводимых голосованиях на выборах органов власти. Это, пожалуй, свидетельствует о низкой вовлеченности опрошенных граждан – жителей г.о. Щелково в решение вопросов местного значения.

Согласно ответам респондентов на второй вопрос анкеты, было выявлено, что основной причиной участия в голосованиях являлись просьбы и предложения на работе, а не личные желания респондентов. Кроме того, около трети респондентов по вопросу (в совокупности ответов) принимали участие в выборах по просьбе или предложению друзей, родственников или под влиянием иных внешних факторов. Таким образом можно сделать вывод, что в целом респонденты скорее не из своего личного желания принимали участие в голосованиях, что свидетельствует о достаточно сильном влиянии внешних стимулирующих факторов на мнение избирателей.

Далее были проанализированы причины неучастия респондентов в выборах. Основной причиной, по мнению респондентов, является недостаточная информированность жителей о проведении выборов, что является достаточно серьезной проблемой как для самих избирателей, поскольку они ввиду недостаточной осведомленности не могут реализовывать в полной мере свои законные права на участие в избирательном процессе, решение вопросов местного значения, так и для кандидатов, поскольку в отдельных округах из-за достаточно низкой явки избирателей изменить результаты выборов могли около 15–20 голосов. Кроме того, второй по количеству ответов респондентов причиной отказа участия в голосованиях является личное нежелание участвовать в данном процессе. Это возникает, по мнению авторов исследования, по причине недостаточной работы политических партий и органов власти, СМИ по привлечению избирателей, их информированию и созданию благоприятных условий для привлечения избирателей на выборы органов власти.

Решающими факторами при выборе кандидата на выборах стали следующие (в порядке убывания): содержание предвыборной кампании и обещаний; уровень медийности кандидата; личное знакомство избирателя и кандидата, результаты общественной деятельности по решению местных вопросов и проблем. Таким образом можно видеть, что в целом респонденты достаточно серьезно относятся к выбору кандидатов, поскольку они планируют ознакомиться с общением кандидата, его практической работой и лично с ним (в данном случае скорее относится к муниципальным депутатам).

Также отметим, что в целом респонденты (более 50%) достаточно нейтрально относятся к процессу внедрения электронных форм голосования на выборах, а мнения остальных разделились практически пополам. Из чего авторы исследования могут сделать вывод о том, что в целом процесс внедрения электронных форм голосования может, скорее всего, затянуться, ввиду недостаточной готовности жителей к принятию новых форм проведения выборов.

При этом, респонденты не хотели бы принимать участие в выборах в качестве наблюдателей (таких 50%), что свидетельствует для нас о недостаточной работе органов власти по информированию населения и вовлечению граждан в избирательный процесс для обеспечения его открытости, прозрачности и повышения уровня доверия среди граждан.

Основным мотиватором респондентов к участию в качестве наблюдателей является возможность получения дохода, поскольку наблюдателям из фонда выплачивается оплата труда. Кроме того, несколько менее значимыми мотиваторами быть наблюдателями на выборах являются: 1) личный интерес респондентов наблюдать за процессом выборов, 2) недоверие к избирательной системе и 3) для оказания помощи органам власти.

В целом опрошенные на среднем уровне (55%) оценивают значимость избирательной системы в политической деятельности, что позволяет сделать вывод: органам власти необходимо совершенствовать избирательную систему в РФ (возможно с учетом опыта иностранных государств), особое внимание стоит уделить процессу увеличения доли участия в граждан в избирательном процессе и уровень их доверия.

Далее переходим к следующему блоку опроса, в рамках которого респонденты помогали сформировать идеальный профиль кандидата в муниципальные депутаты, т.е. с учетом мнений жителей г.о. Щелково.

По мнению респондентов, идеальным кандидатом является человек в возрасте от 30-ти до 40-ка лет, который уже обладает достаточным опытом в различных сферах деятельности, но достаточно активен для решения большого количества вопросов местного значения, особенно в период цифровизации важно умение использования информационных систем, которые по большей степени переходят в электронный формат и развивать данные направления в соответствии с государственной политикой.

Идеальный кандидат, по мнению респондентов, должен иметь высшее образование, а желательно именно уровень магистратуры или специалитета (56%), тогда как бакалавриат оценен несколько ниже (27,5%). В связи с чем можно сделать вывод о том, что наилучшим кандидатом будет является человек с высшим профессиональным образованием, который обладает достаточными знаниями (особенно в своей профессиональной деятельности) для решения отдельных вопросов в округе, а также навыками коммуникации для взаимодействия с населением и органами власти, поскольку данные компетенции (по коммуникации) являются базовыми по всем направлениям обучения в высшей школе.

Можно отметить, что в целом, по мнению опрошенных, фактор конкретного оконченного кандидатом вуза не влияет на выбор избирателей (60%), однако желательно, чтобы это был государственный российский вуз, в том числе дополнительно положительно отмечается, если этот вуз по принадлежности будет ведомственным вузом какого-либо органа власти или иметь высокий рейтинг.

По мнению респондентов, наилучшим кандидатом в муниципальные депутаты будет является человек, состоящий в браке, поскольку для 39% опрошенных семейное положение не имеет значение, а вот для 41% оно достаточно важно. Также кандидат в депутаты должен работать (в сумме 98% респондентов так считают) и иметь опыт работы не менее 5-ти лет. Тогда как неработающие кандидаты будут, по мнению авторов исследования, скорее пользоваться недоверием у избирателей (такой кандидат популярен всего у 2% респондентов).

Организация, в которой работает кандидат в депутаты, не важна для избирателей при принятии решения на выборах (76%), однако они скорее поддержат представителей государственных и муниципальных организаций, поскольку такие кандидаты уже имеют опыт работы в данных структурах и знакомы с представителями власти и алгоритмами ее работы. А это, в свою очередь, облегчит процесс организации работы совета депутатов.

В общем и целом для респондентов сфера деятельности кандидатов не важна (48,3%), однако они скорее более благоприятно отнесутся к представителям социальной сферы, административной деятельности, производства, а также к тем, кто работает в сфере образования.

64% опрошенных утверждают, что фактор наличия детей у кандидата не будет иметь решающее значение при голосовании, однако все же для 34% респондентов важен данный аспект, ими будет в большей степени поддержан кандидат, у которого есть один или более детей.

По мнению респондентов, кандидат в депутаты скорее должен состоять в политических партиях (38%), поскольку это предоставляет несколько больше уверенности в стабильности, позволяет предсказать примерную стратегию деятельности депутата, а также предоставляет некоторые гарантии для населения при избрании. Потому можно сделать вывод о том, что в целом участие депутата в деятельности политической партии является достаточно важным фактором, влияющим на успех кандидата на выборах.

Идеальный кандидат обязательно должен иметь собственные группы и страницы в социальных сетях (особенно важно для поддержания взаимодействия с молодежью) для освещения своей деятельности и получения обратной связи от граждан, что достаточно актуально в период информатизации общества и реального ускорения взаимодействия органов власти с обществом. Только 22% опрошенных нами респондентов считают, что этот фактор не существенен.

По мнению респондентов наиболее успешным кандидатом будет являться тот, кто проводит встречи с населением (в том числе в электронном формате) для выявления проблем в округе и предложений от граждан, а также получения обратной связи на свою деятельность (98%). Однако жители в большей степени не планируют посещать встречи с кандидатами, потому им необходимо разрабатывать мероприятия и встречи таким образом, чтобы граждане по максимуму принимали в них участие и знали о них, поскольку это важный фактор при оценке кандидата в депутаты. Достаточно результативным вариантом встреч представителей муниципальной власти с населением стали выездные администрации, которые практикуются в Московской области с 2023 года, опыт применения которых следует абстрагировать на все муниципальные образования РФ.

Фактор участия кандидата в местных объединениях (общественно значимых организациях) является достаточно значимым для успешности на выборах, поскольку так кандидат выявляет ряд проблем в округе, проводит оценку качества и результатов работы объединений, а также знакомится с другими жителями, чем развивает свою узнаваемость и привлекает на свою сторону избирателей (52%).

Также было выявлено, что для избираемых кандидатов категорически важно жить в округе, в котором он будет избираться, поскольку это почти единственный фактор, который отметили абсолютное большинство опрошенных, что свидетельствует о том, что кандидат должен является постоянным жителем г.о. Щелково для увеличения шансов на победу на выборах (по мнению 83% опрошенных). Что, по мнению авторов исследования, действительно актуально, поскольку только местный житель реально и напрямую точно знает о проблемах округа, сможет оперативно отреагировать на обращения и в целом ежедневно находится на территории, на которой он будет потенциальным депутатом. Это стимулирует его с большей самоотдачей решать вопросы местного значения.

Таким образом на основании полученных данных и мнений опрошенных жителей г.о. Щелково авторами был разработан профиль электоральных предпочтений кандидата в муниципальные депутаты, за которого проголосовали бы избиратели в большей мере.

1. Кандидат должен быть в возрасте 30–40 лет.
2. Кандидат должен иметь высшее образование и желательно ему/ей окончить специалитет или магистратуру.
3. Кандидат скорее должен быть женат или замужем, однако данный фактор не сильно выражен.
4. Кандидат должен иметь постоянное место работы и опыт работы кандидата должен составлять более 5 лет.
5. Желательно, чтобы у кандидата были дети.
6. Кандидат скорее должен относиться к какой-либо политической партии, чем быть самовыдвиженцем.
7. У кандидата должны быть свои страницы и группы в социальных сетях, на которых он должен освещать свою деятельность в качестве политика и раскрывать свои личные качества, которые могут быть привлекательны для электората.
8. Кандидат должен поддерживать взаимодействие с населением путем проведения встреч с гражданами, в том числе в электронном формате.
9. Желательно, чтобы кандидат состоял в местных объединениях (общественных инициативах) различной направленности (спортивные, досуговые и иные).
10. Кандидат обязательно должен проживать на территории данного муниципального образования, в котором избирается.

Заключение и общие выводы по исследованию

В итоге исследования авторами сформирован профиль (если точнее, то пока перечень характеристик) некоего «идеального» (с точки зрения большинства респондентов) кандидата в муниципальные депутаты, который можно использовать для составления первичных оценок успешности предвыборных кампаний, самих выборов органов власти, поствыборной деятельности представительных органов власти. Этот профиль, полагаем, поможет в формировании в будущем некой политико-управленческой модели электорального процесса (для начала, на муниципальном уровне). Несмотря на то, что мы опрашивали респондентов по поводу профиля идеального кандидата в г. Щелково, полагаем, что повторить наше исследование несложно, а политтехнологи смогут его провести в больших масштабах (на региональной или федеральной выборке), чтобы получить информацию о профиле идеального кандидата в депутаты различных органов власти.

Литература

1. Ларсен С.У. (ред.) Теория и методы в современной политической науке. Первая попытка теоретического синтеза. – М.: РОССПЭН, 2009. – 751 с.
2. Николс Т. Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания. – М.: Эксмо, 2019. – 368 с.
3. Муштук О.З. Политология: учебник. – М.: Университет «Синергия», 2018. – 480 с.
4. Социологический опрос жителей г.о. Щелково для формирования профиля идеального кандидата в муниципальные депутаты: определение электоральных предпочтений. – URL: <https://docs.google.com/forms/d/1U7dx4Bnm1gFMfA4TifWNdaLJ724yX-fvDQY84KbYSV9s/edit> (дата обращения: 24.10.2023).

ELECTORAL PREFERENCES: PROFILE OF THE IDEAL MUNICIPAL DEPUTY CANDIDATE IN SHCHYOLKOVO, MOSCOW REGION

Vernitskiy G.I., Melkov S.A., Lyabakh A.Yu.

Academy EMERCOM of Russia named after Lieutenant General D.I. Mikhailika

The study is devoted to the study of electoral preferences of residents of the urban district of Shchyolkovo, Moscow region, in the context of the elections of municipal deputies. The article reflects the results of a sociological survey of 174 residents of the urban district of Shchyolkovo, Moscow region, which was aimed at identifying the main general data on the attitude of respondents to the electoral system in the Russian Federation, participation in the voting and identifying the main factors of the electoral behavior of residents of the urban district. Shchyolkovo, as well as determining the profile of the ideal candidate for municipal deputies, for whom citizens would vote.

The authors identified the attitude of respondents to the electoral system of the Russian Federation, as well as to what exactly the "ideal" candidate for municipal deputies should be.

Keywords: elections, candidate for deputy, candidate profile, sociological survey, influencing factors, electoral preferences.

References

1. Larsen, S.U. (eds.) (2009). Theory and methods in modern political science. The first attempt at theoretical synthesis [Teoriya i metody v sovremennoi politicheskoi nauke. Pervaya popytka teoreticheskogo sinteza]. – Moscow: ROSSPEN. (In Russ.).
2. Nicols, T. (2009). The Death of Expertise: The Campaign Against Established Knowledge and Why It Matter [Smert' ekspertizy: kak internet ubivaet nauchnye znaniya]. – Moscow: Eksmo. (In Russ.).
3. Mushtuk O.Z. (2018). Political Science: textbook. – Moscow: Synergy University. (In Russ.).
4. Sociological survey of residents of the urban district of Shchyolkovo to form a profile of an ideal candidate for municipal deputies: determining electoral preferences. – URL: <https://docs.google.com/forms/d/1U7dx4Bnm1gFMfA4TifWNdaLJ724yX-fVdQY84KbYSV9s/edit> (date of access: 10/24/2023).

Исследования случаев в государственном управлении: история развития методологии и современные тенденции

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС Санкт-Петербург)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Исследования случаев имеют давнюю традицию в науке государственного управления. Несмотря на постоянную критику этой методологии, она продолжает широко использоваться. В статье кратко рассматривается история развития и применения кейс-стади в науке и практике публичного управления. Высказывается точка зрения, что данная методология хорошо соответствует потребностям и самой природе публичного управления. Обсуждается значение использования мета-анализа на современном этапе для обобщения результатов кейс-стади и накопления знаний в области государственного управления. Применение мета-анализа рассматривается как выход методологии кейс-стади на новый уровень. Делается вывод, что исследования случаев являются неотъемлемой составляющей науки государственного управления и продолжают совершенствоваться.

Ключевые слова: исследования случаев, государственное управление, социальные науки, наука государственного управления, методы социальных наук.

Исследования случаев (case study, кейс-стади) стали широко применяться в науке государственного управления как метод или, шире, как особое методологическое направление, начиная со второй половины XX века. Важнейшую роль в становлении этой методологии сыграла деятельность ученых Гарвардского университета. В 1948 году была создана комиссия по кейсам в публичном управлении (на основе междууниверситетского содружества Гарвардского, Принстонского, Сиракузского и Корнельского университетов) под руководством Гарольда Стейна (H. Stein). В 1951 году эта структура была расширена и реорганизована в Межуниверситетскую программу по кейсам (Inter-University Case Program, IUCP). Работа программы привела к созданию множества кейсов в области публичного управления.

В 1952 году вышел сборник исследований случаев (содержащий 26 кейсов) под редакцией Г. Стейна [1]. Данная книга была предназначена в качестве учебного материала (и в последующем широко использовалась в преподавании). Отдельно следует отметить крупное по объему введение к сборнику (написанное Г. Стейном), которое сыграло свою историческую роль в качестве одного из первых разъяснений сущности кейс-метода в публичном управлении.

В частности, Г. Стейн дает определение кейса в государственном управлении как некоего изложения (narrative) событий, которые приводят к принятию решения или группы связанных решений государственным администратором или группой государственных администраторов. При этом дается описание многочисленных личных, юридических, институциональных, политических, экономических и других факторов, которые сопровождали процесс принятия решения, однако здесь нет попытки установить абсолютные причинно-следственные связи. [2, p. 855]

В этот же период выходит ряд работ, выполненных в форме исследования случая (случаев), которые стали классическими и продемонстрировали значение кейс-стади для науки и практики публичного управления. К ним относятся «Лесничий: изучение административного поведения» Х. Кауфмана (1960) [3], «Смерть и жизнь больших американских городов» Дж. Джекобс (1961) [4], «Имплементация» Дж. Прессмана и А. Вилдавски (1973) [5] и другие.

Появляется все больше исследований, выполненных на самые разнообразные темы, а также отличающихся по форме и методологическим подходам. Тематика кейс-стади в государственном управлении представляет собой широкий спектр исследуемых вопросов: например, это реализация правительственных программ, создание и изменение административных структур, властные отношения в организации, принятие важных административных решений, взаимоотношения между правительственными учреждениями и общественностью, координация политики между различными ведомствами и т.д.

Одновременно с нарастающим количеством и разнообразием публикаций все больше ощущается потребность в разработке более структурированного подхода к проведению исследований случаев.

Практически с самого начала развития метода кейс-стади он стал подвергаться широкой критике. Оппонентами были выявлены многие недостатки данного подхода, среди которых отмечались присущие ему нечеткость, довольно произвольный сбор фактов и недостаточно строгая аргументация при выведении заключений и т.п. Утверждалось также, что исследования случаев не способны внести теоретический вклад в развитие науки государственного управления [6, p. 107–108].

Тем временем предпринимались усилия по развитию и систематизации данного направления. В итоге стали появляться методологические разработки, призванные прояснить основания данного метода и повысить его строгость.

Здесь особенно следует отметить роль американского ученого в области социальных наук Роберта Йина (R.K. Yin), который опубликовал в 1984 году систематическое руководство по методу кейс-стади [7]. Данная работа имела важнейшее значение в прояснении сущности данного метода и характеристики его основных компонентов. Она и на современном этапе остается одним из лучших и рекомендуемых пособий. На сегодняшний день имеется ряд других известных руководств по проведению кейс-стади, в том числе – специально предназначенных для области государственного управления [8]. Поэтому в целом можно сказать, что сегодня методологические основы кейс-стади по сравнению с ранним периодом проработаны значительно лучше.

Итак, что вообще сегодня понимается под данным методом? Имеется множество определений кейс-стади. Приведем только два из них.

Исследование случаев – это эмпирическое изучение современного феномена в контексте реальной жизни, особенно когда границы между феноменом и контекстом не являются ясно видимыми (Роберт Йин). [9, p.13]

Кейс-стади – это интенсивное изучение отдельной единицы с целью понимания более широкого класса сходных единиц. Единица в данном контексте означает какой-то пространственно связанный феномен – к примеру, национальное государство, революцию, политическую партию, выборы или личность – наблюдаемый в отдельный момент времени либо в течение какого-то ограниченного периода времени (Джон Герринг). [10, p. 342]

В сфере государственного управления кейс-стади остаются популярной методологической формой; результаты исследований случаев постоянно присутствуют в специализированных журналах, издаются сборники кейсов на различные темы в области публичного управления и публичной политики и т.п.

За рубежом многие диссертации (на степень МРА или МРР) пишутся в форме исследований случаев (хотя они нередко обладают своеобразной репутацией исследований, которые легко написать, но тяжело защитить). В этой связи некоторые программы подготовки в области публичного управления или публичной политики запрещают написание диссертаций в виде кейс-стади, другие – предпочитают не поощрять такие исследования [11].

Несмотря на популярность метода кейс-стади в государственном управлении (и в других социальных науках), продолжается также постоянная критика в адрес данной методологии, особенно – начиная примерно с 1990-х гг. в связи с общим движением социальных наук ко все большей методологической строгости и возрастающим требованиям к качеству научных исследований.

Таким образом, ситуация с оценкой данного метода в науке государственного управления остается в известной степени двойственной.

Тем не менее, можно встретить заявления о том, что применение методологии исследования случаев является в некотором смысле «естественным» (или, в более осторожном смысле, «неизбежным») для государственного управления. Например, классик американской политологии и публичного администрирования Дуайт Уолдо (D. Waldo) (который, кстати, был решительным сторонником применения кейсов также в преподавании) рекомендовал поднять научный уровень кейс-стади, однако не видел никакой серьезной альтернативы использованию данного метода в качестве исследовательского инструмента. [12]

Утверждается также, что государственное управление «хорошо подходит» для исследований случаев, так как они удовлетворяют потребность в обусловленных выводах и в глубоком понимании причинно-следственных связей, чего трудно достичь посредством других методов [13, p.235].

С нашей точки зрения, кейс-стади действительно «хорошо подходят» для научно-практических разработок в области государственного управления.

Кейс как отдельная изучаемая единица имеет холистический, целостный характер (в такой целостной единице «сплавлены» вместе ее различные компоненты). В этой связи повествовательная форма (нарратив), часто используемая в кейс-стади, придает осмысленность, некую первоначальную понятность данной единице, а также отражает присущую данному кейсу совокупность внутренних связей, последовательностей и т.п.

Кейс может включать неопределенное количество внутренних переменных (в отличие от четко формализуемых структур, с которыми работают другие, «более строгие» методы).

Кейс может не иметь четких границ, он тесно связан со своей окружающей средой – контекстом, который можно расширять дальше (вводя, например, дополнительные допущения или нарративные отсылки к внешнему). Так, согласно определению Р. Йина, границы между феноменом и контекстом не являются ясно видимыми.

Кейс, как правило, имеет определенный процессуальный характер (или некую имманентную процессуальность). Поэтому кейс-стади может проследивать развитие, внутреннюю динамику изучаемой единицы (в том числе на уровне микро-изменений, что может отражаться в виде нарратива).

Кейс имеет локальный характер, т.е. привязан к определенному месту, конкретным личностям (например, к действующему персоналу), временному периоду и т.п. Это, с одной стороны, рассматривается как существенное ограничение метода; но с другой стороны – дает возможность изучать необходимые детали, обстоятельства и т.п.; то есть дает возможность работать на конкретном материале, исследуя его «в глубину».

Многие темы и проблемы (если не большинство), которые интересуют и ученых, и практиков публичного управления (например, реформы, организационные структуры и их функционирование, лучшие практики, процессы принятия решений и т.п.) – как раз обладают вышеперечисленными чертами, характерными для изучаемых кейсов. Реальная жизнь публичного управления состоит из подобных целостностей, холистических единиц с их внутренней процессуальностью, локальностью, конкретностью и т.п.

В некотором смысле, сама действительность публичного управления исходно структурирована в форме неких протокейсов, локализованных в разных местах, связанных с контекстами и т.п. Это означает, что нельзя отрицать своего рода глубинного соответствия онтологии

публичного управления и сферы действия кейс-стади как методологического направления.

Отсюда не следует, конечно, что исследования случаев – это единственный или наилучший метод изучения публичного управления. Напротив, для повышения валидности результатов исследований рекомендуется использовать множественную методологию: например, сочетать различные количественные и качественные методы.

Важную роль в определенном переходе методологии кейс-стади на новый уровень сыграла статья Дж. Дженсена и Р. Роджерса (2001) [13]. В этой работе авторы последовательно отвергли обвинения в «ненаучности» исследований случаев, подвергнув разбору те комплексы критериев оценки качества, которые обычно адресуют научным публикациям. На самом деле эти критерии настолько нереалистичны, что на их основе даже такие бесспорно классические работы, как «Административное поведение» Г. Саймона и «Административное государство» Д. Уолдо следует отбросить как ненаучные.

В отношении кейс-стади авторы обращают внимание на то, что такие исследования часто проводятся в виде групп, или кластеров. На современном этапе все шире применяется особая методология под названием «мета-анализ». Так, за период примерно с 1980 по 1993 гг. в области социальных наук было опубликовано 982 мета-анализа. Данная методология представляет собой совокупность техник, которые позволяют «объединить» различные исследования, что дает возможность выйти на совершенно новый уровень анализа отдельных исследований и их обобщения. В некотором смысле, мета-анализ произвел революцию в отношении проблемы накопления знаний во многих научных дисциплинах.

В работе Дж. Дженсена и Р. Роджерса приводится ряд примеров проведения мета-анализа в области публичного управления; в таких публикациях обобщается, как правило, несколько десятков самостоятельных кейс-стади, выполненных на одну и ту же тему. (Например, П. Вольф использовал мета-анализ для сравнения теорий эффективности бюрократии, обобщив 44 исследования [14].)

В статье подчеркивается, что критики кейс-стади обесценивают результаты исследований случаев, т.к. они мыслят только в терминах каждого кейса как отдельного результата. В это же самое время без внимания остается ценность каждого случая по отношению к целой совокупности исследований на данную тему и к возможности их крупного мета-аналитического синтеза.

Авторы приходят к выводу, что рассматриваемые совокупно исследования случаев представляют собой своего рода «золотую жилу», ожидающую открытия. Исследования случаев являются неотъемлемой частью накопления знаний в публичном управлении, и содержащееся в них «интеллектуальное золото» следует добывать, а не отбрасывать [13, p.244].

Дж. Дженсен и Р. Роджерс совершенно правильно подчеркнули совокупный характер выполнения исследований случаев; та или иная тематика разрабатывается, как правило, во многих публикациях. Поэтому анализирующая и обобщающая работа с такими комплексами результатов действительно необходима и может быть очень плодотворной.

С нашей точки зрения, под исследованиями случаев следует понимать не отдельный метод или даже группу методов, а широкое методологическое течение (или, условно говоря, научно-практический «жанр»), в русле которого проведено уже целое море разнообразных исследований. В данном течении уже сложились определенные подходы, традиции, методологические дизай-

ны, а также конкретные практики и техники. На современном этапе, например, в методологическом течении кейс-стади стали применять такие техники, как анализ временных серий, отслеживание процессов (process tracing), сопоставление с образцом и др.

Таким образом, исследования случаев являются неотъемлемой частью науки государственного управления; кейс-стади имеют длительную традицию применения в данной дисциплине и в известном смысле обнаруживают «глубинное соответствие» с самой действительностью публичного управления. Имеется также длительная традиция критики исследований случаев; при этом методология (или, шире, методологическое течение) кейс-стади продолжает развиваться. В том числе появляются новые, перспективные способы как проведения самих исследований, так и обработки и обобщения их результатов.

Литература

1. Public Administration and Policy Development; A Case Book. Edited by Harold Stein. (New York: Harcourt, Brace and Company, 1952)
2. Handbook of Public Administration. Third Edition. Rabin J., Hildreth W.B., Miller G.J. (Eds.). CRC/Taylor & Francis, 2007
3. The Forest Ranger: A Study in Administrative Behavior. By Herbert. Kaufman. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1960
4. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961
5. Pressman J.L., Wildavsky A. Implementation. How Great Expectations in Washington Are Dashed in Oakland; Or, Why It's Amazing that Federal Programs Work at All. Berkeley: University of California Press, 1973
6. Fesler J.W. Public administration and the social sciences, 1946 to 1960. // American Public Administration: Past, Present, Future. Mosher F.C. (Ed.). University of Alabama Press, Tuscaloosa, AL, 1975. Pp. 97–141
7. Yin R.K. Case Study Research: Design and Methods. Newbury Park, CA: Sage, 1984
8. McNabb D.E. Case Research in Public Management. M.E. Sharpe, 2010
9. Yin R.K. Case Study Research. Design and Methods. Forth Edition. SAGE Publications, 2009. P. 13.
10. Gerring J. What is a case study and what is it good for? American Political Science Review 2004, 98(2), 341–354
11. Garson G.D. Case Study Research in Public Administration and Public Policy: Standards and Strategies, Journal of Public Affairs Education, 2002, 8:3, 209–216
12. Waldo D. Five Perspectives on the Cases of the Inter-University Case Program. // Essays on the Case Method, edited by Edwin A. Bock, 39–63. New York: Inter-University Case Program, 1962.
13. Jensen J. L., Rodgers R. Cumulating the Intellectual Gold of Case Study Research. Public Administration Review, 2001, 61(2): 235–246.
14. Wolf P. A Case Survey of Bureaucratic Effectiveness in U.S. Cabinet Agencies: Preliminary Results. Journal of Public Administration Research and Theory, 1993, 3(2): 161–81.

CASE STUDIES IN PUBLIC ADMINISTRATION: THE HISTORY OF METHODOLOGY DEVELOPMENT AND CURRENT TRENDS

Ushakov E.V.,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA St. Petersburg)

Case studies have a long tradition in public administration. Despite constant criticism of this methodology, it continues to be widely used. The article briefly examines the history of the development and application of case studies in the science and practice of public administration. It is argued that this methodology is well suited to the needs and the very nature of public administration. The importance of using meta-analysis at the present stage to summarize the results of the case studies and the accumulation of knowledge in the field of public administration is discussed. The use of meta-analysis is considered as a transition of the case study methodology to a new level. It is concluded that case studies are an integral part of public administration and continue to improve.

Keywords: case study, public administration, social sciences, science of public administration, methods of social sciences.

References

1. Public Administration and Policy Development; A Case Book. Edited by Harold Stein. (New York: Harcourt, Brace and Company, 1952)
2. Handbook of Public Administration. Third Edition. Rabin J., Hildreth W.B., Miller G.J. (Eds.). CRC/Taylor & Francis, 2007
3. The Forest Ranger: A Study in Administrative Behavior. By Herbert. Kaufman. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1960
4. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961
5. Pressman J.L., Wildavsky A. Implementation. How Great Expectations in Washington Are Dashed in Oakland; Or, Why It's Amazing that Federal Programs Work at All. Berkeley: University of California Press, 1973
6. Fesler J.W. Public administration and the social sciences, 1946 to 1960. // American Public Administration: Past, Present, Future. Mosher F.C. (Ed.). University of Alabama Press, Tuscaloosa, AL, 1975. Pp. 97–141
7. Yin R.K. Case Study Research: Design and Methods. Newbury Park, CA: Sage, 1984
8. McNabb D.E. Case Research in Public Management. M.E. Sharpe, 2010
9. Yin R.K. Case Study Research. Design and Methods. Forth Edition. SAGE Publications, 2009. P. 13.
10. Gerring J. What is a case study and what is it good for? American Political Science Review 2004, 98(2), 341–354
11. Garson G.D. Case Study Research in Public Administration and Public Policy: Standards and Strategies, Journal of Public Affairs Education, 2002, 8:3, 209–216
12. Waldo D. Five Perspectives on the Cases of the Inter-University Case Program. // Essays on the Case Method, edited by Edwin A. Bock, 39–63. New York: Inter-University Case Program, 1962.
13. Jensen J. L., Rodgers R. Cumulating the Intellectual Gold of Case Study Research. Public Administration Review, 2001, 61(2): 235–246.
14. Wolf P. A Case Survey of Bureaucratic Effectiveness in U.S. Cabinet Agencies: Preliminary Results. Journal of Public Administration Research and Theory, 1993, 3(2): 161–81.

Смысл понятий «насилие» и «ненасилие» в социокультурном контексте на базе гуманистической парадигмы. В поисках «формулы ненасилия»

Заховаева Анна Георгиевна,

д.ф.н., доцент, профессор кафедры гуманитарных наук
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный медицинский
университет»
E-mail: ana-zah@mail.ru

Современный социум, да и всё человечество, балансирует на грани гуманитарного кризиса. Нравственные ценности меняют вектор в сторону прагматизма и утилитаризма. «Сила» и «насилие» воспринимаются как норма. Встаёт вопрос о новой «формуле ненасилия», которая бы объединила всё человечество. Представленное научное исследование посвящено осознанию смыслов понятий «насилие» и «ненасилие» в социокультурном контексте на базе гуманистической парадигмы. Для нас важно понять именно «смысл», а не только «сущность», ибо в отличие от сущности (которая есть субстанциональное ядро понятия), смысл не принадлежит самому понятию, его ценность и значение вносится в него самим человеком. Цель работы: 1) показать поливариативность смыслов понятия «насилие» через его виды: психологическое, духовное, интеллектуальное, творческое, насилие над инвалидами и людьми с ОВЗ, насилие в социальных группах; 2) осмыслить ценностный аспект «ненасилие»; 3) рассмотреть эти понятия в социокультурном контексте; 4) осмыслить заявленные понятия в рамках гуманистической парадигмы; 5) предпринять попытку вывести «формулу ненасилия». Новизна: впервые понятия «насилие» и «ненасилие» рассматриваются в социокультурном контексте на базе гуманистической парадигмы. Предпринята попытка вывести этическую «формулу ненасилия». Для решения установленных задач применяются следующие методы: сравнительный и логический анализ; герменевтический анализ через понимание смыслов; диалектический метод. Гуманистическая парадигма понимается как система взглядов на проблему под углом принципов и ценностей гуманизма. Заявленные понятия «насилие-ненасилие» рассматриваются через призму социокультурного подхода, а именно посредством единства личности и социума, где культура есть связующее звено, доминанта, система смыслов и ценностей человеческого существования. При этом мы не касаемся политического и криминального аспекта заявленных понятий «насилие» – «ненасилие», ибо социокультурная, духовно-нравственная, гуманистическая составляющая всегда выше, значительнее формального права.

Ключевые слова: насилие, ненасилие, культура, общество, гуманистическая парадигма, человек, смысл, ценности, любовь, уважение, «формула ненасилия».

Современный социум, да и всё человечество, балансирует на грани гуманитарного кризиса. Нравственные ценности, такие как любовь, милосердие, сострадание часто меняют вектор в сторону прагматизма и утилитаризма. Мнимое «торжество» разума приводит к нравственному слабоумию. «Сила» и «насилие» воспринимаются как норма. Стает вопрос о новой «формуле ненасилия», которая бы объединила всё человечество. Представленное научное исследование посвящено осознанию смыслов понятий «насилие» и «ненасилие» в социокультурном контексте на базе гуманистической парадигмы. Для нас важно понять именно «смысл», а не только «сущность», ибо в отличие от сущности (которая есть субстанциональное ядро понятия), смысл не принадлежит самому понятию, его ценность и значение вносится в него самим человеком.

Цель, представленной работы:

- 1) показать поливариативность смыслов понятия «насилие» через его виды: психологическое, духовное, интеллектуальное, творческое, насилие над инвалидами и людьми с ОВЗ, насилие в социальных группах;
- 2) осмыслить ценностный аспект «ненасилие»;
- 3) рассмотреть эти понятия в социокультурном контексте;
- 4) осмыслить заявленные понятия в рамках гуманистической парадигмы;
- 5) предпринять попытку вывести «формулу ненасилия».

Новизна: впервые понятия «насилие» и «ненасилие» рассматриваются в социокультурном контексте на базе гуманистической парадигмы. Предпринята попытка вывести этическую «формулу ненасилия».

Для решения установленных задач применяются следующие методы: сравнительный и логический анализ; герменевтический анализ через понимание смыслов; диалектический метод.

Гуманистическая парадигма – база представленного исследования. Гуманистическая парадигма есть система взглядов на проблему под углом принципов и ценностей гуманизма. Гуманизм – это суть современной культуры, то без чего нет человека, нет общечеловеческих ценностей. «Гуманизм, мировоззрение, которое провозглашает человека, его право на счастье, развитие и проявление своих положительных способностей наивысшей ценностью... мировоззрение, выражающее достоинство личности, ее внешне относительную, но внутренне абсолютную неуклонно прогрессирующую самостоятельность, самодостаточность и равноправие перед лицом всех иных реальностей» [15] Гуманизм не есть нечто врождённое, главное «в гуманистической парадигме – это воспитание образованного, нравственного человека» [8]. Духовность, то, без чего нет, и не может быть гуманистических ценностей. «Духовность социализирует и гуманизирует человека. Духовность – это красота и богатство внутреннего мира личности. Духовность – это внутренняя гармония, сбалансированное формирование личности, вера в свои силы и творческие возможности» [4]. Духовность – ядро культуры. Для нас важно рассмотрения заявленных понятий через призму соци-

окультурного подхода, а именно посредством единства личности и социума, где культура есть связующее звено, доминанта, система смыслов и ценностей человеческого существования. При этом мы не касаемся политологического и криминального аспекта заявленных понятий «насилие» – «ненасилие», ибо социокультурная, духовно-нравственная составляющая всегда выше, значительнее формального права.

Понятие «насилие» в социокультурном контексте

Понятие «насилие» в социокультурном контексте есть социальное принуждение, подчинение, разрушение экзистенциального (бытийного) стержня личности другим индивидом (или группой лиц). Главный смысл «насилия» – это отсутствие свободы, и, как следствие, выбора у человека, подвергающегося насилию.

Дефиниция «насилия» многогранна, можно выделить несколько его видов. «Насилие» в социокультурном аспекте может выступать как:

- *психологическое*, т.е. воздействие на психоэмоциональную сферу личности, унижение достоинства, подавление самовыражения, занижение самооценки, осуждение и критика личных качеств индивида, эмоциональная холодность, а так же газлайтинг, висхолдинг, моббинг и др. Ужасно несколько само психологическое насилие, сколько его последствия, «жертвам психологического насилия не избежать проблем с психикой. Такие люди находятся в состоянии психологической травмы и испытывают тревогу, страх, могут впасть в депрессию, не исключены и суицидальные попытки. Также возникает эмоциональная зависимость, пренебрежение своим потребностям, могут возникнуть различные зависимости, например, алкогольная или наркотическая» [6];
- *духовное*, это насильственные действия, связанные с религиозно-мировоззренческой позицией индивида: это, с одной стороны – запрет на исполнение религиозных ритуалов, ношение значимых для человека сакральных предметов, неуважение, грубая ирония к глубоким религиозным убеждениям личности, – с другой стороны, это принуждение, которое связано с исполнением религиозно-обрядовых действий, неких «духовных практик» чуждых индивиду, втягивание в сомнительные «духовные» секты. «Насилие в этих случаях направлено против духовных ценностей жертвы, что блокирует любые действия, направленные на удовлетворение связанных с ними потребностей» [1]. Духовное насилие может быть связано и с отрицанием, резким осуждением мировоззренческих взглядов личности (на искусство, политику, культуру и др.), давление на личность, идеи которой резко разнятся с мнением доминирующего лидера;
- *творческое*, насильственные действия, относящиеся к креативной сфере личности: резко негативное отношение к процессу и итогу творческой самореализации индивида, некомпетентная критика, неуместная ирония. Особенно это касается ущемления свободы творчества, как принципа, «благодаря которому создатель художественного произведения имеет полную свободу в выборе темы, предметов для описания, может использовать какие угодно изобразительные и художественные средства, которые отвечают достижению избранного им творческого замысла» [7];
- *интеллектуальное* насилие, возможность подчинить себе индивида, имеющего низкий уровень образования, несовершенные ментальные способности, что

позволяет человеку с более высоким, в данном случае, псевдовысоким интеллектом, манипулировать, а возможно, проводить мошеннические действия. Особенно проблема актуальна в общеобразовательной школе: насмешки одноклассников над учеником, который плохо подготовился, был невнимателен и т.д. и т.п., формируют у ребёнка комплекс неполноценности, подчинённости (как ему кажется более сильному), могут развиваться различные фобии, заикание, боязнь высказать своё мнение;

- *насилие в отношении инвалидов и лиц с ОВЗ* (ограниченными возможностями здоровья). «Люди с ограниченными возможностями сталкиваются в 1,5 раза чаще с насилием, чем люди без инвалидности, в 3,7 раза чаще подвергаются насилию любого рода дети-инвалиды» [12]. Эта проблема, прежде всего этическая. Пренебрежение, отказ в помощи, эмоциональное равнодушие, утверждение о неполноценности личности – негативно влияют на человека с ОВЗ. Само слово «инвалид» унижительно для человека! В этом плане, хотелось бы исключить из лексикона слово «инвалид», заменив его понятием **«человек, требующий особого внимания по состоянию здоровья»**;
- *насилие в социальных группах* (семья, коллеги по работе, соседи, одноклассники и др.) – охватывает весь комплекс межличностных отношений. «Насилие в семье» самая актуальная и самая исследованная проблема в отечественной науке, только на информационном портале LIBRARY.RU на 22.06.2024 представлено 1609 научных работ (167 за 2024 год). Каждое исследование по-своему раскрывает проблему, но, по сути, «насилие» в семье имеет только одну причину и один смысл – *отсутствие любви*. «Любовь – это особый Мир, идеальная общность между людьми; любовь личностна и одновременно социальна. Любовь максимальная ценность человеческого бытия» [5]. Смысл понятия «насилие» в других социальных группах можно подвести под одно суждение – *отсутствие уважения к личности*. Уважение – это признание самоценности личности во всем многообразии его черт характера, взаимопонимание, установка на доброжелательность, интерес к целям и потребностям человека.

Понятие «ненасилие» в социокультурном контексте на базе гуманистической парадигмы

«Ненасилие» – ядро аксиологической, мировоззренческой, духовно-нравственной Личности. Идея «ненасилия» формировало «человека человеческого» и духовную культуру общества. Величайшие мудрецы Востока (Лао-Цзы, Конфуций, Будда), «христианская этика», философы-моралисты призывали к «этике ненасилия». «Этика ненасилия» исключает применение любого вида (формы) «насилия» при решении конфликтных ситуаций. При этом «ненасилие» – это не есть пассивность, смирение, это нравственная категория, смысл которой есть «выражение закона любви, является животворной основой человеческой коллективности во всех ее разнообразных аспектах и проявлениях», «ненасилие делает невозможным функционирование несправедливой системы, не разрушая человеческие жизни и не уничтожая материальные ценности» [10]. Говоря об «этике ненасилия», невозможно не затронуть «нравственную формулу» Л.Н. Толстого – «непротивление злу насилием», это «есть закон любви, согласно которому, жизнь человеческая священна и неприкосновенна, и никакая внешняя сила не имеет право

распоряжаться ею и чинить произвол» [11]. Смысл «толстовства» в том, что на злое действие, человек должен отвечать небездействием, а силой добра, ибо иначе порочный круг «насилия» не разорвать («насилие порождает насилие»). Л. Толстой в своей последней статье 1908 года «Закон насилия и любви» [16] утверждает, что насилие это отступление от высшего закона жизни и закона любви. Основанием учения Л.Н. Толстого «выступают три начала: непротивление злу насилием, моральное самосовершенствование и всеобщая любовь» [14]. Полностью соглашаясь с идеями Л. Толстого, хотелось бы отметить, что «насилие» не характерно для психически и психологически здорового человека.

В поисках «формулы ненасилия»

Рассмотренные в статье проблемы «насилия и «ненасилия» подводят к проблеме выведения нравственного алгоритма, «формулы ненасилия» (как составной части «закона нравственности»). В истории человечества неоднократно были предприняты попытки формулировки «закона нравственности»:

1) «Золотое правило нравственности» – древнейший принцип человеческой культуры. «Это – отказ от насилия, требование поступать так, как человек хотел бы, чтобы по отношению к нему поступали другие. Запрет на насилие – первый и основной моральный запрет» [2];

2) «Категорический (нравственный) императив» И. Канта (работа 1788 г. «Критика практического разума»), это есть безусловное, неуклонное должностное требование – «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой, ты в тоже время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [9], применительно к понятию «насилие»: если ты не желаешь, чтобы насилие применялось к тебе, то и сам не поступаешь по принципам «насилия»;

3) Формула Л. Толстого «непротивление злу насилием» – третий высший закон нравственности, его ядро – принцип «ненасилия»;

4) «Ненасилие» (ахимса) у М. Ганди – есть истина высшего порядка, сама мысль о насилии неприемлема [3]. Он призывает к совести, справедливости, разуму, всеобщей любви. Его концепция «ненасилия», прежде всего, обращена к социально-политической сфере, ценности свободы как доминанты «ненасилия».

Однако существующие «нравственные законы» не в полной мере реально выполнимы и соответствуют современной действительности.

Заключение

Попытаемся сформулировать частный случай «морально-го закона», а именно «формулу ненасилия», где понятия «ненасилие и насилие – этические понятия, характеризующие способы отношения человека к миру в целом, к природе, ко всему живому, к другим людям с позиции добра и зла как нравственных категорий, регулирующих его жизнедеятельность» [13]. Ясно одно, что наша «формула ненасилия» не может быть «императивом», т.е. безусловным требованием, ибо любое требование (приказ) есть своего рода «насилие». Наша «формула» – это алгоритм, сумма нравственных правил: «Уважение + Любовь + Сочувствие = НЕНАСИЛИЕ». Уважение – это признание достоинств личности, доверие, доброжелательность, чуткость, внимание к интересам и потребностям другого человека. Уважение, то, без чего не может быть общения, а общение – это единственный способ существования личности. Любовь включает в себя всё разнообразие смыслов гуманистического отношения,

как к самому человеку, так и к Миру человека (дружба, симпатия, вера, благоговение, счастье и др.). Сочувствие (эмпатия), сопереживание – это система высшей коммуникации, искренний союз «Я» и «Я». Это вхождение в Мир другого человека, эмоциональное осознание ценностей и смыслом «Другого Я».

Таким образом, если этические категории (уважение, любовь, сочувствие) присуще человеку, то он не способен проявлять «насилие». Осмысление понятий: Уважение, Любовь, Сочувствие – формирует принцип «Ненасилия».

Осознавая неоднозначность решения, дискуссионность поставленной проблемы, приглашаем к её активному обсуждению.

Литература

1. Агазаде Н. Гендерное духовное насилие // Медицинская психология в России. 2022. Т. 14. № 1 (72).
2. Гусейнов А.А. Этика. – М.: Гардарики, 2000. 472 с.
3. Данилов А.В. Социальная функция ахимсы в теологической антропологии Ганди // Oikonomos: Journal of Social Market Economy. 2021. № 3 (21). С. 62–75.
4. Заховаева А.Г. Ценность и смысл понятия «духовность» на изломе нравственных парадигм // Ценности и смыслы. 2017. № 5 (51). С. 111–117.
5. Заховаева А.Г. Философия и её смысл. – Москва: Издательский дом Академии Естествознания, 2017. – 223 с.
6. Зюзькина А.А. Психологическое насилие и способы совладания [Электронный ресурс]. – URL: <https://msth.by/polezno-znat/1383-psikhologicheskoe-nasilie-i-sposoby-sovladaniya> (дата обращения: 11.04.2024).
7. Иванихин А.А. Свобода творчества как философская и правовая категория // В сборнике: Культурные права и свободы человека и гражданина: вопросы теории и практики. сборник научных статей, посвященный 10-летию кафедры международного права и прав человека Юридического института. Москва, 2016. С. 103–111.
8. Иванова С.В. Постгуманизм vs гуманизация образования // Ценности и смыслы. 2021. № 5 (75). С. 6–23.
9. Кант И. Сочинения в 5 томах. Т. 4. Ч. 1. – М.: Издательство «Мысль», 1965. – С. 260.
10. Кривых С.В., Савицкий А.Н. Этика ненасилия как ценность общественного и индивидуального сознания // Академия профессионального образования. 2019. № 6 (85). С. 3–19.
11. Матвеев М.В. Принцип ненасилия толстого в культурно-историческом наследии России // Современные наукоемкие технологии. 2008. № 12. С. 27–28.
12. Насилие в отношении людей с ограниченными возможностями [Электронный ресурс]. – URL: https://alphapedia.ru/w/Violence_against_people_with_disabilities (дата обращения: 19.06.2024).
13. Положевец Е.В., Сыкеева И.Н. Ненасилие и насилие как способы отношения человека к миру // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 11. С. 67–68.
14. Саранин Д.С. Даосизм и толстовство: естественное и социальное в человеке // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 92–101.
15. Сенюткина О.Н. Дефиниция «гуманизм» через призму ценностей локальных цивилизаций. В книге: Координаты современной урбанистики: новая гумани-

тарная перспектива. Серия «Научная мысль». Москва, 2023. С. 219–224.

16. Толстой Л.Н. Закон насилия и любви. Гл. 6–10. // Не могу молчать: Статьи о войне, насилии, любви, безверии и непротавлении злу. – М.: Альпина Паблишер, 2022. – 332 с.

MEANING OF THE CONCEPTS OF “VIOLENCE” AND “NON – VIOLENCE” IN A SOCIOCULTURAL CONTEXT BASED ON THE HUMANISTIC PARADIGM. IN SEARCH OF “FORMULAS OF NON -VIOLENCE”

Zakhovaeva A.G.

Ivanovo State Medical University

Modern society and all of humanity are teetering on the brink of a humanitarian crisis. Moral values change the vector towards pragmatism and utilitarianism. “Strength” and “violence” are perceived as the norm. The question arises of the new “formula of non -violence”, which would unite all of humanity. The presented scientific study is devoted to the awareness of the meanings of the concepts of “violence” and “non -violence” in a sociocultural context on the basis of the humanistic paradigm. It is important for us to understand precisely the “meaning”, and not only the “essence”, for, in contrast to the essence (which is the substantial nucleus of the concept), the meaning does not belong to the very concept, its value and meaning are introduced into it by man himself. The purpose of the work: 1) to show the diversity of meanings of the concept of “violence” through its types: psychological, spiritual, intellectual, creative, violence against disabled people and people with disabilities, violence in social groups; 2) comprehend the value aspect of “non-violence”; 3) consider these concepts in a sociocultural context; 4) comprehend the stated concepts within the framework of the humanistic paradigm; 5) make an attempt to derive a “formula of non-violence”. Novelty: for the first time, the concepts of “violence” and “non – violence” are considered in a sociocultural context based on the humanistic paradigm. An attempt was made to derive the ethical “formula of non -violence.” To solve the tasks, the following methods are used: comparative and logical analysis; hermeneutic analysis through an understanding of meanings; dialectical method. The humanistic paradigm is understood as a system of views on the problem at the angle of the principles and values of humanism. The stated concepts of “violence – non-violence” are considered through the prism of a sociocultural approach, namely through the unity of personality and society, where culture is a binder, dominant, a system of meanings and values of human existence. At the same time, we do not concern the political and criminal aspect of the stated concepts “violence” – “non -violence”, for the sociocultural, spiritual, moral, humanistic component is always higher, more significant than formal law.

Keywords: violence, non -violence, culture, society, the humanistic paradigm, man, meaning, values, love, respect, “formula of non -violence”.

References

1. Agazade N. Gender spiritual violence // *Medical psychology in Russia*. 2022. Vol. 14. No. 1 (72).
2. Guseinov A.A. *Ethics*. – М.: Gardariki, 2000. 472 p.
3. Danilov A.V. Social function of ahimsa in theological anthropology of Gandhi // *Oikonomos: Journal of Social Market Economy*. 2021. No. 3 (21). P. 62–75.
4. Zakhovaeva A.G. The value and meaning of the concept of “spirituality” at the turning point of moral paradigms // *Values and meanings*. 2017. No. 5 (51). P. 111–117.
5. Zakhovaeva A.G. *Philosophy and its meaning*. – Moscow: Publishing House of the Academy of Natural Sciences, 2017. – 223 p.
6. Zyuzkina A.A. Psychological violence and coping methods [Electronic resource]. – URL: <https://msth.by/poleznoznat/1383-psikhologicheskoe-nasilie-i-sposoby-sovladaniya> (date of access: 11.04.2024).
7. Ivanikhin A.A. Freedom of creativity as a philosophical and legal category // In the collection: *Cultural rights and freedoms of man and citizen: issues of theory and practice*. collection of scientific articles dedicated to the 10th anniversary of the Department of International Law and Human Rights of the Law Institute. Moscow, 2016. Pp. 103–111.
8. Ivanova S.V. Posthumanism vs. humanization of education // *Values and meanings*. 2021. No. 5 (75). P. 6–23.
9. Kant I. *Works in 5 volumes*. Vol. 4. Part 1. – М.: Mysl Publishing House, 1965. – P. 260.
10. Krivykh S.V., Savitsky A.N. Ethics of non-violence as a value of social and individual consciousness // *Academy of professional education*. 2019. No. 6 (85). P. 3–19.
11. Matveyev M.V. Tolstoy’s principle of non-violence in the cultural and historical heritage of Russia // *Modern science-intensive technologies*. 2008. No. 12. P. 27–28.
12. Violence against people with disabilities [Electronic resource]. – URL: https://alphapedia.ru/w/Violence_against_people_with_disabilities (date of access: 19.06.2024).
13. Polozhevets E.V., Sykeeva I.N. Non-violence and violence as ways of human attitude to the world // *Bulletin of the educational consortium Central Russian University. Series: Humanities*. 2018. No. 11. Pp. 67–68.
14. Saranin D.S. Taoism and Tolstoyism: the natural and the social in man // *The problem of the relationship between the natural and the social in society and man*. 2019. No. 10. Pp. 92–101.
15. Senyutkina O.N. Definition of “humanism” through the prism of the values of local civilizations. In the book: *Coordinates of modern urban studies: a new humanitarian perspective*. Series “Scientific Thought”. Moscow, 2023. Pp. 219–224.
16. Tolstoy L.N. *The Law of Violence and Love*. Ch.6–10. // *I Can’t Keep Silent: Articles on War, Violence, Love, Unbelief, and Non-Resistance to Evil*. – М.: Alpina Publisher, 2022. – 332 p.

Нововременная интеллектуальная традиция в пространстве политического: опыт философского исследования политосферы Запада и России в новое и новейшее время

Зимовец Людмила Григорьевна,

д.ф.н., доцент, профессор, Сочинский государственный университет

E-mail: nauka-rgsu-s@mail.ru

Куликовский Александр Владимирович,

аспирант, кафедра теории права и государства, истории и философии, Сочинский государственный университет

E-mail: kav110890@mail.ru

Проблемное поле статьи затрагивает темпоральные и цивилизационные аспекты философского осмысления интеллигентных феноменов, связанных со сферой политического и их проекцию в область соответствующих практик Нового и Новейшего времени, актуализируя ряд проблем как теоретико-методологического, так и научно-практического свойства.

Методология исследования заявленной темы основывается на структурно-диахронном подходе, общепризнанных принципах объективности и историзма, а также методе сравнительного анализа. Использование комплексного междисциплинарного подхода позволило расширить методологическую базу исследования за счёт применения методов ситуационного и контекстуального анализа, применявшихся в процессе изучения разноплановых источников.

По мнению автора, интеллектуальная традиция проявляет себя через политико-философский дискурс и политические практики. Основное внимание сосредоточено на развитии феномена «революция» в интеллектуальном пространстве модерна, постмодерна и метамодерна.

Ключевые слова: политическая философия, Россия, Запад, модерн, постмодерн, метамодерн, революция, идеология, «теологический поворот», политическая теология.

В последние годы, под влиянием ряда внешнеполитических процессов, чётко обозначился запрос на «суверенизацию» отечественного политико-философского дискурса и соответствующих практик. В связи с этим актуализируется вопрос о соотношении нововременной интеллектуальной традиции с цивилизационной спецификой России и стран Запада.

Прежде всего, необходимо выяснить: насколько оправданным является сам тезис об интеллектуальной традиции Нового времени? Ведь он *a priori* исходит из признания некоего единства, своего рода – тотальности интеллектуального опыта. Это тем более значимо, учитывая выход в отечественных общественных науках на лидирующие позиции цивилизационного подхода, причём преимущественно в его локально-цивилизационной интерпретации.

Начнём поиск ответа на сформулированный нами вопрос с Запада, обратившись к творческому наследию испанского интеллектуала XIX века Х.Д. Кортеса. Мыслителя, который прошёл путь от политика либеральных воззрений до «апостола традиционализма». В работе «О суверенитете ума, подтверждённом авторитетом философов» он развил мысль, которая нам представляется убедительным аргументом в пользу признания существования общей интеллектуальной традиции Нового времени.

По мысли Кортеса, *Франция XVII столетия прекрасно «объясняется из самой себя», но Францию XVIII столетия можно понять только через Англию.* Автор, развивая выдвинутый тезис, писал: «вообразите на мгновение, что уничтожена английская конституция. В таком случае Монтескье хотя и остаётся великим человеком, но человеком частичным. Представьте себе, что имя Локка исчезает из анналов философии. В этом случае не было бы Кондильяка, «Общественного договора», «Эмилия», а Руссо лишился бы самых прекрасных украшений из своей блестящей короны. Уберите Болингброка, и Вольтер, который не мог быть ни христианином, ни атеистом, не был бы также и деистом» [1, с. 389].

Следует признать, что приведённая цитата страдает некоторой ограниченностью, и в отношении количества стран, и указанных временных отрезков, и в части перечисленных автором имён. Однако сам ход рассуждений испанского мыслителя представляется заслуживающим самого пристального внимания.

Обращая мысленный взор на Россию, заметим, что исследование специфики проявления нововременной интеллектуальной традиции в отечественном политико-философском дискурсе сопряжено с определёнными сложностями. Прежде всего, открытым остаётся вопрос о первых свидетельствах начала этого влияния. Как правило, наиболее ранним примером идейного водораздела называют переписку князя А.М. Курбского с Иваном Грозным. По мнению А.В. Черняева, значение этой эпистолярной дуэли XVI века далеко выходит за рамки русского средневековья. Центральной темой полемики стала идея политической свободы. Здесь первый русский диссидент, *обращаясь к выработанным европейцами*

научным методам, своим личным опытом опровергает лаконичный тезис Грозного – «нигде не свободно есть», являя собой яркий пример приверженца ренессансного гуманизма [2, с. 80–100].

Однако бесспорно, уже с XVIII столетия начинается активное вторжение в отечественное интеллектуальное пространство философских идей и политических конструкций, сформировавшихся в лоне западной цивилизации. В частности, предпринимаются попытки приспособить теории естественного права и договорного происхождения государства для обоснования абсолютизма. Впрочем, если на Западе, как в Новое время, так и в более поздний период, эти идеи так ими иначе имели своей целью сформулировать конкретные юридические принципы и нормы, то в России естественно-правовые воззрения, как правило, заканчивались апологетикой морали и религии [3, с. 30].

Инициатором и проводником интеллектуальной вестернизации, как отмечают К.Д. Бугров и М.А. Киселёв, выступала властная элита, сплочённая вокруг персоны монарха. При этом в выборе объектов заимствования «работала определённая прагматика, связанная с ориентацией на результат, в отношении желательности которого среди властных группировок существовал консенсус». Однако этот «трансфер» идей со всей неизбежностью приводил к попаданию на российскую почву и тех идейных элементов, заимствование которых не предполагалось вовсе. В первую очередь речь идёт о тех воззрениях, которые со всей неизбежностью вели к критике режима, нацеливая на поиск политической альтернативы. Наиболее очевидным примером является «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. В этом знаменитом произведении автор сумел не просто адаптировать западные идеи, но выявил новые возможности для введения в пространство отечественного публичного дискурса уже функционировавших глоссариев, приблизившись к республиканской добродетели в духе Н. Макиавелли или Ж.-Ж. Руссо [4, с. 271–272]. Признаем, идеи интеллектуала екатерининской эпохи чётко вписываются в парадигму европейского либерализма в его наиболее радикальном *руссоистском варианте* [5, с. 79].

Важно отметить, в интеллектуальном пространстве модернизируемой России терминологическая проблематика приобретала всё большее политическое звучание, сама лексическая активность становилась заметной чертой эпохи. Термин и его трактовка в XVIII веке становились не только важнейшим аргументом в политическом споре, но и одновременно *инструментом осмысления действительности*. Терминология эпохи постоянно эволюционирует под влиянием многих обстоятельств и в то же время сама является индикатором скрытых метаморфоз в обществе, фактором, влияющим на сознание современников, действенным орудием социального контроля со стороны политической власти. Примечательно, тексты этого периода свидетельствуют об одновременном существовании церковнославянской традиции, бюрократических канцелярских штампов, терминов официальной доктрины и светского европеизированного слога, носители которого с трудом успевали адаптировать немецкую военно-бюрократическую лексику и изысканные галлицизмы [6, с. 10–11].

Совершенно очевидно, в Новое время шёл активный процесс формирования общей интеллектуальной среды, в которой непрерывно, поверх национальных границ, происходила циркуляция идей и практик, формировалось общее смысловое поле, вырабатывался универсальный понятийный ряд. Именно к философам обращала свой жаждущий взор образованная часть общества, именно в них она видела законодателей политической

теории и практики. Это *интеллектуальное доминирование* (задолго до А. Грамши) чутко уловил русский философ П.Я. Чаадаев, который отмечал, что вся западноевропейская история Нового времени *происходит на почве убеждений*. «Утверждённое с самого начала на этой основе, новое общество двигалось вперёд лишь под влиянием мысли. Интересы в нём всегда следовали за идеями и никогда им не предшествовали. В этом обществе постоянно из убеждений создавались интересы, никогда интересы не вызвали убеждений. Все политические революции были там по сути революциями нравственными» [7, с. 334–335].

Выход на тему революций закономерен. Именно во круг феномена «революция» вращается весь нововременный политико-философский дискурс и сопутствующие практики. Причём, через всё Новое и Новейшее время рука об руку с *революцией как идеей и действием* идёт контрреволюция (реакция). В определённой мере идею и практику неприятия революции следует признать органической частью самой революционной традиции. Своей кульминации это сочетание получает в интеллектуальном феномене *консервативной революции*. Той самой, единственной подлинной революции, которая, по мысли её идеологов, призвана навсегда покончить со всеми революциями.

Именно революция – сквозная тема Современности. Она аккумулирует в себе абсолютно все смысловые поля нововременного политико-философского дискурса. Не будет преувеличением утверждение: именно революционная теория явилась уникальным вкладом мыслителей Нового времени в корпус всей политико-философской мысли. Она объёмлет кратологическую и морально-этическую, философско-правовую (конституционную) и политико-теологическую проблематику.

Если мы попытаемся проанализировать Современность, используя самую общую темпоральную триаду (модерн – постмодерн – метамодерн), то должны будем признать очевидное – каждый из этапов связан со «своими» революциями.

Начнём, с революций модерна. Согласно марксистской традиции именно буржуазные революции открывают эпоху Нового времени. Как известно, революция 1640–1660 гг. в Англии не была первой, но её влияние на политико-философскую мысль Нового времени исключительно велико. Показательно, что в английской национальной историографии за этой эпохой утвердились названия «Великого мятежа» (*Great Rebellion*) и «Английской гражданской войны» (*English Civil War*). Сам факт революционного насилия подталкивал интеллектуалов на поиск такой модели социального устройства, которая могла бы предотвратить повторение кровавых потрясений. В числе мыслителей, обратившихся к решению этой проблемы, по праву первым должен быть назван Т. Гоббс. Его сочинение «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского», появившееся в 1651 г., с полным основанием характеризуется как первое произведение Нового времени, в котором на основе естественно-правовых идей было развёрнуто систематическое учение о государстве. Неслучайно за этим трудом закрепилась слава величайшего политико-философского трактата из всех, когда-либо написанных на английском языке. В предисловии к работе, посвящённой «Левиафану», немецкий интеллектуал XX в. К. Шмитт справедливо отметил непреходящую ценность этой работы английского философа. Об этом труде, писал он, можно сказать то же, что Дидро говорил о другой книге Гоббса: «*c'est un livre à lire et à commenter toute sa vie*» (это книга, которую можно читать и комментировать всю жизнь) [8, с. 103].

К парадоксальному выводу пришёл современный американский исследователь К. Робин. Вместо того чтобы отвергнуть революционную аргументацию, Гоббс, поглотив и преобразовал её. «Используя её наиболее глубокие категории и идиомы, он вывел бескомпромиссную защиту наиболее жёсткой формы правления. Он почувствовал центробежные импульсы Европы эпохи раннего Нового времени – священство всех верующих, демократические армии, собирающиеся под знамёнами древних республиканских идеалов, науки и скептицизма – и стремился преобразовать их в единую центростремительную силу: суверена, ужасающего и милостивого до такой степени, чтобы любой вызов такой власти стал казаться не только безнравственным, но и иррациональным. Совершенно в духе итальянских футуристов Гоббс заставлял распад служить созиданию. Он был первым и самым великим (наряду с Ницше) философом контрреволюции; смешав культурный модернизм и политическую реакцию, он понял: чтобы победить революцию, сначала нужно самому стать революцией» [9, с. 108].

Парадоксальность политического мышления Т. Гоббса состоит именно в том, что основы либерального проекта Нового времени оказываются обличёнными у него в абсолютистскую форму. Впрочем, признанным основоположником либерализма стал другой английский мыслитель – Дж. Локк. Его политические идеи в значительной степени были философской рефлексией на события «Славной революции» 1688 г. В своей политической философии Локк соединяет принцип индивидуализма с принципом индивидуальной свободы. Именно ему принадлежит заслуга теоретического обоснования идеи разделения властей, ставшей одним из принципов либеральной демократии и современного конституционализма. Крайне важным аспектом политического проекта философа выступает концепция *толерантности*. Причём, если у него она была связана исключительно с проблемой веротерпимости, то в дальнейшем это понятие вообрало в себя терпимость к меньшинствам любого рода, став мейнстримом современного западного политического дискурса.

С точки зрения К. Дарэма-мл., это открытие Локка составило подобие коперниковской революции в теории политики, по величию своему похожей на кантовскую революцию в теории познания и этике. Кант перевернул философию, сместив главное внимание с внешнего объекта на внутренний субъект познания как в понимании эмпирического мира, так и в обосновании этики. Локк же перевернул саму политику. Он предложил такой способ, благодаря которому свобода вероисповедания (и, в более широком смысле, политическая свобода) должна вырабатывать политический порядок из тех же самых семян религиозного плюрализма, ранее считавшихся главным источником анархии. Открытие Локка дало возможность увидеть политический космос с иной точки зрения. Поместив уважение к свободе в центр общечеловеческих ценностей, признав уважение к свободе и достоинству личности нравственной и религиозной истиной высшего порядка, революция Локка изменила основания законности и стабильности политических сообществ [10, с. 147].

Бесспорно, «классикой» революций Нового времени стала Великая французская буржуазная революция, с которой пытаются сопоставлять все последующие революции. Этот феномен не только был подготовлен идейно философской мыслью эпохи Просвещения, но и начал философски осмысливаться, едва ли, не в режиме реального времени. Причём, важно подчеркнуть, – за пределами самой Франции.

Так, на события «1789-го года» немецкий философ И. Фихте отозвался работой «*Beitrag zur Berichtigung der*

Urteile des Publikums über die französische Revolution» (Вклад в исправление суждений публики о французской революции) [11].

Вот как оценивают данное событие современные французские авторы Ф. Фезен и Ф. Федье: «Фихте – это философ Великой французской революции. Ибо существует философ Великой французской революции и – парадокс – этот философ немец. В самый разгар революции, в 1793 году Фихте выпустил в свет книгу, которая для многих молодых немцев была ударом грома» [12, с. 25].

Живой отклик французские события вызвали и у другого великого немца – И. Канта, который во втором разделе своего «Спора факультетов» писал: «Революция духовно богатого народа, происходящая в эти дни на наших глазах, победит ли она или потерпит поражение, будет ли она полна горем и зверствами до такой степени, что благоразумный человек, даже если бы он мог надеяться на её счастливый исход во второй раз, всё же никогда бы не решился на повторение подобного эксперимента такой ценой, – эта революция, говорю я, находит в сердцах всех зрителей (не вовлечённых в эту игру) равный их сокровенному желанию отклик, граничащий с энтузиазмом, уже одно выражение которого связано с опасностью и который не может иметь никакой другой причины, кроме морального начала в человечестве» [13, с. 102]. Для немецкого философа революционные события во Франции представляют собой эволюцию естественно-правовой конституции.

Для нас не может остаться незамеченной тревожная интонация немецкого философа, который испытывал довольно противоречивые чувства, осознавая неизбежность революционных эксцессов. Волновала данная проблема и английского философа Э. Бёрка, который в 1790 г. публикует свой знаменитый труд – «Размышления о революции во Франции», где впервые формулирует ключевые принципы идеологии консерватизма.

Важной вехой политико-философского осмысления революционной эпохи XVIII века стала и борьба североамериканских колонистов за независимость от английской метрополии. Ключевые программные документы, акты конституционно-правового характера Великой Французской буржуазной революции и борьбы за независимость США не только продолжают сохранять свою юридическую силу, но и являются важными источниками политико-философского характера, оказавшими влияние на современников и потомков по обе стороны Атлантики.

В череде европейских революций XIX века особого внимания заслуживает революция (революции) 1848 г., которую И. Валлерстайн небезосновательно именует «всемирной». В ней сошлись воедино первое появление в качестве политического субъекта сознательного рабочего движения и национально-освободительная борьба, получившая образное название «весны народов» [14, с. 218].

Для России революционные волнения 1848 года имели роковые последствия. М.П. Погодин, являвшийся одним из главных вдохновителей теории официальной народности в царствование Николая I, оставил горькие раздумья интеллектуала, подводящего черту под целой эпохой. Из-за *ложного страха перед западной революцией*, писал он, «мы начали останавливать у себя образование, стеснять мысль, преследовать ум, унижать дух, убивать слово, уничтожать гласность, гасить свет, распространять тьму, покровительствовать невежеству. [...] Напрасно ... образование принесло бы нам существенную пользу, мысль увеличила бы нашу силу, а тьма привела нас на край пропасти, на которой мы теперь

и дрожим, не смея смотреть, ни вверх, ни вниз, с собственными болезнями, а чужие впереди...» [15, с. 262].

Приговором звучат погодинские строки о николаевской России: «Невежи славят её тишину, но это тишина – кладбища гниющего и смердящего, физически и нравственно. Нет! О такой тишине невыгодно отзовётся беспристрастная История! Рабы славят её порядок. Нет! Такой порядок поведёт её не к счастью, не к славе, а в пропасть!» [15, с. 262].

Следует заметить, что сама триада С.С. Уварова «Православие, Самодержавие, Народность», генеалогия которой охватывает широкий спектр европейской антиреволюционной философской мысли (от Ж. де Местра до Э. Бёрка), базируется на историософских идеях немецких романтиков, в частности, Ф. Шлегеля. Без особого труда обнаруживается влияние немецкой философии и в учении славянофилов, не говоря уже о западниках. Показательно, что эти два магистральных течения русской мысли XIX века находились в оппозиции правительственному курсу. В большей или меньшей степени в отечественном интеллектуальном пространстве циркулировали те же самые идеи, которые волновали интеллектуалов Запада, разумеется, с учётом цивилизационного контекста. Проблема грядущей русской катастрофы буквально стала общим местом в отечественном дискурсе предреволюционной поры. Отношение к русскому большевизму было далеко неоднозначным. Небезынтересно отметить, что эта проблема волновала и мыслителей на Западе. В частности, М. Хайдеггер ставил под сомнение национальные истоки русского большевизма, видя в нём явление, происходящее из «современной западной рациональной метафизики». Иными словами, по мысли немецкого философа, большевизм был навязан России извне, он не был в ней укоренён [16, с. 337].

В XX веке в интеллектуальных кругах Веймарской республики получил развитие феномен «консервативной революции», идейное влияние которого вышло далеко за пределы Германии, став серьёзным вызовом буржуазной Современности. В новейшей философской литературе высказано предположение, что данный оксиморон был извлечён Мёллером ван ден Бруком, являвшимся издателем немецкого собрания сочинений Ф.М. Достоевского, из следующего фрагмента «Дневника писателя»: «мы революционеры, так сказать, по собственной какой-то необходимости, так сказать, даже консерваторы» [16, с. 331].

Как писал в своём ярком манифесте правого радикализма немецкий философ Х. Фрайер, *все прежние революции были революциями слева*. «Под покровом и в формах существующего общества образовались элементы нового общества. Всё, что современный порядок о себе самом говорит, мыслит, знает, стало ложным. Он лжёт, когда открывает рот, – лжёт так органически, что ему не нужно искажать истину, поскольку обман слит с его словами. Даже ещё больше: всё, чем является существующий порядок, стало ложным...» [17, с. 19].

Модерн постепенно переходил в состояние постмодерна, у которого тоже была своя «революция». Подобно революции 1848 г., в терминологии И. Валлерстайна, события 1968 г. также могут быть определены как «всемирная революция». Речь идёт о череде студенческих волнений в странах Западной Европы и США, причём привязка к 1968 году условна, она связана с пиком молодёжного протеста во Франции. Исследователи справедливо отмечают, не будучи социально-экономически или политически мотивированной, «революция 1968-го» распространила своё влияние по всему миру, став началом перехода общества в его новое постиндустриальное состояние. Парадоксальность ситуации состояла в том, что если на Западе наблюдался всплеск увлечения

марксистскими идеями (в оболочке «неомарксизма»), то в Советском Союзе, напротив, происходил стремительный процесс утраты советскими интеллектуалами интереса к марксистской идеологии, приближая катастрофу 1991 г.

Интеллектуальную канву молодёжных протестов в странах Запада составили идеи Франкфуртской школы критической теории общества. Теоретики из Франкфурта принадлежали к поколению интеллектуалов, родившихся на рубеже XIX–XX вв., происходивших из буржуазных слоёв общества, которых привлёк именно «философский» марксизм, выходящий за рамки рабочих партий. Как отмечает И.А. Михайлов, в отличие от Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса для франкфуртцев различие «общества» и «государства» не являлось структурно необходимым. Различие между обществом как естественной формой совместной жизни с одной стороны и государством как средой господства с другой стирается там, где между обеими формами наблюдается нерасторжимое единство: общее заключается во всё более *изощрённом подавлении индивидуума*. Осознать, эксплицировать взаимосвязи этого подавления становится при этом всё труднее – ведь оно теперь одновременно как цель, так и средство. Всё это делает постепенно совершенно невозможным (по мнению М. Хоркхаймера и его коллег) говорить о «хорошем обществе» [18, с. 158]. Поставив во главу угла проект *эмансипации человека*, представители критической теории общества пытались синтезировать марксистскую традицию, психоанализ и эмпирические социологические исследования. В соответствии с новым подходом основной акцент следует делать не на экономической эксплуатации, а на «пагубных предрассудках». По мнению О.Ю. Пленкова, франкфуртцами двигало *отращение к буржуазной христианской цивилизации* [19, с. 132]. Взяв на вооружение концепцию «культурного доминирования» А. Грамши, именно в интеллектуалах, а не в пролетариате они видели ту силу, которая станет в авангарде борьбы за освобождение, ибо власть у того, кто контролирует публичный дискурс (идейную повестку). Те деструктивные процессы, которые развиваются в странах Запада в настоящее время, были запущены усилиями теоретиков Франкфуртской школы. Идейное влияние событий 68-го года не стоит недооценивать. Показательны строки из письма Х. Арндт К. Ясперсу: «дети следующих столетий запомнят 1968-й таким, каким мы запомнили 1848-й. Я заинтересована в этом лично...» [20, с. 756]. Результатом этой «заинтересованности» стало появление в 1969 г. её эссе «*Reflections on Violence*», а затем его расширенного варианта «*On Violence*» (О насилии).

Успел обрести собственные «революции» и новейший отрезок Современности, который в философской литературе получил совершенно туманное название «матамодерн». Р. ван ден Аккер и Т. Вермюлен полагают, что 2000-е годы – это переходный период особой исторической значимости, сопоставимый с временным отрезком 1960-х, который Фредрик Джеймисон выделял в качестве переходного этапа в вопросе появления постмодернизма [21, с. 64–65].

Если переход к постмодерну можно рассматривать сквозь призму студенческих волнений «1968-го года», то метамодернизм также связан с повсеместным ростом протестных настроений. Именно в 2000-х годах, когда поколение миллениалов достигло совершеннолетия, а доступность цифровых технологий стала критической, процесс перешёл в свою активную фазу. Но если в странах Запада мы имеем дело лишь с ростом стихийных протестных настроений, то на постсоветском пространстве начавшаяся эпоха связана с волной так называемых «цветных революций», которые в известной мере

являются результатом интеллектуального манипулирования со стороны сил Запада. В сущности, мы имеем дело с симуляциями революций, кстати, уже классики марксизма проводили различие между политическими и социальными революциями. Именно последние они считали подлинными. С этой точки зрения становится очевидным, что действенным способом предотвратить подлинную социальную революцию является путь создания её политического симулякра.

В политико-философском дискурсе Современности политическое стало интерпретироваться как идеологическое. Произошло едва ли не отождествление одного с другим. Соответственно, «конец идеологий» ситуации постмодерна привёл к феномену постполитики. Реакцией на эти процессы стал «теологический поворот». Его признают мыслители Запада, в частности, Ю. Хабермас, его проявления можно видеть в современной России.

Собственно говоря, нынешняя политическая реальность ставит перед отечественной философской мыслью один принципиальный вопрос: каким образом возможен возврат общества постмодерна к прежнему состоянию, которое бы при этом не стало проявлением социального регресса? Пока же, как нам представляется, религия выступает всего лишь «политическим» маркером идентичности, что более соответствует модернистской траектории, нежели возврату к Традиции.

В целом, проведённое нами исследование позволяет сделать вывод о существовании нововременной интеллектуальной традиции, присутствие которой прослеживается и в странах Запада, и в России. Проявляет же себя она через политико-философский дискурс и политические практики.

Центральное место в пространстве политического Нового и Новейшего времени занимает феномен революции, выступающий как идея и практика. Философское осмысление данной проблемы занимает центральное место в политико-философском дискурсе, модерна, постмодерна и метамодерна.

Революционная проблематика неразрывно связана с идеологическим дискурсом Современности. Отличительной чертой понимания политической сферы в Новое и Новейшее время стало отождествление политического с идеологическим. Наступление ситуации постмодерна, связываемое с эпохой «конца идеологий», закономерно привело современное общество к его постполитическому состоянию. Ответной реакцией на это стал так называемый теологический поворот.

Литература

- Кортес Х.Д. О суверенитете ума, подтверждённом авторитетом философов / Хуан Доносо Кортес // Кортес, Х.Д. Сочинения / пер. с испанского. А.П. Шурбелева. – СПб.: «Владимир Даль», 2006. – 627 с.
- Черняев А.В. У водораздела русской политической мысли: Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным / А.В. Черняев // Философский журнал. – 2016. – Т. 9, № 1. – С. 80–100.
- Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму: монография / В.Н. Жуков. – М.: Оригинал-макет, 2017. – 352 с.
- Бугров К.Д. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Монография / К.Д. Бугров, М.А. Киселёв. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. – 480 с.
- Либерализм в России / отв. ред. В.Ф. Пустарнаков и И.Ф. Худушина. – М.: ИФ РАН, 1996. – 451 с.
- Марасинова Е. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: Очерки истории общественного сознания / Е. Марасинова. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 512 с.
- Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое // Чаадаев, П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма / П.Я. Чаадаев; отв. ред. З.А. Каменский. – М.: Наука, 1991. С. 320–338.
- Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Смысл фиаско одного политического символа / Карл Шмитт; пер. с нем. Д.В. Кузницына. – СПб.: «Владимир Даль», 2006. – 300 с.
- Робин К. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Бёрка до Сары Пэйлин / Кори Робин; пер. с англ. М. Рудакова, И. Кушнарёвой, К. Бандуровского. – М.: Институт Гайдара, 2013. – 312 с.
- Дарэм-мл. У.К. Перспективы религиозной свободы: сравнительный структурный анализ / Коул Дарэм-младший // Права человека и религия. Хрестоматия. – М.: ББИ, 2001. – С. 143–168.
- Fichte J. Beitrag zur Berichtigung der Urteile des Publikums über die französische Revolution / Johann Fichte. – М.: Direct-Media, 2010. – S. 408.
- Везен Ф., Федье Ф. Философия французская и философия немецкая. Воображаемое. Власть / Франсуа Везен, Франсуа Федье; пер. с франц. В.В. Бибикина. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 152 с.
- Кант И. Спор факультетов (1798) // Кант, И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. VII. / Иммануил Кант; под общ. ред. А.В. Гулыги. – М.: ЧОРО, 1994. – С. 95–114.
- Валлерстайн И. После либерализма / Иммануэль Валлерстайн; пер. с англ. М.М. Гурвица, П.М. Курдюкина, П.В. Феденко. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
- Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856 / М.П. Погодин. – М.: Типография В.М. Фришь, 1879. – 390 с.
- Хайдеггер. «Чёрные тетради» и Россия / под ред. М. Ларюэль и Э. Файя; пер. под науч. рук. М. Маяцкого. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 368 с.
- Фрайер Х. Революция справа / Ханс Фрайер; пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. – М.: Праксис, 2008. – 144 с.
- Михайлов И.А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Часть 1: 1914–1939 гг. / И.А. Михайлов. – М.: ИФ РАН, 2008. – 207 с.
- Пленков О.Ю. «Революция» 1968-го: эпоха, феномен, наследие / О.Ю. Пленков. – СПб.: «Владимир Даль», 2023. – 473 с.
- Ханна Арентс Карлу и Гертруде Ясперс. 26 июня 1968 г. // Арентс, Ханна; Ясперс, Карл. Письма 1926–1969 / Пер. с нем. И. Ивакиной. – М.: Издательство Института Гайдара, 2021. – С. 755–756.
- Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма / под ред. Робина ван ден Аккера, Тимотеуса Вермюлена и Элисон Гиббонс; пер. с англ. В.М. Липки. – М.: РИПОЛ классик, 2022. – 496 с.

NEW-MODERN INTELLECTUAL TRADITION IN THE SPACE OF THE POLITICAL: THE EXPERIENCE OF PHILOSOPHICAL RESEARCH OF THE POLITICAL SPHERE OF THE WEST AND RUSSIA IN THE NEW AND MODERN TIMES

Zimovets L.G., Kulikovskiy A.V.
Sochi State University

The problem field of the article touches upon temporal and civilizational aspects of philosophical comprehension of intellectual phenomena related to the sphere of political and their projection into the field of relevant practices of the New and Modern times, actualizing a number of problems of both theoretical-methodological and scientific-practical nature.

The research methodology of the stated topic is based on the structural-diachronic approach, the generally recognized principles of objectivity and historicism, as well as the method of comparative analysis. The use of a comprehensive interdisciplinary approach allowed us to expand the methodological base of the study through the use of situational and contextual analysis methods applied in the process of studying diverse sources.

According to the author, the intellectual tradition manifests itself through political and philosophical discourse and political practices. The main attention is focused on the development of the phenomenon of "revolution" in the intellectual space of modernity, postmodernity and metamodern.

Keywords: political philosophy, Russia, the West, modernity, postmodernity, postpostmodernity, revolution, ideology, "theological turn", political theology.

References

1. Cortes J.D. On the Sovereignty of the Mind, Confirmed by the Authority of Philosophers / Juan Donozzo Cortes // Cortes, J.D. Works / trans. from Spanish. A.P. Shurbelev. – St. Petersburg: "Vladimir Dal", 2006. – 627 p.
2. Chernyaev A.V. At the Watershed of Russian Political Thought: Correspondence of Andrei Kurbsky with Ivan the Terrible / A.V. Chernyaev // Philosophical Journal. – 2016. – Vol. 9, No. 1. – P. 80–100.
3. Zhukov V.N. Russian Philosophy of Law: from Rationalism to Mysticism: Monograph / V.N. Zhukov. – Moscow: Original-Maket, 2017. – 352 p.
4. Bugrov K.D. Natural Law and Virtue: Integration of European Influence into Russian Political Culture of the 18th Century. Monograph / K.D. Bugrov, M.A. Kiselev. – Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2016. – 480 p.
5. Liberalism in Russia / eds. V.F. Pustarnakov and I.F. Khudushina. – Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 1996. – 451 p.
6. Marasina E. "Law" and "Citizen" in Russia in the Second Half of the 18th Century: Essays on the History of Social Consciousness / E. Marasina. – Moscow: New Literary Review, 2017. – 512 p.
7. Chaadaev P. Ya. Philosophical Letters. Letter One // Chaadaev, P. Ya. Complete Works and Selected Letters / P. Ya. Chaadaev; ed. Z.A. Kamensky. – M.: Nauka, 1991. Pp. 320–338.
8. Schmitt K. Leviathan in Thomas Hobbes's Doctrine of the State. The Meaning of the Fiasco of One Political Symbol / Carl Schmitt; trans. from German by D.V. Kuznitsyn. – St. Petersburg: "Vladimir Dal", 2006. – 300 p.
9. Robin K. The Reactionary Spirit. Conservatism from Edmund Burke to Sarah Palin / Corey Robin; trans. from English by M. Rudakov, I. Kushnareva, K. Bandurovsky. – M.: Gaidar Institute, 2013. – 312 p.
10. Durham Jr. W.K. Prospects for Religious Freedom: A Comparative Structural Analysis / Cole Durham Jr. // Human Rights and Religion. Reader. – M.: BBI, 2001. – P. 143–168.
11. Fichte J. Reading the Analysis of Public Relations on the French Revolution / Johann Fichte. – M.: Direct-Media, 2010. – P. 408.
12. Zeven F., Fedier F. French Philosophy and German Philosophy. The Imaginary. Power / François Zeven, François Fedier; trans. from French by V.V. Bibikhin. – M.: Editorial URSS, 2002. – 152 p.
13. Kant I. The Dispute of the Faculties (1798) // Kant, I. Collected Works in Eight Volumes. Vol. VII. / Immanuel Kant; under general ed. A.V. Gulygi. – M.: CHORO, 1994. – P. 95–114.
14. Wallerstein I. After liberalism / Immanuel Wallerstein; trans. from English MM. Gurvitsa, P.M. Kurdyukina, P.V. Fedenko. – M.: Editorial URSS, 2003. – 256 p.
15. Pogodin M.P. Historical and political letters and notes in the continuation of the Crimean War. 1853–1856 / M.P. Pogodin. – M.: Printing house V.M. Frish, 1879. – 390 p.
16. Heidegger. "Black Notebooks" and Russia / ed. M. Laruelle and E. Fayat; trans. from German by M. Mayatsky. – M.: Publishing house "Delo" RANEP, 2018. – 368 p.
17. Freyer H. Revolution from the Right / Hans Freyer; trans. from German by Yu.Yu. Korinets. – M.: Praxis, 2008. – 144 p.
18. Mikhailov I.A. Max Horkheimer. Formation of the Frankfurt School of Social Research. Part 1: 1914–1939 / I.A. Mikhailov. – M.: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2008. – 207 p.
19. Plenkov O.Yu. "Revolution" of 1968: era, phenomenon, legacy / O. Yu. Plenkov. – St. Petersburg: "Vladimir Dal", 2023. – 473 p.
20. Hannah Arendt to Karl and Gertrud Jaspers. June 26, 1968 // Arendt, Hannah; Jaspers, Karl. Letters 1926–1969 / Translated from German by I. Ivakina. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2021. – Pp. 755–756.
21. Metamodernism. Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism / edited by Robin van den Akker, Timotheus Vermeulen, and Alison Gibbons; translated from English by V.M. Lipka. – Moscow: RIPOL classic, 2022. – 496 p.

Философский анализ русского храмового зодчества как феномен социальной традиции: на примере Республики Мордовия

Кидямкин Алексей Анатольевич,

аспирант кафедры философии ФБГОУ ВО Мордовского
Государственного Национально-исследовательского
университета им. Н.П. Огарева
E-mail: alexey.kidyamkin@gmail.com

Статья посвящена проблеме социальной и духовной значимости феномена храмового зодчества в российском обществе. Сама религиозная традиционная организация на Руси – церковь, стремясь смягчить социальные противоречия в государстве, давала на практике пример для социальной деятельности христиан и образцы солидарности представителей социума.

Цель и задачи. В статье важной целью был поставлен вопрос исследования того аспекта развития духовной сферы российского общества, когда проблематика религиозно-нравственных потребностей при реализации строительного замысла в церкви сегодня не теряет своей актуальности. Особенно важно проследить социальные тенденции в указанной сфере в контексте изучения регионального опыта, довольно существенным представляется практика культового строительства в Мордовии.

Методологическую основу исследования статье составил системный подход целостного анализа, позволяющий последовательно рассмотреть положения философии, теологии, истории и этики относительно положения ценности церковности и набожности в традициях культового зодчества.

Результаты и выводы исследования. В России от начала XX столетия и до сего времени, развился процесс комплексного возведения зданий в неовизантийском стиле, когда в стране было возведено около пяти тысяч церквей. В условиях радикальных перемен современности, которые переживает российский социум, одной из важнейших проблем остается эффективная реализация духовных потребностей населения в реализации вопросов восстановления исторической справедливости, важным фактором которой является сохранение традиций культового зодчества в России и Мордовии.

Ключевые слова: философия, социум, теология, социальная традиция, религия, духовная культура, специфика византийского стиля, регион Мордовия.

Введение

По своей сути, культовая строительная проблема – это отрасль науки и сферы человеческой деятельности, выступающая как составная часть жизнеобитания, удовлетворяющая материальные, социальные, духовные потребности человека – потребности в духовной практике. Церковь, по-другому, дом Божий, подчеркивает оседлое существование человечества, а в юридическом смысле Православной империи, какой была Византия, отмечает фундаментальный правовой статус церковного здания как социального института. При этом, византийскими мыслителями подчеркивалась идея всехристианского братства, народного православного царства: «Иоанн Златоуст призывал к тому, чтобы у граждан перед глазами был опыт монахов. Это опыт равенства. Братства и бескорыстия мы можем его назвать христианским социализмом» [9, с. 63]. Теоретическая значимость исследования проблематики истоков концепций храмового зодчества на Руси определяется тем, что многообразие форм выражения отечественной социально-философской мысли позволило анализировать философию социальной традиции духовности россиян как феномен русской социальной философии.

В контексте исследования традиций храмового зодчества социальной и нравственно-религиозной философией вопросов бытия человека проблема смысла жизни человека в обществе определена как основная по отношению к проблеме духовной традиции российского общества, идущим своими теоретическими истоками со времен Византии и Древней Руси. По данным современного исследователя, византийцам «приходилось выступать в условиях активной западной экспансии, проникновение латинских традиций в византийскую культуру и государственные структуры» [13, с. 21].

Социальная справедливость, социальное равенство, социальная кооперация, социальная солидарность рассматриваются, с одной стороны, как условия, предпосылки и факторы социальной традиции православной философской мысли от Византии до Древней Руси. Между тем именно: «...правильное «понимание... позволяет правильно оценивать отдельные памятники» [4, с. 9].

Архитектурная композиция русских населенных пунктов со времен св. князя Владимира Крестителя митрополита Илариона Киевского имманентно присутствует в названных социальных феноменах, обнаруживая себя как их качество или одна из их качественных характеристик. По замечаниям историка древнерусской архитектуры А.И. Комеч, Константинопольская школа «была одной из влиятельных в русском архитектурном пространстве» [7, с. 316].

В области изучения традиций храмового зодчества продуктивные современные научные концепции и подходы, позволяющие внедрять новые теоретические подходы в деятельность коллективов соответствующую данной общности науки. В связи с этим, актуальной задачей современных исследований социальной истории Отечества является формирование и развитие подлинно научных знаний о системе духовных ценностей в истории Руси и в современной России, основанных на взаимос-

вязи традиционных взглядов и инновационных подходов в науке по отношению к реализации научных социально-философских концепций. Таковы истоки и проблемы исследования в их взаимосвязи и современном значении.

Материалы и методы

Важную основу в данном исследовании составил системный подход в социально-философском исследовании традиций культового российского зодчества. Используются совокупность методологических подходов и средств исследования: диалектический, системный, структурно-функциональный, феноменологический подходы.

Предыстория методологического обоснования философии социальной традиции в отечественной философии относится к метафизике на Руси и в России с XI века. Поэтому актуально представить в исследовании социальную традицию в современном обществе в единстве с другими метафизическими сюжетами (смысл жизни, справедливость, равенство, взаимодействие, солидарность), делая акцент на интерпретацию их содержания в широком социокультурном контексте российского общества.

Литературный обзор

В анализе проблем исследовательских подходов к вопросам социального значения культовых зданий и сооружений в РФ важно исходить из комплексного осмысления фактора храмоздательства.

Научно-теоретические проблемы социального анализа традиций архитектуры в области конфессионального строительства и его роли в социальной жизни россиян исследовались в работах российских учёных З.Н. Долаевой, Н.И. Барановской, А.Ю. Виноградова, С.А. Ильвицкой, А.И. Комеч, Н.П. Панибратова, А.А. Раппопорт, Ю.Р. Савельев, А.Н. Слядзь.

Особый вклад в развитие фундаментальной этико-философской науки по проблемам обеспечения населения социокультурными постройками внесена такими известными отечественными учёными, как А.С. Ахизер, В.С. Барулин, К.Х. Момджян, В.Ф. Пустарнаков, М.К. Бадман, Е.В. Балацкий, А.Г. Гранберг, С.Д. Валентей и др.

Концептуальное и методологическое содержание работ Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, В.С. Соловьёва, Е.Н. Трубецкого, С.Л. Франка, А.С. Хомякова и др., образует традицию философского осмысления проявлений социальной традиции храмоздательства в российском обществе.

Результаты

Традиция в области культового зодчества Руси и России является следствием достигнутой духовно-нравственной роли легитимизирующей культуры духовного наследия Православной церкви среди россиян. Византийский стиль дает возможность приобщиться именно к архитектурному универсализму, который обращает нас к истокам исторической Руси. Проблема религиозно-нравственных потребностей при реализации строительного замысла в церкви сегодня представляет исследовательскую значимость с точки зрения обращения современных людей к духовным истокам нашего отечества. Российский философ В.С. Барулин указывал, что «следует зафиксировать неразрывную взаимосвязь общесоциологического и антропологического изучения общественной жизни» [2, с. 35].

Русские философы исходили из того, что положительные начала воспитания человека укоренены в глуби-

нах религиозного сознания и что разрыв этой коренной связи будет иметь самые неблагоприятные последствия для русского общества. Это определяет понимание необходимости воспитания у человека социокультурного поведения и сохранения в обществе социальной традиции. Культовое зодчество является тому наглядным свидетелем упавшего обстоятельства.

Обсуждение

Смысловая направленность содержания «отдела» «политики» социальной практики культового зодчества от древнерусского этапа до современности выводит значение традиций культового зодчества России как важнейший фактор влияния на структуру общественного сознания россиян и синтеза времен. В культовой архитектуре по данным М.А. Елдина, «проявлением старого и нового явилась, например, св. София, храм, соединявший достижения античной строительно-математической мысли и православной культурной традиции» [5, с. 106].

Анализ эмпирических данных предваряется некоторыми теоретическими выкладками, на которые опирается автор. К.Х. Момджян отмечает, что «существует валюативная или ценностная философия», которую «интересует ценностное значение мира для живущих в нём людей». Он считает, что социальная философия такого типа «проектирует идеальные модели человеческого общества, конгениальные конечным целям человеческого существования в мире» [10, с. 21].

В ряду процессов, инициируемых государством, и положительно влияющих своими результатами на социальное благосостояние населения и социальную стабильность общества, культовое зодчество явилось одним из важных созидательных форм социальной деятельности в России. Еще в позапрошлом столетии славянофил А.С. Хомяков утверждал, что «христианство чистой учения улучшило нравы, привело к согласию обычаи разных племен, обнял всю Русь цепью духовного единства и приготовило людей к другой, лучшей эпохе жизни народной» [15, с. 35].

Исторически в российском обществе присутствует «легитимирующий» тип социальной традиции духовности и исследуется официальная, осуществляемая на уровне институтов государства, социокультурная деятельность. Зримым свидетельством тому является реализация строительства церковно-архитектурных комплексов, свидетельствующих о возвращении к истокам и восстановлении исторической справедливости. По наблюдениям современного исследователя С.В. Ильвицкой, в культовой архитектуре и традициях храмоздательства православных стран наблюдалась сходная: «тенденция дальнейшего развития заключавшаяся в стремлении соединить внутренние объемы храма в единое пространство, подчеркнуть его центричность и крестово-купольность проявления в архитектуре...» [6, с. 28].

Следует отметить тот факт, что в современной России развернута целая серия программ к реализации планов комплексного культового строительства, удобного и доступного при сооружении объектов «шаговой доступности». В Москве существует программа комплексной реализации культовой застройки города, с учетом исторических традиций Московской Руси и Византии. Важна статусность и символическое значение территории, где осуществляется процесс храмовых сооружений. Возрождается традиция сооружать храмы-памятники в честь эпохальных событий. По наблюдениям современного исследователя, важно то, что: «...при изучении храмов играет роль даже само название церкви, т.е. какому святому она была посвящена» [6, с. 50].

В основе православной традиции социума лежали традиции Византии. Но своеобразный путь развития России сформировал ее особенный культурно-исторический облик. В процессе исторического развития культура России испытала влияние Востока (сначала Золотой Орды, затем частично Османской империи и ряда восточных государств)[16]. Следует указать и на существенное вестернизирующее влияние западноевропейских культурных норм и ценностей в среду российского социума Нового времени.

Западное влияние в культовом зодчестве имперского периода истории России характеризуется доминированием стиля классицизма. Для классицизма характерны такие черты, как рациональное гармоничное единство в произведении, соразмерность линий и частей, отражение античных идей, но на возрожденных в рациональном плане чертах, воспевание абсолютизма и светской власти.

Российский философ Новейшего времени А.С. Ахиезер указывал верно, что «способности общества ... преграждают путь дезорганизации, поддерживают социальное творчество на уровне, соответствующем социальным опасностям, угрожающим его бытию» [1, с. 4]. Он сформулировал своё понимание «ключа к решению наших проблем», которое можно рассматривать как выражение сути «позитивной» социально-духовной деятельности государства и общества: «высокий уровень социального синтеза, как на теоретическом, так и на практическом уровне, способность превзойти и слепое следование изменениям ситуации, и попытки манипулирования реальностью на основе предвзятых схем» [1, с. 19].

По степени обеспеченности населения Российской империи высокого качества церковных зданий по стилю можно судить об уровне его экономического и социально-культурного распространения «византийского стиля» в Российской империи и за ее пределами в 1850-х-1870-х годах определилось исходя из осуществления государственных программ по утверждению российского влияния. Как отмечает современный исследователь элементов византизма в культовой архитектуре России: «В развитии архитектуры и искусства историзма второй половины XIX–XX века несомненная созидательная роль принадлежала государственному заказу. В искусстве и архитектуре находили образное выражение исторические модели прошлого, в котором государственная власть видела идейную опору» [12, с. 254].

В суровом климате и часто бедном ландшафте Северной Евразии, где в основном располагалась Россия, церковно-культовое здание часто являлась для россиянина доминантной точкой эстетического позитивного восприятия мира. После событий XX в., многое оказалось утраченным и во многих архитектурных доминантах городов и селений возникли пустыри, ущербные постройки и склады, заброшенные и разрушенные объекты, пустоши-пустоты... Социально-унифицированная «анти-традиция» явила собой в новейшей России идеолого-политизированный по форме, классово-детерминированный по содержанию подход к феномену атеизма, во многом инспирированного с Запада, вырастающей из общей совокупности социально-кризисных условий и обстоятельств в конкретном обществе идущих с политических тенденций Западной Европы, например – Франции образца 1789 г., притом сами французы сегодня стремятся мало вспоминать разрушительный опыт диктатуры якобинцев, крайних радикалов эпохи Нового времени. Частым концептом социально-унифицированной «анти-традиции» явился принцип радикального классового подхода к социальным явлениям, без учета исторической специфики. Антирелигиозная

кампания в России привела к тяжелейшим издержкам и утратам в культурном ландшафте страны. Многие шедевры культовой архитектуры утеряны для человечества навсегда как это было в эпоху татаро-монгольского нашествия XIII в.[11, с. 56]. Уникальные объекты культурного наследия до сих пор лежат в руинах...

Общую композицию (строение) преемственности русской философии социальной традиции от «византийского содружества наций» составляет знание о феномене православного храмового зодчества в социально-историческом и духовном аспектах[13, с. 26]. Не являлась в указанном контексте исключением и городская среда Саранска. Появление высоких культовых доминант города (саранская колокольня Петропавловского монастыря) отличалось классической центричностью и завершенностью пропорций, в основе которых зодчими православных церквей и монастырей был исполнен принцип золотого сечения», известный со времен античности. Весьма верным считаем наблюдение современного исследователя истории саранского городского быта Д.В. Фролова в том, что с момента основания Саранска здесь «... кипела духовная жизнь. Кроме Знаменского и Спасского соборов в кремле, в слободах находилось множество приходских церквей ...» [14, с. 71]. Указанный факт свидетельствует о торжестве в некогда языческом крае победившего тогда еще московского культового стиля православной Руси.

В новейшей истории духовности и культовой архитектуры Мордовии такими яркими примерами разрешения построек в неовизантийском стиле являются: Свято-Андреевский собор в Атяшево, соборный храм св. прав. Воина Феодора Ушакова (смещение классицизма и византизма) в Саранске, рузаевская церковь в честь свт. Николая Мирликийского на Химмаше и много других конструктивных строительных решений. Так, по замечанию А.А. Гагаева, в регионе Мордовии: «С самого своего рождения ... традиция г. Рузаевки оказывается многокультурной» [3, с. 75].

Характеристики социальной инфраструктуры церковного строительства имеют свои особенности и здесь также присутствует ряд уникальных новейших церковных сооружений (от Свято-Андреевского собора в Атяшево до Спасского собора в Краснослободске), отсылающих нас ко временам христианизации Руси. При этом сохраняется баланс диалога традиций представителей разных конфессий Мордовии. В данном случае следует согласиться со следующей коннотацией конфессиональности: «В процессе взаимодействия представителей различных деноминаций между ними возникают межконфессиональные отношения, под которыми мы понимаем особый вид социальных отношений, осуществляющихся между представителями разных конфессий» [8, с. 8].

В контексте исследования русской метафизикой и нравственно-религиозной философией вопросов бытия человека проблема смысла жизни человека в обществе определена как основная по отношению к проблеме социальной устойчивости социокультурного развития регионов РФ, зримым свидетельством которого является возрождение традиций культового строительства в Мордовии. В регионе Саранска вокруг культовых комплексов зданий, которые составляют достояние культурного наследия России и РМ.

Заключение

Архитектурная традиция русского храмового зодчества актуализирует исследование феномена социальной традиции преемственности от опыта прошлых эпох к насто-

ящему времени по основным направлениям бытия российского социума. Содержание социальной традиции преемственности как феномена общества имманентно присутствует в других социальных феноменах, проявляя себя, как их условие или тенденция осуществления, конкретное состояние и качественная характеристика.

Во все исторические эпохи система ценностей российского общества имела смысловое значение, во многом определяющее путь развития. Во все исторические эпохи система ценностей российского общества имела смысловое значение, во многом определяющее путь развития. Русская философия в целом не ориентируется на объяснение настоящего и будущего устройства общества на основании исключительно конкретных обстоятельств или условий, а также какого-либо одного принципа или одной логико-теоретической формулы. Универсальность русской философии актуализирует возможность обосновать методологию исследования русской философии социальной традиции культового зодчества, не ограничивая анализ содержания феномена социальной традиции храмоздательства в современном обществе постоянными параллелями с западноевропейской философией.

Литература

1. Ахиезер А.С. Россия как большое общество / А. С. Ахиезер // Вопросы философии. 1993, № 1. – С. 4–19.
2. Барулин В.С. Социально-философская антропология. Общие начала социально-философской антропологии / В.С. Барулин. – М.: Онега. 1994. – 252, [3] с.
3. Гагаев А.А. Философия культуры города Рузаевки / А.А. Гагаев, П.А. Гагаев. – Рузаевка, 2009. – 312 с.
4. Виноградов А.Ю. Лекции по византийской архитектуре / А.Ю. Виноградов. – М.: Rosebud Publishing, 2022. – 360 с.
5. Елдин М.А. Новый Рим, период Никейской империя: этико-историософский аспект монография / М.А. Елдин. – Саранск, 2019. – 144 с.
6. Ильвицкая С.В. Архитектурно-копартивный аспект православных монастырей балканских стран и России / С.В. Ильвицкая. – М.: Инфра-М, 2018. – 99 с.
7. Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X–XII в. (текст): византийское наследие и становление самостоятельной традиции / А.И. Комеч; отв. ред. В.Л. Янин; Акад. наук СССР. Всесоюзный научно-исслед. ин-т искусствознания М-ва культуры СС-СР. – М.: Наука, 1987. – 317 с.
8. Козин В.В. Религиозная ситуация в Республике Мордовия: монография / В.В. Козин, И.М. Фадеева. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2022. – 124 с.
9. Марков А. Государство. Что о нем думают философы / А. Марков. – М.: Издательство АСТ, 2024. – 288 с.
10. Момджян К.Х. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности. Философская или социологическая методология? / К.Х. Момджян, Д.Г. Подвойский, В.С. Кржевов, А.Ю. Антоновский, Р.Э. Бараш // Вопросы философии. 2016. № 1. – С. 17–42.
11. Раппопорт П.А. Архитектура средневековой Руси / П.А. Раппопорт. – СПб.: «Лики России», 2013. – 324 с.
12. Савельев Ю.Р. Искусство историзма и государственный заказ. Вторая половина XIX– начало XX века / Ю. Р. Савельев. – М.: Совпадение, 2008. – 400 с.
13. Слядзь А.Н. Византия и Русь: опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI-начало XII века) / А.Н. Слядзь. – СПб.- М.: Евразия, ИД Клио, 2014. – 288 с.
14. Фролов Д.В. Саранск семнадцатого столетия в документах и артефактах: монография / Д.В. Фролов. – Саранск., 2019. – 444 с.
15. Хомяков, А.С. Церковь одна / А.С. Хомяков. – М.: ПСТГУ, 2018. – 448 с.
16. Krautheimer R. Early christian and Byzantine architecture. 4 th. éd., with the collaboration of S.Curcic Harmondsworth, 1986. – P.340–341.

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF RUSSIAN TEMPLE ARCHITECTURE AS A PHENOMENON OF SOCIAL TRADITION: USING THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Kidyamkin A.A.

Mordovian State National Research University named after N.P. Ogareva

The article is devoted to the problem of social and spiritual significance of the phenomenon of temple building in Russian society. The religious traditional organization in Rus' itself – the church, striving to mitigate social contradictions in the state, gave in practice an example for the social activities of Christians and examples of solidarity of representatives of society.

Purpose and objectives. An important goal of the article was to study that aspect of the development of the spiritual sphere of Russian society, when the problem of religious and moral needs in the implementation of the construction plan in the church today does not lose its relevance. It is especially important to trace social trends in this area in the context of studying regional experience, the practice of religious construction in Mordovia seems to be quite significant.

The *methodological basis* of the study in the article was a systematic approach of holistic analysis, allowing us to consistently consider the provisions of philosophy, theology, history and ethics regarding the position of the value of churchliness and piety in the traditions of religious architecture.

Results and conclusions of the study. In Russia, from the beginning of the 20th century to the present day, the process of complex construction of buildings in the neo-Byzantine style has developed, when about five thousand churches were built in the country. In the conditions of radical changes of modern times, which Russian society is experiencing, one of the most important problems remains the effective implementation of the spiritual needs of the population in the implementation of issues of restoring historical justice, an important factor of which is the preservation of the traditions of religious architecture in Russia and Mordovia.

Keywords: philosophy, society, theology, social tradition, religion, spiritual culture, specifics of the Byzantine style, the region of Mordovia.

References

1. Akhiezer A.S. Russia as a large society / A. S. Akhiezer // Questions of philosophy. 1993, No. 1. – pp. 4–19.
2. Barulin V.S. Socio-philosophical anthropology. General principles of socio-philosophical anthropology / V.S. Barulin. – M.: Oнега. 1994. – 252, [3] p.
3. Gagaev A.A. Philosophy of culture of the city of Ruzaevka / A.A. Gagaev, P.A. Gagaev. – Ruzaevka, 2009. – 312 p.
4. Vinogradov A.Y. Lectures on Byzantine architecture / A.Y. Vinogradov. – M.: Rosebud Publishing, 2022. – 360 p.
5. Eldin M.A. New Rome, the period of the Nicene Empire: an ethical and historiographical aspect monograph / M.A. Eldin. – Saransk, 2019. – 144 p.
6. Ilvitskaya S.V. Architectural and copartive aspect of Orthodox monasteries of the Balkan countries and Russia / S.V. Ilvitskaya. – M.: Infra-M, 2018. – 99 p.
7. Komech A.I. Ancient Russian architecture of the late X–XII century. (text): the Byzantine heritage and the formation of an independent tradition / A.I. Komech; ed. / A.I. Komech; ed. V.L. Yarin; Academy of Sciences of the USSR. All-Union Scientific Research. Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the USSR. – M.: Nauka, 1987. – 317 p.

8. Kozin V.V. The religious situation in the Republic of Mordovia: a monograph / V.V. Kozin, I.M. Fadeeva. – Saransk: Publishing House of Mordovia. unita, 2022. – 124 p.
9. Markov A. The State. What philosophers think about him/ A. Markov. –M.: AST Publishing House, 2024. –288 p.
10. Momdjian K. H. A system-theoretical approach to explaining social reality. Philosophical or sociological methodology?/ K.H. Momdjian, D.G. Podvoysky, V.S. Krzhevov, A.Y. Antonovsky, R.E. Barash // Questions of philosophy. 2016. № 1. – С. 17–42.
11. Rappoport P.A. Architecture of medieval Russia / P.A. Rappoport. – St. Petersburg: “Faces of Russia”, 2013.-324 p.
12. Saveliev Yu.R. The art of historicism and the state order. The second half of the XIX– the beginning of the XX century / Yu.R. Saveliev. – M.: Coincidence, 2008. – 400 p.
13. Sladz A.N. Byzantium and Russia: the experience of military-political interaction in the Crimea and the Azov Sea (XI-the beginning of the XII century)/ A.N. Slyaz. – St. Petersburg.- M.: Eurasia, Klio Publishing House, 2014. – 288 p.
14. Frolov D.V. Saransk of the seventeenth century in documents and artifacts: a monograph / D.V. Frolov. – Saransk, 2019. – 444 p.
15. Khomyakov, A.S. One Church / A.S. Khomyakov. – M.: PSTGU, 2018. – 448S.
16. Krautheimer R. Early christian and Byzantine architecture. 4 th. éd., with the collaboration of S. Curcic Harmondsworth, 1986. –P.340–341.

Колесникова Галина Ивановна,

д.ф.н., профессор, профессор кафедры физического воспитания Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов
E-mail: galina_ivanovna@kolesnikova.red

*Свобода – главный дар природы
Леонардо Да Винчи
«Суждения о науке и искусстве»*

В статье исследуется принципиальная возможность свободы творчества в специфических условиях контроля общества постмодерна. Указывается, что, несмотря на то, что творчество свойственно практически любому виду деятельности и его наличие или отсутствие есть результат определённых свойств личности, наибольшей силой влияния на сознание масс обладают именно искусства, воздействующие на определённые репрезентативные системы. Это объясняется тем, что они оперируют, в основном, идеями, облечёнными в архетипические образы против которых оказывается бессильным массовое сознание. В связи с этим предложена классификация видов искусств по репрезентативным системам человека на которые оказывает наибольшее воздействие тот или иной вид искусства. Отмечено, что в современных условиях, по-прежнему, наибольшее влияние на сознание масс оказывают кинематограф и эстрадная песня. Сделан вывод, что свобода творчества в условиях общества постмодерна потенциально возможна, но реально осуществима только при соединении ряда условий.

Ключевые слова: свобода, творчество, деятельность, искусства, контроль, свобода творчества, общество постмодерна.

Творчество и творческий процесс в рамках традиций

Традиционно творческий процесс рассматривали применительно именно к представителям искусства. Позднее начали говорить о техническом творчестве, научном и всех иных видах в зависимости от привязки творческого процесса к виду деятельности. Иначе говоря, мыслители, в какой-то момент, пришли к мнению о том, что творчество возможно практически во всех сферах жизнедеятельности человека и, как следствие, была предложена классификация видов творчества по ним [15]. Однако в этом нет ничего нового если, конечно, помнить о том, что эллины называли мудрым всех тех, кто достиг совершенства (то есть высшего пика мастерства в процессе творческого развития) не зависимо от сферы деятельности [21].

Теоретико-методологическая база исследования

Методы и принципы исследования

Цель исследования заключается в изучении принципиальной возможности свободы творчества в специфических условиях новых форм контроля общества постмодерна. По мнению автора, свобода творчества в новых условиях возможна, но при условии достижения договора между представителями интеллигенции, искусств и власти, так как именно объединённые усилия этих двух субъектов влияния станут залогом, если не победы, то успешного противодействия попыткам воздействия иногентами на сознание масс, поскольку, идеи, представленные в доступной форме, обладают большей силой воздействия, способствуя как сохранению традиций, так и формированию общенациональной картины мира.

Задачи исследования

1. Исследовать наличие потенциальной возможности существования свободного творчества в условиях усовершенствованных форм контроля постмодернистского общества.
2. Выявить условия, при которых возможно сохранение свободы творчества в обществе постмодерна.

История вопроса

Исследование проблемы творчества как одной из форм деятельности человека основывается на идеи Платона («Федр» 244 E – 245 A) [2] о том, что творчество является моментом высшего/умного созерцания мира, которого достигает мудрый человек, а также работах Ф.В. Шеллинга [29] в которых данная идея получила развитие в определении творчества как высшей формы человеческой жизнедеятельности, через которую человек соприкасается с Абсолютом. Кроме того, основой исследования стали традиции неореализма и, отчасти, феноменологии (С. Александер [1], А. Уайтхед [26], Э. Гуссерль [10], Н. Гартман [8]) представители которого определяли творчество

как интеллектуальное созерцание, что приближает их к платонизму. Базу исследования составила концепция А. Бергсона представленная им в труде «Творческая эволюция» (1907, рус. пер. 1909) [4] суть которой заключается в противопоставлении творчества (объективно свершающийся процесс вершиной которого становится создание принципиально нового) конструированию (комбинация старого) и работы М. Вертгеймера [5], Б.М. Теплова [25], А.Н. Леонтьева [23] по изучению оптимальных условий организации творческого процесса. Исследование контроля как одного из феноменов власти, социального феномена и специфической формы манипуляции сознанием строилось в контексте отечественных социально-философских концепций в центре внимания которых находится взаимосвязь массового сознания с общественным мнением (Д.П. Гавра [7], М.К. Горшков [9], В.Б. Житинев [12], Т.И. Заславская [15], В.Н. Иванов [14], В.Г. Хорос [28]).

Основная часть

Творчество характерно для всех сфер деятельности и сам факт его наличия или отсутствия определяется именно качеством личности, осуществляющей деятельность [18]. Однако в контексте данного исследования нас будет интересовать творчество именно в сфере искусств. Это объясняется тем, что искусства тесно связаны с идеологией [22] и, поскольку, в большинстве своём, образы, создаваемые ими, базируются на архетипических установках, коренящихся в коллективном бессознательном,

результаты творчества могут быть использованы для внедрения идеологических максим в массовое сознание [19]. При этом, данные внедряемые максимы не всегда могут совпадать с благом государства, разрушая национальную картину мира. Следовательно, необходимо сузить объект исследования, так как далеко не все виды искусств обладают равной степенью как воздействия на коллективное бессознательное, так и способностью, выделяя из него отдельные образы, создавать информационное поле с заранее выбранными свойствами. Именно исходя из этого посыла в данном контексте необходимо отойти от распространённой классификации видов искусств критериями ранжирования в которой являются пластика, динамика, пространство и время и создать иную, *взяв за классификационный признак доминирующие задействуемые ими репрезентативные системы*. Репрезентативные системы – способ получения и обработки человеком информации из внешнего мира. Термин из нейро-лингвистического программирования. Репрезентативные системы делят по сенсорному способу представления информации: *визуальная, аудиальная (аудиально-тональная, аудиально-дигитальная), дигитальная или дискретная (в НЛП данные понятия употребляются как синонимичные), кинестетическая*. Выделяют также ольфакторную (обоняние) и густаторную (вкус) репрезентативные системы, но в данном контексте они не значимы (табл. 1).

Таблица 1. Распределение видов искусств по их воздействию на репрезентативные системы человека

№	Репрезентативные системы	Виды искусств
1.	Визуальная (получение информации при помощи зрения)	Пластические (пространственные), воспринимающиеся зрением, существующие в пространстве, не изменяясь и не развиваясь во времени, и воспринимающиеся зрением: • изобразительное искусство; • декоративно-прикладное искусство; • архитектура; • фотография
2.	Аудиально-визуальная при доминировании аудиальной системы. Аудиальная включает в себя: • <i>аудиально-тональную составляющую</i> – акцентирование внимания, прежде всего, на звуки и тональных последовательностях, получаемых из вне; • <i>аудиально-дигитальную (дискретная)</i> – выделяющую, в первую очередь, символы (слова); выстраивание на основе их смыслов логические цепочки; внутренний диалог	Динамические виды искусств. Доминирующее значение в них приобретает разрывывающаяся во времени композиция: • музыка; • Литература
3.	Дигитальная (или дискретная) система – субъективно-логическое осмысление личностью сигналов, полученных по визуальным, аудиальным, кинестетическим каналам	Синтетические или пространственно-временные (зрелищные) виды искусств: хореография; • театральное искусство; • киноискусство; • эстрадные песни; • цирковые представления; • зрелищно-массовые мероприятия

Источник: составлено автором Колесниковой Г.И.

Наибольшей силой такого влияния обладают те искусства, которые задействуют большее количество репрезентативных систем, более распространённых в человеческой популяции.

Таким образом, в зоне внимания оказываются *кинематограф и эстрадная песня*, сфера охвата аудитории которыми значительно возросла в связи с развитием интернета [24]. Хотя и научно-техническая революция в целом также внесла свой вклад в усиление их влияния на сознание масс [27]. То есть, следует признать, что тезис Ленина о том, что из всех видов искус-

ства, пока народ не образован, для нас является кино, по-прежнему актуален. Тот же вопрос, отчего, спустя почти сто лет, народ вновь спустился на этот уровень, а создаваемые новые образовательные программы вместо того, чтобы акцентировать внимание на развитии интеллекта подстраивают под клиповое мышление, всё более распространяющееся у нового поколения, оставим открытым, так как он находится за рамками данного исследования. Однако, стоит отметить, что *в зависимости от задач, стоящих перед руководством государства в определённый временной периода, власти всегда активно использовали этот феномен*

(эффективность воздействия на сознание масс кино и эстрадной песни) (табл. 2).

Таблица 2. Направление воздействия на сознание масс по историческим этапам постимперского периода

Период	Направление воздействия
СССР	Информационно-познавательное
Период деидеологизации	Рекламно-развлекательное
Период после 2000 и до с.д.	Формирование патриотизма, здорового образа жизни, морально-нравственных ценностей

Источник: составлено автором Колесниковой Г.И.

При этом кинематограф способен применяться в политике как элемент «мягкой силы» формируя образ страны как у населения своего государства, так и людей, проживающих на территории других стран, а эстрадная песня практически стала в современной реальности частью политических игр. Достаточно вспомнить Евровидение и политические дебаты, развернувшиеся в 2017 году по поводу участия России в этом конкурсе, когда Украина отказала во въезде в свою территорию российской певице Юлии Самойловой или запрет который наложил на участие РФ Европейский вещательный союз (ЕВУ) в 2022.

Кроме того, важно различать контроль и ограничение свободы, свободу и вседозволенность, поскольку контроль не равно ограничение свободы творчества, но и вседозволенность не есть свобода.

В данном контексте остро встаёт вопрос о свободе творчества и возможных способах контроля творца, а также об этической стороне и последствиях такого контроля на будущее человечества. Возможна ли свобода в принципе и творчества в частности [6]? Вопрос риторический, поскольку ответ, без сомнения положительный. Да, возможна. И доказательство этому, как ни парадоксально, находится в рамках, дошедших до нашего времени религиозно-философских концепциях (брахманизм, синтоизм, эллинизм) и наиболее распространённых в последние две тысячи лет религиях (иудаизм, христианство, мусульманство), так как в них за человеком признаётся право на свободу выбора. При этом акцентируется внимание на чистоте намерений при свершении выбора степенью которой и определяется и качество последующего действия, и его влияние на дальнейшую жизнь как в земном существовании, так и пребывание (души/духа/маной...) в ином/иных мире/мирах после ухода из этой жизни.

Однако было бы заблуждением смешивать контроль и ограничение свободы. Контроль необходим, поскольку творческая увлечённость, одарённость не дают права нарушать права других людей или национальные интересы. И, несмотря на то, что в научном пространстве феномен человеческой свободы, как и само определение понятия «свобода», неоднозначны, однако, на взгляд автора, наиболее ёмко и чётко эта проблема разрешается сквозь призму высказывания Михаила Александровича Бакунина: «Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого». Добавим только: или государственные и национальные интересы [16]. То есть, фактически, по Аристотелю: мера – золотая середина – есть основа всех вещей. И эта аксиома, высказанная 384–322 годы до нашей эры столь же актуальна и в обществе постмодерна.

При этом проблема свободы творчества тесно связана с проблемой его влияния на людей, а значит, и с проблемой качества личности творца, душевные способности которого не должны, с одной стороны, противоречить друг другу и, с другой, – не изолировать от внешнего мира в позиции эгоистически-нарциссического противостояния ему. Кроме того, ещё Платон высказывал идею о том, что искусства должны быть подчинены потребностям государства, поскольку изначальная их задача – воспитание и одухотворение сограждан через прикосновение с прекрасным. Кстати, этой же позиции придерживались и многие русские мыслители, например Чернышевский, не разделяя, однако, его остальные воззрения на устройство государства.

Таким образом, свобода творчества является не только прерогативой представителей творческих профессий. Однако, в силу того, что наибольшей силой влияния на сознание масс обладают именно искусства, воздействующие на определённые репрезентативные системы, особое внимание следует сосредоточить именно на них. А поскольку народ состоит из отдельных личностей, то, в конечном счёте, вопрос свободы творчества превращается в вопрос о духовном здоровье нации.

Выводы

Возможность свободы творчества в условиях практически тотального контроля в обществе постмодерна, тем не менее, возможна, но при условии достижения баланса в результате договора между представителями интеллигенции и искусства и органами контроля [28; 11; 20; 3], которое, регламентируя идеологическую составляющую, тем не менее, не сможет ограничивать свободу творческой мысли, поскольку именно свободная творческая мысль, в конечном счёте, и обеспечивает прогресс. Достижение данного соглашения представляется особо значимым в контексте знания о том, что сила воздействия идей, оформленных в архетипические образы на сознание масс огромна, а именно массовое сознание является основной мишенью в тотальной информационной войне, охватившей в 21 веке практически всё мировое пространство. То есть, война идёт не столько за земли, сколько за сознание населения [17], поскольку основной ресурс любого государства – люди и именно от их качеств, то есть, физического здоровья и духовного, нравственного, интеллектуального, эстетического развития и зависит будущее каждого отдельно взятого государства и человечества в целом.

Следовательно, объединённые усилия этих трёх субъектов влияния – представителей интеллигенции, творческих профессий и власти – станут залогом если не победы, то успешного противодействия негативным влияниям извне, поскольку идеи, представленные в доступной форме (научно-популярной, художественной) обладают большей силой воздействия, чем научные теории и политические трактаты, способствуя также как сохранению традиций, так и формированию общенациональной картины мира.

Перспективы исследования связаны с последующим изучением проблемы взаимодействия творческой личности, независимо от сферы её деятельности, с органами контроля и властью, включая аксиологическую, этическую и социально-экономическую составляющие. Полученные результаты могут быть использованы при построении программ по укреплению и развитию российского общества.

Конфликт интересов. Авторы подтверждают, что представленные данные не содержат конфликта интересов.

Литература

1. Александр С. (1925). Искусство и прекрасное в материальном мире [Электронный ресурс] // Art and Material Beauty, 1925). – URL: <https://archive.org/details/CAT31315557> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 13.02.2024).
2. Асмус В.Ф. (1984). Платон: эйдология, эстетика, учение об эстетике / Историко-философские этюды. – М.: Мысль. – С. 36–44.
3. Бабошко Е.Ю., Галкин Д.В., Коновалова К.В. (2023). Концептуализация современности в контексте постмодернистской рефлексии [Электронный ресурс]. // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. № 49. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-sovremennosti-v-kontekste-postmodernistskoj-refleksii> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 14.01.2024).
4. Вертгеймер М. (1987). Продуктивное мышление: пер. с англ. / общ. ред. С.Ф. Горбова и В.П. Зинченко. Вступ. ст. В.П. Зинченко. – М.: Прогресс. – 336 с.
5. Волохова Е.В. (2019). Свобода личности в философии и культуре постмодерна [Электронный ресурс] // Гуманитарные и социальные науки, № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-lichnosti-v-filosofii-i-kulture-postmoderna> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 14.01.2024).
6. Гавра Д.П. (1998). Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. Том 1. № 4. – URL: <file:///C:/Users/Astrum/Downloads/obschestvennoe-mnenie-i-vlast-rezhimy-i-mehanizmy-vzaimodeystviya.pdf> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 13.02.2024).
7. Гартман Н. (1995). Философско-историческое введение / Гартман Н. Проблема духовного бытия. Исследования к обоснованию философии истории и наук о духе. (Перевод А.Н. Малинкина) // Культурология. XX век: антология / сост. С.Я. Левит. Москва. 703 с. С. 608–648.
8. Горшков М.К. (1988). Общественное мнение: История и современность. – М.: Политиздат. – 383 с.
9. Гуссерль Э. (2006). Прологомены к чистой логике / Антология реалистической феноменологии. – М.: Институт философии, теологии и истории святого Фомы. – С. 109–111.
10. Бергсон А. (2001). Творческая эволюция / пер. с фр. В. Флеровой; Вступ. ст. И. Блауберг. – М.: ТЕП-РА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц. – 384 с.
11. Добронравова У.В. (2022). Логический проект философии нового времени: рождение личности и общественного договора [Электронный ресурс] // Вестник ЧелГ У. № 5 (463). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/logicheskiy-proekt-filosofii-novogo-vremeni-rozhdenie-lichnosti-i-obschestvennogo-dogovora> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 13.12.2023).
12. Житинев В.Б. (1987). Общественное мнение в социальном управлении (монография). – М.: Наука. – 166 с.
13. Заславская Т.И. (2004). Современное российское общество: социальный механизм трансформации (монография). – М.: Изд-во: Дило. – 398 с.
14. Иванов В.Н. (2021). Идеология: pro et contra / В.Н. Иванов; ФНИСЦ РАН. – М.: Изд-во: У Никитских ворот. – 72 с.
15. Ильин Д.А. (2013). Эволюция взглядов на классификацию видов искусства (от античности до XX в.) [Электронный ресурс] // Вестник ЧГАКИ. № 4 (36). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vzglyadov-na-klassifikatsiyu-vidov-iskusstva-ot-antichnosti-do-hh-v> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 14.01.2024).
16. Колесникова Г.И. (2023а). Аксиологическая оставляющая в концепте «социальная справедливость»: значение в регуляции межэтнических отношений и укреплении общероссийской идентичности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Т. 9. № 3. С. 30–40.
17. Колесникова Г.И. (2023б). Информационная война в обществе постмодерна: проблема классифицирования // Гуманитарии Юга России. Т. 12. № 3 (61). 196 с. С. 22–36.
18. Колесникова Г.И. (2022а). Гармония бытия/ Миф. Общество. Реальность (коллективная монография). – Москва: АНО ЦЭМИ, Архонт. – 146 с. – С. 6–42.
19. Колесникова Г.И. (2022б). Управление поведением в информационной среде: проект исследования (практическая философия) / Международный научно-исследовательский журнал, № 3 (107), Часть 3. 208 с. С. 147–155.
20. Колесникова Г.И. (2022с). Принятие решений органами государственной власти: проблемы, факторы, методы/ / ГОУ ВПО «ДОНАУИГС». – Донецк: ДОНАУИГС. – 237 с. – С. 197–199.
21. Колесникова Г.И. (2021). Концепт «творчество», структура творческого процесса, творческая личность – экофилософские основания гармонического единства современного мира / Философия творчества: теоретико-методологические и практические аспекты: коллективная монография. – Москва: АНО ЦЭМИ, Архонт. – 326 с. – С. 8–56.
22. Колесникова Г.И. (2010). Социальный механизм манипуляции сознанием личности: дис. ... доктора философских наук: 09.00.11 / [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. Ростов-на-Дону. 364 с.
23. Леонтьев А.Н. (1967). О формировании способностей // Вопросы психологии. № 1. С. 7–17.
24. Любченко В.С. (2022). Социокультурное пространство современного общества: модерн и постмодерн [Электронный ресурс] // Гуманитарий Юга России. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnoe-prostranstvo-sovremennogo-obschestva-modern-i-postmodern> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 13.01.2024).
25. Теплов Б.М. (1941). Способности и одарённость [Электронный ресурс] // Учёные записки Гос. НИИ психологии. Т. 2. – URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2012_n4/bppe_2012_n4_Teplov.pdf [архивировано в WebCite] (дата обращения: 15.02.2024).
26. Уайтхед А.Н. (1990). Избранные работы по философии: перевод с англ. / сост. И.Е. Касавин; общ. ред. и вступ. ст. М.А. Кисселя. – М: Прогресс. – 720 с.
27. Фатенков А.Н. (2023). Политический кентавр постистории и его идеологический антураж [Электронный ресурс] // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. № 1 (61). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-kentavr-postistorii-i-ego-ideologicheskij-anturazh> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 9.01.2024).
28. Хорос В.Г. (2018). Историзм и априоризм: политико-аналитическая ретроспектива Русской революции // Полис. Политические исследования. № 6. С. 155–171.
29. Шеллинг Ф. (1966). Философия искусства. – М.: Мысль. – 496 с.

FREEDOM OF CREATIVITY IN POSTMODERN SOCIETY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Kolesnikova G.I.

St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

The article explores the fundamental possibility of freedom of creativity in the specific conditions of control of postmodern society. It is indicated that, despite the fact that creativity is characteristic of almost any type of activity and its presence or absence is the result of certain personality properties, it is the arts that influence certain representative systems that have the greatest power of influence on the consciousness of the masses. This is explained by the fact that they operate mainly with ideas clothed in archetypal images against which mass consciousness turns out to be powerless. In this regard, a classification of types of art has been proposed according to human representational systems on which one or another type of art has the greatest impact. It is noted that in modern conditions, cinema and pop songs still have the greatest influence on the consciousness of the masses. It is concluded that freedom of creativity in a postmodern society is potentially possible, but is actually feasible only when a number of conditions are combined.

Keywords: freedom, creativity, activity, arts, control, freedom of creativity, postmodern society.

References

1. Alexander S. (1925). Art and Beauty in the Material World [Electronic resource] // Art and Material Beauty, 1925). – URL: <https://archive.org/details/CAT31315557> [archived in WebCite] (date of access: 13.02.2024).
2. Asmus V.F. (1984). Plato: Eidology, Aesthetics, the Doctrine of Aesthetics / Historical and Philosophical Studies. – Moscow: Mysl. – Pp. 36–44.
3. Baboshko E.Yu., Galkin D.V., Konovalova K.V. (2023). Conceptualization of Modernity in the Context of Postmodern Reflection [Electronic resource]. // Vestn. Tomsk. state University. Cultural Studies and Art Criticism. № 49. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-sovremennosti-v-kontekste-postmodernistskoy-refleksii> [archived on WebCite] (accessed on 14.01.2024).
4. Wertheimer M. (1987). Productive Thinking: trans. from English / general. ed. by S.F. Gorbov and V.P. Zinchenko. Introduction by V.P. Zinchenko. – Moscow: Progress. – 336 p.
5. Volokhova E. V. (2019). Freedom of the individual in the philosophy and culture of postmodernism [Electronic resource] // Humanities and social sciences, No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-lichnosti-v-filosofii-i-kulture-postmoderna> [archived in WebCite] (date of access: 01/14/2024).
6. Gavra D.P. (1998). Public opinion and power: regimes and mechanisms of interaction [Electronic resource] // Journal of sociology and social anthropology. Vol. 1. No. 4. – URL: <file:///C:/Users/Astrum/Downloads/obschestvennoe-mnenie-i-vlast-rezhimy-i-mehanizmy-vzaimodeystviya.pdf> [archived in WebCite] (date of access: 02/13/2024).
7. Hartmann N. (1995). Philosophical and Historical Introduction / Hartmann N. The Problem of Spiritual Being. Research to Justify the Philosophy of History and the Sciences of the Spirit. (Translated by A.N. Malinkin) // Culturology. XX century: anthology / compiled by S. Ya. Moscow. 703 p. Pp. 608–648.
8. Gorshkov M.K. (1988). Public Opinion: History and Modernity. – Moscow: Politizdat. – 383 p.
9. Husserl E. (2006). Prolegomena to Pure Logic / Anthology of Realistic Phenomenology. – Moscow: Institute of Philosophy, Theology, and History of St. Thomas. – Pp. 109–111.
10. Bergson A. (2001). Creative Evolution / trans. from French by V. Flerov; Intro. Art. I. Blaubeurg. – M.: TERRA-Book Club; CANON-press-C. – 384 p.
11. Dobronravova U.V. (2022). Logical project of the philosophy of modern times: the birth of the individual and the social contract [Electronic resource] // Bulletin of ChelS U. No. 5 (463). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/logicheskiy-proekt-filosofii-novogo-vremeni-rozhdenie-lichnosti-i-obschestvennogo-dogovora> [archived in WebCite] (date accessed: 12/13/2023).
12. Zhitnev V.B. (1987). Public opinion in social management (monograph). – M.: Science. – 166 p.
13. Zaslavskaya T.I. (2004). Contemporary Russian Society: Social Mechanism of Transformation (monograph). – M.: Publishing House: Depot. – 398 p.
14. Ivanov V.N. (2021). Ideology: pro et contra / V.N. Ivanov; FNIS RAS. – M.: Publishing House: At the Nikitsky Gate. – 72 p.
15. Ilyin D.A. (2013). Evolution of Views on the Classification of Art Types (from Antiquity to the Twentieth Century) [Electronic Resource] // Bulletin of the ChGAK I. No. 4 (36). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vzglyadov-na-klassifikatsiyu-vidov-iskusstva-ot-antichnosti-do-hh-v> [archived in WebCite] (date accessed: 14.01.2024).
16. Kolesnikova G.I. (2023a). Axiological component in the concept of “social justice”: significance in the regulation of interethnic relations and strengthening of all-Russian identity // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philosophy. Political science. Cultural studies. Vol. 9. No. 3. Pp. 30–40.
17. Kolesnikova G.I. (2023b). Information war in postmodern society: the problem of classification // Humanitarians of the South of Russia. Vol. 12. № 3 (61). 196 p. P. 22–36.
18. Kolesnikova G. I. (2022a). Harmony of Being/ Myth. Society. Reality (collective monograph). – Moscow: ANO CEMI, Arkhont. – 146 p. – P. 6–42.
19. Kolesnikova G. I. (2022b). Behavior Management in the Information Environment: Research Project (Practical Philosophy) / International Research Journal, № 3 (107), Part 3. 208 p. P. 147–155.
20. Kolesnikova G. I. (2022c). Decision-making by public authorities: problems, factors, methods/ / State Educational Institution of Higher Professional Education “DONAUIGS”. – Donetsk: DONAUIGS. – 237 p. – P. 197–199.
21. Kolesnikova G. I. (2021). The concept of “creativity”, the structure of the creative process, the creative personality – eco-philosophical foundations of the harmonious unity of the modern world / Philosophy of creativity: theoretical, methodological and practical aspects: collective monograph. – Moscow: ANO CEMI, Arkhont. – 326 p. – P. 8–56.
22. Kolesnikova G. I. (2010). Social mechanism of manipulation of personality consciousness: dis. ... Doctor of Philosophy: 09.00.11 / [Place of protection: Southern Federal University]. Rostov-on-Don. 364 p.
23. Leontiev A. N. (1967). On the formation of abilities // Questions of Psychology. No. 1. P. 7–17.
24. Lyubchenko V.S. (2022). Sociocultural space of modern society: modern and postmodern [Electronic resource] // Humanitarian of the South of Russia. No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnoe-prostranstvo-sovremennogo-obschestva-modern-i-postmodern> [archived in WebCite] (date accessed: 13.01.2024).
25. Teplov B.M. (1941). Abilities and giftedness [Electronic resource] // Scientific notes of the State Research Institute of Psychology. Vol. 2. – URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2012_n4/bppe_2012_n4_Teplov.pdf [archived in WebCite] (date accessed: 15.02.2024).
26. Whitehead A.N. (1990). Selected works on philosophy: translation from English. / compiled by I.E. Kasavin; general. ed. and introduction. art. M.A. Kissel. – M: Progress. – 720 p.
27. Fatenkov A.N. (2023). The political centaur of post-history and his ideological entourage [Electronic resource] // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 1 (61). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-kentavr-postistorii-i-ego-ideologicheskii-anturazh> [archived on WebCite] (accessed on 9.01.2024).
28. Khoros V.G. (2018). Historicism and apriorism: a political-analytical retrospective of the Russian revolution // Polis. Political studies. No. 6. Pp. 155–171.
29. Schelling F. (1966). Philosophy of art. – M.: Mysl. – 496 p.

Экспликация бессознательного в медийном дискурсе: социально-философский анализ

Коннова Евгения Станиславовна,

аспирант Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета Лобачевского
E-mail: powerhumanity@yandex.ru

Здесь и сейчас в буквальном смысле существует две параллельные реальности: социальная (живая) и медийная (виртуальная). Человек, который в социуме действует и живет, не может отказаться от второй реальности. Даже ярые противники соцсетей имеют в них аккаунты, получают электронную почту, читают новости. Это не только дает им личные и профессиональные возможности реализации, но и вскрывает ограничения психики, неврозы. Виртуальная, медийная реальность поглощает, втягивает в состояние транса слабо оформленную личность. И в том, что есть медиа и как люди ведут себя с ними, обнаруживаются признаки бессознательного. В данной статье автор прослеживает совпадение признаков и свойств бессознательно и медиа-пространства и делает вывод о необходимости создать дискурс, который будет указывать на медиа как экспликацию коллективного бессознательного.

Ключевые слова: медиа, бессознательное, медийный дискурс, границы в медиареальности, лиминальность, престиж лидера, личность и медиа.

Бессознательное – это часть психического аппарата, которая действует в обход сознания, а значит, она неуправляема. Согласно Фрейду, в бессознательное вытесняются все инстинкты и инфантильные тенденции, которые не проходят нравственную оценку социума в процессе обучения. Также бессознательное содержит весь психический материал, лежащий ниже порога осознания, – сублиминальные чувственные восприятия [7].

Рассмотрим признаки бессознательного, которые аналогичны свойствам медиа-среды.

Социальная реальность и происходящие внутри процессы напрямую не связаны – **бессознательное полностью подчинено принципу удовольствия**. Удовлетворение желаний и влечений должно состояться вопреки всему. А так как оно всегда активно и занято группировкой и перегруппировкой своих содержаний, то энергия одних импульсов может перетекать в другие или одно представление может аккумулировать в себе активность нескольких влечений.

Объекты, на которые отмечается внешняя эмоциональная и поведенческая реакция через внутренний конфликт субъекта, становятся носителями переноса. Таким образом, **бессознательное всегда пытается себя обнаружить**. Этот признак бессознательного иллюстрируют также всевозможные случайные речевые ошибки, забывания, навязчивые поведенческие паттерны или сновидения – естественный продукт психики, который является саморепрезентацией бессознательных событий и не продуцируется сознательно [6]. Через такой конфликт может быть распознан дефицитный элемент целостной личности, а значит, может быть восстановлен и ассимилирован в своей бессознательной самости. И если Фрейд вел речь о личном содержании бессознательного у конкретного индивида, то Юнг вводит в это пространство понятие коллективного бессознательного – носителя коллективных (общенациональных, расовых, культурных, мифологических и общечеловеческих) содержаний – общий котел, который предстает перед нами как хранилище бесконечного опыта [7].

Вытесненные или подпороговые внутренние объекты “живут” в **многомерном пространстве с нечеткими границами и абсурдными размерами**: “один чрезмерно раздут, другой чрезмерно сжат. Индивидуальные границы стираются” [7, с. 37]. За надменностью мы обнаруживаем тревожное чувство неполноценности, а за пессимистическим смирением маскируется непокорная воля к власти.

На общей шахматной доске мира живет и хорошее, и плохое, маленькое становится большим, близкое становится далеким и наоборот. В коллективной психике всегда есть пара противоположностей, где прямое является обратным, черное – белым. Противоположное существует вместе.

Прошлое, настоящее, будущее смешаны и влияют на личность, на ее чувства и действия независимо от хронологической последовательности. Как нет пространственных и моральных границ, так нет временных. Мы вскрыли еще один признак – в **бессознательном все существует одновременно**.

Энергия бессознательного активная, генерируемая желанием и наполненная аффектами, свободно передвигающаяся без преград в виде ограничений, табу, запретов, отказов. Поэтому **бессознательное – это поток, неуправляемый, беспрестанно сигнализирующий всевозможными триггерами**. Поток, в котором проще быть «убаюканным», раствориться в его тотальности, чем сопротивляться ему.

Выделим еще один признак. На примере племенных сообществ Юнг описывает [7], как индивиды, стремящиеся к власти, удаляют себя из коллективного пространства, наделяют себя уникальностью с помощью маски как средства совершенствования и изменения личности и как атрибута, который выделяет их магический престиж на фоне остальных. Автор данной научной идеи обращает особое внимание на то, что это не столько личное устремление, сколько коллективный компромисс: всегда должен быть и тот, кто жаждет власти, и публика, которая нуждается в ней и в том, что кто-то возьмет на себя этот престиж. Но в этой уникальности Персоны по Юнгу все также нет индивидуальности, но есть функция реализации коллективных архетипических ролей. **Бессознательное дает импульс к появлению такого персонажа в толпе.**

Резюмируем словами Юнга: “Бессознательное не просто реактивное зеркальное отражение, но независимая продуктивная деятельность, его сфера опыта – замкнутый мир с собственной реальностью, о котором мы можем сказать лишь одно: оно влияет на нас так же, как мы влияем на него” [7, с. 116].

Таким образом, мы выделили шесть признаков бессознательного:

- 1) бессознательное подчинено принципу удовольствия;
- 2) бессознательное стремится себя обнаружить;
- 3) в бессознательном стерты границы;
- 4) в бессознательном все существует одновременно;
- 5) бессознательное – это неуправляемый поток аффектов;
- 6) бессознательное стремится создать престиж лидера группы.

На сегодня собран достаточный опыт понимания природы средств массовой информации [1] и их воздействия на человека [5]. “Избыточное информационное и коммуникативное воздействие на человека приводит к существенным изменениям в его представлениях о мире, о самом себе, об онтологических понятиях должного, сущего, добра, истины и т.д. При этом, исходя их положений синергетики, утверждающих, что материя присуща не только разрушительная, но и созидательная направленность” [5, с. 9] становится очевидно, что имеет смысл расширить пределы восприятия медиасреды. Рассмотрим, как в медийной реальности может быть обнаружено следующее: признаки бессознательного и указатель на дуализм медиа по отношению к человеку.

Медиа пропагандируют удовольствие и расслабленное потребление контента. Человек погружается в эмоциональную гедонистическую среду: от одного видео к другому – каждый находит продукт по вкусу. Этим самым личность компенсирует скудность эмоциональных связей в социуме, отсутствие событийного потока и умаляет значение повседневных радостей жизни.

В «Кибергуманизме» Фортунатова А.Н. мы встречаемся с агрессивной сущностью коммуникативных технологий, направленных на подчинение человека – медиа стали средством управления сознанием. Чтобы человек смог для себя выделить смыслы для осознанного присутствия в коммуникативных практиках, они должны быть

наполнены эмоциональным содержанием. И это становится оружием против личности – эмоциональность фактов наделяет их конкурентоспособностью и формирует смыслы. Однако человек резонирует только с теми нотами информации, которые адекватны его сути, воспринимаемой и транслируемой во внешний мир [3], и с теми, которые обнажают его внутренние боли и травмы. Психика распознает только то, что уже в ней есть в бессознательной форме, и, наблюдая мир через кастомизированные сообщения, мы видим свое отражение в нем. Поэтому **в медиа-среде бессознательное будет обнаружено через это резонирование.**

Медиа выбирают “зум”: увеличивают или уменьшают то, что в реальности никогда не будет на такой дистанции или таких размеров. Нарушение дистанции в пространстве искажает смыслы, этику и тональность. Через эмоциональный кокон медиа навязывают свое прочтение фактов и смыслов, несмотря на то что реальное событие было наполнено иным. Парадокс медиа также заключается в том, что они призваны сближать объект и зрителя, а в реальности происходит разъединение. **“Сознание перестает быть надежным связующим звеном между пространством и временем – ведь управляют эти категории извне, из-за границ самопонимания”** [4, с. 28].

Таргетинг и технологии предлагают прошлое взамен будущего. Автор рассматривает медиа как символические объекты, в которых происходит сублимация времени. Оно перестает быть четким и субъективно понятным. Изначально время и понимание – связанные вещи внутри одной личности, каждое мгновение разворачивается для человека своим субъективным смыслом. Медиа время связано только с бессмысленностью настоящего: это либо моделирование будущего, либо переформатирование прошлого. Время упаковано в сигналы, которые кем-то и когда-то произведены, и человек вынужден не проживать его, как свое, а подчиняться этим чужим единицам времени [3]. **И существовать одновременно в прошлом и в будущем, стирая границы с настоящим.**

Мы погружаемся в трансовое состояние в соприкосновении со светящимся экраном. Он для нас – первобытный огонь с гипнотическим эффектом, который вводит в состояние безоценочного восприятия. Медиа проживают за человека его бытие, предлагая варианты осмысления. Он перестает идентифицировать шквал сигналов, не успевает за скачками смыслов и теряет волю к движению. Слабая опора на свое «Я» не позволяет человеку управлять своими импульсами и смыслами. Медиа стимулирует это состояние – включают инерцию мышления, укачивают и сглаживают все попытки к самотворчеству [3]. **Становятся текучим потоком, который тем действеннее, чем обезличеннее.**

Медиа проявляют нарциссическое ядро, которое есть у каждого по факту зарождения психики. Оно подавляется в социуме установками, указаниями, догмами, табу и вытесняется в бессознательное. Медиа нарциссичны, несут в себе маяки величия и значимости, поэтому манят и затягивают. Медиагуру и проводники берут на себя право быть чувственными и смысловыми опорами. Владея технологиями, обладая экспрессией овладевают тем самым магическим престижем. Становятся глазами и фильтром для пассивного зрителя [4, с. 48]. Т.е. **медиа так же, как и само бессознательное, формируют престиж лидера.**

Виртуальная реальность агрессивна по отношению к социуму – фейки, коллажи, обработка фото – нет правил, границ и этики, можно все, что есть. Пользователи снимают с себя оковы условностей, которые в социуме определяют уровень поведения. Простой пример –

со школьниками начальных классов, которые впервые создают себе общий чат. Как по щелчку, включаются самые порочные проявления: хейтерство, обзывательства, унижения. С одной стороны, экран становится границей, которая дает чувство безопасности и можно отдаться на волю своих влечений, с другой стороны, очевидно, что границ никаких нет.

Зыбкость границ, пространства, времени и размеров – свойства медиареальности. И если Маклюэн говорит о том, что медиа – это вынесенные вовне органы чувств [1], то мы дополним, что медиа – это еще и вынесенное вовне бессознательное.

В бессознательном хранятся и таланты, и пороки. Человек, находясь в лиминальном периоде жизни, способен обнаружить, что из сокрытого прежде нужно выкинуть, а что реализовать. Термин «лиминальность» используется для обозначения порога между сознанием и бессознательным [3, с. 20]. Лиминальность появляется, когда Эго более не способно идентифицировать себя со своим прежним образом. В этом состоянии ощущение идентичности оказывается подвешенным, диффузным, туманным. «Я» вовлекается в область, которую оно не может контролировать: нет жестких границ, время деформируется, фиксированные грани памяти размываются и тускнеют, прошлое наступает странным образом, а будущее не имеет определенного контура. «Я» плавает, дрейфует и пересекает прежние границы и запретные кордоны. Внутренняя основа смещается, человек легко поддается внешнему влиянию, становится эмоционально более чувствителен [3]. Так и медиа ведут себя по отношению к «Я»: запускают процесс разрушения устойчивых структур личности, которые становятся проницаемыми и уязвимыми для внешнего воздействия. Медиа «захватывают» внутренние ориентиры человека, бессознательно подчиняют его себе. Т.е. запускают в человеке ощущение лиминального перехода. В этот период тревоги человека по поводу своей настоящести компенсируются медийным потоком. И у личности есть два пути: пойти в эту тревогу, которая становится маяком внутренних сдвигов, и использовать их для личной духовной эволюции или стать пассивным участником потока.

Мюррей Стайн в своем анализе лиминальности дарит нам инсайт: «бессознательное в своих глубинах на этом пути нарушается и отягощается ситуацией, которая сложилась в сфере бессознательного из-за его собственного влияния и вмешательства» [3, с. 24] – бессознательное само провоцирует диффузию «Я». Это состояние фатальности и отягощенности вызывает компенсаторную реакцию со стороны бессознательного, которая помогает нам на уровне микроизменений приспособляться и двигаться по жизни, совершенствуя и поддерживая в рабочем состоянии наши защитные механизмы – само подталкивает к разрушению и само же помогает восстанавливаться. Макроизменения растянуты во времени и приводят к распаду базисных психологических структур: перестраивается ценностное поле и вся психика. Самостоятельная организация реформируется и происходит трансформация личности – это ведет Эго сквозь лиминальность к последующему выходу из нее. Этот процесс по своей глубине похож на тектонические сдвиги земной коры. Бессознательное разрешает проблему, которую создало за счет того, что формирует человеку условия, чтобы быть обнаруженным, и в момент проживания отчаяния и ужаса темного времени оно помогает «Я» выйти на свет [3].

Сегодня медиа превращают собственную реальность в приоритетную по отношению к социуму, а значит, неконтролируемую ему, априори более глубокую и осве-

домленную. Приведенный выше анализ подводит нас к гипотезе, что бессознательное воплощено в медиа и тогда медиа, как и бессознательное, могут выполнять компенсаторную, терапевтическую и духовную функцию. Они становятся средством обнаружения, усиления и дальнейшей переработки аффектов, хранящихся в бессознательном поле: демонстрируют человеку его травмы, показывают несостоятельность его психологических защит и скудность знаний о себе самом. Медиа запускают лиминальность и являются средой, в которой может произойти адаптация к диффузии «Я» и пересборка личности: в какую сторону – человек выбирает сам, главное – находиться в осознанности по отношению к природе медиасреды и средств массовой коммуникации. То есть медиа могут взять на себя функцию перехода в новую целостность и стать технологией, которая не только разрушает, но и восстанавливает: формирует навык рефлексии, постижения самого себя и создания человеческой уникальности.

Таким образом, настало время в современной медиапедагогике (как адаптивной среде, в которой «сознательное общение с медиа» развивает качества личности, необходимые для самореализации в условиях техногенного мира и для критического восприятия реальности XXI века [2]) создать дискурс, который будет указывать на медиа как экспликацию индивидуального и коллективного бессознательного. Тогда измененное отношение к ним может стать хорошим терапевтическим средством для исправления разных социальных девиаций у взрослых. Медиа могут быть полезны, если мы осознаем, что и почему происходит с нами в медиасреде и когда мы не будем подменять живую (социальную) жизнь жизнью виртуальной.

Литература

1. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека. / Пер. с англ. В. Николаева; Зкл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
2. Симбирцева Н.А. Медиапедагогика как приоритетное направление современного образования // Педагогическое образование в России. 2018. № 5
3. Стайн М. В середине жизни: Юнгианский подход. / Пер. с англ. – М.: «Когито-Центр», 2021. – с. 160
4. Фортунатов А.Н. Кибергуманизм. Как коммуникативные технологии трансформируют наше общество: монография. Москва: ФЛИНТА, 2023. – 184 с.
5. Фортунатов А.Н. Воздействие субъектов социальной коммуникации в медиареальности. Автореферат докторской диссертации. – Нижний Новгород, 2009. – 45 с.
6. Фрейд, Зигмунд. Психопатология обыденной жизни: [перевод с немецкого] / Зигмунд Фрейд. – Москва: Эксмо, 2020. – 192 с.
7. Юнг К.Г. Отношения между эго и бессознательным / Карл Густав Юнг; [перевод А. Чечиной]. – Москва: Издательство АСТ, 2021. – 320 с.

EXPLICATION OF THE UNCONSCIOUS IN MEDIA DISCOURSE: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Konnova E.S.

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Here and now, literally, there are two parallel realities: social (live) and media (virtual). A person who acts and lives in society cannot give up the second reality. Even ardent opponents of social networks have accounts in them, receive emails, and read the news. This not only gives them personal and professional opportunities for realization, but also reveals the limitations of the psyche, neuroses.

Virtual, media reality absorbs, draws a poorly formed personality into a trance state. And there are signs of the unconscious in the fact that there is media and how people behave with them. In this article, the author traces the coincidence of the signs and properties of the unconscious and the media space and concludes that it is necessary to create a discourse that will point to the media as an explication of the collective unconscious.

Keywords: media, unconscious, media discourse, boundaries in media reality, liminality, prestige of a leader, personality and media.

References

1. McLuhan G.M. Understanding media: external human extensions. / Translated from the English by V. Nikolaeva; Zakl. art. M. Vavilova. – M.; Zhukovsky: «CANON-press-C», «Kuchkovo field», 2003. – 464 p.
2. Simbirtseva N.A. Media pedagogy as a priority area of modern education // Pedagogical education in Russia. 2018. № 5
3. Stein M. In the middle of life: The Jungian approach. / Translated from English – M.: «Kogito-Center», 2021. – p. 16
4. Fortunatov A.N. Cybergumanism. How communication technologies are transforming our society: a monograph. Moscow: FLINT, 2023. – 184 p.
5. Fortunatov A.N. The impact of subjects of social communication in media reality. Abstract of the doctoral dissertation. – Nizhny Novgorod, 2009. – 45 p.
6. Freud, Sigmund. Psychopathology of everyday life: [translated from German] / Sigmund Freud. – Moscow: Eksmo, 2020. – 192 p.
7. Jung K.G. The relationship between the ego and the unconscious / Carl Gustav Jung; [translated by A. Chechina]. – Moscow: AST Publishing House, 2021. – 320 p.

Концептуальность этнической идентичности человека в диалектических трансформациях политического дискурса

Лустин Юрий Михайлович,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского
E-mail: lustin56@mail.ru

Цель статьи – обосновать концептуальную взаимосвязь этнической идентичности и политической убежденности человека в диалектико-политических трансформациях общества. Политический дискурс этнонационального развития социума рассматривается как рациональный способ конструктивности в научно-социальном познании. Выявлена закономерность проявления специфических черт идентичности этнической личности в политической жизнедеятельности социума, типологически влияющих на структуру экономико-правовых, социально-политических отношений в государстве. Рациональность диалектико-типологического подхода формирует методологическую основу новой парадигмы понимания этнической идентичности субъекта социальности в философском познании. В предметности такой ориентации сущность этнической идентичности находит свое самовыражение в политическом сознании человека, что позволяет ей быть реализуемой на уровне государственной идеологии и общественной психологии, индивидуальной самости субъекта социальной активности. Философия культуры этносоциального потенциала индивида, детерминируемая взаимоотношениями общественного бытия и общественного сознания, направлена на диалектико-типологическое единство этнической идентичности и политической убежденности человека, что способствует развитию идеологии общества.

Ключевые слова: человек, общество, диалектика, этническая идентичность, политика, трансформация, концептуальность.

Введение

Современные тенденции идеологического противостояния, социетальные закономерности антропо-культурного, экономико-правового, идейно-нравственного, интеллектуального развития многоэтнической общности требуют нового осмысления проблем ее многосторонней явленности в политической парадигме социального существования[1]. В контексте мировоззренческой универсализации Бытия социализированного человека философское, социально-психологическое, культурно-историческое понимание содержания его политического сознания, этнического мировоззрения, идейной убежденности и идеологических мотиваций приобретают все более актуальный характер.

Особенностью развития современных этнокультурных сообществ в условиях дефицита международной безопасности, роста социальной напряженности на фоне межнациональных конфликтов является обращение к концептуальной стратегии политического дискурса как рациональному средству понимания этнической самоидентификации и способу поддержания родовидовой целостности этнических общностей. Диалектико-типологический подход к развитию этого направления исследований связан с консолидацией деятельности субэтнических групп в контексте влияния политико-идеологических реалий общественной среды на социокультурное формирование идентичности каждого представителя этнокультурного сообщества.

Философская культура политической социализации личности немыслима без обращения индивида к собственной этнической культуре, языку, истории, культурно-бытовой традиционности, концептуально направленных на смысловое понимание всеобщей многонациональной картины мира. Современный интерес к созидующим вопросам этнонационального единства закономерно возрастает по мере участия человека в решении глобальных проблем современности, что способствует укреплению его связей внутри конкретного этноса и фундаментальных взаимоотношений с общероссийской гражданской нацией в целом.

Генезис этнической идентичности человека и ее сущностные черты

Этническая личность современного информационного общества, ее этнонациональное мировоззрение, гражданская и политическая позиция, социокультурная идейность и моральная стойкость формируются и совершенствуются под всеобщим воздействием логики культурно-исторического, антропоэкологического развития мирового социума.

Типологическое разнообразие форм человеческой самости и национальной самобытности специфическим образом выявляют сложные черты феномена этноса на основе принципа социокультурного познания индивидом своей этнической принадлежности, пониманием социально-природного генезиса своего этнического существования. Человек, находясь в информационной среде социума, диалектически постигая типологию самобытной культуры этносоциального разнообразия, пы-

тается целенаправленно реализовать свою культурно-историческую существенность, родовую характерность в мире людей, профессий, призваний, а также в идеологическом пространстве политических идей, мировоззренческих позиций, национально-религиозных устремлений.

Концептуальная проблема этноса, этнической идентичности человека (идентичности этноличности) нашла свое всестороннее отражение в научной литературе (П.Л. Белков, Т.И. Касимова [8], М.М. Керимов, В.М. Межуев, А.М. Монаков, Л.И. Науменко [11], И.А. Пантин, А.О. Полянычко, А.Л. Сафонов, А.А. Скоробогатая [13], Т.Г. Стефаненко, С.А. Токарев, Я.В. Чеснов, М.Т. Шергалиева [15] и др.). В работах указанных авторов понятие «этнос» рассматривается как источник формирования идентичности, противоречиво отражающий такие сущностные черты развития общества, как: язык этноса и его территория, этническая культура народа (народности), этническое самосознание, этническая осведомленность, политическая этнокультура, национальное самосовершенствование, этническая принадлежность, этнотерпимость, что причинно обуславливает развитие идеологических взглядов индивида на реализацию содержания своей социально-политической деятельности.

Анализ литературы показал, что во многих исследованиях многократно употребляется понятие «этнонациональное». В предельно широком значении этого слова, дефиниция «этнос» является интегративным определением культурно-национальной специфики моносообщества, тогда как понятие «нация» отражает всеобщую типологическую совокупность элементов многокультурной характерности общественного образования в формате устойчивой этнообщности. В своей сущности, нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность людей в форме моноэтнуса или полиэтнуса, типологической особенностью которых является высокий уровень развития экономических и политических связей (отношений) в обществе, нераздельность территории, родственность языка и психического склада культуры. В определенной мере данное положение созвучно с аргументацией и теоретическими выводами некоторых исследователей [9].

В работах по этнонациональной проблематике общим является понимание того, что этническая идентичность человека – это феномен индивидуального «Я». В социально-типологической парадигме целедостижения индивидом общественных идеалов, реализации интересов мировоззренческой значимости этническое содержание человеческого интеллекта способствует духовному, экономико-правовому, идейно-нравственному, субъективно-прагматическому, культурно-бытовому сближению этносов и наций [11, с. 142]. В диалектическом контексте трансформаций политического содержания социума генезис идентичности человека обусловлен, прежде всего, общественной составляющей своего обнаружения, концептуальным доминированием антропоцентрического подхода в теориях о развитии социальной общности, возрастанием роли групповой идентичности [3, с. 149].

Идентичность человека имеет многовидовой характер, что предполагает выделение этнической идентичности в один из ее основных типов [15]. Социальное качество интеграционных процессов национально-культурной общности, концептуализация идеологической составляющей политических процессов в обществе закономерно фокусируют различные моменты проявления этнической идентичности субъекта социальности, вектор направленности которой конкретизирован диалектикой общественного бытия и общественного сознания полиэтнуса [2].

В политическом дискурсе бытия человека и общества идентичность этнической личности наряду с таки-

ми основными чертами, как: активность, одинаковость, социокультурная самобытность, постоянство, обыденность, привычность, контекстуальность, коммуникативная перформативность, прагматичность, гибкость обладает некоторыми специфическими особенностями. Это:

а) *мифологичность* [17]. Традиционность мифологического миропонимания человека является результатом его иррационального познания. В этносоциокультурном контексте основными признаками мифологической составляющей сознания субъекта этнической среды являются: абсолютизация сверхъестественного; всесторонняя вера в мистическое; научно-мировоззренческое безразличие к социально-политическим событиям и их примитивное понимание; психосемантическое возвеличение образности этноса в религиозных традициях исторической престижности своей народности; моральный (этический) релятивизм, проявляемый в некоторых культовых обрядах.

Постижение мифа с позиций онтологии этнической принадлежности специфицировано во внутреннем мире индивида своеобразной логикой мистифицированной предметности на основе гносеологического плюрализма, чем определяет ситуацию его идеологического выбора в когнитивной тенденции противостояния мировоззренческих идей и следования в русле политических установок социума;

б) *интерсубъективность*. Диалектическая многофункциональность данной особенности ориентирована на адаптацию, социализацию, коммуникацию личности в событийном пространстве общественной среды. Эта культуроформирующая особенность выступает фактором, способствующим формированию и сохранению этнических и национальных идей. В процессе межличностного взаимодействия ей презентуется особая статусность – быть связующим звеном между свойствами коммуникантов и соответствующими условиями приобретения ими практического опыта, реализуемого, в том числе через компромисс в духовно-нравственной, гражданско-политической, психолого-интуитивной, культурно-бытовой, виртуальной сферах бытия [13];

в) *психолого-гомогенная своеобычность*. Данное свойство, будучи обусловленным историческим ареалом антропо-культурной содержательности, во многом зависит от эволюционных характеристик этнической группы и адекватных условий ее жизнедеятельности.

Идентичность этнической личности – это сообразная форма многокачественной гомогенной типопределенности ее натуры. Она конкретизирована эволюционно становящимися моментами антропо-исторической, социокультурной, социально-психологической, политико-правовой, интеллектуальной самоидентификации в аспекте этнографической данности, социокультурной организованности, национально ориентированной самобытности. В парадигме политико-идеологических отношений национально-историческая специфика формирования идентичности человека обусловлена особенностями становления, развития и совершенствования его устойчивых этнических характеристик, концептуально выраженных в типологии индивидуальных свойств и социально-политических качеств [10].

Этнополитическая парадигма человеческого бытия в культурно-идеологическом аспекте общественного развития

Политический дискурс, как конструктивная направленность общественно-идеологических отношений в обществе, идейно предопределяет духовно-нравственную,

социально-культурную, антропо-историческую стороны межэтнической коммуникации наций и народностей. Обращение к данному контексту предполагает наличие многосоставных факторов жизнедеятельности человека, детерминированных разнородным характером «персонализированных идентичностей» его природы и стили деятельности. В диалектическом аспекте когнитивной методологии моноприродного единства свойств (качеств) личности и общества наиболее преобладающими являются такие типы идентичности, как: мировоззренческая, социальная, политическая, идеологическая, национальная, морально-психологическая, гражданская, культурно-бытовая, религиозная, профессиональная, гендерная, языковая.

Типология этнической идентичности человека влияет на характер политических трансформаций в государстве, чем вносит определенные социокультурные преобразования в политическую сферу общественных отношений [12, с. 248–252]. Так, в диалектическом содержании трансформационных процессов политической жизнедеятельности социума особый интерес представляют: а) концептуализация взаимосвязи этноса и политики [4; 16]; б) концепции этнополитических конфликтов, этнизации политики, политизации этничности и др. В этой связи, дискуссионный характер имеют отдельные аспекты методологии этнокультурного неотрадиционализма (С.А. Мадюкова, Ю.В. Попков).

В политическом дискурсе жизнедеятельности социума этносоциальная составляющая мышления человека когнитивно сопряжена с интеллектуальным характером осознания им государственной идеологии, идейным пониманием задач политической функциональности общества и личным участием в их реализации. Этническая личность, воспитанная на общественно признанных политических идеалах государства, позитивно воспринимает моральный авторитет руководителей государства и лидеров партийной фракционности, активно вовлекается в технологию политического маркетинга и политического менеджмента [5; 6].

Смысловой аспект данных утверждений констатирует: главенствующим признаком этнической идентичности человека является эволюционное свойство его социально-исторической общности, родовидовой и этнонациональной сущности, которые основаны на моральной авторитетности, преемственности социокультурных идеалов и традиций поколений, культурно-бытовых потребностях, интеллектуальных интересах, политико-идеологических намерениях и устремлениях людей.

Особенностью современных трансформационных процессов развития в многонациональном сообществе выступает социально скоординированная интеграция различных дискурсов взаимодействия, проявляемых в этнонациональной среде. В социально-методологическом контексте такой модальности политический дискурс преимущественно направлен на разрешение противоречия между стремлением человека сохранить антропо-историческую целостность своей родовой укорененности и многообразием динамических форм идеологического воздействия на его этнонациональное мировоззрение, политическое сознание. В этой связи закономерно выдвинуть предположение о новой парадигме понимания онтогносеологического сопряжения основных детерминант развития политических свойств человека, в объективной значимости которых значительную роль играет этническая идентичность человека. В научно-теоретическом поле обозначенной предметности авторское утверждение о диалектико-типологическом единстве этнической идентичности

и политической убежденности человека имеет методологический смысл и практическую значимость. В концептуальности такого подхода этническая идентичность, в социально-эволюционных процессах бытия человека, отражает:

а) в онтологическом отношении – реальное субъективно-персонализированное существование социализированной личности, которое коэволюционным образом сопрячательно к политико-типологической характерности установленного общественного порядка. Именно поэтому, идеологически-ценностное, политически зрелое отношение человека к действительности есть когнитивно-идентифицированный способ индивидуального бытия. Данный способ в диалектической совокупности своих антропо-социальных и национально-исторических объективаций образует конструктивный формат социокультурного обнаружения качеств общезнаковой идентичности личности, проявляемый в типологических характеристиках ее этнонационального самосознания, идеологических воззрений, политических убеждений, мировоззренческой непоколебимости [7].

Развивая этот тезис можно констатировать: этническая идентичность человека – есть деятельное средство обнаружения его духовной самоидентичности с типом государственности, мировоззренческими ценностями, морально-этическими смыслами, идейно-политическим опытом и культурно-историческими достижениями общества. В этом значении онтологическое ощущение человеком своей кровнородственной принадлежности к социуму, к конкретной социальной группе (сообществу) приобретает смысл, имеющий истинную морально-нравственную основу и этнонациональную традиционность;

б) в гносеологическом аспекте – культурно-рефлексивное постижение человеком фактов политической реальности, гражданско-правовых устоев общества, детерминирующих идейное обнаружение его этносоциальных качеств в различных способах взаимодействия с окружающим миром. Как следствие, диалектика рефлексивной конструктивности этносоциальных качеств человека рационально предопределена логико-гносеологическим единством мыслительных компонентов его сознания: осознанный образ этнонациональной реальности; *мыслеобраз* этнического мышления; *мыслеформа* этносоциализированной деятельности, идеологически заданной направленности и идейно-политической значимости.

Гносеология понимания смыслообразной сущности научно-политического дискурса идеологической реальности – основополагающий элемент культуры аксиологического познания человеком бытия, когнитивное средство достижения им общественно признанных результатов своей социальной активности, в которой проявляется идеологический потенциал культуры этносов и национальностей [14]. На этом основании можно считать, что логико-гносеологическая сущность этнической идентичности личности в цивилизационном ракурсе своего социального проявления характеризуется единством самости, адекватной субъектности, индивидуальной сущности, потенциальной персональности, объективированных в их субстанциональной тождественности в неповторимо личностном.

Диалектический аспект методологии продуктивного использования выявленных мыслительных компонентов открывает существенные перспективы в подготовке кадров для конкретной идейно-политической работы в народных массах, разработке методик когнитивной типологии для контент-управления идеологическими процессами в современном информационном обществе.

Онтологическая и гносеологическая экспликация этносоциальных аспектов идентичности политически зрелой личности предполагает возникновение противоречий между идейным содержанием ее этнического сознания и конкретными результатами идеологической практики. Разрешение этих противоречий зависит от идеологической компетентности человека, содержательных аспектов дискурс-анализа общественной среды, опыта политико-идеологической деятельности.

В этнической культуре социализированного индивида проявляется степень его мировоззренческой принадлежности к идеологии общества и достигнутый уровень развития политических свойств, идейно-нравственных качеств, ментальных установок самосознания, мировоззренческих приоритетов, которые адекватны интересам определенного общественного устройства. В свою очередь, высокий уровень идеологической культуры человека способствует противостоянию ксенофобии, русофобии, этноцентризму в социально-типологических процессах межнационального взаимодействия. Культура политического дискурса – основа для реализации идейного содержания морально-этического, гражданско-патриотического воспитания субъекта социальности, ориентированного на противодействие политиканству, псевдопатриотизму, неонацизму, экстремизму, этническому национализму.

В онтогносеологической парадигме личностного бытия формируется идеологический опыт индивида. Как правило, идейно осознанная практика человека выступает интегративным фактором диалектического развития типологии его политического мышления, идеологического сознания, исторической памяти.

Диалектическое содержание политического дискурса конкретизирует теорию самосовершенствования этносоциальной идентичности в контексте взаимодействия этнонациональных интересов и политической позиции индивида. В конструктивной динамике стабильного развития идеологии социума понятия «этнонациональные интересы» и «политическая позиция» человека концептуально связаны отношениями взаимной обусловленности и обоюдной зависимости. Они рядоположены, ибо по смыслу сопричастны к целям и задачам идеологической деятельности государства, позиционируются с условиями жизнедеятельности этнической общности. В итоге, первое конструктивно обуславливает этническую устойчивость социально-политической системы общества, второе – детализирует рациональное проявление политических компетенций личности и их мировоззренческое развитие в этносе. Из содержания этих установлений становится вполне очевидным, что позитивное развитие этнического содержания мышления личности и ее политическая убежденность определены многофакторным влиянием со стороны государственной идеологии, общественной психологии.

Социально-политические условия межкультурного взаимодействия способствуют рациональному формированию этнонациональных качеств и положительных гетеростереотипов индивида, интеллектуализируют направленность идейно-нравственного процесса самосовершенствования его духовного мира. Система государственной идеологии общества сфокусирована на консолидации национальных интересов своих граждан, что не будет продуктивным без развития психологии конкретного индивида, свойств его политической идейности, мировоззренческой стойкости. Именно поэтому, идеологическая зрелость политического сознания человека эксплицировано самовыражается в психологии поступков и результатах действий этнически сформированной личности.

Обобщая сказанное, стоит отметить следующее. Авторские утверждения, в снятой форме своего логико-смыслового редуцирования, концептуализированы на основе этнонациональных особенностей следующего коннотативного ряда: «идеология общества – психология человека политизированной общности – национальное самосознание индивида – типология политических свойств (качеств) человека – философско-политическая рефлексия субъекта социальности – общественно признанная социально-политическая позиция индивида – политическая убежденность конкретной социализированной личности». В итоге, политическая составляющая философии концептуального самосовершенствования этносоциального потенциала субъекта идеологической практики направлена на *диалектико-типологическое единство его этнической идентичности и политических убеждений*. Это способствует стабильному развитию социума, духовно-нравственной многофункциональности и этнонациональной устойчивости общества.

Заключение

Философское познание этнической идентичности личности органически связано с духовно-культурным развитием многоэтнической общности в структуре социума. Данная общность формируется под идейно-моральным воздействием трансформационных процессов межкультурной коммуникации, диалога национальных культур, расширением диапозона влияния национально-государственной политики.

Политический дискурс развития общества, в том числе и российского, направлен на диалектико-типологическое создание идеологических условий для идейно-нравственной самоактуализации индивида, в которой этническая идентичность субъекта социальности играет важную роль. На ее всестороннее развитие влияют интенсивность общественно-политических контактов, реальная идеологическая обстановка, уровень социального доверия, мировоззренческая определенность идейных взглядов субъекта политических отношений и др.

В своей объектологической многогранности сущностные черты этнической идентичности человека приобретают методологическое значение в формате: «самость – типизация – общество – социальность – идеология – идентификация – политика – персональность – идентичность – деятельность». Консолидирующее содержание данного формата направлено на универсализацию общественного бытия, целесообразную трансформацию индивидуального сознания, объективацию социально-политической, интеллектуальной, коммуникативной, этико-деловой, культурно-бытовой сфер жизнедеятельности человека и социума.

В диалектико-рациональном аспекте социального познания типологическая составляющая этнической идентичности человека обнаруживается в идеологическом процессе политической консолидации общества в контексте его антропо-культурных традиций, преемственности этноисторической памяти поколений, самоутверждения истинных идей национального самосознания и этнокультурного должноствоания.

Первостепенной задачей российской политики является формирование конкретного образа будущего общества в научно обоснованной парадигме широкомасштабных перемен, стабильных преобразований, цивилизационных приоритетах высокого уровня социально-политической конвенциональности. В своей теоретико-практической фундаментальности философия российской политической мысли должна быть направлена на создание проективных политико-идеологических

конструкций, которые включали бы в свое содержание новизну современных культурно-национальных, этико-религиозных, антропо-меритократических, историко-аксиологических подходов.

На современном этапе развития России поиск новых форматов социально-культурного самосовершенствования этнической идентичности человека становится важным фактором в системе идеологической концептуализации научных положений о российском патриотизме, соборности, многонациональной гордости, этатистическом отношении к государственности. В данном контексте особое значение приобретают вопросы патриотизма, фундаментального развития государственной идеологии в русле культуры межнационального общения и полиэтнического взаимодействия между этносоциальными общностями, субэтносами на основе философской концепции о диалектико-типологическом единстве этнической идентичности и политической убежденности человека.

Литература

1. Артеменков А.А. Диалектика социальной трансформации человека в современном обществе / А.А. Артеменков // Общество: философия, история, культура, 2023. – № 12. – С. 76–81.
2. Волкодав М.А. Концептуализация в политическом дискурсе как метод формирования идеологии / М.А. Волкодав // Культурная жизнь юга России, 2007. – № 1(20). – С. 87–88.
3. Гайдар К.М. Феномен идентичности группового субъекта // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2009. – № 11 (89). – С. 148–154.
4. Гафт А.М. Полиэтничность современной России // Вестник Югорского государственного университета, 2016. – № 1(40). – С. 58–64.
5. Джантеева Д.С. Этнокультурное измерение этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе // Социум и власть, 2011. – № 1(29). – С. 72–75.
6. Жилина В.А. Проблема определения идеологического субъекта // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. – № 29 (167). Философия. Социология. Культурология. Вып. 13. – С. 44–50.
7. Игошева М.А. Политический ресурс этнической идентичности в условиях трансформации современного мироустройства // Социодинамика, 2020. – № 5. – С. 26–42. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.5.33 026.
8. Касымова Т.И. Этническая идентичность как основной фактор социализации // Международный научный журнал «Вестник науки», 2023. – № 4 (61). – Т. 1. – С. 237–242.
9. Корякин В.В. Отечественный опыт построения материалистической концепции этноса и перспектива ее философского углубления // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 2022. Вып. 3. – С. 427–440.
10. Лустин Ю.М. Личность, типология, общество: диалектика социальной рациональности: монография, – Донецк: Изд-во ДОННУЭТ, 2023. – 340 с.
11. Науменко Л.И. Идентичность этническая // Общественная политика, 2010. – № 5–6 (43–44). – С. 142–144.
12. Негров Е.О. Состояние и развитие официального политического дискурса в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЕКС, 2008. – Т. 4. – № 1. – С. 247–260.

13. Скоробогатая А.А. Этническая идентичность и межкультурное взаимодействие: монография. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Издательство «ТЕИС», 2008. – 190 с.
14. Шахбанова М.М. Этническое самосознание и этническая идентичность: современные концепции исследования // История, археология и этнография Кавказа, 2013. – № 1. – С. 135–147.
15. Шергалиева М.Т. Этническая идентичность как вид социальной идентичности // Вестник Саратовского государственного технического университета, 2014. – № 3 (76). – С. 207–211.
16. Янакова В.Р. Политическая идентичность: концептуализация понятия // Социально-политические науки, 2017. – № 5. – С. 18–23.
17. Яркеев А.В. Мифологизация этнической идентичности в структурах социальной дискурсивности // Гуманитарий в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 18–19 апреля 2013 г.). Изд-во НИСОЦ, 2013. – С. 693–696.

CONCEPTUALITY OF HUMAN ETHNIC IDENTITY IN DIALECTICAL TRANSFORMATIONS OF POLITICAL DISCOURSE

Lustin Yu.M.

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

The purpose of the article is to substantiate the conceptual relationship between ethnic identity and a person's political conviction in the dialectical-political transformations of society. The political discourse of ethno-national development of society is considered as a rational way of constructiveness in scientific and social knowledge. The pattern of manifestation of specific features of the identity of an ethnic person in the political life of society, typologically influencing the structure of economic, legal, socio-political relations in the state, has been revealed. The rationality of the dialectical-typological approach forms the methodological basis of a new paradigm for understanding the ethnic identity of the subject of sociality in philosophical knowledge. In the objectivity of such orientation, the essence of ethnic identity finds its self-expression in the political consciousness of a person, which allows it to be realized at the level of state ideology and social psychology, the individual self of the subject of social activity. The philosophy of culture of the ethnosocial potential of an individual, determined by the relationships of social existence and social consciousness, is aimed at the dialectical-typological unity of a person's ethnic identity and political conviction, which contributes to the development of the ideology of society.

Keywords: person, society, dialectics, ethnic identity, politics, transformation, conceptuality.

References

1. Artemenkov A.A. Dialectics of social transformation of a person in modern society / A.A. Artemenkov // Society: philosophy, history, culture, 2023. – No. 12. – pp. 76–81.
2. Volkodav M.A. Conceptualization in political discourse as a method of ideology formation / M.A. Volkodav // Cultural life of the south of Russia, 2007. – No. 1 (20). – pp. 87–88.
3. Gaidar K.M. The phenomenon of identity of a group subject // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, 2009. – No. 11 (89). – pp. 148–154.
4. Gaft A.M. Polyethnicity of modern Russia // Bulletin of the Yugra State University, 2016. – No. 1(40). – pp.58–64.
5. Dzhanteeva D.S. Ethnocultural dimension of ethno-political communications in the North Caucasus // Society and power, 2011. – No. 1(29). – WITH. 72–75.
6. Zhilina V.A. The problem of defining an ideological subject // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2009. No. 29 (167). Philosophy. Sociology. Culturology. Vol. 13. pp.44–50.
7. Igosheva M.A. Political resource of ethnic identity in the conditions of transformation of the modern world order // Sociody-

- namics, 2020. – No. 5. – pp. 26–42. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.5.33026.
8. Kasymova T.I. Ethnic identity as the main factor of socialization // International scientific journal “Bulletin of Science”, 2023. – No. 4 (61). – T. 1. – pp. 237–242.
 9. Koryakin V.V. Domestic experience in constructing a materialistic concept of ethnos and the prospect of its philosophical deepening // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology, 2022. Vol. 3. – pp. 427–440.
 10. Lustin Yu.M. Personality, typology, society: dialectics of social rationality: monograph, – Donetsk: DONNUET Publishing House, 2023. – 340 p.
 11. Naumenko L.I. Ethnic identity // Educational policy, 2010. – No. 5–6 (43–44). – pp. 142–144.
 12. Negrov E.O. The state and development of official political discourse in modern Russia // Political examination: POLITEX, 2008. – T. 4. – No. 1. – pp. 247–260.
 13. Skorobogataya A.A. Ethnic identity and intercultural interaction: monograph. Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay. M.: Publishing house “TEIS”, 2008. – 190 p.
 14. Shakhbanova M.M. Ethnic self-awareness and ethnic identity: modern concepts of research // History, archeology and ethnography of the Caucasus, 2013. – No. 1. – pp. 135–147.
 15. Shergalieva M.T. Ethnic identity as a type of social identity // Bulletin of the Saratov State Technical University, 2014. – No. 3 (76). – pp. 207–211.
 16. Yanakova V.R. Political identity: conceptualization of the concept // Socio-political sciences, 2017. – No. 5. – P. 18–23.
 17. Yarkeev A.V. Mythologization of ethnic identity in the structures of social discourse // Humanities in the XXI century. Materials of the International Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, April 18–19, 2013). Publishing house NISOTS, 2013. – pp.693–696.

Нарративная концепция традиции А. Макинтайра в контексте политики защиты традиционных ценностей

Илларионов Григорий Андреевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского федерального университета
E-mail: bromov1917@yandex.ru

Мусат Раиса Павловна,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры информационных технологий в культурных и креативных индустриях Сибирского федерального университета
E-mail: lozraisa@yandex.ru

Минеев Валерий Валерьевич,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, экономики и права Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева
E-mail: vvmineyev@mail.ru.

Рахинский Дмитрий Владимирович,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого; профессор кафедры гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета
E-mail: siridar@mail.ru

В статье исследуется концепция традиции философа этики А. Макинтайра. Она является альтернативу классическим модернистским и традиционалистским пониманиям традиции, доминировавшим в XIX–XX веках. В отличие от их объектного подхода, традиция трактуется не как «наследие», но как социальный конструкт – нарратив, который служит связующим звеном между индивидуальным целеполаганием и социально-историческими нормами. Макинтайр отвергает противопоставление традиции и рациональности, присущее модернистскому дискурсу. Традиция рассматривается как универсальный механизм, а не атрибут «традиционных обществ». В концепции А. Макинтайра традиция – это не законченный, однозначный нарратив, но непрерывный диалог и конфликт интерпретаций «нашей истории». Принадлежность к традиции определяется не разделением некой позиции, а самим участием в процессе коммуникации на почве и по поводу нарратива. Такое понимание традиции позволяет по-новому взглянуть на актуальные проблемы «войн памяти» и дискуссий вокруг «традиционных ценностей» в России и остальном мире.

Ключевые слова: традиция, нарратив, интерпретация, объективизм традиции, конструктивизм традиции, нарративные войны, традиционные ценности.

В ходе продолжающейся со второй половины XX века противоречивой и сложной концептуализации традиции как научного понятия, включающей в себя дискретное множество противоречащих определений и концепций, формировавшихся на базе самых разнообразных исследовательских интересов и методологических и мировоззренческих предпосылок, значительное место занимает нарративная концепция философа морали А. Макинтайра, являющаяся предметом данного исследования [1].

Актуальность обращения к концепции А. Макинтайра имеет два аспекта. О связи традиции и нарративов можно говорить в контексте коммуникативных процессов современности, обозначаемых как «медийные войны», «войны памяти», «нарративные войны». Данные понятия широко вошли как в отечественный, так и в зарубежный научный оборот и обобщенно означают процесс коммуникативного противостояния противоборствующих нарративов о прошлом (войны памяти), настоящем (войны нарративов) и будущем (идеологические войны) – с целью утверждения собственного нарратива как истинного описания реальности и отрицания противоречащих нарративов как ложных [2;3;4;5;6]. В России коммуникативные противостояния, которым в настоящий момент уделяется внимание наравне с противостояниями военными и экономическими, на законодательном уровне связаны с понятием традиции. Ряд нормативных актов напрямую связывают задачи безопасности и развития России с защитой и укреплением традиционных ценностей [7;8;9;10]. При этом до сих пор остается проблематизированным вопрос четкого теоретического оформления нарратива российского нарратива защиты традиционных ценностей [11]. В этом контексте актуальным становится обращение к популярной концепции, которая непосредственно объясняет связь традиции и нарратива.

Вторым аспектом актуальности будет являться то, что идеи А. Макинтайра о традиции являются одними из наиболее известных и цитируемых в современной англоязычной литературе, посвященной изучению традиции как понятия и концепта [12;13;14;15]. В русскоязычной же литературе А. Макинтайр известен преимущественно в контексте этических проблематик, являвшихся основной сферой его интересов, вследствие чего его оригинальная концепция традиции оставалась на периферии внимания исследователей понятия традиция. Поэтому введение в более широкий оборот понимания традиции А. Макинтайра также имеет научную значимость.

Целью работы станет экспликация концепции традиции А. Макинтайра и ее соотнесения с другими концепциями традиции. Методология работы предполагает концептуальный анализ идей А. Макинтайра, их рассмотрение в контексте концептуализации традиции как научного понятия и общественного явления.

Своеобразие концепции традиции А. Макинтайра во многом определено своеобразием причины, по которой он обращается к понятию традиции. Чаще всего к понятию традиции обращаются в тех случаях, когда изучают культуру тех или иных социокультурных общностей. Так, в пример можно привести исследования новосибирской школы этносоциологии, в рамках которой традиция выступает категорией, в которую включаются

те элементы культуры изучаемых этносов, которые можно рассматривать как устойчивые [16]. В отличие от тех, для кого традиция – инструмент дескрипции, для А. Макинтайра, как для исследователя этики, традиция есть категория прескриптивная. Он обращается к традиции как к способу проследить механизм того, как индивидуальное поведение человека оказывается вписано в общий социально-исторический контекст. Традиция для него выступает связующим элементом между индивидуальным целеполаганием, делающим человеческую жизнь целостным с точки зрения этики процессом, и различными социально-историческими системами норм, максим, императивов и габитусов поведения.

В своем понимании традиции А. Макинтайр в значительной степени отказывается от тех форм концептуализации традиции, которые господствовали в научно-философской мысли XIX и XX веков.

Прежде всего, А. Макинтайр отказывается от того объектного понимания традиции, которое проистекает из этимологии слова. Латинское *traditio* означало «передача» в прямом или переносном смысле – объектом могли выступать предметы, имущественные права, отношения, знания. Именно в этом смысле просветитель И.Г. Гердер говорил о традиции, утверждая, что «нет у человечества иного средства воспитания и культуры помимо традиции», подразумевая необходимость непрерывной «передачи» материального и духовного [17, с. 269]. В таком понимании традиция – это «наследие», что субъект получает, интерпретирует, передает, усваивает, но которое существует до него и независимо от него, то есть принадлежит объективной исторической реальности. Традиция, понимаемая как объективное «наследие», предполагает первичность устойчивых порядков поведения над значениями и смыслами. Например, матримониальные традиции моногамной семьи могут иметь различное обоснование и смысл в Российской империи в начале XX века, в СССР середины XX века, и в Российской Федерации в начале XXI века, однако в них сохраняются устойчивые паттерны, которые и становятся основанием для идентификации их как традиции, и могут рассматриваться как объект социальной реальности.

А. Макинтайр противопоставляет объектному пониманию традиции феноменологическую ориентацию на понимание традиции как социального конструкта, то есть объективированного значения. Традиция есть не объект реальности, а интерпретация реальности, порождаемая субъектом и объективируемая в ходе коммуникации. Социологи П. Бергер и Т. Лукман исследовали в рамках своей теории социального конструирования реальности процесс того, как повседневное взаимодействие людей порождает структуру, которая по мере их коммуникативного закрепления через хабиутализацию, сигнификацию, институционализацию и легитимацию приобретает в восприятии людей статус независимой от них [18]. А. Макинтайр следует подходу, согласно которому традиция является не объектом, а набором значений, которые присваиваются объектам. Соответственно, говоря о традиции, мы говорим уже не о некоторой объективной повторяемости в поведении, что подразумевает изучение смыслов и знаков, которые поведению приписаны. И базовой единицей традиции является, согласно А. Макинтайру, нарратив.

Помимо разрыва с объектным взглядом на традицию, А. Макинтайр отказывается и от концепции традиции как атрибута особого типа общества – традиционного. В концептуализованном виде мы можем обнаружить ее в эпоху Просвещения. Смысл такого понимания традиции состоит в бинарной оппозиции «традиционное-

рациональное». Семиотик и культуролог Ю.М. Лотман следующим образом характеризует такое концептуальное положение следующим образом: «вера в прогресс заставляет видеть в истории положительное начало. Но это относится лишь к истории Разума и успехам цивилизации. От этой истории отделяется неразумная история предрассудков, заблуждений, фанатизма. Последние отождествляются с традицией. Идеальной истории Разума противопоставляется реальная история предрассудков» [19, с. 194]. Ставшая наиболее классической концепция этого типа принадлежит М. Веберу. О традиции М. Вебер говорит в двух взаимосвязанных смыслах. Первый из них заключается в речи о традиции как о привычке, органическом неререфлексируемом воспроизводстве социальных действий и отношений, «автоматическую реакцию на привычное раздражение в направлении некогда усвоенной установки» [20, с. 628]. Второй смысл – традиция как ценность, что выражает ценностно-рациональную ориентацию на прошлое, отличающую от традиции-привычки ее осознаваемым характером. В модернистском дискурсе прямо или косвенно подразумевается, что традиция как явление и как ценность по мере рационализации социума уступит место некоторой целерациональной ориентации разума, и останется атрибутом только «традиционных обществ».

А. Макинтайр отвергает установку на традицию как на противопоставленную рациональности и современности. Традиция – константна как необходимая функция упорядочивания человеческого опыта и поведения в его связи и опытом, и поведением других людей в прошлом, настоящем и будущем. Более того, модернизм и рационализм сами по себе являются традицией, и отрицание традиции вытекает только из «слепоты» к собственным посылкам познания. На это указывал К. Поппер, когда утверждал, что рационалисты отвергают традицию как некритическое мышление, но игнорируют факт того, что установка на критичность мышления – само по себе древняя традиция [21]. Отказ от понимания традиции как атрибута «традиционного общества» позволяет перевести дискурс традиции с исследования прошлого – и говорить о ней как об универсальном механизме, характерном не для определенных этапов развития определенных социумов, а для социума в целом. Также отказ от представлений о традиции как атрибуте архаичных обществ дал основания причислять А. Макинтайра к «новому традиционализму» второй половины XX века [22, с. 120].

Точкой входа в проблему традиции является для А. Макинтайра вопрос о методе изучения человеческого «Я» как субъекта морали и добродетели. Вопрос состоит в том – что делает возможным «Я», обладающее моральным представлением? А. Макинтайр полемизирует с аналитической философией, утверждая, что человеческую жизнь невозможно понять аналитически, выделив в ней некоторые атомарные элементы, поскольку рассмотренные вне конкретной целостности эти элементы не будут иметь определенного смысла. А. Макинтайр иллюстрирует это следующим умозрительным примером. «Я стою на остановке, ожидая автобус, и молодой человек, стоящий около меня, внезапно говорит: «Имя обычного дикого гуся *histrionicus histrionicus histrionicus*». Проблема не в значении произнесенного им: проблема состоит в том, как ответить на вопрос о том, что он делал, произнося эту фразу. Предположим, он просто произносит такие предложения через случайные интервалы времени; это было бы определенной формой сумасшествия. Мы считали бы его действия по произнесению фраз разумными, если бы истинным оказался один из следующих вариантов. Он ошибочно принял меня за человека,

который вчера подошел к нему в библиотеке и спросил: «Вы, случаем, не знаете латинского названия обычного дикого гуся?» Или же он пришел с сеанса у психотерапевта, который призывал его преодолеть свою застенчивость и заговорить с незнакомцами. «Но что я должен сказать?» – «О, все, что угодно». Или же он советский шпион, ждущий своего напарника и произносящий неудачно задуманный пароль. В любом случае акт произнесения становится разумным при нахождении его места в нарративе» [1, с. 206].

При таком взгляде нарратив становится условием любого понимания и вытекающего из него поведения. «Я могу ответить на вопрос «Что мне делать?» только в том случае, если я смогу ответить на предыдущий вопрос «частью какой истории или историй я считаю себя?». Мы вступаем в человеческое общество с одним или несколькими условными персонажами – ролями, на которые мы были призваны, – и мы должны понять эти роли для понимания того как другие реагируют на нас и как наши ответы на них могут быть истолкованы» [1, с. 209].

Традиция в таком ракурсе выступает смыслообразующим сюжетом, который позволяет интерпретировать реальность, превращая сами по себе ничего не значащие факты и условия в определенную последовательность значений. Причем, когда А. Макинтайр обращается к метафоре игры, говоря, что люди «играют» роли в традиции-нарративе – тем он солидаризуется одновременно с богатым наследием игрового понимания культуры – «языковыми играми» Л. Витгенштейна, онтологической интерпретацией игры Г. Гадамером, игровой теорией культуры Й. Хейзинга, и, одновременно, соглашается с нарративным пониманием истории такими авторами как Ф. Анкерсмит, А. Компаньон, Р. Барт – для которых история есть не сама реальность прошлого, но ее знаковое отражение, текст о прошлом – реальное же прошлое признается в этом случае или вовсе недоступным познанию, или доступным только через корреляцию реальности и нарратива.

Если история – это нарратив, то традиция – это вхождение отдельных людей и групп в этот нарратив, его реализация. Традиция – это «моя история». А. Макинтайр особенно подчеркивает, насколько бессмысленны поиски универсальных социальных действий – ведь любое реальное действие всегда обусловлено реальным прошлым. Например, я не просто сын вообще, но я сын конкретного отца, и этот факт является необходимым в любом моем поведении, независимо от того, какой смысл я ему придаю – то есть в какой нарратив вписываю. «То, что я представляю собой, в решающей степени есть то, что я унаследовал, то специфическое прошлое, которое представлено до некоторой степени в моем настоящем. Я обнаруживаю, что являюсь частью истории, и это вообще означает, нравится мне это или нет, осознаю я это или нет, что я один из носителей традиции» [1, с. 215].

В понимании традиции как «моей истории», которая может быть масштабирована и на уровень моей индивидуальной истории, и на уровне истории социальных институтов, частью которых я себя являюсь так или иначе, и на уровне сообществ – подчеркиваются два ключевых качества традиции. С одной стороны – традиция необходима как смыслообразующий элемент любого поведения, ее генетический контекст. Вследствие этого бессмысленно говорить о традиционных и нетрадиционных обществах – они в равной степени содержат в себе нарратив-традицию, отличаясь особенностями «игры» и восприятием сюжетов. С другой стороны, традиция как нарратив не носит характера чего-то однозначно устойчивого и принудительного – субъект вы-

ступает не ее компонентом, но ее агентом, поскольку именно его активность через интерпретацию нарратива и позволяет нарративу реализовываться и продолжаться. Общий нарратив для А. Макинтайра служит основой социальных институтов, способом формирования идентичности. Наши субъективности объединяются нарративом – причем это не подразумевает единства интерпретаций и позиций. Так, мы можем самым различным образом относиться к советскому периоду истории – можем быть критиками и ненавистниками, или апологетами; мы можем быть «белыми», «красными», этническими националистами или кем угодно еще; разные группы могут быть друзьями или смертельными врагами в настоящем, чья дружба или вражда обуславливается в том числе и нашими интерпретациями советского периода – но пока мы видим себя персонажами одного сюжета – нарратива об СССР и наступившей после него постсоветской эпохи, мы остаемся частью единой традиции.

Более того, традиция как нарратив никогда не носит характер однозначный, заверченный, даже определенный. Агенты традиции, или ее «актеры» – никогда не едины между собой и не постоянны в своей интерпретации нарративов, частью которых себя мыслят. И в этом смысле советская традиция, русская традиция, научная традиция – это всегда непрекращающийся диалог и конфликт определения нарратива – «была ли благом государственность СССР?», «что значит быть русским?», «что такое наука?». И критерием принадлежности к нарративу-традиции является не разделение некоторой позиции, и не только идентичность с некоторыми знаковыми объектами, а участие в нарративе как «своей истории», как бы различны ни были позиции разных участников. Как пишет А. Макинтайр «когда институт – скажем, университет, ферма или госпиталь – является носителем традиции практики или практик, его жизнь будет частично, но весьма существенным образом учреждаться непрерывными аргументами относительно того, что такое университет и чем ему следует быть, или же что такое хорошее фермерство, или что такое хорошая медицина» [1, с. 216].

Концепция традиции А. Макинтайра особенно актуальна потенцией снятия дискурсивного противоречия, которое становится ключевым в современных информационных и нарративных войнах, войнах памяти. Наиболее явной иллюстрацией этого противоречия может служить дискурс войн памяти Великой Отечественной войны в России и в тех обществах, которые в сложившейся исторической ситуации можно обозначить как оппонентов России. Обе стороны исходят из жесткого разграничения собственно истории и следующей из нее «истинной интерпретации», позиционируя себя как исторически обоснованную традицию, и полагают позицию оппонента нарративом. Когда речь заходит о «фальсификации истории Западом» [23] или о «пропагандистских нарративах Кремля» [24] – исходящей точкой является противопоставление традиции-нарратива и традиция-фактологии. Заглядывая глубже, мы можем увидеть в этом позицию, близкую к той, что высказывала Х. Арендт, принципиально противопоставляя политический дискурс истине [25]. А. Макинтайр же показывает, насколько искусственно противопоставление нарратива и фактической реальности – традиция как нарратив будет бессильна без фактологии, ведь она не будет «нашей историей», и ее невозможно сделать «нашей» без корреляции с реальностью. А традиция, как набор исторических фактов – пуста, ведь сами по себе факты прошлого, насколько обоснованными они бы не были – не могут служить основой для поведения вне контекста нарратива. Война нарративов – это не борьба за тради-

цию, ее истинную или ложную интерпретацию – это сама традиция, а спор о ней и вытекающие из этого спора союзы и конфликты – это одновременно «отыгрыш» ролей традиции-нарратива, и продолжение ее в будущее, и ее осмысление.

Аналогично можно говорить и о дискурсе защиты традиционных ценностей России, ставшим предметом значительных дискуссий. Противоречие между признанием, с одной стороны – необходимости выстраивания ценностной парадигмы, и с другой стороны – признанием конструктивистского, искусственного характера самого понятия «традиционные ценности» [26] – снимается в том случае, если мы признаем традиционные ценности не объектом некоторого *traditio* – «передачи» из прошлого, но непрекращающегося диалога – поиска ответа на вопрос «в чем состоят традиционные ценности?». И в этом споре, как и в нарративных войнах – нет «правильной» версии, поскольку сам диалог, в том числе конфликт – есть сама традиция. Традиция как строго определенный нарратив, который критиковали просветители и модернисты, и апологетикой которого занимаются консерваторы и традиционалисты – это «мертвая» традиция, нарратив подошедший к концу, «живая» же традиция всегда происходит в конфликте интерпретаций «нашей истории».

В заключение подведем тезисный итог:

1. Нарративная концепция традиции А. Макинтайра является одной из наиболее цитируемых в англоязычной литературе по проблеме традиции с социальной философии, но менее известна в русскоязычной;
2. Традиция рассматривается А. Макинтайром как нарратив – «наша история», которая служит прескриптивным ориентиром деятельности человека, задавая границы возможных интерпретаций поведения субъектов в социуме;
3. Традиция не предполагает устойчивости, однозначности и завершенности. Она реализуется через непрерывный процесс противоборства различных интерпретаций нарратива «нашей истории». Традиция-нарратив есть непрерывный спор о том «что есть наша традиция?» и в этом смысле к традиции принадлежат и ее апологеты, и ее критики, и те, для кого традиция – естественный порядок вещей;
4. Традиция как нарратив связывает субъективные взгляды в единые общности – социальные институты, этносы, народы и т.п. Причем, эта связь означает не единство качеств, взглядов и норм, но единством нарратива – объекта разнообразных и часто конфликтующих интерпретаций.

Литература

1. MacIntyre A. *After virtue: A study in moral theory*. // Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1984. 368 p.
2. Давиденко А.А. Понятие «войны памяти» в современных исследованиях коллективной памяти // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 3. С. 85–95.
3. Stone D. *Memory Wars in the «New Europe»* // The Oxford Handbook of Postwar European History ed. by D. Stone. Oxford, 2012. P. 714–732.
4. Головашина О.В. «Мемориальные войны»: между метафорой и концептом // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2. № 1. С. 43–52.
5. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье // М., 2003. 245 с.
6. Van der Steen J. *A Contested Past. Memory Wars during the Twelve Years Truce (1609–21)* // *Memory before modernity: practices of memory in early modern Europe*. Leiden; Boston, 2013. P. 45–61.
7. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
8. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».
9. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
10. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
11. Илларионов Г. А., Грицков Ю.В., Морозова О.Ф., Рахинский Д.В. Традиционные ценности: соотношение научного понятия и политического проекта // *Социально-гуманитарные знания*. 2023. № 10. С. 71–74.
12. Alexander J. *A Systematic Theory of Tradition* // *Journal of the Philosophy of History*, № 10, 2016, P. 1–28
13. Bronner S.J. *Explaining Traditions: Folk Behavior in Modern Culture* // Lexington, University Press of Kentucky Publ., 2011. 546 p.
14. Devine P. *The Concept of Tradition: A Problem Out of Macintyre* // *Reason Papers*, 2013, vol. 35. № 1. P. 107–123.
15. Kramm M. *Ein Analyseraster für Traditionskonzeptionen* // *Zeitschrift für Philosophische Forschung*, 76. № 1. 2022. P. 73–98.
16. Попков Ю.В. Этнокультурный неотрадиционализм: рефлексивно-интеграционная теоретическая модель // *Этнография*. 2023. № 3. С. 203–223.
17. Гердер И.Г. *Идеи к философии истории человечества* // М.: Издательство «Наука». 1977. 703 с.
18. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания* // М.: Медиум, 1995. 323 с.
19. Лотман Ю.М. *Архаисты – просветители* // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения под ред. М.О. Чудаковой. Рига, 1986. С. 192–208.
20. Вебер М. *Основные социологические понятия* // *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
21. Поппер К. *Предположения и опровержения* // М.: Ермак, 2004. 638 с.
22. Аверьянов В.В. Традиция как методологическая проблема в отечественной культурологии XX века: дис. ... д. филос.н.: 24.00.01. М., 2011. 396 с.
23. Панфиленко Е.Ю. Современная западная пропаганда в контексте истории России 20–30-х годов XX века // *Евразийская интеграция: современные тренды и перспективные направления*. 2024. № 7. С. 141–146.
24. Hoffmann D.L. *The Memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia* // Routledge, 2021. 275 p.
25. Арендт Х. *Люди в темные времена* // М.: Моск. шк. полит. исслед., 2003. 312 с.
26. Фишман Л.Г. *Соблазн готовых ответов. Как изобрести традиционные ценности* // *Россия в глобальной политике*, 2023. № 2 (120). С. 76–87.

NARRATIVE CONCEPT OF TRADITION

A. MACINTYRES IN THE CONTEXT OF THE POLICY OF PROTECTION OF TRADITIONAL VALUES

Illarionov G.A., Musat R.P., Mineev V.V., Rakhinsky D.V.

Siberian Federal University; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; Krasnoyarsk State Medical University; Krasnoyarsk State Agrarian University

The article explores the concept of tradition by the philosopher of ethics A. Macintyre. It is an alternative to the classical modernist and traditionalist understandings of tradition that dominated in the XIX–XX centuries. Unlike their objective approach, tradition is interpreted not as a «legacy», but as a social construct – narrative, which serves as a link between individual goal-setting and socio-historical norms. Macintyre rejects the opposition of tradition and rationality inherent in modernist discourse. Tradition is considered as a universal mechanism, not an attribute of «traditional societies». In A. Macintyre's concept, tradition is not a complete, unambiguous narrative, but a continuous dialogue and conflict of interpretations of «our history». Belonging to a tradition is determined not by sharing a certain position, but by participation in the process of communication on the basis of and about the narrative. This understanding of tradition allows us to take a fresh look at the current problems of the «memory wars» and discussions around «traditional values» in Russia and the rest of the world.

Keywords: tradition, narrative, interpretation, objectivism of tradition, constructivism of tradition, narrative wars, traditional values.

References

1. MacIntyre A. After virtue: A study in moral theory. // Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1984. 368 p.
2. Davidenko A.A. The concept of «memory wars» in modern research of collective memory // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences. 2022. № 3. pp. 85–95.
3. Stone D. Memory Wars in the «New Europe» // The Oxford Handbook of Postwar European History ed. by D. Stone. Oxford, 2012. P. 714–732.
4. Golovashina O.V. «Memorial wars»: between metaphor and concept // Tempus et Memoria. 2021. Vol. 2. № 1. pp. 43–52.
5. Shnirelman V.A. Memory wars: myths, identity and politics in Transcaucasia // M., 2003. 245 p.
6. Van der Steen J. A Contested Past. Memory Wars during the Twelve Years Truce (1609–21) // Memory before modernity: practices of memory in early modern Europe. Leiden; Boston, 2013. P. 45–61.
7. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation».
8. Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 № 646 «On approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation».
9. Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2018 № 204 «On National goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024».
10. Decree of the President of the Russian Federation dated 11/19/2022 № 809 «On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian spiritual and Moral values».
11. Illarionov G.A., Gritskov Yu.V., Morozova O.F., Rakhinsky D.V. Traditional values: correlation of a scientific concept and a political project // Socio-humanitarian knowledge. 2023. № 10. pp. 71–74.
12. Alexander J. A Systematic Theory of Tradition // Journal of the Philosophy of History, № 10, 2016. P. 1–28.
13. Bronner S.J. Explaining Traditions: Folk Behavior in Modern Culture // Lexington, University Press of Kentucky Publ., 2011. 546 p.
14. Devine P. The Concept of Tradition: A Problem Out of Macintyre // Reason Papers, 2013, vol. 35. № 1. P. 107–123.
15. Kramm M. Ein Analyseraster für Traditionskonzeptionen // Zeitschrift für Philosophische Forschung, 76. No. 1. 2022. P. 73–98.
16. Popkov Yu.V. Ethnocultural neotraditionalism: a reflexive integration theoretical model // Ethnography. 2023. No. 3. pp. 203–223.
17. Herder I.G. Ideas for the philosophy of human history // Moscow: Nauka Publishing House. 1977. 703 p.
18. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge // Moscow: Medium, 1995. 323 p.
19. Lotman Y.M. Archaic enlighteners // Tynian collection. The second Tynyanov readings, edited by M.O. Chudakova. Riga, 1986. P. 192–208.
20. Weber M. Basic sociological concepts // Selected works. M.: Progress, 1990. 808 p.
21. Popper K. Assumptions and refutations // M.: Ermak, 2004. 638 p.
22. Averyanov V.V. Tradition as a methodological problem in Russian cultural studies of the twentieth century: dissertation... Doctor of Philology: 24.00.01. M., 2011. 396 p.
23. Panfilenko E. Yu. Modern Western propaganda in the context of the history of Russia in the 20–30s of the XX century // Eurasian integration: modern trends and promising directions. 2024. № 7. P. 141–146.
24. Hoffmann D.L. The Memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia // Routledge, 2021. 275 p.
25. Arendt H. People in dark times // Moscow: Moscow. shk. polit. research, 2003. 312 p.
26. Fishman L.G. The temptation of ready-made answers. How to invent traditional values // Russia in Global Politics, 2023. № 2 (120). P. 76–87.

Социально-философский анализ феномена миграции в контексте реализации национальной политики России

Данилов Вячеслав Леонидович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, факультет истории, теологии и международных отношений, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: dv76@mail.ru

Статья посвящена анализу проблем миграции и реализации национальной политики в Российской Федерации. Автор рассматривает необходимость переосмысления традиционных подходов к определению субъектов национальной политики, подчеркивая важность включения институтов гражданского общества и национально-культурных объединений в этот процесс. Кроме того, в работе обосновывается необходимость применения принципов инклюзивности и участия различных общественных групп в формировании и реализации национальной политики. Особое внимание уделяется методологическим аспектам исследования этнонациональных процессов, предлагается интегративный подход, сочетающий элементы примордиализма и конструктивизма. Автор анализирует современные проблемы миграционной политики России и предлагает возможные пути их решения, включая совершенствование механизмов регулирования трудовой миграции, стимулирование внутренней миграции и противодействие нелегальной миграции. В статье подчеркивается важность учета многообразия интересов и потребностей различных этнических и культурных сообществ, проживающих на территории страны. Предлагаемые меры направлены на повышение эффективности миграционной и национальной политики, что должно способствовать социально-экономическому развитию России и укреплению межнационального согласия. Исследование также затрагивает вопросы социальной интеграции мигрантов и развития межкультурного диалога как ключевых факторов успешной реализации национальной политики.

Ключевые слова: миграция, национальная политика, Российская Федерация, примордиализм, конструктивизм, интеграция мигрантов, этнонациональные процессы, методология исследования.

В современной научной литературе вопросы миграции и реализации национальной политики в Российской Федерации рассматриваются как взаимосвязанные и актуальные проблемы, требующие комплексного подхода. Чепунова А.С. и Шабанова О.В. (2021) [10] анализируют проблемы миграции в России на современном этапе, подчеркивая необходимость совершенствования миграционной политики в контексте социально-экономических вызовов. Колбин А.Г. (2018) [2] исследует влияние государственной миграционной политики на международные отношения, акцентируя внимание на важности учета этнокультурного фактора при формировании миграционной стратегии. Соболева Н.В., Везнер А.Н. и Кулагина А.А. (2019) [8] рассматривают проблемы миграционной политики РФ и предлагают возможные пути их решения, подчеркивая необходимость баланса между экономическими интересами государства и социальной интеграцией мигрантов. Пискунова О.Н. (2017) [4] фокусируется на проблеме нелегальной миграции в России, анализируя ее причины и последствия для национальной безопасности. Сланова А.Ю. и Дудаева И.Б. (2017) [7] исследуют современную миграционную политику в РФ, выделяя ее ключевые направления и проблемные аспекты реализации. Минигалеев Р.Р. (2017) [3] рассматривает взаимосвязь национальной и миграционной политики России, подчеркивая необходимость их согласованности для эффективного управления международными отношениями. Тишков В.А. (2015) [9] анализирует актуальные проблемы реализации государственной национальной политики, акцентируя внимание на необходимости учета региональной специфики и этнокультурного разнообразия России. Попков Ю.В. (2014, 2015) и Костюк В.Г. (2015) [6] бисследуют проблемное поле национальной политики в современной России, выделяя ключевые вызовы и перспективы ее развития. Бонкало Т.И. и Бонкало С.В. (2017) [1] рассматривают психологические аспекты реализации национальной политики в России, подчеркивая важность учета социально-психологических факторов в международных отношениях. Таким образом, анализ литературы показывает, что проблемы миграции и реализации национальной политики в РФ тесно взаимосвязаны и требуют комплексного подхода, учитывающего экономические, социальные, культурные и психологические аспекты. Авторы подчеркивают необходимость совершенствования законодательной базы, улучшения механизмов социальной интеграции мигрантов и развития межкультурного диалога для эффективного решения существующих проблем.

Исследование миграционных процессов в России выявляет ряд сложных и взаимосвязанных проблем, оказывающих существенное влияние на социально-экономическое и демографическое развитие страны. За последние двадцать лет миграционный прирост играл значительную роль в компенсации естественной убыли населения, однако текущая ситуация характеризуется снижением миграционной привлекательности России на международной арене. Основной поток мигрантов формируется преимущественно из граждан стран СНГ, что сопряжено с определенными вызовами. Большинство прибывающих имеют низкий уровень образования,

недостаточное владение русским языком и слабую профессиональную подготовку. Это создает дополнительную нагрузку на систему образования и рынок труда РФ, требуя разработки эффективных программ адаптации и интеграции мигрантов [10].

Параллельно наблюдается продолжающийся эмиграционный отток населения, что усугубляет проблему «утечки мозгов» и может негативно сказаться на инновационном потенциале России в долгосрочной перспективе. Разработка стратегий по удержанию высококвалифицированных специалистов становится критически важной задачей для сохранения человеческого капитала страны. Особого внимания заслуживает проблема внутренней миграции. Население РФ характеризуется низкой территориальной мобильностью по сравнению с другими развитыми странами. Это обусловлено комплексом факторов, включая высокие издержки на переселение, неразвитость транспортной инфраструктуры, ограниченность рынка арендного жилья и низкий уровень доходов большей части населения [1].

Анализ межрегиональных миграционных потоков выявляет устойчивую тенденцию движения населения с востока в центральную часть страны. Это явление усиливает дисбаланс в распределении населения по территории РФ, что может иметь серьезные экономические и геополитические последствия. Необходима разработка комплексных программ по развитию восточных регионов для создания привлекательных условий жизни и работы. Миграционная и национальная политика в Российской Федерации представляют собой сложные, взаимосвязанные сферы государственного управления, требующие тщательного анализа и постоянного совершенствования. Современные исследования выявляют ряд существенных проблем в этих областях, которые требуют комплексного подхода к их решению [9].

Одним из ключевых вызовов в сфере миграционной политики является высокий уровень нелегальной трудовой миграции. По экспертным оценкам, ежегодно от 3 до 5 миллионов иностранных граждан осуществляют трудовую деятельность в России без официального разрешения. Это явление не только подрывает экономическую безопасность страны, но и создает социальную напряженность, способствуя росту теневой экономики и нарушению трудовых прав мигрантов. Национальная политика в России, учитывая ее многонациональный характер и глобальную интеграцию, остается предметом острых дискуссий как в научных и политических кругах, так и в гражданском обществе. Проблемное поле национальной политики включает в себя систему противоречий, связанных с выявлением и регулированием актуальных вопросов в сфере межнациональных отношений [2].

Одним из ключевых аспектов, требующих переосмысления, является определение субъекта национальной политики. Традиционный подход, сводящий реализацию национальной политики исключительно к деятельности государственных органов и учреждений, представляется ограниченным и не отвечающим современным реалиям. Необходимо расширить понимание субъектности в этой сфере, включив в него институты гражданского общества, национально-культурные объединения и другие негосударственные акторы. Исследования показывают, что эффективная национальная политика должна основываться на принципах инклюзивности и участия различных общественных групп в процессе ее формирования и реализации. Это позволит учесть многообразие интересов и потребностей различных этнических и культурных сообществ, проживающих на территории России [5,6].

Важно отметить взаимосвязь миграционной и национальной политики. Интенсификация миграционных потоков оказывает существенное влияние на этнокультурный ландшафт страны, создавая новые вызовы для социальной интеграции и межнационального согласия. В этом контексте особую актуальность приобретает разработка комплексных программ адаптации и интеграции мигрантов, учитывающих как экономические, так и социокультурные аспекты. В контексте изучения национальной политики Российской Федерации исследователи сталкиваются с рядом методологических проблем, которые требуют тщательного анализа и переосмысления. Эти проблемы охватывают различные аспекты теоретического и практического характера, от определения объекта и субъекта национальной политики до выбора адекватных методологических подходов для ее исследования [8].

Одним из ключевых вопросов является определение объекта национальной политики. Согласно Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, принятой в 2012 году, основным объектом рассматриваются межнациональные отношения. Однако такое определение может быть недостаточно широким, учитывая комплексный характер этнонациональных процессов в современном российском обществе. Теоретико-методологический аспект проблемного поля национальной политики характеризуется значительной неоднозначностью и противоречивостью. Существующие научные концепции и философско-мировоззренческие представления о природе и содержании таких явлений, как этносы, нации, национальные отношения и этносоциальные процессы, часто противоречат друг другу, что создает дополнительные трудности для исследователей и политиков [3].

В современной научной литературе по теоретико-методологическим вопросам национальных отношений и этносоциальных процессов наблюдается противостояние двух основных методологических подходов: примордиализма и конструктивизма. Примордиализм акцентирует внимание на объективных факторах и тенденциях в этнонациональных процессах, в то время как конструктивизм придает большее значение субъективным факторам, таким как роль выдающихся личностей, «этнических предпринимателей» и государственных деятелей. Это методологическое противоречие между примордиализмом и конструктивизмом создает диалектическое поле, в рамках которого развивается современное понимание этносоциальных процессов в постсоветской России. Каждый из этих подходов имеет свои сильные и слабые стороны, и их синтез может предоставить более полную картину сложных этнонациональных явлений [4].

Практический аспект проблемного поля национальной политики включает ряд важных вопросов, решением которых занимаются как федеральные и региональные государственные органы, так и, в меньшей степени, «гражданские субъекты» политики. Однако процесс реализации национальной политики также характеризуется противоречивостью, что отражает сложность и многогранность этнонациональных отношений в России. Для преодоления существующих методологических дилемм и повышения эффективности исследований в области национальной политики России необходимо развивать интегративные подходы, которые могли бы учитывать как объективные, так и субъективные факторы этнонациональных процессов. Такие подходы должны сочетать в себе элементы примордиализма и конструктивизма, позволяя более полно отразить сложную природу этнических и национальных явлений. Кроме того, важно расширить понимание объекта национальной политики,

включив в него не только межнациональные отношения, но и более широкий спектр социокультурных, экономических и политических аспектов, влияющих на этнонациональные процессы в стране. Это позволит разработать более комплексные и эффективные стратегии в сфере национальной политики [7].

Таким образом, проблемы миграции и реализации национальной политики в Российской Федерации представляют собой сложный комплекс взаимосвязанных вопросов, требующих системного подхода к их решению. Для эффективного управления миграционными процессами и гармонизации межнациональных отношений необходимо принять ряд комплексных мер. Важно совершенствовать механизмы регулирования трудовой миграции, уделяя особое внимание повышению квалификации мигрантов и их интеграции в российское общество. Одновременно следует стимулировать внутреннюю миграцию путем развития транспортной инфраструктуры и рынка доступного жилья. Не менее значимым является усиление мер по противодействию нелегальной миграции при одновременном создании условий для легализации трудовых мигрантов. В контексте национальной политики необходимо расширить понимание субъектности, включив в него институты гражданского общества и национально-культурные объединения. Кроме того, важно развивать интегративные методологические подходы, сочетающие элементы примордиализма и конструктивизма для более полного понимания этнонациональных процессов. Реализация этого комплекса мер позволит повысить эффективность миграционной и национальной политики России, способствуя социально-экономическому развитию страны и укреплению межнационального согласия.

Литература

1. Бонкало Т.И., Бонкало С.В. Психологические проблемы реализации национальной политики в России // Патриотизм и национализм: грани нормы и патологии: Материалы Круглого стола, Москва, 25 декабря 2017 года. Москва: Перспектива, 2017. С. 52–65.
2. Колбин А.Г. Проблемы влияния государственной политики России в сфере миграции на межнациональные отношения // Научные исследования высшей школы в условиях Северного региона. Том Выпуск 7. Тюмень-Ханты-Мансийск: ООО «Международный институт», 2018. С. 258–261.
3. Минигалеев Р.Р. К вопросу о национальной и миграционной политике России // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2017. Т. 9, № 5. С. 40–42.
4. Пискунова О.Н. Проблема нелегальной миграции в России // Ломоносов-2017: Электронный ресурс, Москва, 10–14 апреля 2017 года. Москва: ООО «МАКС Пресс», 2017.
5. Попков Ю.В. Актуальные проблемы национальной политики в России // Центральноеазиатские исторические чтения: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Кызыл, 20–21 июня 2014 года. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2014. С. 168–171.
6. Попков Ю.В., Костюк В.Г. Проблемное поле национальной политики в современной России // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13, № 3. С. 71–80.
7. Сланова А.Ю., Дудаева И.Б. Современная миграционная политика в РФ // Актуальные проблемы современной науки: Межвузовский сбор-

ник научных трудов. Том Выпуск 5. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2017. С. 141–146.

8. Соболева Н.В., Везнер А.Н., Кулагина А.А. Проблемы миграционной политики Российской Федерации и возможные пути их решения // Правовые, социально-экономические и духовно-нравственные аспекты молодежного развития в современной России: Материалы XVII–XVIII Всероссийских научно-практических чтений памяти А.Н. Радищева, Малоярославец, 17 апреля 2019 года. Малоярославец: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2019. С. 18–24.
9. Тишков В.А. О некоторых актуальных проблемах реализации государственной национальной политики // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения. Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 37–39.
10. Чепунова А.С., Шабанова О.В. Проблемы миграции в России на современном этапе // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности: Сборник работ по результатам Международной научно-практической конференции, Ульяновск, 18–19 октября 2021 года. Ульяновск, 2021. С. 421–426.

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE MIGRATION PHENOMENON IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF RUSSIAN NATIONAL POLICY

Danilov V.L.

Dostoevsky Omsk State University

The article is dedicated to the analysis of migration issues and the implementation of national policy in the Russian Federation. The author examines the necessity of rethinking traditional approaches to defining the subjects of national policy, emphasizing the importance of including civil society institutions and national-cultural associations in this process. Furthermore, the paper justifies the need to apply the principles of inclusiveness and participation of various social groups in the formation and implementation of national policy. Special attention is given to the methodological aspects of researching ethno-national processes, proposing an integrative approach that combines elements of primordialism and constructivism. The author analyzes current issues in Russia's migration policy and suggests possible solutions, including improving labor migration regulation mechanisms, stimulating internal migration, and combating illegal migration. The article underscores the importance of considering the diverse interests and needs of various ethnic and cultural communities residing in the country. The proposed measures aim to enhance the effectiveness of migration and national policy, which should contribute to the socio-economic development of Russia and strengthen interethnic harmony. The study also addresses the issues of social integration of migrants and the development of intercultural dialogue as key factors for the successful implementation of national policy.

Keywords: migration, national policy, Russian Federation, primordialism, constructivism, integration of migrants, ethnonational processes, research methodology.

References

1. Bonkalo T.I., Bonkalo S.V. Psychological problems of implementing national policy in Russia // Patriotism and nationalism: boundaries of norm and pathology: Materials of the Round Table, Moscow, December 25, 2017. Moscow: Perspective, 2017. pp. 52–65.
2. Kolbin A.G. Problems of the influence of Russian state policy in the field of migration on interethnic relations // Scientific research of higher education in the conditions of the Northern region. Volume Issue 7. Tyumen-Khanty-Mansiysk: International Institute LLC, 2018. P. 258–261.
3. Minigaleev R.R. On the issue of national and migration policy in Russia // Current problems of law and state in the XXI century. 2017. T. 9, no. 5. pp. 40–42.

4. Piskunova O.N. The problem of illegal migration in Russia // Lomonosov-2017: Electronic resource, Moscow, April 10–14, 2017. Moscow: MAKS Press LLC, 2017.
5. Popkov Yu.V. Current problems of national policy in Russia // Central Asian Historical Readings: Collection of materials of the III International Scientific and Practical Conference, Kyzyl, June 20–21, 2014. Kyzyl: Tuva State University, 2014. pp. 168–171.
6. Popkov Yu.V., Kostyuk V.G. Problem field of national policy in modern Russia // Siberian Philosophical Journal. 2015. T. 13, No. 3. P. 71–80.
7. Slanova A.Yu., Dudaeva I.B. Modern migration policy in the Russian Federation // Current problems of modern science: Interuniversity collection of scientific papers. Volume Issue 5. Vladikavkaz: North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova, 2017. pp. 141–146.
8. Soboleva N.V., Vezner A.N., Kulagina A.A. Problems of migration policy of the Russian Federation and possible ways to solve them // Legal, socio-economic and spiritual-moral aspects of youth development in modern Russia: Materials of the XVII–XVIII All-Russian scientific and practical readings in memory of A.N. Radishcheva, Maloyaroslavets, April 17, 2019. Maloyaroslavets: Moscow Financial and Legal University MFUA, 2019. pp. 18–24.
9. Tishkov V.A. On some current problems in the implementation of state national policy // Russian Caucasus: problems, searches, solutions. Moscow: Limited Liability Company Publishing House “Aspect Press”, 2015. pp. 37–39.
10. Chepunova A.S., Shabanova O.V. Problems of migration in Russia at the present stage // Social and human sciences in the context of modern challenges: Collection of works based on the results of the International Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, October 18–19, 2021. Ulyanovsk, 2021. pp. 421–426.

Дифференциация категорий «радикализм», «экстремизм», «терроризм» в политическом дискурсе

Каратуева Елена Николаевна,

кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Санкт-Петербургского государственного аграрного университета
E-mail: e_karatueva@mail.ru

В современных условиях исследование таких понятий, как «радикализм», «экстремизм» и «терроризм» приобретают особую значимость. Статья представляет собой попытку представить размышления о сущности радикализма, экстремизма и терроризма, в анализе которых важным элементом является дефиниция понятий, причины и факторы, способствующие их возникновению и развитию.

В последние десятилетия особенно остро стоит вопрос о формировании согласованной политики ученых, исследователей, государственных деятелей для выработки эффективных механизмов превенции рассматриваемых феноменов.

В связи с вышесказанным, цель статьи – изучение научных подходов к определению понятий «радикализм», «экстремизм» и «терроризм», выявление сущности этих понятий и анализ специфических различий между ними.

В статье показана взаимосвязь между радикализмом, экстремизмом и терроризмом, опасность преобразования радикализации в экстремистскую и террористическую деятельность.

Ключевые слова: радикализм, терроризм, экстремизм, радикализация, насильственная радикализация, насилие.

Введение

Рост экстремизма и терроризма за последние двадцать лет стал поводом задуматься о процессах, способствующих этим явлениям. Таким образом был создан важный социально-политический контекст для исследований, которые проводились, в первую очередь для нужд правоохранительных структур, ответственных за обеспечение национальной безопасности и общественного порядка. Они касаются процессов, которые заставляют людей использовать насилие в политических и идеологических целях. А процесс радикализации рассматривается в данном контексте как исключительно негативное явление, часто отождествляемое с терроризмом и экстремизмом. Именно из-за сложности, изменчивости, множественности этого явления радикализм нуждается в постоянном изучении и мониторинге. Если содержание дефиниции терроризма однозначно воспринимается как деструктивное проявление радикализма, то радикализм и экстремизм могут рассматриваться в качестве синонимов, как противоположности всему умеренному и консервативному [8]. И хотя А. Бёттихер на основе результатов, полученных с помощью методологий Р. Козеллека и Дж. Сартори выделила десять ключевых различий между экстремизмом и радикализмом [4], четкие критерии идентификации всех трех рассматриваемых понятий до сих пор не определены.

Таким образом, несмотря на то, что термин «радикализм» давно вошел в научный оборот, до сих пор существуют существенные противоречия в трактовке его содержания. По этой причине в данной статье уделяется особое внимание концептуализации этого понятия, приводятся многочисленные определения и теоретические модели, описывающие процесс радикализации.

Обзор исследований. Основные подходы к определению сущности радикализма

Трудность в объяснении сущности радикализма возникает из-за диалектических взаимосвязей, которые сочетают этимологию термина с историческими и культурными контекстами, в которых он проявляется. Можно выделить несколько направлений изучения радикализма.

1. *Реформаторский подход.* В рамках этого подхода радикализм определяется как позиция, требующая коренных изменений в существующей системе [6]; как намерение преобразовать фундаментальные принципы общества или политической системы с помощью радикальных реформ. Крейг Калхун в работе «Корни радикализма» раскрывал его сущность в качестве силы прогресса [11]. А. Бёттихер утверждает, что исторически радикализм в большей степени отождествлялся именно с прогрессивным реформизмом [4].

2. *Контекстный подход.* Согласно этому подходу радикализм может быть понят только в определенном культурном и историческом контексте. То, что кажется радикальным в одной ситуации и в одно время, просто не является таковым в других условиях. В разные исторические периоды понятие «политический» радикализм трансформировалось и приобретало новые подтексты. По мнению некоторых современных авторов, в XXI ве-

ке политические взгляды радикалов, в большей степени носят консервативный, чем радикальный характер. При этом, наиболее радикальные требования, характерные для XIX века в настоящее время стали неотъемлемой частью демократического общества [1].

3. *Психологический подход.* Психологический подход основывается, главным образом, на готовности к радикальным действиям именно через личностные особенности. Радикализм может возникать из психологических качеств человека, которые принадлежат его индивидуально сформированной личности, или рождаются в ответ на внешние факторы. Выдающийся американский общественный деятель и духовный лидер контркультурных движений Сол Алински ни разу в своей книге «Пробуждение для радикалов» (1945) не использовал термин «радикализм». Вместо этого он последовательно применял именно термин «радикал», чтобы подчеркнуть его субъективную позицию по отношению к миру [10]. Важную роль в процессе радикализации отводится типу личности лидера, чему посвящены исследования М. Дусон [5] и др.

4. *Социальный подход* основан на необходимости анализировать проблему радикализма не изолированно, учитывая только психологические характеристики радикалов, а в связи с политическими возможностями и динамикой общественных движений, то есть с социальными факторами. В этом контексте особую роль сыграли исследования социальных движений Алена Турена, Альберто Мелуччи, и особенно работа Мануэля Каствельса «Сила идентичности». Существующие теории социальных движений объясняют пути их возможной радикализации и предлагают основные интерпретации радикализма, связывающие радикализм с дисфункциями массового общества.

5. *Насильственный подход.* Радикализм в рамках этого подхода рассматривается как проявление внеинституциональных средств воздействия на общество, а ради-

кализация всегда развивается только с использованием насилия. Современные представители этого подхода, такие как К. Маккали и С. Москаленко [10] определяют радикализацию как переход от ненасильственных форм выражения мнения к насильственным действиям и предлагают четко разграничивать радикализацию мнений и радикализацию действий. Колин Дж. Бек предлагает определить радикализм как борьбу, которая выходит за рамки обычных политических процедур и осуществляется любым действующим лицом, использующим внеинституциональные средства [3].

Методы исследования

Для достижения цели настоящего исследования был использован комплекс общенаучных методов исследования, включающий метод сравнительно-исторического анализа для изучения научных подходов к определению понятий «радикализм», «экстремизм», «терроризм»; метод контент-анализа – для выявления сущности и специфики исследуемых понятий и метод критериального анализа – для определения различий между понятиями на основании выделенных критериев сравнения.

Источниковую базу исследования составили монографии и статьи по проблеме исследования, опубликованные в журналах индексируемых Scopus и Web of Science, по дате публикации, не ранее 2015 года. Источниковая база была ограничена требованием бесплатного доступа к необходимым материалам.

Результаты исследования

На основании проведенного анализа и выделенных критериев, автором были определены специфические различия между понятиями «радикализм», «экстремизм» и «терроризм», вносящие некоторую концептуальную ясность в вопрос их сущности (табл. 1).

Таблица 1. Различия между понятиями «радикализм», «терроризм» и «экстремизм»

Критерий	Радикализм	Экстремизм	Терроризм
Форма проявления	идеология или деятельность, противоположная консерватизму	относится к сфере действий (призывов к действиям), как правило, насильственных	крайняя форма насильственного радикализма и экстремизма, подвергающая опасности жизни людей
Отношение к насилию	насилие может использоваться исключительно избирательно, обычно не является способом действия	насилие, или угроза его применения используются для изменения социальных и политических систем	насилие в первую очередь направлено на цели пропаганды и пробуждение страха, усиливающего эмоциональный эффект терактов
Отношение к закону	радикальные выступления могут происходить в рамках закона/вне закона	как правило находится вне рамок закона	всегда находится вне рамок закона
Отношение к политической и социальной системе	может способствовать прогрессу и позитивной трансформации политической или социальной системы/ может рассматривается как проявление внеинституциональных средств воздействия на общество	идеологические установки не могут быть встроены в существующие политические системы из-за нетерпимости к иным идеологиям	всегда деструктивен и иррационален
Отношение общества	может вызывать общественные опасения	может вызывать общественные опасения и представлять угрозу безопасности общества	представляет угрозу безопасности любого общества
Результат деятельности	реформизм, или ментальная установка, стоящая за экстремизмом и терроризмом	противостояние существующей социально-политической системе	нанесение ущерба физическому и моральному здоровью людей, собственности, экономике и стабильности, создание атмосферы страха в обществе

Критерий	Радикализм	Экстремизм	Терроризм
Самоидентификация	радикалы четко идентифицируют себя в качестве таковых и осознанно стремятся к коренным преобразованием	экстремисты позиционируют себя в качестве единственной преобразующей силы, которая стремится навязать собственные представления о «правильности» и «нормальности» общественного развития, открыто не признавая себя экстремистами	в зависимости от идеологической позиции террористы позиционируют себя в качестве «борцов за правое дело»
Процессы развития	естественным развитием может стать обратный процесс, или консерватизация, изменение позиций на более умеренные; при постоянной поддержке, пропаганде и наличии мотивов может перерасти в экстремизм и терроризм	характерна постоянная агрессивная деятельность, противостоящая существующим социально-политическим институтам	характерно постоянное насилие

Обсуждение результатов

Радикализм и экстремизм

Концепция радикализма была использована для построения определения экстремизма, понимаемого как крайний «набор взглядов, идей, требований или поведения, которые являются крайними по отношению к текущему балансу политических сил», а организации этого типа имеют «радикальные программные элементы» и постулируют «радикальные изменения в политической структуре» [9]. Экстремистские группировки выступают против действующей политической системы, а их политическая привлекательность характеризуется бескомпромиссностью, нетрадиционностью и «радикализмом в предлагаемых решениях» [9]. Важно признать насилие как средство и метод реализации экстремистских лозунгов.

На уровне научного дискурса и исследований экстремизм и радикализм нередко используются как синонимы [8]. Оба понятия могут появиться вместе, когда мы используем одно понятие для объяснения другого, примером чего является утверждение, что радикализм может означать метод достижения крайней цели [8]. Если содержание понятия терроризма однозначно воспринимается как деструктивное проявление радикализма, то в отношении экстремизма и радикализма возможны более сложные корреляции. «Радикализм» и «экстремизм» могут рассматриваться в качестве синонимов только в понимании обоих понятий в качестве противоположности всему умеренному и консервативному.

По мнению некоторых исследователей, радикализм и экстремизм нельзя отождествлять из-за принципиально разных характеристик этих понятий. Радикализм можно отнести к теоретико-идеологической сфере, а экстремизм, в большей степени проявляется в практической деятельности. В некотором роде, в этой трактовке политический радикализм можно считать причиной, а экстремизм – следствием [1]. Кроме того, если радикализм может иметь положительную коннотацию, то экстремизм чаще ассоциируется с негативными последствиями для общества.

Можно предположить, что точкой бифуркации, в которой радикализм начинает принимать деструктивные формы, можно считать переход его проявлений из рациональной сферы осознанного процесса радикализации идей и действий в иррациональное пространство с неосознанным использованием насилия его субъектами в качестве единственно возможного способа упрочения занимаемых позиций.

От радикализма и экстремизма к терроризму

Разработка проблематики понятия «радикализм» в современных условиях невозможна без комплексного исследования таких его негативных проявлений, как «экстремизм» и «терроризм».

Как идеология, радикализм бросает вызов легитимности установленных норм и политики, может рассматриваться как пропаганда радикальных изменений и реструктуризации политических и социальных институтов, но сам по себе он не ведет к насилию [3]. В европейской политической истории было много радикальных групп, которые были скорее реформистскими, чем революционными. Другими словами, радикализм может существовать без пропаганды насилия в стремлении к осуществлению социальных или политических изменений.

Самой главной и концептуальной общей чертой экстремизма и терроризма является, на наш взгляд, обязательное наличие в них насильственной составляющей (от призыва к насилию до конкретного действия). Однако, если экстремисты используют насилие для изменения системы, то для террориста применение насилия в первую очередь направлено на пропагандистские цели и пробуждение страха. Место терроризма в общей концепции радикализма определяется именно возможностью применения некоторыми деструктивными радикальными группировками террористических методов для достижения своих целей. Определения радикализации сложившиеся в середине 2000-х гг. трактуют ее через эскалацию насилия [2], при этом, по мнению многих авторов, радикализация неизбежно приводит к терроризму. Так, исследователи констатируют, что «радикализация» в настоящее время становится стандартным термином, используемым для описания того, что происходит до момента террористического акта [5]. Многие исследователи предлагали выделить «насильственную радикализацию», или «процесс, в котором радикальные идеи сопровождаются формированием готовности непосредственно поддерживать насильственные действия или участвовать в них» [7].

Юридические определения терроризма, как наиболее серьезной угрозы безопасности содержатся в законодательствах разных стран, и иногда лишь частично совпадает с некоторыми из наиболее широко используемых академических определений. Часто термин «терроризм» использовался в довольно широком значении, в частности, для обозначения любого организованного насилия вне официально объявленных войн. В 1980-х годах Алекс Шмид и Альберт Джонгман (1988) проанализировали 109 различных академических определений

терроризма и обнаружили 22 часто используемых его сущностных черт. Но в большинстве определений фигурировали только три из них: 1) насилие или принуждение (83,5% определений); 2) политическое (65% определений); и 3) подчеркнутый страх или террор (51% определений). (Использование термина «угроза» заняло второе место в 47% рассмотренных определениях). В 2004 г. Вайнберг, Педазур и Хирш-Хефлер повторили исследование, рассмотрев 73 определения, которые появлялись в статьях социальных научных журналов до 2001 года [11]. Они нашли еще меньше совпадений в определениях терроризма – в большинстве из них фигурировали только «насилие» и «политический». То есть сам термин «терроризм» оказался в современных условиях еще более размытым, чем в начале его исследования.

Заключение

Таким образом, можно выстроить некоторую взаимосвязь между радикализмом, экстремизмом и терроризмом. Радикализм является более общим понятием для всех явлений. Кроме сферы действий он охватывает идеологические течения. Радикал не всегда использует экстремистские методы, являющиеся нелегальными и противоправными, способствуя и позитивным реформаторским изменениям в обществе. Терроризм, являясь деструктивным проявлением радикализма, всегда связан с экстремизмом. Но если последний представляет собой приверженность к крайним взглядам и позициям, с применением или призывами к применению насилия ради достижения значимых для экстремиста целей, то для террориста насилие и страх и есть основная цель. Она может быть завуалирована «благими намерениями» значимыми для определенной социальной общности, но от этого не становится менее деструктивной. Радикализм, экстремизм и терроризм относятся к категориям не горизонтального, а вертикального ряда. Взаимосвязь между ними проявляется посредством ценностно-смысловых шлюзов, когда одни ценности и смыслы перестают существовать и появляются новые, более деструктивные.

В целом *радикализацию* можно определить как изменение одного или нескольких компонентов идеологии, стратегии и тактики, используемых социальным движением, при котором наблюдается несоответствие ценностей движения и средств их достижения социокультурным и правовыми нормам доминирующей части общества.

Угрозу для общества представляет собой насильственная радикализация, которая проявляется в экстремизме и терроризме. В целях предупреждения и предотвращения терроризма внимание общественности часто акцентируется на радикальных идеологиях. Но следует отдавать отчет в том, что, если терроризм является следствием насильственной радикализации, то большинство радикалов или экстремистов по своей сути не являются террористами. Радикальные взгляды не могут быть объектом борьбы с терроризмом. Следование радикальным идеологиям не является обязательным предшествованием экстремистских намерений или террористической деятельности. Изучение сущности и специфики радикализма, экстремизма и терроризма позволит не только продолжить научную дискуссию о рассматриваемых понятиях, но и разработать стратегии превенции опасных для общества процессов.

Литература

1. Сакаев, В.Т. Понятие радикализации: обзор научных подходов в современной зарубежной литературе // Антиномии. 2021. 21(2). С. 45–72.

2. Baugut, P. and Neumann, K. Online Propaganda Use During Islamist Radicalization // Information Communication and Society. 2020. 23(11). P. 1570–1592.
3. Beck, J.C. Radicals, Revolutionaries, and Terrorist. – Cambridge: John Wiley & Sons. 2015. – URL: https://pages.pomona.edu/~cjb14747/pdfs/Beck_RRT_Chapter1.pdf (Дата обращения: 20 July 2023).
4. Botticher, A. Towards Academic Consensus Definitions of Radicalism and Extremism // Perspectives on Terrorism. 2017. 11(4). P. 73–77.
5. Dowson, L. Clarifying the Explanatory Context for Developing Theories of Radicalization: Five Basic Considerations // Journal for deradicalization. 2019. 18. P. 146–183.
6. Emmelkamp, J., Asscher, J. J., Wissink, I. B., & Stams, G. J. J.M. Risk factors for (violent) radicalization in juveniles: A multilevel meta-analysis // Aggression and Violent Behavior. 2020. 55.
7. Goodwin, J. The Causes of Terrorism in: Chenoweth, Erica et al. (eds.), The Oxford Handbook of Terrorism. – Oxford: Oxford University Press. 2019. 17. P. 253–267.
8. Jensen, M., Atwell Seate, A. and James, P. Radicalization to Violence: A Pathway Approach to Studying Extremism // Terrorism and Political Violence. 2020. 32(5). P. 1067–1090.
9. Jugl, I., Lösel, F., Bender, D., & King, S. Psychosocial prevention programs against radicalization and extremism: A meta-analysis of outcome evaluations // European Journal of Psychology Applied to Legal Context. 2021. 13. P. 37–46.
10. McCauley, C., Moskalenko, S. Understanding Political Radicalization: The Two-Pyramids Model // American Psychologist. 2017. 72(3). P. 205–216.
11. Silke, A., Schmidt-Petersen, J. The golden age? What the 100 most cited articles in terrorism studies tell us // Terrorism and Political Violence. 2017. 29(4). P. 692–712.

DIFFERENTIATION OF THE CATEGORIES “RADICALISM”, “EXTREMISM”, “TERRORISM” IN POLITICAL DISCOURSE

Karatueva E.N.

St. Petersburg State Agrarian University

In modern conditions, the study of such concepts as “radicalism”, “extremism” and “terrorism” are of particular importance. The article is an attempt to present reflections on the essence of radicalism, extremism and terrorism, in the analysis of which an important element is the definition of concepts, the causes and factors contributing to their emergence and development.

In recent decades, the issue of forming a coordinated policy of scientists, researchers, and statesmen to develop effective mechanisms for the prevention of the phenomena under consideration has been particularly acute.

In connection with the above, the purpose of the article is to study scientific approaches to the definition of the concepts of “radicalism”, “extremism” and “terrorism”, to identify the essence of these concepts and analyze the specific differences between them.

The article shows the relationship between radicalism, extremism and terrorism, and the danger of radicalization turning into extremist and terrorist activities.

Keywords: radicalism, terrorism, extremism, radicalization, violent radicalization, violent.

References

1. Sakaev, V.T. The concept of radicalization: a review of scientific approaches in modern foreign literature // Antinomy, 2021, 21(2), pp. 45–72.
2. Baugut, P. and Neumann, K. Online Propaganda Use During Islamist Radicalization // Information Communication and Society. 2020. 23(11). P. 1570–1592.

3. Beck, J.C. *Radicals, Revolutionaries, and Terrorist*. – Cambridge: John Wiley & Sons. 2015. – URL: https://pages.pomona.edu/~cjb14747/pdfs/Beck_RRT_Chapter1.pdf (Accessed: 20 July 2023).
4. Botticher, A. *Towards Academic Consensus Definitions of Radicalism and Extremism // Perspectives on Terrorism*. 2017. 11(4). P. 73–77.
5. Dowson, L. *Clarifying the Explanatory Context for Developing Theories of Radicalization: Five Basic Considerations // Journal for deradicalization*. 2019. 18. P. 146–183.
6. Emmelkamp, J., Asscher, J. J., Wissink, I. B., & Stams, G. J. J.M. *Risk factors for (violent) radicalization in juveniles: A multilevel meta-analysis // Aggression and Violent Behavior*. 2020. 55.
7. Goodwin, J. *The Causes of Terrorism in: Chenoweth, Erica et al. (eds.), The Oxford Handbook of Terrorism*. – Oxford: Oxford University Press. 2019. 17. P. 253–267.
8. Jensen, M., Atwell Seate, A. and James, P. *Radicalization to Violence: A Pathway Approach to Studying Extremism // Terrorism and Political Violence*. 2020. 32(5). P. 1067–1090.
9. Jugl, I., Lösel, F., Bender, D., & King, S. *Psychosocial prevention programs against radicalization and extremism: A meta-analysis of outcome evaluations // European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. 2021. 13. P. 37–46.
10. McCauley, C., Moskalkenko, S. *Understanding Political Radicalization: The Two-Pyramids Model // American Psychologist*. 2017. 72(3). P. 205–216.
11. Silke, A., Schmidt-Petersen, J. *The golden age? What the 100 most cited articles in terrorism studies tell us // Terrorism and Political Violence*. 2017. 29(4). P. 692–712.

Политический потенциал БРИКС в трансформации системы международной безопасности

Форостянный Никита Сергеевич,

аспирант 1-го года обучения/преподаватель на кафедре Менеджмент организации Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: fornsr1@mail.ru

Тёмкина Анна Михайловна,

аспирант 1-го года обучения на кафедре «Менеджмент организации» Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: anya_temkina@mail.ru

В статье исследована роль и возможности России в решении мировых проблем в целях обеспечения безопасного, устойчивого бесконфликтного межкультурного взаимодействия. Опыт России, с учётом компонентов её культурного кода, может быть полезным с точки зрения концептуального вклада в деле выстраивания устойчиво безопасного совместного будущего. Теоретическая значимость исследования выражается приращением концептуального знания в отношении внешней политики национальной безопасности, что обуславливает возможность выхода на новый уровень осмысления тематики и определения проблемного поля, в рамках которого предстоит рассматривать государственную внешнюю политику современной России в ее взаимосвязи с национальной безопасностью. Научная новизна определяется выявлением роли ценностного подхода в реализации внешней политики в системе обеспечения национальной безопасности.

Авторами предложены направления совершенствования политического взаимодействия модели БРИКС с учетом трансформации глобальной системы прямых и обратных связей. Потенциал БРИКС заключается не в экономическом, а прежде всего, в политическом взаимодействии с целью построения единого, концептуально определенного мирового образа будущего.

Ключевые слова: миропорядок, Организация Объединенных Наций, БРИКС, культурный код, конфликты, глобализация, бежи обороны.

Глобализация – объективный и неизбежный процесс, порождаемый биологическим единством человека и взаимовлиянием культур друг на друга. Вся мировая история – процесс объединения человечества с разной скоростью вперемешку с кризисными трансформациями, необходимыми для преобразования культуры общества в целом и попытками построения глобальных институтов, обеспечивающих устойчивое и безопасное развитие мира.

Сегодня обсуждаются войны «нового» типа за передел мира таким образом, как это выгодно субъектам реализации концепции нового мирового порядка [1]. Мир вступил в эру построения единого мирового информационного общества. Переходный этап сопровождается ошибками прежней культуры, которые выражаются в погоне за доминированием «белых вождей», попытках уничтожить самосознание народов конфликтующих стран, ориентиров, формирующих мировоззрение. Это происходит как напрямую, через финансирование лояльных лидеров мнений, так и через внедрение проработанного научно-методологического аппарата, стирание исторической памяти, насаждение деструктивной идеологии, «культуру отмены» альтернативного информационного потока и, в конце концов, силового воздействия как напрямую, так и чужими руками [2,3]. Таким образом, межгосударственные и межнациональные конфликты носят комплексный характер, в основе комплексного подхода лежит информационно-алгоритмическая система (культура), которая становится целью субъективного воздействия (объектом атаки).

Культура – информационно-алгоритмическая система, состоящая из информационно-алгоритмических модулей, в которых на текущий момент присутствуют коды ошибок, провоцирующие циклические кризисы во всех сферах жизнедеятельности, прежде всего в коммуникационной.

Культура – информация (знания и теоретические неформализованные навыки), которая циркулирует в обществе, при этом не передается от поколения к поколению в готовом для употребления виде.

Культура – это объект и субъект управления.

Министр культуры А.А. Авдеев однажды сказал: «Существует известный афоризм: «Что остается от культуры?» – Остаемся мы, изменившиеся. Это и есть главный смысл существования культуры» – писал А.А. Авдеев. Культура определяет сущность и ценности человеческой личности [3].

Как отмечает Михайлов В.А., «культура... – это не просто двигатель и ресурс, это локомотив всей человеческой деятельности» [3].

Ценностные отношения, в свою очередь, являются для людей не внешними и принудительными, а внутренними и ненасильственными, а также объединяющими в общности. Нет ни одной сферы нашей жизни, в которой бы ни присутствовало в широком смысле понятие культуры. Это и культура труда, и культура воспитания, и культура образования, и особенно важна культура межнациональных отношений. «Наша страна на рубеже 19–20 и 20–21 веков пережила две геополитические катастрофы. Одной из их причин явилась как раз недоста-

точно высокая культура межнациональных отношений. И мы не имеем права сегодня не воспользоваться уже имеющимся опытом для того, чтобы в сфере национальных отношений у нас установилась бы самая высокая культура» – продолжает Михайлов В.А. [4]. Таким образом, меняя параметры культуры, устраняя или закладывая коды ошибок, мы меняем будущее либо в сторону развития, либо в сторону деградации.

Китайская мудрость: «Хочешь победить врага – воспитай его детей», которую по своему содержанию на сегодня можно приравнять к информационной агрессии в отношении противника – помещения обучающегося в «интеллектуальный плен». Система образования воспитывает кадры, которые сегодня принимают и будут принимать общественно-значимые управленческие решения на основе научно-методологического аппарата, которым управленцы владеют, что напрямую отражается на состоянии общества и биосферы. Одна система образования/наука – одно будущее, другая – другое. Инструментом борьбы с дезинформацией подобного рода можно бороться повышением общего уровня культуры населения, культуры работы с информацией и повышением качества фундаментального образования.

Обеспечение национальной безопасности любого государства состоит не только в военной мощи, но и защите от деструктивных потоков информации. Так жизненно важные традиционные устои общества можно рассматривать как фундамент, благодаря которому государство продолжает существовать.

Исходя из вышесказанного, систему национальной безопасности можно представить, как цитадель с шестью рубежами обороны [5]:

1. Мировоззренческий (аксиологический). Мировоззрение обуславливает миропонимание, методологию познания, формирует цели развития, основы общественного управления наиболее сильно влияют на выбор человека;

2. Исторический. Этот приоритет позволяет видеть направленность развития исторических процессов в обществе и природе. Так специалист любой отрасли новый проект начинает с изучения архива (хронологии развития технологий и её прикладной фактологии) по соответствующей тематике. Если архив сокращен или искажен, то выводы и принимаемые решения, даже высококвалифицированного специалиста, могут быть ошибочны, а построенная на таких данных модель будет по определению неработоспособной. С 2015 года в Украине переписывают учебники истории, центром которых стал националистический лейтмотив – «Слава Украине!», казалось, что ничего плохого нет в том, чтобы растить патриотов своей страны, однако результат такого воспитания мы видим сегодня в военных столкновениях. Таким образом, мы наблюдаем взаимосвязь приоритетов управления между собой [3];

3. Идеологический/религиозный. К этому приоритету можно отнести вероучения, идеологий, фактологию всех отраслей науки. Одним из наиболее мощных способов программирования сознания людей – являются средства массовой информации, которые отражают не только объективную картину реальности, но и формируют отношение людей к тем или иным событиям.

4. Экономический. Управление осуществляется через экономические процессы, выстраивание финансовых схем. «Там, где не пройдут войска, пройдёт осёл, навьюченный золотом» – Филипп 2 Македонский (например, односторонние экономические санкции, которые применяются без одобрения Совета безопасности ООН и т.п.).

5. Биологический/демографический. Средства геноцида, поражающие не только живущие, но и последую-

щие поколения: наркотики (в том числе алкоголь и табак), генная инженерия, ядерный шантаж.

6. Силовой (военный) Воздействие осуществляется главным образом силовым путем – все законные и незаконные силовые структуры: армия, полиция, вооруженные формирования, террористические группировки и тому подобное. Управление, осуществляемое только силовым приоритетом недолговечно, так как требует больших затрат и при этом не даёт устойчивого результата. «Война есть продолжение политики иными средствами» говорил Карл фон Клаузевиц, один из ключевых теоретиков войны.

Можно сказать, что применение силового приоритета носит тактический характер, в отличие от «длинных» приоритетов: мировоззренческого, исторического, идеологического. Первые три по своему существу представляют собой донесение до объекта информационных потоков с целью управления в интересах субъекта или субъектов, противоречие целей субъектов – это информационная война.

На мировой политической арене применяются средства на всех шести приоритетах: прямые военные конфликты, подрыв газопровода, переписывание истории на Украине, провокации в Буче, химические лаборатории, обстрел ЗАЭС, шантаж «грязной» бомбой, провозглашение гуманитарной катастрофы, защита этнических, религиозных интересов малых народов, обеспечение соблюдения демократических прав и свобод. Так было в Боснии, Хорватии, Косово, Ираке, Украине. Чтобы оправдать свои действия на международной арене, навязать свой образ жизни и мировоззрение, обязательно нужен противник, который станет олицетворением всего дурного и порочного. В этом контексте важно не только победить врага военным путем, но и сформировать его негативный образ в общественном сознании. По этой причине в информационную составляющую конфликта ведущими державами вкладывается не меньше средств, чем в разработку новейшего оружия.

Качественное усложнение конфликтов в условиях глобализации вынуждает к созданию международных институтов, которые способны к беспристрастному и справедливому их урегулированию. После окончания Второй Мировой войны Организация Объединенных Наций (ООН) создавалась, в первую очередь, именно с целью предотвращения будущих конфликтов и поддержания безопасности во всем мире. Предшественником ООН была Лига Наций, которая не справилась с возложенной на неё аналогичной задачей после агрессии Японии против Китая в 1932 году, которой Лига смогла противопоставить только «бумажное заключение» спецкомиссии, а после предвзятое отношение к одним и открытое подыгрывание другим показало неспособность созданного института к беспристрастности и тем более справедливости. «На сегодняшний день почти треть человечества живет в странах, против которых применяются односторонние принудительные меры – санкции, введенные отдельными государствами или группами стран без одобрения Совбеза ООН» [6].

Создание ООН – мост в безопасное будущее человечества, от которого через 78 лет после его создания остались руины. Восстанавливать не имеет смысла: появились новые технологии, другие грузы, которые прежние опоры выдержать не в состоянии. Возникает вопрос о необходимости реформирования ООН, чтобы сделать эту организацию более представительной и отражающей современную ситуацию в глобальной политике. Некоторые страны считают, что состав Совета Безопасности ООН должен быть расширен, чтобы более полно отражать интересы различных регионов и сделать его

более репрезентативным. Не нужно ловить падающие ножи старого мира, мир – система, построенная после Второй мировой, а затем холодной войны трансформируется в новую. COVID-19, события 2022 года перерезали цепи международных связей, а сегодняшние санкции и западное давление – попытка удержать ускользающее господство ненасытного либерализма.

Чтобы ООН могла по-настоящему представлять интересы всех регионов планеты и перестала быть инструментом, решающим политические проблемы «особенных» стран необходимо активное участие и конструктивное сотрудничество всех стран-членов организации. Кроме этого, некоторые влиятельные страны дискредитируют организацию и направляют её по пути Лиги Наций. Возникновение концепции «гуманитарной интервенции», использованной для обоснования бомбардировок Югославии странами НАТО, стало механизмом по нарушению суверенитета любого государства под предлогом обязательства защиты, которое не требует согласия государства-мишени или его обращения в ООН. После прецедента силовой акции без санкции ООН был открыт ящик Пандоры, который просто возможностью своего существования противоречит логике ООН. Организация стала пособником (адвокатом) войны на всех рубежах обороны.

События марта 1999 года поставили точку в предложении об Организации Объединенных Наций. Мы это поняли, и как страна предложили создать не антагонистичный по сути, но по сущности альтернативный вариант будущего мира. Несмотря на все попытки коллективного запада противостоять созданию полицентричной структуры, мир уже перешел к «историческому водоразделу» в 2006 году [7].

Запад стремится сохранить существующую мир-систему всевозможными структурными и бесструктурными способами, наглядным инструментами по сохранению существующей модели международных отношений можно назвать: навязывание войны, экономические санкции, вводимые с целью давления на мировых субъектов без санкции Совбеза ООН, чтобы не позволить им навязать свой образ будущего через разрушение ресурсной устойчивости, информационное воздействие, внедрение деструктивных идеологий в стране противника, которые разрушают страну изнутри.

В ответ на язык силы создается БРИКС. Цель создания БРИКС – формирование устойчивых экономических связей и развитие политического взаимодействия. На первом саммите БРИКС были выработаны направления взаимодействия по ключевым вопросам международных отношений [8]. БРИКС эволюционирует, становится всё более весомым субъектом в международной коммуникации. На долю стран участниц приходится около половины населения планеты [9], а ВВП и золотовалютные резервы превосходят страны G7 [10]. Кроме экономической сферы нужно учитывать и политическое влияние. Все страны БРИКС оказывают политическое влияние либо на глобальном, либо на региональном уровнях. Мягкая сила во внешней политике компенсирует экономические просчеты, а ресурсная устойчивость политических. Ресурсная устойчивость позволяет стать фундаментом построения концептуально нового образа будущего.

Заключение

Мнимый возврат к деглобализации развитых стран (США, Великобритания и др.) [10] перестает стимулировать мировую экономику, что создает необходимость поиска новых импульсов развития. Эти импульсы может создать

и направить совместная работа группы БРИКС, при этом не ограничиваться политикой протекционизма и концепцией Север-Юг, а создавать всеобъемлющие, основанные на единых принципах формирования/группы/альянсы среди стран, которые пока не готовы присоединиться к БРИКС, но разделяют ценности/подход объединения. В этом смысле структура БРИКС может стать координационным культурным центром развития мировой экономики, благодаря созданным культурным/политическим/экономическим связям и концептуально определенном совместном образе будущего. Другими словами, перед странами БРИКС открылась уникальная возможность переосмыслить устройство мира, существующей животной культуры «сильный-слабый», выработать принципы по решению глобальных проблем с учетом исторического опыта других глобальных объединений.

Для решения этих задач и достижения устойчивого положения в мире в ближайшие десятилетия необходимо объединить диалог стран-участников в разрезе гражданского, академического и управленческого блока. При этом учитывать различия в образовании, культуре, языке и т.д., но не стремиться к унификации, но стандартизации в смысле фундаментального образования. Формирование мировой кадровой базы должно стать осмысленным и скоординированным. Быстроменяющаяся внешняя среда требует новых кадров, способных реагировать на новые вызовы.

В перспективе БРИКС упрочит свои позиции, станет прообразом нового глобального мироустройства, в котором каждая страна-участник берет на себя гармонизирующую роль, закрывая слабые места других стран. Глобально БРИКС – это больше, чем экономическое объединение, это предтеча коллегиального органа принятия решений единого человечества. Но сможет ли общество стран-участников взять на себя такую этическую роль? Сможет при лидерстве России с учетом компонентов её культурного кода, которые могут быть полезны в деле выстраивания совместного безопасного будущего.

Литература

1. Касюк А.Я. Глобализация и новый мировой порядок / А.Я. Касюк, И.В. Манохин, И.К. Харичкин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 10(749). – С. 167–181.
2. Волкова А.И. Периодическая печать в условиях информационной войны (на примере войны в Югославии 1999 г.) / А.И. Волкова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 19 (257). – С. 287–290.
3. Форостянный Н.С. Целеполагание национальной политики Российской Федерации / Н.С. Форостянный // Инновационные технологии и технические средства специального назначения: Труды пятнадцатой общероссийской научно-практической конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 21–22 ноября 2022 года. – Санкт-Петербург: Балтийский государственный технический университет «Военмех», 2023. – С. 106–109. – EDN KPOQRR.
4. Голобородько А.Ю. Государственная культурная политика в системе обеспечения национальной безопасности современной России: автореф...дис. док. полит. наук – Ростов на Дону 2016 с. 91
5. Миловзорова, М.Н. Основные принципы целеполагания в социальных системах: вектор развития / М.Н. Миловзорова // Инновационные технологии и технические средства специального назначения: Труды четырнадцатой общероссийской научно-

практической конференции В 2 т., Санкт-Петербург, 15–19 ноября 2021 года. – Санкт-Петербург: Балтийский государственный технический университет «Военмех», 2022. – С. 238–240

6. Додонов В.Ю. Перспективные направления формирования финансового суверенитета в рамках Большого евразийского партнерства / В.Ю. Додонов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – Т. 17, № 3(45). – С. 38–49.
7. Бобровников А. В. BRICS – взгляд в будущее В.А. Садовничий, А.А. Акаев, А.А. Коротаев, С.Ю. Малков. Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики. М.: Издательский дом «Наука», 2014 / А.В. Бобровников // Латинская Америка. – 2014. – № 12. – С. 89–94.
8. Данилова В.В. Будущее международной организации БРИКС: развитие и перспективы / В.В. Данилова, И.Н. Люкевич // Неделя науки СПбПУ: материалы научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 14–19 ноября 2016 года. Том Часть 2. – Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2016. – С. 408–409.
9. Толорая Г.Д. Проблемы выработки долгосрочной стратегии брикс: Российский взгляд // Сравнительная политика. 2014. № 1 (14).
10. Горбова К. Н. БРИКС: экономический рост для инновационного будущего / К.Н. Горбова, Т.П. Родионова // Актуальные вопросы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности: отечественный и зарубежный опыт: Материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции, Новосибирск, 04 марта 2020 года. – Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2020. – С. 20–26.

THE POLITICAL POTENTIAL OF THE BRICS IN THE TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL SECURITY SYSTEM

Forostyanny N.S., Temkina A.M.

D.F. Ustinov Baltic State Technical University VOENMEKH

The article examines the role and capabilities of Russia in solving world problems in order to ensure safe, sustainable conflict-free intercultural interaction. The experience of Russia, taking into account the components of its cultural code, can be useful from the point of view of a conceptual contribution to building a sustainably secure future together.

The theoretical significance of the study is expressed by the increment of conceptual knowledge regarding the foreign policy of national security, which makes it possible to reach a new level of understanding the topic and defining the problem field within which the state foreign policy of modern Russia in its relationship with national security is to be considered. Scientific novelty is determined by the identification of the role of the value approach in the implementation of foreign policy in the national security system.

The authors propose ways to improve the political interaction of the BRICS model, taking into account the transformation of the global system of direct and feedback links. The potential of the BRICS lies not in economic, but primarily in political interaction in order to build a unified, conceptually defined global image of the future.

Keywords: world order, United Nations, BRICS, cultural code, conflicts, globalization, frontiers of defense.

References

1. Kasyuk A. Ya. Globalization and the new World order / A. Ya. Kasyuk, I.V. Manokhin, I.K. Kharichkin // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. – 2016. – № 10(749). – Pp. 167–181.
2. Volkova A.I. Periodicals in the conditions of information war (on the example of the war in Yugoslavia in 1999) / A.I. Volkova. – Text: direct // Young scientist. – 2019. – № 19 (257). – Pp. 287–290.
3. Forostyanny N.S. Goal-setting of the national policy of the Russian Federation / N.S. Forostyanny // Innovative technologies and technical means of special purpose: Proceedings of the fifteenth All-Russian scientific and practical conference. In 2 volumes, St. Petersburg, November 21–22, 2022. – St. Petersburg: Baltic State Technical University “Voennmeh”, 2023. – pp. 106–109. – EDN KPOQRR.
4. Goloborodko A.Y. State cultural policy in the system of ensuring national security in modern Russia: autoref...dis. doc. polit. Sciences – Rostov on Don 2016 p. 91
5. Milovzorova, M.N. The basic principles of goal-setting in social systems: a vector of development / M.N. Milovzorova // Innovative technologies and special-purpose technical means: Proceedings of the fourteenth All-Russian scientific and practical conference In 2 volumes, St. Petersburg, November 15–19, 2021. – St. Petersburg: Baltic State Technical University “Voennmeh”, 2022. – pp. 238–240
6. Dodonov V. Yu. Promising directions for the formation of financial sovereignty within the framework of the Great Eurasian Partnership / V. Yu. Dodonov // Eurasian integration: economics, law, politics. – 2023. – vol. 17, No. 3(45). – pp. 38–49.
7. Bobrovnikov A.V. BRICS – a look into the future V.A. Sadvnichy, A.A. Akaev, A.A. Korotaev, S. Yu. Malkov. Complex modeling and forecasting of the development of the BRICS countries in the context of global dynamics. Moscow: Nauka Publishing House, 2014 / A.V. Bobrovnikov // Latin America. – 2014. – No. 12. – pp. 89–94.
8. Danilova V.V. The future of the BRICS International Organization: development and prospects / V.V. Danilova, I.N. Lyukevich // SPbPU Science Week: proceedings of a scientific conference with international participation, St. Petersburg, November 14–19, 2016. Volume Part 2. – St. Petersburg: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University”, 2016. – pp. 408–409.
9. Toloraya G.D. Problems of developing a long-term BRICS strategy: A Russian view // Comparative Politics. 2014. № 1 (14).
10. Gorbova K. N. BRICS: economic growth for an innovative future / K.N. Gorbova, T.P. Rodionova // Topical issues of state regulation of foreign economic activity: domestic and foreign experience: Materials of the interuniversity student scientific and practical conference, Novosibirsk, March 04, 2020. – Novosibirsk: Siberian State University of Railway Engineering, 2020. – pp. 20–26.

Региональная идентичность и историческая память префектуры Окинава в контексте исторической политики Японии

Лапшаков Глеб Сергеевич,

ассистент, кафедра социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ)
E-mail: glapshakov@gmail.com

В статье поднимается проблема локальных исторических нарративов японской префектуры Окинава, значимых для региональной идентичности, но вступающих в противоречие с общим курсом исторической политики Японии. Если позиция властей этой страны в течение нескольких десятилетий вызывает обвинения в историческом ревизионизме со стороны других государств Восточной Азии, то гражданское общество и региональные власти Окинавы проявляют серьёзное внимание к сохранению памяти о Второй мировой войне, включая и военные преступления самой Японии. Подобное противоречие подразумевает конфликтный потенциал, который действительно уже проявлялся в форме массовых акций протеста и публичных конфликтов между региональными и национальными властями. Работа посвящена особенностям исторической памяти населения Окинавы, их происхождению и современному значению, а также взаимодействию с ними исторической политики Японии.

Ключевые слова: политика памяти, историческая политика, историческая память, Окинава, Япония.

Введение

Дипломатические конфликты между Японией и другими государствами Восточной Азии, связанные с современным курсом японской исторической политики, являются значительным фактором в политических процессах региона. Уже несколько десятилетий власти КНР, Республики Корея и КНДР обвиняют японскую сторону в историческом ревизионизме, попытках преуменьшения и отрицания фактов военных преступлений, совершённых Японией в ходе Второй мировой войны [9, с. 82]. Почвой для обвинений служат как резкие заявления японских официальных лиц, так и деятельность Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии, направленная на отбор исторических фактов и их оценок, допустимых к использованию в школьных учебниках истории. Поскольку эта тема долгое время остаётся проблемной точкой в отношениях Японии со странами Восточной Азии, она широко представлена в современной научной литературе. Значительно меньшее внимание привлекает негативная реакция на историческую политику Японии, выражаемая гражданским обществом и властями одного из регионов самой Японии – префектуры Окинава.

Хотя этот регион, занимающий большую часть архипелага Рюкю на крайнем юго-западе страны, уступает прочим и по численности населения, и по площади, он резко выделяется среди них своей историей и культурой. Особенности исторического развития островов Рюкю в целом и острова Окинава в частности привели к возникновению у жителей префектуры локальных исторических нарративов, резко отличающихся от распространённых в остальной Японии. К таким особенностям можно отнести длительную традицию собственной государственности, травматичный опыт политики ассимиляции после присоединения к Японской империи (1879–1945), результаты разрушительной Битвы за Окинаву (1945), последствия периода оккупации со стороны США (1945–1972). Эти события стали основой для формирования у жителей префектуры специфического взгляда на ряд событий японской истории.

Особо важное место в исторической памяти окинавцев заняла битва за Окинаву 1945 года, которая показала двойственное, подозрительное и даже жестокое отношение японских военных к населению префектуры. Распространена точка зрения, что местные жители столкнулись с недоверием со стороны собственных вооружённых сил, видевших в них «не настоящих» японцев [2, с. 66]. Более того, сохранились свидетельства, что японские солдаты принуждали местных жителей к самоубийству при угрозе попадания в плен, выдавая им для этого гранаты [3, с. 152]. Таким образом, восприятие битвы окинавцами отличается значительно более резким отношением к японской армии и её действиям [5, с. 54]. С битвой за Окинаву связано большое число мест памяти на территории префектуры, в том числе мемориалов и музеев. 27-летняя оккупация со стороны США также стала одним из итогов войны. Лишь в 1972 году Окинава, историко-культурные различия которой с остальной Японией углубились возросшим экономическим отставанием от неё, вернулась в состав страны.

Результатом исторического опыта Окинавы стало сохранение преобладания среди её жителей окинавской идентичности над японской, которое демонстрируют опросы общественного мнения. Так, в ходе опроса, проведённого в 2022 году национальной газетой Ёмиури симбун, 57% респондентов из префектуры идентифицировали себя в первую очередь как окинавцев. Японскую идентичность предпочли 16% опрошенных, а одинаково важными для себя обе идентичности назвали ещё 26% респондентов (1% отказался отвечать на этот вопрос) [1].

Историческая политика Японии

Термин «историческая политика» в данной статье понимается, вслед за А.И. Миллером, как «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» [4, с. 19]. В случае Японии её ключевым актором выступает Либерально-демократическая партия Японии (ЛДПЯ) – ведущая политическая партия страны, сохраняющая статус правящей почти всю её послевоенную историю. Именно с политикой этой партии связаны конфликты на почве исторических разногласий между Японией и другими государствами Восточной Азии. В 1995 году премьер-министр из Социалистической партии Японии (сейчас – Социал-демократическая партия Японии), Томиити Мураяма, попытался разрядить напряжённость в регионе и выступил с речью, в которой принёс извинения за агрессивные действия своей страны в период Второй мировой войны. Но уже вскоре ЛДПЯ удалось вернуться к власти, а в 2000 году в ней начала доминировать ещё более националистически настроенная фракция, чем прежде [10, с. 61].

Общий характер изменений в исторической политике Японии можно проследить на примере японских учебников истории. Н.П. Дронишинец и Н.А. Носырев выделяют несколько значительных стадий их развития [3, с. 150].

1. В ранний период, с начала 1950-х годов, в учебниках описываются общие детали Тихоокеанского фронта. Признаётся неправильность действий страны, но вторжения в другие государства не описываются.
2. В 1972–1973 годы происходит нормализация отношений с Китаем и Республикой Корея, в учебниках начинает упоминаться Нанкинская резня 1937 года, но в формулировке «Нанкинский инцидент» и без указания точного числа жертв.
3. В 1985–1986 годы курс ужесточается: наложен запрет на использование в контексте действий Японии в период Второй мировой войны терминов «агрессия», «нападение» и «интервенция».
4. На 1993–1997 годы приходятся временные изменения, вызванные поражением ЛДПЯ на выборах. Премьер-министр Томиити Мураяма публично признаёт ущерб, нанесённый японской агрессией и приносит извинения за неё. В учебниках впервые упоминаются станции утешения, остающиеся важной проблемой в отношениях Японии с государствами Корейского полуострова.
5. В 2007 проходит новая волна рецензирования, отдельно коснувшаяся битвы за Окинаву. Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии рекомендует изъять из учебников упоминания принудительных самоубийств и дискриминации окинавцев в ходе битвы за Окинаву.

Приведённые примеры из развития японских учебников истории демонстрируют тенденцию к смягчению оценок действий Японии в ходе Второй мировой войны.

Историческая память и региональная идентичность Окинавы

Существуют разные источники, позволяющие выделить нарративы, значимые для региональной идентичности и исторической памяти Окинавы. Помимо уже упомянутых опросов общественного мнения, таковыми могут быть локальные места памяти, коммеморативные мероприятия, дискурс локальных средств массовой информации и органов местного самоуправления. Так, ярким примером коммеморативных мероприятий служит День памяти, ежегодно отмечаемый в префектуре 23 июня, в день окончания битвы за Окинаву [13, с. 308]. Это праздник регионального значения, который был введён ещё до возвращения Окинавы в состав Японии, но был сохранён и после него. В этот день проходят коммеморативные мероприятия в Мемориальном парке мира в городе Итоман, в которых традиционно принимает участие губернатор Окинавы, выступающий с речью. С 1990 года в мероприятиях регулярно участвует и премьер-министр Японии, прибывающий в префектуру и также выступающий с речью.

Мемориальный парк мира в городе Итоман, таким образом, служит значимым местом памяти. На его территории находится целый ряд мемориалов, посвящённых погибшим в ходе битвы солдатам и гражданским лицам. В частности, Краеугольный камень мира, который был создан в 1995 году и к которому прилегают плиты с именами более чем 240 тысяч известных жертв битвы за Окинаву: японцев и американцев, военных и гражданских лиц [8]. Также на территории парка установлены монументы, представляющие остальные префектуры Японии и посвящённые их уроженцам, также погибшим в ходе сражения. Наконец, на территории парка расположен Мемориальный музей мира префектуры Окинава, постоянная экспозиция которого полностью посвящена предыстории битвы, её описанию, свидетельствам переживших её очевидцев, а также её последствиям [7]. Значение битвы за Окинаву для местного населения подчёркивает существование в других частях префектуры ещё целого ряда мемориалов и музеев, посвящённых событиям 1945 года. Как уже отмечалось ранее, восприятие битвы окинавцами отличается значительно более резким отношением к японской армии и её действиям. Ярким примером соответствующего дискурса выступает экспозиция Мемориального музея мира префектуры Окинава, которая акцентируется на лишениях, которые испытали местные жители по вине обеих сторон войны.

Также существуют места памяти, связанные с более ранней историей Окинавы. В частности, одним из таких объектов является замок («гусуку») Сюри – бывшая резиденция монархов независимого Королевства Рюкю. Как и многие другие памятники прошлого региона, он был разрушен в ходе битвы за Окинаву. Тем не менее, впоследствии замок был восстановлен, и в настоящее время признан частью более обширной группы памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО, носящей общее название «Гусуку и связанные с ними памятники Королевства Рюкю». К местам памяти, не концентрирующимся на событиях Второй мировой войны (но всё равно затрагивающим их), можно отнести некоторые местные музеи, такие как Музей префектуры Окинава [6]. В постоянной экспозиции последнего проявляется другой нарратив: Королевство Рюкю описывается как процветающее благодаря торговым путям государство, на время существования которого приходится расцвет региона.

Таким образом, даже общее обращение к историческим нарративам, характерным для префектуры, позволяет обнаружить потенциал для критического отношения окинавцев к Японии. Проблема описания битвы за Оки-

наву в учебниках истории в целом является источником конфликтов между региональными и национальными властями. Ярким примером служат события 2007 года: как уже было отмечено, в этот год Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии издало рекомендацию изъять из школьных учебников истории упоминания случаев принуждения мирных жителей Окинавы к самоубийствам со стороны японских военных, которые происходили в ходе битвы за Окинаву [3, с. 152]. Результатом стали акции протеста, в которых приняли участие около 110 тысяч человек [12, с. 2]. С протестующими солидаризировались органы власти всех муниципалитетов и региональные власти префектуры: парламент префектуры принял официальное обращение к правительству Японии с призывом отменить решение министерства. Трудности во взаимодействии региональных и национальных властей усугубляются проблемой высокой концентрации в префектуре военной инфраструктуры США, сохранившейся со времён американской оккупации региона. Согласно опросу Ёмиури Симбун (2022), 32 и 50% респондентов из Окинавы считают отношения между региональными властями и властями Японии плохими или скорее плохими [1]. Более того, ответы респондентов из остальной Японии указывают, что эта проблема известна и за пределами префектуры: 16 и 52% японских респондентов, проживающих в других префектурах, также охарактеризовали отношения между региональными властями Окинавы и властями Японии как плохие или скорее плохие. Наконец, крупные региональные СМИ, Окинава Таймс и Рюкю Симпо регулярно публикуют резкую критику в адрес властей страны, в случае последнего – вплоть до публикации материалов от сепаратистски настроенных авторов.

В то же время, результаты опросов показывают, что все эти особенности окинавского общества сосуществуют с его высокой степенью лояльности государству. Согласно тому же опросу Ёмиури Симбун (2022), 56 и 34% респондентов одобрили или скорее одобрили возвращение Окинавы в состав Японии, произошедшее в 1972 году [1]. Не одобрили или скорее не одобрили его только 2 и 5% респондентов соответственно. Ещё больше информации предоставляют периодические опросы национальной телевещательной корпорации NHK, которые также демонстрируют высокий уровень одобрения факта реинтеграции Окинавы в состав Японии в 1972 году. Ответы респондентов из префектуры Окинава на соответствующий вопрос выглядят следующим образом (табл. 1) [11].

Таблица 1

Год опроса	Одобрят / скорее одобряют	Не одобряют / скорее не одобряют	Не определились
1970	84,5	7	8,5
1973	37,6	52,5	9,9
1975	43,3	50,7	6
1977	40,2	55,3	4,5
1982	63,1	32,2	4,8
1987	75,7	18	6,3
1992	81,3	10,6	8,1
2002	76,2	13,3	10,6
2012	78,2	14,7	7,1
2022	84,1	13,5	2,3

Приведённые данные можно визуализировать следующим образом (рис. 1).

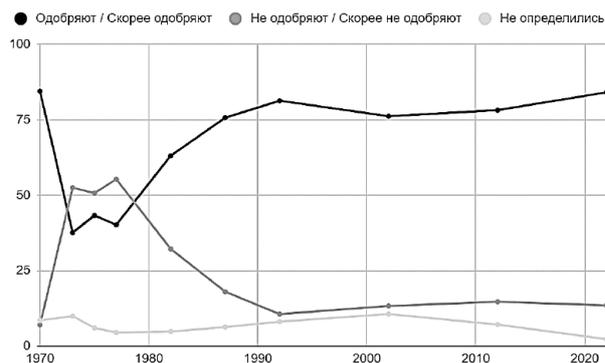

Рис. 1.

В динамике общественного мнения отчётливо прослеживаются период разочарования результатами возвращения Окинавы в состав Японии и последующее постепенное восстановление высокого уровня его одобрения, сохраняющееся уже несколько десятилетий. В 2022 году в анкету были включены отдельные вопросы о причинах позитивного или негативного отношения к этому событию. 40,0% респондентов из префектуры Окинава, выбравших варианты ответа «не одобряю» или «скорее не одобряю», объяснили свой ответ сохранением военных баз США. Ещё 46,3% объяснили свой отрицательный ответ тем, что интересы Окинавы, с их точки зрения, не учитываются. В то же время, лишь 1,8% выбрали вариант ответа «потому что происходит утрата традиционной окинавской культуры». Ещё 6,4% указали, что из-за развития туризма, последовавшего за возвращением Окинавы, происходит разрушение природного наследия региона. 2,7% высказали сожаление о том, что возвращение уменьшило связи региона с США. Наконец, 3,6% респондентов не были удовлетворены ни одним из предложенных вариантов ответа, а 1,8% отказались отвечать на данный вопрос.

Таким образом, результаты опроса 2022 года, проведённого к 50-летию юбилею возвращения Окинавы, демонстрируют не только высокий уровень его одобрения, но и основные причины скептического к нему отношения. Это традиционные для префектуры проблема сохранения военных баз США и запрос на справедливость, тесно связанные как друг с другом, так и с проблематикой исторической памяти. В то же время, результаты опросов NHK и Ёмиури Симбун показывают, что конфликтный потенциал противоречий исторической памяти Окинавы и современной исторической политикой Японии не помешал развитию лояльности населения префектуры национальным властям.

Заключение

Противоречие между неприятием окинавцами исторической политики японских властей и их высокой лояльностью Японии в целом делает случай Окинавы примечательным с точки зрения исследований памяти. Несмотря на сохранение властями Японии общего курса исторической политики даже вопреки давлению со стороны государств Восточной Азии, они проявляют определённую гибкость во взаимодействии с гражданским обществом и местными властями префектуры Окинава. Ярким свидетельством этого служит уже ставшее традиционным участие премьер-министров Японии в коммеморативных мероприятиях, приуроченных ко Дню памяти Окинавы.

Обращает на себя внимание и относительно терпимое отношение к критике со стороны местных СМИ. Таким образом, историческая политика Японии учитывает специфику префектуры Окинава и стремится адаптироваться к ней, не меняя при этом общий консервативный курс ЛДПЯ к вопросам исторического прошлого и наследия Второй мировой войны. Этот опыт, несмотря на всю его специфику, может быть полезен для дальнейшего углубления научных представлений о природе исторической памяти и её влиянии на общественно-политические процессы.

Литература

1. 2022 нэн 3–4 гацу ю: со: дзэнкоку ёронто: са «Окинава фукки 50 нэн» (Общенациональный опрос по почте в марте-апреле 2022 г. «50 лет после возвращения Окинавы») [Электронный ресурс] // Ёмиури симбун. – URL: <https://www.yomiuri.co.jp/election/yoron-chosa/20220512-OYT1T50258/>. (дата обращения: 01.08.24).
2. Баженова Ж.М. Битва за Окинаву и проблемы идентичности окинавцев // Вестник ДВО РАН. 2012. № 1 (161). С. 60–69.
3. Дронишинец Н.П., Носырев Н.А. Государственная политика Японии в системе образования // Дискуссия. 2012. № 4. С. 149–153.
4. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке: сборник статей / науч. ред. А.И. Миллер, М.А. Липман. – Москва: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 7–32.
5. Оиси Ютака. Окинава тихо: си то Окинава но кюку: ирэй но хи (6 гацу 23 нити) то бэйгун китимондай о тю: син ни (Локальные газеты и память Окинавы: День памяти (23 июня) и проблема военных баз США) // Кэйо: гидзюку дайгаку хо: гакубу (Юридический факультет Университета Кэйо), 2008. С. 49–73.
6. Окинава кэнрицу хакубацукан бидзюцукан (Музей префектуры Окинава) [Электронный ресурс] // Окинава кэнрицу хакубацукан бидзюцукан. – URL: <https://okimu.jp/>. (дата обращения: 01.08.24).
7. Окинава кэнрицу хэйва кинен сирё: кан (Мемориальный музей мира префектуры Окинава) [Электронный ресурс] // Окинава кэнрицу хэйва кинен сирё: кан. – URL: <http://www.peace-museum.okinawa.jp/>. (дата обращения: 01.08.24).
8. Окинава сэнсэки кокутэй ко: эн (Мемориальный парк мира префектуры Окинава) [Электронный ресурс] // Окинава сэнсэки кокутэй ко: эн. – URL: <https://heiwa-irei-okinawa.jp/>. (дата обращения: 01.08.24).
9. Стрельцов Д.В. Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседами: к 75-летней годовщине капитуляции Японии // Японские исследования. 2020. № 4. С. 78–97.
10. Стрельцов Д.В. Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 296 с.
11. Фукки 50-нэн но Окинава ни кансүру ишики тё: са (Опрос об отношении к 50-летию возвращения Окинавы) [Электронный ресурс] // NHK хо: со: бунка кэнкю: дзё (Институт исследований культуры радиовещания NHK). – URL: https://www.nhk.or.jp/bunken/research/yoron/pdf/20230130_2.pdf. (дата обращения: 01.08.24)
12. Aniya M. Compulsory mass suicide, the battle of Okinawa, and Japan's textbook controversy // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. 6(1). 2008. P. 1–25.

13. Hook G.D. The American eagle in Okinawa: the politics of contested memory and the unfinished war // Japan Forum, 27(3). 2015. – P. 299–320.

HISTORICAL MEMORY OF OKINAWA PREFECTURE IN THE CONTEXT OF JAPAN'S HISTORICAL POLICY

Lapshakov G.S.

Saint Petersburg State University (SPbU)

The article is devoted to the issue of local historical narratives of the Japanese prefecture of Okinawa, which are significant for regional identity, but contradict the general course of Japan's historical policy. While the position of the authorities of this country has given rise to accusations of historical revisionism from other East Asian states for several decades, civil society and regional authorities of Okinawa demonstrate serious attention to preserving the memory of World War II, including the war crimes of Japan itself. Such a contradiction implies a potential for conflict, which has already manifested itself in the form of mass protests and public conflicts between regional and national authorities. The article is devoted to the specifics of the historical memory of the Okinawans, its origin, modern significance and its interaction with the historical policy of Japan.

Keywords: Politics of memory, historical policy, historical memory, Okinawa, Japan.

References

1. 2022 nen 3–4 gatsu yūsō: zenkoku yoroncho: sa “Okinawa fukki 50 nen” (National poll by mail in March-April 2022 “50 years after the return of Okinawa”) [Electronic resource] // Yomiuri Shimbun. – URL: <https://www.yomiuri.co.jp/election/yoron-chosa/20220512-OYT1T50258/>. (accessed: 01.08.24).
2. Bazhenova Zh.M. Battle for Okinawa and the Problems of Okinawan Identity // Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 2012, No1 (161). – P. 60–69.
3. Dronishinets N.P., Nosyrev N.A. State Policy of Japan in the Education System. 2012. № 4. Pp. 149–153.
4. Miller A.I. Historical Policy in Eastern Europe at the Beginning of the XXI Century. Eds. by A.I. Miller, M.A. Lipman. – Moscow: New Literary Observer, 2012. – P. 7–32.
5. Oishi Yutaka. Okinawa chihōshi to Okinawa no kyoku: irei no hi (6 gatsu 23 nichi) to beigun kichimondai o chūshin ni (Local newspapers and Okinawa memory: Memorial Day (June 23) and the problem of US military bases) // Keio: gijuku daigaku hogakubu (Faculty of Law of Keio University), 2008. Pp. 49–73.
6. Okinawa kenritsu hakubatsukan bijutsukan (Museum of Okinawa Prefecture) [Okinawa kenritsu hakubatsukan bijutsukan]. – URL: <https://okimu.jp/>. (accessed: 01.08.24).
7. Okinawa kenritsu heiva kinen shiryōkan (Memorial Museum of the World of Okinawa Prefecture) [Electronic resource] // Okinawa kenritsu heiva kinen shiryōkan. – URL: <http://www.peace-museum.okinawa.jp/>. (data obrashcheniya: 01.08.24).
8. Okinawa senseki kokutei koen (Memorial Peace Park of Okinawa Prefecture) [Electronic resource] // Okinawa senseki kokutei koen. – URL: <https://heiwa-irei-okinawa.jp/>. (accessed: 01.08.24).
9. Streltsov D.V. Memory of the War as an Independent Factor in Japan's Relations with Neighboring Countries: To the 75th Anniversary of Japan's Surrender // Japanese Studies. 2020. № 4. Pp. 78–97.
10. Streltsov D.V. Japan: Political Modernization of the Heisei Era. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2013. – 296 p.
11. Fukki 50-nen no Okinawa ni kansuru ishiki chōsa (Survey on the attitude to the 50th anniversary of the return of Okinawa) [Electronic resource] // NHK hōsō: bunka kenkyūjo (NHK Institute for Research on the Culture of Radio Broadcasting). – URL: https://www.nhk.or.jp/bunken/research/yoron/pdf/20230130_2.pdf. (accessed: 01.08.24).
12. Aniya M. Compulsory mass suicide, the battle of Okinawa, and Japan's textbook controversy // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. 6(1), 2008. P. 1–25.
13. Hook G.D. The American eagle in Okinawa: the politics of contested memory and the unfinished war // Japan Forum, 27(3), 2015. – P. 299–320.

Роль личности в международном политическом процессе на примере дипломатического наследия А.А. Громыко в период «Холодной войны»

Форостянный Никита Сергеевич,

аспирант 1-го года обучения/преподаватель на кафедре «Менеджмент организации» Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: fornsr1@mail.ru

Тёмкина Анна Михайловна

аспирант 1-го года обучения на кафедре «Менеджмент организации» Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: anya_temkina@mail.ru

Цель исследования заключается в определении дипломатической роли А.А. Громыко в сохранении мира во время Холодной войны. А также дать новую интерпретацию уже известным фактам и событиям, связанным с дипломатической деятельностью А.А. Громыко и же выявить новые аспекты этой деятельности, которые ранее оставались незамеченными.

Изучение и применение уроков дипломатического наследия А.А. Громыко может способствовать укреплению мира и стабильности в международной системе.

Выводы: международные вызовы сегодня повторяются, попытки доминирования со стороны западных стран, раскрутка нацизма и неонацизма, ксенофобия, «культура отмены», апартеид народов. Новые точки напряжения требуют новых решений, создания новых институтов и разработку новых механизмов удерживающих мир от развязывания войны, а методы и принципы А.А. Громыко могут стать фундаментом нового мира.

Ключевые слова: «Мистер Нет», А.А. Громыко, дипломатическое наследие, Холодная война, «ядерное сдерживание», Устав ООН.

Андрей Андреевич Громыко – фигура, внёсшая колоссальный вклад в развитие международного сотрудничества и обеспечение мировой безопасности. Сегодня можно было бы сказать, что А.А. Громыко – черный лебедь неразрешимых противоречий. Это не случайность, так как Андрей Андреевич своей непреклонностью, твердостью в ведении переговоров и раздражая своих оппонентов добивался значительных результатов. Подготовленность А.А. Громыко восхищала его коллег из других стран: «Я всегда знал, что говорю с человеком, который точно знает, о чем говорит... У него фотографическая память» – оценивал его государственный секретарь Сайрус Вэнс [1]. А.А. Громыко основательно готовился ко всем переговорам, у противной стороны шансы на победу стремились к нолю уже на входе. Дипломат прорабатывал все возможные сценарии и риски, которые связаны с конкретным решением вопроса. Все его победы – не удача, а результат основательного, кропотливого труда [2]. Авторитет дипломата признавался всей страной: «... Громыко был как бы общепризнанным воплощением советской внешней политики – солидной, основательной, последовательной» [2] – писал Ю. Совицкий. Его называли: «бор-машина», «бульдог», «каменное лицо», «мрачный гром», «мистер нет» и, с иронией «любезный Андрей» [1].

Однажды, во время обсуждения резолюции, которую стремились принять представители западного блока, Андрей Андреевич сказал: «Я готов поддержать этот текст при одном дополнении – оно будет небольшим, просто давайте поставим перед началом слово «нет»» [3].

В дискуссиях Андрей Андреевич придерживался пяти постулатов «Кремлевской школы переговоров» [3,4]:

1. Молчать и внимательно слушать своего оппонента.

Предъявлять ультиматумы по мере необходимости с намеком на военно-политическую мощь страны, которую он представлял. Это подталкивает оппонента к мысли, что единственный выход – переговоры;

2. Формулировать вопросы

На компромиссы соглашаться в последнюю очередь. Выжимать максимум хотя бы по крупяцам. А.А. Громыко говорил, дипломатом может называть себя тот, кто получил половину или хотя бы две трети от того, чего не было [3,4].

3. Определить ценностную шкалу.

4. Сформулировать предложение, от которого противоположная сторона не сможет отказаться.

5. Держать оппонента в неизвестности.

Г. Киссинджер, сравнивая В.М. Молотова и А.А. Громыко, отдавал предпочтение более молодому дипломату, считал, что А.А. Громыко искуснее, терпеливее, что изматывало противников во время различных споров, что давало несомненный результат, а также был скепичнее и не полагался на «счастливое озарение или ловкий манёвр» [4], а вспышки гнева не что иное как тщательно обдуманная операция.

Карьерный путь А.А. Громыко начался, когда он вступил в Коммунистическую партию в 1931 году. В 1936 году он получил ученую степень, затем работал старшим научным сотрудником в Институте экономики АН СССР и секретарем редколлегии журнала «Вопросы экономики».

Центральный комитет партии пригласил Андрея Андреевича в комиссию, которая была собрана с целью поиска дипломатических кадров. Впоследствии Андрей Андреевич вспоминал «Я стал дипломатом по случайности» [5].

Через несколько месяцев того же года А.А. Громыко заведует Отделом американских стран НКВД. Уже осенью начинается новый этап в карьере дипломата: в начавшемся европейском конфликте советское руководство ищет новый взгляд на позицию США, так образом А.А. Громыко с 1939 по 1943 год становится советником полномочного представительства СССР в США. На конференции в Думбартон-Оксе, которая была посвящена послевоенному мироустройству А.А. Громыко представлял Советский Союз. На конференции решались структурные вопросы, касательно Устава ООН, инструментов по поддержанию мира и недопущению новых вооруженных конфликтов, в том числе решался вопрос о членах новой организации, именно тогда удалось добиться, чтобы наравне с Советским Союзом её членами стали УССР и БССР [3].

Было несколько вариантов порядка принятия решений в Совете безопасности, США считали, что если страна-член Совета Безопасности является участником спора, то её голос нельзя учитывать при вынесении Советом решения. Отечественный дипломатический корпус выявил ошибку такого подхода, которая позволяла бы навязывать волю одной группы стран другим, что уничтожало смысл создания организации, которая в конечном счете превратилась бы в пособника силовых решений и ввергала мир на тропу будущей катастрофы. Советский Союз настоял на том, что решение может быть принято только единогласно тремя странами победительницами, включая Китай с Францией [3]. А если одна из стран не согласна с решением Совета, тогда оно отклоняется. Так был принят принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности.

Для решения разногласий президент Рузвельт организовал личную встречу с Андреем Андреевичем. В ходе беседы А.А. Громыко заявил Рузвельту, что «для отступления от этой позиции у нас пространства нет, так же как не было его у наших войск, сражавшихся в Сталинграде. Так говорили наши воины, знавшие, что отступать на восток от Волги дальше нельзя» [3]. Твердая позиция была воспринята, Организация Объединенных Наций создавалась с этим условием. Это была ещё одна победа Андрея Андреевича, которой мы пользуемся до сих пор, несмотря на то, что ООН дискредитирует и разрушает себя изнутри.

В 1946 году А.А. Громыко – первый советский представитель ООН. По началу был простым участником, а впоследствии стал главой делегации на 22 сессии Генассамблеи ООН.

В 1947 году Андрей Андреевич значительно повлиял на принятие резолюции, которая поддерживала создание независимых еврейского и арабского государств.

Говоря о дипломатическом наследии «Мистера «Нет», невозможно обойти стороной период Карибского кризиса – периода, когда международные отношения переживали невиданный ранее пик напряжённости.

В начале 1962 года в Москву поступали, подтвержденные разными источниками, сведения о том, что агентами ЦРУ готовится операция по свержению режима Кастро [6]. С целью сохранения влияния и в ответ на расположения ракет в Турции, СССР принимает решение перебросить 42 советские ракеты Р-12, а также 40 тысяч военнослужащих на остров [7]. В октябре этого года состоялась беседа в Овальном кабинете Белого дома с президентом США Кеннеди. А.А. Громыко вспоминал, что это были самые тяжелые переговоры в его дипломатической практике. Кеннеди оценивал ситуацию как

«самую опасную со времен мировой войны» [7]. Работа А.А. Громыко и А.Ф. Добрынина, без преувеличения, сохранила человечество. Во всех последующих «крайних точках», когда мир стоял на пороге ядерной войны, применялось «ядерное сигнализирование», в том числе и в украинском конфликте [7]. Благодаря прямой связи и общению дипломатов и специальных служб удалось сохранить мир.

Под руководством А.А. Громыко советская дипломатия достигла значительных успехов с США и другими странами. Был подписан договор о запрещении испытаний ядерного оружия в космическом пространстве и под водой, в том числе договор о нераспространении ядерного оружия; предотвращены конфликты или найдены компромиссы в переговорах между Индией и Пакистаном; заключено соглашение о восстановлении мира во Вьетнаме; инициированы арабо-израильские переговоры под сопредседательством СССР и США; и главное – принят документ глобального уровня значимости – Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Андрей Андреевич также стоял у истоков стратегии «ядерного сдерживания», которая до последнего времени гарантирует всеобщую безопасность [4]. «Ядерный паритет» противоборствующих сторон был достигнут и юридически оформлен благодаря, в том числе, дипломатическим усилиям А.А. Громыко, что не дало событиям холодной войны перерасти в открытое ядерное столкновение.

А.А. Громыко, помимо прочего, является и «архитектором» мировой безопасности. Он заложил фундамент принципов современной дипломатии, сформировав одну из лучших дипломатических служб мира, укомплектованную высокопрофессиональными кадрами [8]. Андрей Андреевич стал ярким примером успешного и выдающегося человека, чей вклад в историю международных отношений остается значимым и востребованным. Его профессионализм, целеустремленность, последовательность, стремление к миру и сотрудничеству в союзности с уникальным опытом служат вдохновением для молодого поколения дипломатов, которые идут по его стопам, продолжая укреплять роль России на глобальной арене.

Результатами деятельности А.А. Громыко в холодной войне стали сразу несколько событий: урегулирование Карибского кризиса 1962 года; подписание договоров ОСВ-1 и ОСВ-2; борьба за разоружение и нераспространение ядерного оружия.

В рамках «дипломатии разрядки» и сотрудничества с Западом ключевыми итогами были взаимодействие с США и европейскими странами; участие в международных организациях (ООН, СЭВ, Варшавский договор); сотрудничество в области науки, культуры и экономики.

Внешняя политика СССР и защита национальных интересов проявлялись через поддержку социалистических режимов в странах третьего мира, борьбу с колониализмом и империализмом, а также оборона советских границ и укрепление государственной безопасности.

Уроками дипломатического наследия А.А. Громыко для современности являются такие важнейшие понятия, как принципы уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела; поиск компромиссов и соглашений в условиях конфликта, а также сотрудничество и диалог как основы международных отношений.

Заключение

Дипломатическое наследие Андрея Андреевича Громыко является неотъемлемой частью истории международных

отношений. Его стратегия и подходы к дипломатии, основанные на принципах уважения суверенитета, поиска компромиссов и сотрудничества, остаются актуальными и в современном мире, претерпевающим различные изменения.

Тем не менее, международные вызовы сегодня повторяются. Попытки доминирования со стороны западных стран, раскрутка нацизма и неонацизма, ксенофобия, «культура отмены», апартеид народов – после бомбардировки Югославии действия ООН вызвали большое количество вопросов. Эта ситуация не оставляет сомнений в необходимости изменений, а возможно и создания нового института, способного отвечать интересам всего мира. Новое время требует разработку новых решений и механизмов, удерживающих мир от развязывания войны. Изучение и применение уроков дипломатического наследия А.А. Громыко может способствовать укреплению мира и стабильности в текущей международной системе.

Андрей Андреевич был и остается Великим Человеком как в памяти своих соотечественников, так и в памяти зарубежных коллег. Целые плеяды дипломатических служащих учились и продолжают учиться, используя то колоссальное и неопределимое наследие, которое оставил после себя Андрей Андреевич Громыко. Был бы мир, если бы переговоры во время «холодной войны» вёл кто-либо другой? Сложно сказать; однако то, что этот человек сохранил его – остается фактом. Репортеры регулярно подходили к Андрею Андреевичу для интервью на личные темы, но на их предложения он отвечал: «Моя личность меня не интересует» [1]. Его интересовал мир.

Литература

1. Ремник Д. Громыко: Человек под маской: Долгое, целенаправленное восхождение к власти загадочного советского министра иностранных дел / *The Washington Post*, 07.01.1985
2. Дормидонтова, О.Н. Дипломатическое наследие Громыко А.А. / О.Н. Дормидонтова // Технологии, модели и алгоритмы модернизации науки в современных геополитических условиях: сборник статей Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции с международным участием, Ижевск, 22 декабря 2022 года. Том Часть 2. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС», 2022. – С. 165–171.
3. Моисеенко, Я. А.А. Громыко – дипломат и гражданин / Я. Моисеенко // Актуальные вопросы инновационной экономики. – 2015. – № 9. – С. 119–123. – EDN TUDNDV.
4. Гришаева Л.Е. А.А. Громыко: дипломатия нового мироустройства. Дипломатическая служба М. Панорама, 2021;4, С. 348–369
5. Торкунов А.В. А.А. Громыко как дипломат: Вступительное слово/ Материалы научно-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения А.А. Громыко, 29.06.1999.
6. Ладыгин Ф. У края Карибской пропасти / Энциклопедия Министерства Обороны Российской Федерации
7. Громыко А. Карибский кризис 2.0? Ядерный фактор в прокси-войнх / РСМД
8. Лешенок О. Дипломатическое наследие А. Громыко и новые вызовы перед Беларусью и Россией / Интернет-портал СНГ пространство интеграции
9. Касымбекова У.Ж. Наследие А.А. Громыко и его влияние на кыргызскую дипломатию // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН.

2020. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasledie-a-a-gromyko-i-ego-vliyanie-na-kyrgyzskuyu-diplomatiyu>

10. Синдеев А. А.А. Громыко и создание международной организации безопасности (к 110-летию со дня рождения А.А. Громыко) // Современная Европа. 2019. № 1 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-a-gromyko-i-sozdanie-mezhdunarodnoy-organizatsii-bezopasnosti-k-110-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-a-a-gromyko>

THE ROLE OF PERSONALITY IN THE INTERNATIONAL POLITICAL PROCESS ON THE EXAMPLE OF A.A. GROMYKO'S DIPLOMATIC LEGACY DURING THE COLD WAR

Forostyanny N.S., Temkina A.M.

D.F. Ustinov Baltic State Technical University VOENMEKH

The purpose of the study is to determine the diplomatic role of A.A. Gromyko in maintaining peace during the Cold War. And also to give a new interpretation to the already known facts and events related to the diplomatic activities of A.A. Gromyko and to identify new aspects of this activity that had previously gone unnoticed. Studying and applying the lessons of A.A. Gromyko's diplomatic legacy can contribute to strengthening peace and stability in the international system.

Conclusions: international challenges are repeated today, attempts at domination by Western countries, promotion of Nazism and neo-Nazism, xenophobia, "culture of abolition", apartheid of peoples. New points of tension require new solutions, the creation of new institutions and the development of new mechanisms to keep the world from starting a war, and Gromyko's methods and principles can become the foundation of a new world.

Keywords: "Mr. No", A.A. Gromyko, diplomatic legacy, Cold War, "nuclear deterrence", UN Charter.

References

1. Remnick D. Gromyko: The Man under the Mask: The Long, purposeful Rise to power of the mysterious Soviet Foreign Minister / *The Washington Post*, 07.01.1985
2. Dormidontova, O.N. The diplomatic legacy of Gromyko A.A. / O.N. Dormidontova // Technologies, models and algorithms for the modernization of science in modern geopolitical conditions: a collection of articles of the National (All-Russian) Scientific and Practical Conference with international participation, Izhevsk, December 22, 2022. Volume Part 2. – Ufa: OMEGA SCIENCES Limited Liability Company, 2022. – pp. 165–171.
3. Moiseenko, Ya. A.A. Gromyko – diplomat and citizen / Ya. Moiseenko // Current issues of the innovative economy. – 2015. – No. 9. – pp. 119–123. – EDN TUDNDV.
4. Grishaeva L.E. A.A. Gromyko: diplomacy of the new world order. Diplomatic Service M. Panorama, 2021;4, pp. 348–369
5. Torkunov A.V. A.A. Gromyko as a diplomat: Introductory speech/ Materials of the scientific and practical conference, dedicated to To the 90th anniversary of the birth of A.A. Gromyko, 06/29/1999.
6. Ladygin F. At the edge of the Caribbean Abyss / Encyclopedia of the Ministry of Defense of the Russian Federation
7. Gromyko A. The Caribbean Crisis 2.0? The Nuclear factor in the Proxy Wars / INF
8. Leshenyuk O.A. Gromyko's diplomatic legacy and new challenges facing Belarus and Russia / CIS Internet portal Integration space
9. Kasymbekova U. Zh. The legacy of A.A. Gromyko and his influence on Kyrgyz diplomacy // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2020. No.6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasledie-a-a-gromyko-i-ego-vliyanie-na-kyrgyzskuyu-diplomatiyu>
10. Sindeev A.A. Gromyko and the creation of the international security organization (to the 110th anniversary of the birth of A.A. Gromyko) // Modern Europe. 2019. № 1 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-a-gromyko-i-sozdanie-mezhdunarodnoy-organizatsii-bezopasnosti-k-110-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-a-a-gromyko>

Цыплакова Екатерина Петровна,

кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала РГУП
E-mail: tsyplakova-e@mail.ru.

Гражданское общество, часто определяемое как сфера организованной общественной жизни, которая является самогенерирующейся, самоподдерживающейся, автономной от государства, занимает весьма значимое место в развитии, а также укреплении государственности. В России отношения между гражданским обществом и государством существенно трансформировались после распада СССР в 1991 году. Наличие ярко выраженных перемен ожидаемо стимулировало усиление интереса со стороны исследователей, в том числе, в области политических институтов, процессов, технологий.

В статье в качестве цели ставится исследование современных представлений и тенденций, касающихся участия гражданского общества в процессах укрепления государственности РФ путем изучения исторических нюансов, проблем, с которыми приходится сталкиваться в нынешних условиях, и потенциала для содействия стабильности, устойчивости российского государства.

В рамках статьи на основе рассмотрения проблематики содействия политической ответственности, поддержания социальной сплоченности, активного участия в разработке политики систематизированы факторы, влияющие на реализацию роли гражданского общества в укреплении государственности (новизна проявляется в том, что применительно к этой роли дана дифференциация вызовов на группы, что может стать отправной точкой для последующих исследований в разрезе конкретных категорий вызовов укреплению государственности).

Ключевые слова: государство, государственность, гражданское общество, политика, Россия.

Введение

Концептуальная база относительно функционирования института гражданского общества в России характеризуется сложной и противоречивой историей. В советское время государство осуществляло жёсткий контроль над большинством аспектов общественной жизни. Распад СССР привёл к глубокой трансформации, создав как возможности, так и проблемы. Последнее десятилетие прошлого века характеризовалось хаотичным и зачастую бурным переходом, поскольку страна боролась с экономической нестабильностью, активно формировались новые политические институты.

В этот период начало оформляться гражданское общество, характеризующееся созданием неправительственных организаций (НПО), независимых СМИ, прочих форм общественного активизма. Однако наметившиеся изменения и преобразования были неравномерными (в плане организации и реализации); часто они тормозились слабостью государственных институтов, коррупционными проявлениями, отсутствием демократической культуры. Невзирая на данные острые проблемы, 1990-е годы заложили своего рода «фундамент» для воплощения в жизнь потенциала гражданского общества – в ракурсе внесения вклада в укрепление государственности. Именно поэтому в условиях современности продолжает оставаться актуальным исследование этих возможностей с разных позиций, принимая в учёт предпосылки, ретроспективный фон, тенденции и действие многочисленных факторов, на что будет обращено пристальное внимание в данной статье.

Методы и материалы

При написании статьи автором применены методы сравнения, ретроспективного анализа, обобщения. При ознакомлении с источниками отмечено, что в современной научной литературе отражены разнообразные подходы и концепции, которые можно дифференцировать на ряд основных групп.

В первой группе источников акцентируется внимание на историко-правовых аспектах формирования и развития гражданского общества в России (в увязке с проблематикой государственности). В этом ракурсе ценны работы следующих авторов: Л.Д. Иващенко (анализирует эволюцию через призму исторических событий, правовых изменений, подчёркивая ключевую роль правовых институтов [2]), Л.Г. Коновалова (рассматривает трансформации в представлениях о праве и гражданском обществе в контексте государственности [4]).

Во второй группе трудов авторы фокусируются на взаимодействии гражданского общества и государства, подчёркивая их взаимозависимость (И.Г. Напалкова рассматривает модель, в которой данные институты взаимно поддерживают друг друга [5]; похожий подход использует А.М. Юдин, который в своей работе исследует гражданское общество и социальное государство как концепции, которые развиваются в тесной взаимосвязи [10]).

В третьей группе публикаций затрагиваются духовно-нравственные аспекты (Д.Б. Казанцева, Е.К. Климова и Т.Е. Чернышева [3]) и идеологические основы форми-

рования гражданского общества (С.Л. Сибиряков [7]). Исследователями акцентируется внимание на необходимости формирования солидарности – как опоры устойчивого государства.

В рамках четвертой группы источников анализируются структурные и институциональные аспекты рассматриваемой темы (М.В. Саудаханов [6], А.С. Шабуров [9]).

Наконец, пятая группа представлена работами, содержащими анализ современных вызовов и проблем формирования гражданского общества в России. М.А. Евдокимова выделяет ключевые трудности и препятствия на пути укрепления государственности [1]. С.В. Склифус сосредотачивается на систематизации перспектив в этой области [8].

Таким образом, анализ литературы показывает, что авторы используют разнообразные подходы к исследованию роли гражданского общества в укреплении российской государственности – историко-правовые, духовно-нравственные, институциональные, концептуальные аспекты, что позволяет комплексно изучить соответствующие вопросы.

Результаты и обсуждение

Важно подчеркнуть, что гражданское общество играет ключевую роль в анализируемой сфере посредством действия ряда механизмов, функциональная составляющая которых представлена на схеме (рис. 1).

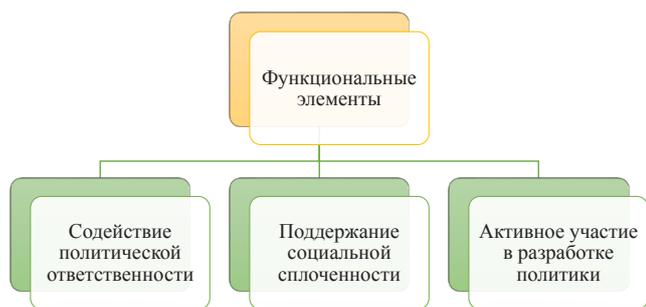

Рис. 1. Выделение функциональных звеньев в механизме участия гражданского общества в укреплении государственности

(составлено автором на основе [2. 5. 7. 8])

Обозначенные выше звенья занимают важнейшее место, при этом следует особо подчеркнуть, что отношения между государством и обществом исторически были отмечены централизацией.

Так, одна из основных ролей гражданского общества – заставить государство быть подотчётным своим гражданам. Это достигается с помощью переменных форм активизма. В первую очередь, подразумеваются пропаганда, публичные кампании, мониторинг деятельности правительства. В Российской Федерации организации гражданского общества принимают деятельное участие в разоблачении коррупции, отстаивании прав человека, а также в продвижении большей прозрачности в деятельности государственных органов.

Как было отмечено ранее, гражданское общество способствует усилению социальной сплоченности, объединяя различные группы и содействуя формированию чувства коллективной идентичности, цели. В России, где региональные, этнические, социальные разногласия исторически выступали в качестве источника напряженности, характеризуемое нами общество играет определяющую роль в преодолении данных расхождений и конфликтов. Организации, которые стимулируют культурный обмен, облегчают межэтнический диалог, вклуче с социальной интеграцией, помогают создать сплочен-

ное общество, что, в свою очередь, положительным образом сказывается на государственности.

Целесообразно отдельно подчеркнуть, что социальная сплоченность особенно значима в такой огромной и разнообразной стране, как Россия, где региональная идентичность порой «конфликтует» с национальной идентичностью. Гражданское общество служит «посредником» в этих разногласиях, способствуя закреплению общего чувства принадлежности, а также приверженности государству. Как представляется, этот эффект очень значим с учётом федеративной структуры, при которой автономия регионов и местное самоуправление являются ключевыми компонентами государственности.

Далее необходимо отметить, что организации гражданского общества часто выступают в качестве «проводников» между государством и гражданами, внося ценный вклад в процесс разработки политики. В России данная роль всё более явно признаётся, в том числе, и в научных кругах, поскольку соответствующие структуры, субъекты ведут продуктивный диалог по столь насущным вопросам, как социальное обеспечение, охрана окружающей среды, общественное здравоохранение и т.п.

Деятельное участие гражданского общества в разработке политики помогает гарантировать, что будет достигнуто чёткое реагирование на нужды и проблемы граждан. Помимо этого, само общество способно служить источником инноваций, привнося новые идеи, подходы, которые государство, возможно, не рассматривало. В РФ, где ряд государственных институтов достаточно медленно адаптируются к меняющимся социальным и экономическим условиям, вклад анализируемого нами общества особенно ценен.

С учётом отмеченного выше представляется уместным систематизировать факторы, влияющие на участие гражданского общества в укреплении государственности (таблица 1).

Таблица 1. Систематизация факторов, которые воздействуют на реализацию роли гражданского общества в укреплении государственности (составлено автором)

Фактор	Положительное влияние	Отрицательные эффекты
1. Уровень политической культуры граждан	Высокий уровень способствует активному участию в общественной жизни	Низкий уровень приводит к пассивности и отстраненности от политических процессов
2. Законодательная база	Развитое законодательство о гражданских инициативах укрепляет роль общества	Чрезмерные ограничения и бюрократические барьеры снижают активность граждан
3. Экономическое положение	Экономическая стабильность позволяет гражданам уделять должное внимание общественной деятельности	Экономические трудности вынуждают сосредоточиться на личном выживании
4. Свобода СМИ	Независимые СМИ способствуют формированию гражданской позиции	Цензура и ограничения снижают информированность и активность граждан
5. Уровень образования	Высокий уровень образования способствует пониманию общественных процессов	Низкий уровень затрудняет участие в общественной жизни

Фактор	Положительное влияние	Отрицательные эффекты
6. Политическая воля руководства страны	Поддержка гражданских инициатив властью укрепляет роль общества	Подавление гражданской активности ослабляет позиции общества
7. Историческая традиция	Опыт гражданской активности укрепляет роль общества	Отсутствие традиций самоорганизации затрудняет развитие гражданского общества
8. Международное сотрудничество	Обмен опытом и поддержка международных организаций усиливают гражданское общество	Изоляция от международного сообщества ослабляет гражданские институты

Итак, роль гражданского общества в укреплении государственности зависит от комплекса взаимосвязанных факторов, которые способны оказывать как позитивное, так и негативное влияние. Ключевыми аспектами являются уровень политической культуры и образования граждан, законодательная база, экономическое положение страны, свобода СМИ, политическая воля руководства, исторические традиции, а также международное взаимодействие.

В целях усиления роли в рассматриваемой области необходимо стремиться к достижению положительных эффектов каждого фактора: повышать уровень политической культуры и образования, совершенствовать законодательство в пользу гражданских инициатив, обеспечивать экономическую стабильность, гарантировать свободу СМИ, поощрять гражданскую активность на государственном уровне, укреплять традиции самоорганизации, расширять международное сотрудничество.

При этом важно понимать, что негативное проявление любого из обозначенных и охарактеризованных факторов отражается на существенном ослаблении роли гражданского общества. Поэтому для укрепления государственности требуется выработка сбалансированных подходов.

Несмотря на мощный потенциал, проявляющийся по многим направлениям, гражданское общество в России сталкивается со значительными вызовами: низкий уровень политической культуры населения, недостаточная правовая грамотность граждан, существование бюрократических барьеров для общественных инициатив, недоверие людей к государственным институтам, слабая финансовая база некоммерческих организаций, недостаточное развитие местного самоуправления, патерналистские настроения в обществе, неравномерное развитие в регионах, недостаточная результативность механизмов обратной связи между властью и социумом, низкая вовлеченность молодежи в общественную деятельность, недостаточное развитие независимых профсоюзов и т.д.

Итак, в результате возможно выделение нескольких групп вызовов – исходя из перечисления, приведённого выше (рис. 2).

Невзирая на обозначенные и описанные трудности, с которыми сталкивается гражданское общество, подавляющее большинство проблем решаемо. Одним из ключевых моментов является способность вовлечь граждан в политический процесс. Предоставляя платформы для участия, организации гражданского общества содействуют повышению информированности

и активности людей. В России, где политическая апатия и разобщенность нередко упоминаются в качестве препятствий для демократического развития [3, 7], рассматриваемое нами общество способно сыграть определяющую роль в мобилизации граждан и поощрении их к деятельному и полезному участию в общественной жизни.

Рис. 2. Дифференциация вызовов реализации роли гражданского общества в укреплении российской государственности (составлено автором)

Гражданское участие особенно значимо в том ракурсе, при котором формальные политические институты могут восприниматься как «неотзывчивые» или «непредставительные». При этом речь идёт о возможности предоставления гражданам альтернативных путей для выражения опасений и влияния на политические процессы – в результате достигается укрепление государственности.

Далее следует отметить, что гражданское общество – это ключевой «проводник» демократических ценностей (плюрализм, толерантность, уважение прав человека и прочее). При продвижении соответствующих начал формируется и закрепляется политическая культура, способствующая развитию прочного, устойчивого государства. Это весьма значимо для России (с позиций поддержания «фундамента» сильного государства).

В дополнение к отмеченному, в любой политической системе концентрация власти закономерно влечёт за собой злоупотребления, усугубление коррупции. В увязке с этим важно подчеркнуть, что гражданское общество обеспечивает механизм контроля, оспаривания действий государства. Разоблачая коррупцию, выступая за прозрачность, призывая чиновников к ответственности, характеризующее нами общество содействует государственному процветанию.

Выводы

Роль гражданского общества в укреплении российской государственности многоаспектна; она является сложной (с учётом множества факторов, условий и механизмов реализации). Хотя оно сталкивается со значительными проблемами в России, у него имеется существенный потенциал – относительно внесения вклада в развитие ответственного, сплоченного, устойчивого государства. Вовлекая граждан в политический процесс, продвигая демократические ценности, выступая в качестве сдерживающего фактора государственной власти, анализируемое нами общество помогает поддерживать государственность.

Вместе с тем, воплощение в жизнь этого потенциала требует благоприятной политической среды, которая позволяет гражданскому обществу действовать свободно, результативно. Государству следует признать его ценность как партнера в управлении. Только посредством подобного взаимодействия российская государственность

ность может быть по-настоящему укреплена, что приведёт к стабильному и процветающему будущему страны.

Литература

1. Евдокимова М.А. Проблемные аспекты формирования гражданского общества в России / М.А. Евдокимова // Юриспруденция и современная правовая система: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Пенза: 2024. – С. 19–21.
2. Иващенко Л.Д. Историко-правовые проблемы развития российского гражданского общества / Л.Д. Иващенко // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако. Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Тамбов: 2020. – С. 26–29.
3. Казанцева Д.Б. К вопросу о формировании духовно-нравственной основы российской гражданской идентичности / Д.Б. Казанцева, Е.К. Климова, Т.Е. Чернышева // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2020. – Т. 20. – № 2 (50). – С. 174–188.
4. Коновалова Л.Г. Трансформация представлений о праве, государстве и гражданском обществе в свете развития концепции правовой государственности / Л.Г. Коновалова // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2021. – № 18. – С. 103–108.
5. Напалкова И.Г. Гражданское общество и государство как взаимодействующие феномены общественной жизни / И.Г. Напалкова // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. – 2020. – № 2 (94). – С. 41–47.
6. Саудаханов М.В. Импрегнация государственности через институционализацию гражданского общества / М.В. Саудаханов // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 1. – С. 172–174.
7. Сибиряков С.Л. Концептуальные аспекты укрепления государственности и формирования солидарного гражданского общества России / С.Л. Сибиряков // Актуальные социально-экономические проблемы развития общества в России и за рубежом. Материалы международной научно-практической конференции. – Волгоград: 2019. – С. 22–23.
8. Склифус С.В. Современная российская государственность и гражданское общество как ее базис / С.В. Склифус // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 1 (128). – С. 58–60.
9. Шабуров А.С. Гражданское общество и правовое государство как основа современного конституционализма / А.С. Шабуров // Конституционализация отраслевого законодательства Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с иностранным участием. – Тюмень: 2022. – С. 159–168.
10. Юдин А.М. Гражданское общество и социальное государство как взаимообусловленные концепции / А.М. Юдин // Проблемы становления гражданского общества. Сборник статей VII Международной научной студенческой конференции. – Иркутск: 2019. – С. 91–94.

THE ROLE OF CIVIL SOCIETY IN STRENGTHENING RUSSIAN STATEHOOD

Tsyplakova E.P.

North-West Branch of the Russian State University of Printing Arts

Civil society, often defined as an area of organized public life that is voluntary, self-generating, self-sustaining and autonomous from the State, plays a key role in the development as well as the strengthening of statehood. In Russia, relations between civil society and the state have significantly transformed since the collapse of the USSR in 1991. The presence of pronounced changes was expected to stimulate increased interest from researchers, including in the field of political institutions, processes, and technologies.

The purpose of this article is to study modern ideas and trends regarding the participation of civil society in the processes of strengthening the statehood of the Russian Federation by studying historical nuances, problems faced in the current conditions, and the potential to promote stability and sustainability of the Russian state.

Within the framework of the article, based on the consideration of the issues of promoting political responsibility, maintaining social cohesion, and active participation in policy development, the factors influencing the implementation of the role of civil society in strengthening statehood are systematized (the novelty is manifested in the fact that, in relation to this role, the differentiation of challenges into groups is given, which can become a starting point for subsequent research in the context of specific categories of challenges to strengthening statehood).

Keywords: state, statehood, civil society, politics, Russia.

References

1. Evdokimova M.A. Problematic aspects of the formation of civil society in Russia / M.A. Evdokimova // Jurisprudence and the modern legal system: topical issues, achievements and innovations. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. – Penza: 2024. – pp. 19–21.
2. Ivashchenko L.D. Historical and legal problems of the development of Russian civil society / L.D. Ivashchenko // Tambov legal readings named after F.N. Plevako. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. – Tambov: 2020. – pp. 26–29.
3. Kazantseva D.B. On the question of the formation of the spiritual and moral basis of Russian civic identity / D.B. Kazantseva, E.K. Klimova, T.E. Chernysheva // Humanities: current problems of humanities and education. – 2020. – T. 20. – № 2 (50). – Pp. 174–188.
4. Konovalova L.G. Transformation of ideas about law, the state and civil society in the light of the development of the concept of legal statehood / L.G. Konovalova // Scientific notes of the Altai branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. – 2021. – No. 18. – pp. 103–108.
5. Napalkova I.G. Civil society and the state as interacting phenomena of public life / I.G. Napalkova // Legal Bulletin of the Rostov State University of Economics. – 2020. – № 2 (94). – Pp. 41–47.
6. Saudakhanov M.V. The impregnation of statehood through the institutionalization of civil society / M.V. Saudakhanov // Bulletin of Economic Security. – 2023. – No. 1. – pp. 172–174.
7. Sibiriyakov S.L. Conceptual aspects of strengthening statehood and the formation of a solidary civil society in Russia / S.L. Sibiriyakov // Actual socio-economic problems of the development of society in Russia and abroad. Materials of the international scientific and practical conference. Volgograd: 2019. – pp. 22–23.
8. Sklifus S.V. Modern Russian statehood and civil society as its basis / S.V. Sklifus // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. – 2021. – № 1 (128). – Pp. 58–60.
9. Shaburov A.S. Civil society and the rule of law as the basis of modern constitutionalism / A.S. Shaburov // Constitutionalization of sectoral legislation of the Russian Federation. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with foreign participation. – Tyumen: 2022. – pp. 159–168.
10. Yudin A.M. Civil society and the welfare state as mutually dependent concepts / A.M. Yudin // Problems of the formation of civil society. Collection of articles of the VII International Scientific Student Conference. – Irkutsk: 2019. – pp. 91–94.

Применение языковых средств при конституировании предложений коммуникативных типов

Карева Людмила Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
E-mail: lyudmila_kareva2019@mail.ru

Баюкова София Денисовна,

магистр 2-го курса, направление: экономика предпринимательства, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
E-mail: sofia_bayukova@mail.ru

В статье мы рассмотрим роль таких языковых средств, как порядок членов предложения, ударения и пауза, принимающих участие при конституировании коммуникативных типов (КТ) простого элементарного повествовательного предложения. В статье изучены функции порядка членов предложения; ударения в предложении; синтагматического членения. Авторы представили повествовательные предложения с основными структурно-коммуникативными моделями: объективно-констатирующими; выражающими действие; состояние; количество; субъект; объект; идентификацию; место; время; образ действия; цель действия; инструмент действия; источник действия; условие; причину. Авторы выделяют функции, выполняемые порядком членов предложения в структуре предложения, как коммуникативной единицы. Авторы рассматривают роль таких факторов, как фразовое и логическое ударения при конституировании коммуникативных типов предложений.

Ключевые слова: коммуникативные типы, простое повествовательное предложение, структурно-коммуникативная модель, функции.

Известно, что каждое предложение имеет определенное коммуникативное задание, в зависимости от которого мы разделили все элементарные повествовательные предложения на КТ, каждый из которых имеет, как правило, одну основную структурно-коммуникативную модель (ОСКМ):

1) объективно-констатирующие	<i>It's dark.</i>
<i>There's a pen here.</i>	
2) выражающие действие	<i>I work.</i>
3) состояние	<i>He's happy.</i>
4) количество	<i>I work a lot.</i>
5) субъект	<i>A man came in.</i>
6) объект	<i>I blame him.</i>
7) идентификацию	<i>He speaks as a man.</i>
8) место	<i>We met at the pub.</i>
9) время	<i>I worked on Sunday.</i>
10) образ действия	<i>He spoke quickly.</i>
11) цель действия	<i>I came to speak to you.</i>
12) инструмент действия	<i>I know it through my friends.</i>
13) выражающие источник действия	<i>I learnt it from you.</i>
14) условие	<i>He relaxes by asking many questions.</i>
15) причину	<i>I apologize for coming here.</i>

Предполагается, что при конституировании того или иного КТ предложений принимают участие, кроме АЧП, такие формальные средства как позиционный элемент (именуемый обычно как словопорядок) и интонационный элемент (выступающий в форме логического ударения и синтагматической паузы).

Насколько нам известно, вопрос о функциях порядка членов предложения (ПЧП), о влиянии их на конституирование КТ предложения в английской грамматике рассматривался недостаточно. В русской грамматике данная проблема разрабатывалась И.П. Распоповым [15, с. 100].

В данном наблюдении мы постараемся выяснить функции, выполняемые ПЧП в структуре предложения как коммуникативной единицы, и определить, какие из этих функций участвуют при конституировании того или иного КТ. Следует упомянуть, что под функцией мы подразумеваем роль, задачу (а не зависимость), выполняемую различным расположением элементов внутри структуры предложения как коммуникативной единицы. Мы исходим из предположения, что различные функции, выполняемые ПЧП, оказывают неодинаковое влияние на конституирование тех или иных КТ. Эту разницу мы определяем посредством метода трансформационных перестановок, который заключается в том, что тот или иной член предложения перемещается из одного компонента АЧП в другой, устанавливая те или иные структурные и функциональные различия, вызванные этим перемещением. На основе этого мы устанавливаем функции ПЧП, как обуславливающие:

- 1) неизменность структуры предложения,
- 2) изменение структуры темы и ремы,
- 3) изменение АЧП.

Первая из указанных функций проявляется в том, что позиционные изменения внутри структуры предложения того или иного КТ сведены до нуля, т.е. местоположение

каждого элемента в структуре строго фиксировано и обусловлено данной ОСКМ.

Данная функция является детерминирующей в предложениях ряда КТ. Так, предложения 1 КТ обладают фиксированным ПЧП.

It's too late, he said.

There was an odd silence.

В предложениях II КТ (со структурой S-P) инвертированный порядок считается невозможным.

Brandon suffered.

При расширении структуры предложений этого КТ возможность позиционных изменений увеличивается. Так, в структуре с дополнением (S-P-O) стабильность ее обеспечивается при дополнении, выраженном личными или неопределенными местоимениями.

...You remember her – Her you remember.

Данная функция ПЧП проявляется также при конституировании предложений III КТ.

The men were solid.

Сказанное о предложениях П КТ вполне относится и к предложениям VI КТ.

Oh, I know para; and I know you.

Вторая функция состоит в изменении структуры темы и ремы.

Рассмотрим случаи, когда ПЧП вызывает изменение структуры обоих компонентов АЧП. В результате перестановки второстепенного члена из структуры одного компонента АЧП в другой мы получаем исходное предложение, представляющее собой структурно-коммуникативную модель (СКМ), и производное предложение, являющееся по отношению к первому его структурно-коммуникативным вариантом (СКВ).

It's cold outside. – Outside it's cold.

Данная функция проявляется в СКМ предложений I КТ. Так, в упомянутом предложении тема представлена нулем. Однако при постановке обстоятельства 'outside' в начало предложения структура обоих компонентов изменяется: за счет ремы тема приобретает один элемент. Эта перестановка вызывается целями уточнения коммуникативного задания и не приводит к изменению АЧП.

То же наблюдается в предложениях со структурным *there*.

There was a silence for a moment, – For a moment there was a silence.

Предложения 11 КТ со структурой S-P-O (где дополнение выражено существительным), также изменяют структуру темы и ремы.

B: I—I leave that sort of thing to your damned sentimental Irishmen.- That sort thing I leave to your damned sentimental Irishmen.

Вариативность структуры темы и ремы может обеспечиваться также за счет различных обстоятельств.

She saw his intent face in the darkness.- In the darkness she saw his intent face.

Изменение структуры темы и ремы наблюдается и в предложениях III КТ. Здесь, как и в предыдущих КТ, изменение происходит, главным образом, за счет обстоятельств.

I'm a stranger here. – Here I'm a stranger.

Следующей функцией ПЧП является изменение АЧП, т.е. превращение предложений одного КТ в другой.

Так, предложения I КТ, напр., могут превращаться в предложения III КТ.

It's useful to know these things', George said.

– *To know these things is useful.*

Предложения II КТ также могут переходить в предложения

других КТ.

– *at the corner of Oakley street she stopped.*

I've always loved you. – I've loved you always.- IX КТ.

– *She stopped at the corner of Oakley street.- VIII КТ.*

Предложения III КТ также могут переходить в предложения

других КТ.

In the old painted face they were shockingly youthful.- They were shockingly youthful in the old painted face, – VIII КТ.

Предложения V КТ могут превращаться в предложения других КТ.

On either side stood dark regiments of firs;

– *Dark regiments of firs stood on either side.- VIII КТ.*

Все же остальные КТ проявляют способность превращения

в предложения II и III КТ (в зависимости от формы сказуемого).

В данном разделе мы рассмотрим роль таких фонологических факторов, как фразовое и логическое ударения, которые принимают участие при конституировании КТ предложений.

Под фразовым ударением (sentence-stress) мы понимаем основное ударение в предложениях-повествованиях, имеющих описательный характер. Обычно это первые предложения рассказов, повестей и т.п., а также в авторских описаниях в художественной литературе, в монологической речи, в сказках.

1. Фразовое ударение (ФУ) обусловлено внутренней структурой всего предложения и является «привычным» для данной структуры. Следует отметить, что ФУ является большей частью фиксированным внутри структуры предложения. Ф. Дане отмечает, что его местоположение является автоматизированным никаким образом не выделяет слово, на которое оно падает [2, с. 62]. Рассматривая простое предложение *My mother is coming*, Д.Л. Болинджер указывает, что ФУ на причастии «устанавливает контекст, в отношении которого любое другое ударение является противопоставляющим» [1, с. 103].

Общей тенденцией ФУ является его постановка на конец предложения [7, с. 75].

2. ФУ характеризуется независимостью его положения от контекста. Поскольку ФУ встречается в первых предложениях различных повествований, то становится ясно, что определение ФУ может осуществляться и без наличия контекста.

Под логическим ударением мы понимаем основное ударение предложении, осуществляемое в специальных (логических) целях.

1. Логическое ударение (ЛУ) характеризуется обязательным контекстом: вне его ЛУ утрачивает свою функцию и превращается во ФУ. На зависимость ЛУ от контекста указывают различные исследователи А. Гимпсон [4, с. 235], Д. Д. О'Коннор [6, с. 41].

2. ЛУ всегда является выразителем ремы, т.е. оно сигнализирует цель сообщения. «Могучим орудием для выделения предиката (т.е. ремы. – П. Я), – пишет П.С. Попов, – являющегося носителем новизны, является логическое ударение» [14, с. 28].

По нашим наблюдениям ФУ является основным фонологическим средством при конституировании I, II и III КТ предложений.

It's raining.

There's somebody's bag in the car.

Такие предложения, а также предложения, которые мы отнесли ко II и III КТ, Р. Кингдон называет простыми утверждениями [5, с. 219].

В предложениях II КТ с ПС-структурой присутствует лишь ФУ, которое падает на сказуемое.

– *What does Mary do?*

– *Most of the time she knits.*

При рассмотрении предложений этого КТ с более расширенной структурой, напр., с дополнением, мы обнаруживаем следующее: при ПС-структуре с дополнением, выраженным личным местоимением, ФУ также падает на сказуемое.

- I'm sorry John wasn't there.
- But he was. I saw him.

Если в предложении имеется фразеологическая конструкция, то ФУ падает на второй компонент.

I've lost my appetite.

При наличии в конечной позиции предложения предложно-субстантивной конструкции в функции обстоятельства места, то ФУ падает на последнее.

Ann has gone to the cinema.

ФУ является основным средством конституирования также предложений III КТ. Здесь, как и в предложениях предыдущих КТ, ФУ в большинстве случаев также структурно обусловлено.

Так, напр., в предложениях с нераспространенной структурой ФУ падает на предикативную часть.

Every single night I had to work late. So by the end of the week I was utterly exhausted.

При ПС-структу

ре с дополнением, выраженным существительным, ФУ падает на последнее.

Some of the very best of Jefferies short essays are devoted to London scenes.

Если ФУ «закреплено» в принципе за предложениями I, II и III КТ, то ЛУ принимает участие в конституировании всех остальных КТ. Так, напр., предложения IV КТ конституируются при помощи ЛУ.

- What's the price of admission?
- The cheapest seat costs five shillings.
- Предложения V КТ также получают ЛУ.
- I've resigned.

I know. The secretary told me.

Предложениям этого КТ характерно эксплицитно или имплицитно выраженное противопоставление. Так, рассматривая предложение He will do it, авторы «Фонетики английского языка» раскрывают смысл ЛУ в нем: «(а не кто-либо другой)»

[8, с. 185].

В предложениях VI КТ основным фонологическим средством конституирования этого КТ также является ЛУ.

- Look at the Alpes over there.
I can only see some clouds.
То же в предложениях VII КТ.
- He must have been dreaming. I've always regarded him as the sanest of persons.

Во всех остальных КТ ЛУ также обязательно.

В своей монографии по актуальному членению предложения И.П. Распопов пишет: «Собственно с актуальным членением предложения непосредственно и в первую очередь связано ритмо-мелодическое членение фразы на т.н. речевые такты, которое осуществляется по-разному в различных типах высказывания с данным, свойственным этим типам порядком слов» [15, с. 180].

Однако не все лингвисты разделяют приведенное выше мнение: ряд исследователей не усматривает связи СЧ с АЧП.

Так, З. С. Власова, напр., в своем исследовании на материале немецкого предложения приходит к выводу об отсутствии связи СЧ с АЧП [11, с. 77].

Касаясь вопроса СЧ, В.Г. Адмони определяет его как членение фонетико-синтаксическое, в основе которого лежит грамматическое членение предложения [9, с. 100].

Целью нашего наблюдения является выяснение релевантности (иррелевантности) СЧ при конституировании КТ предложений, т.е. имеет ли СЧ коммуникативную функцию или только лишь стилистическую [14, с. 126].

В качестве рабочего термина под синтагмой мы понимаем речевой отрезок, заключенный между паузами. Пауза (имеется в виду лишь так наз. логическая пауза) понимается не только как перерыв в произношении, но и как изменение тона, которое воспринимается в речи как пауза [12, с. 288–289].

Рассмотрим некоторые КТ предложений.

В предложениях 1 КТ со структурными it и there (при нераспространенной структуре) СЧ не наблюдается.

It's raining.

There's no time.

Что же касается предложений с более распространенной структурой (особенно за счет второстепенных членов), то здесь СЧ не обязательно.

There's somebody's bag in car.

There was a public library in almost every American community.

Аналогичная индифферентность СЧ к коммуникативной направленности наблюдается при наличии в этих предложениях структуры темы.

In this house of his there was writing on every wall.

In the front rows there were hundreds of children.

То же – в безличных инфинитивно-глагольных предложениях этого КТ со структурным it.

It's impossible to do it.

So it's probably better to avoid the occasion of sin.

В последнем примере СЧ реализуется в пределах одного и того же компонента АЧП, т.е. в структуре ремы. «В этой связи надо также отметить, – пишет В.Г. Адмони, – что вообще представляется неправомерным связывать синтагму лишь со смысловым содержанием предложения, складывающимся под влиянием определенной ситуации» [9, с. 99].

Такая же факультативность СЧ наблюдается и в предложениях II КТ.

The conversation stopped.

Some people are always complaining.

Хотя во втором случае и наблюдается совпадение СЧ с АЧП, оно, однако, иррелевантно по отношению к коммуникативной направленности предложения, к выражению его коммуникативного задания. Таким образом, в этом случае СЧ выполняет не коммуникативную функцию, а стилистическую. На возможность некоммуникативного выделения темы при помощи СЧ указывает Ф. Данеш. Так, предложение My brother / went to Brighton yesterday следует толковать как 'As to my brother, he...' [3, с. 46].

При более расширенной структуре темы (за счет второстепенных членов предложения) вводящая часть темы не обязательно отделяется от предмета речи в отдельную синтагму. Рассматривая предложение In the evening I went to the theatre, А.И. Калачев замечает, что наличие или отсутствие СЧ в этом предложении не изменяет его содержание [13, с. 63]. В предложении But I've always found it a very happy place. СЧ реализуется в пределах структуры ремы, расчлняя конструкцию сложного дополнения. Поскольку здесь СЧ не изменяет коммуникативной направленности предложения (последнее может выступать и с СЧ и без него, не изменяя своего КТ), то можно сказать, что СЧ используется в этом случае в функции стилистического усиления содержания второй синтагмы.

Такая же иррелевантность СЧ к АЧП наблюдается и в предложениях III КТ.

Judith is a great enemy of yours.

His pictures are very striking.

Если в приведенных примерах можно еще говорить о некоторой внешней связи СЧ с АЧП (из-за совпадения границ СЧ с АЧП, которое, как мы видим, иррелевантно для коммуникативной направленности предложения), то в предложении *A gramophone with some really good records is a great aid to the teaching of intonation* расчленение темы (и вместе с тем субстантивной конструкции) уже явно не может носить никакого коммуникативного характера.

По мнению некоторых исследователей, подлежащее, представляющее собой новое в сообщении (т.е. рему), четко выделяется в синтагму [13, с. 159]. Однако это положение не всегда подтверждается.

And none of the others seem at all keen to play.

One of my nephews has already spoken for it.

Как видно из примеров, наличие или отсутствие СЧ не изменяет коммуникативной направленности предложения, а привносит определенное стилистическое усиление какой-либо идеи.

На способность выявлять, подчеркивать, кроме всего прочего, стилистические оттенки предложения указывают также В.Г. Адмони [9, с. 96].

Таким образом, исходя из наших наблюдений, можно сделать некоторые предварительные выводы.

Известное утверждение, согласно которому «порядок слов» в английском языке является относительно фиксированным, верно лишь в отношении нескольких структур (ПС-структура с известными ограничениями, ПС-структура с дополнением). Эти минимальные структуры принадлежат трем определенным КТ предложений: I, II и III. Структуры указанных КТ фиксируются структурообразующей функцией ПЧП и представляют собой структурные единства, любое изменение которых приводит к разрушению последнего.

Поскольку структурообразующая функция ПЧП способна проявляться лишь в предложениях с минимальной структурой (ПС), то между размером предложения и вариативностью элементов его структуры можно установить прямую зависимость: чем больше элементов в структуре, тем больше потенциальных возможностей к варьированию и наоборот.

Функция, вызывающая изменение структур темы и ремы, проявляется лишь в предложениях, включающих лишь второстепенные члены предложения, и не «срабатывает» в минимальной (ПС) структуре. Второстепенные члены предложения лишь расширяют минимальную структуру, не изменяя коммуникативной направленности целого предложения. Данная функция проявляется лишь в I, II и III КТ предложений, где второстепенные члены не играют определяющей (в коммуникативном отношении) роли. В остальных КТ, где второстепенные члены представляют собственно цель сообщения, т.е. рему, изменение структуры обоих компонентов АЧП не наблюдается (если интонационная схема остается фонологически неизменной).

Изменение ПЧП может приводить не только к уточнению коммуникативного задания (что выражается в изменении структур обоих компонентов АЧП), но и к полному изменению определенного коммуникативного задания, т.е. к изменению всего КТ предложений.

При определенных условиях (распространенная структура; ударение и т.д.) предложения некоторых КТ (II, III, а также частично I) проявляют тенденцию к переходу в предложения других КТ. Это объясняется тем, что в предложениях, напр., II и I КТ действие и состояние обычно сопровождается второстепенными членами, несущими коммуникативную нагрузку. Поэтому иногда бывает трудно определить, что является действительной

целью сообщения: действие или его признак (обстоятельства, при которых оно протекает). В устной речи этот конфликт решается логическим ударением, которое ставится на соответствующий член предложения.

Фразовое и логическое ударения принимают участие при конституировании определенных КТ и являются их релевантными параметрами. Фразовое ударение конституирует лишь предложения I, II и III КТ, в то время как все остальные КТ конституируются при помощи логического ударения.

Основное различие между обоими ударениями заключается в характере их обусловленности: первое непосредственно зависит от структурных особенностей предложения, второе же – от контекстуальных модификаций.

При конституировании КТ предложений синтагматическое членение, хотя и может наблюдаться в структуре предложения, является, однако, его иррелевантным (в коммуникативном отношении) признаком.

Поскольку синтагматическое членение является иррелевантным признаком для смысловой структуры простого предложения, его АЧП, то его можно отнести к средствам, имеющим в качестве доминанты коннотативную функцию. Таким образом, синтагматическое членение в рамках простого предложения представляет собой средство стилистического усиления определенной части предложения.

Литература

1. Bolinger D.L. *Forms of English: Accent, Morpheme, Order*. Cambridge, 1965. 334 p.
2. Dane F. *Intonace a věta ve spisovné češtině*. Praha, 1957. 161 s.
3. Daneš F. *Sentence Intonation from a Functional Point of View // Word*. 1960. Vol. 16(1). P. 34–54.
4. Gimson A.C. *An Introduction to the Pronunciation of English*. London, 1962. 364 p.
5. Kingdon R. *The Groundwork of English Intonation*. London, 1958.
6. O'Connor J. D., Arnold G.F. *Intonation of Colloquial English*. London, 1961. 290 p.
7. Trager G. L., Smith H.L. *An Outline of English Structure*. Washington, 1957. 102 p.
8. Vassilyev V.A. *English Phonetics: A Theoretical Course*. Leningrad, 1962. 322 p.
9. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. Москва: Изд-во лит. на иностр. яз., 1955. 392 с.
10. Баюкова С.Д., Карева Л.А. Методика отбора текстов и составления упражнений в учебнике по английскому языку для высшей школы // Меридиан. – 2019. – № 7 (25). – С. 48–51.
11. Власова З. С. Коммуникативно-интонационное членение предложения в немецком языке: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.00.00. Москва, 1966. 200 с.
12. Зиндер Л.П. *Общая фонетика*. Ленинград: ЛГУ. 1960. 336 с.
13. Калачев А.И. Интонационное членение простого повествовательного предложения в современном английском языке: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.00.00. Москва, 1951. 205 с.
14. Попов П.С. *Суждение и предложение // Вопросы синтаксиса современного русского языка*. Москва, 1950. С. 5–35.
15. Распопов И.П. Актуальное членение предложения: на материале простого повествования преимуще-

ственно в монологической речи / Башкир. гос. ун-т им. 40-летия Октября. Уфа: [б.и.], 1961. 163 с.

THE USE OF LINGUISTIC MEANS IN THE CONSTITUTION OF SENTENCES OF COMMUNICATIVE TYPES

Kareva L.A., Bayukova S.D.
Northeastern State University

In this article the authors have considered the role of such linguistic means as the order of sentence members, stress and pause, participating in the constitution of communicative types (CT) of a simple elementary narrative sentence. The authors have studied the functions of sentence members' order; stress in a sentence; syntagmatic division. The authors have presented narrative sentences with the main structural and communicative models: objective-statemental; expressing action; state; quantity; subject; object; identification; place; time; style of action; purpose of action; instrument of action; source of action; condition; reason. The authors have highlighted the functions of sentence members' order in the structure of a sentence as a communicative unit. The authors have considered the role of such factors as phrasal and logical stresses in the construction of sentences' communicative types.

Keywords: communicative types, simple narrative sentence, structural-communicative model, functions.

References

1. Bolinger D.L. *Forms of English: Accent, Morpheme, Order*. Cambridge, 1965. 334 p.
2. Dane F. *Intonace a věta ve spisovné češtině*. Praha, 1957. 161 s.
3. Daneš F. *Sentence Intonation from a Functional Point of View // Word*. 1960. Vol. 16(1). pp. 34–54.
4. Gimson A.C. *An Introduction to the Pronunciation of English*. London, 1962. 364 p.
5. Kingdon R. *The Groundwork of English Intonation*. London, 1958.
6. O'Connor J. D., Arnold G.F. *Intonation of Colloquial English*. London, 1961. 290 p.
7. Trager G. L., Smith H.L. *An Outline of English Structure*. Washington, 1957. 102 p.
8. Vassilyev V.A. *English Phonetics: A Theoretical Course*. Leningrad, 1962. 322 p.
9. Admoni V.G. *Introduction to the syntax of the modern German language*. Moscow: Publishing House lit. in foreign language, 1955. 392 p.
10. Bayukova S.D., Kareva L.A. *Methodology for selecting texts and composing exercises in an English textbook for higher education // Meridian*. – 2019. – № 7 (25). – Pp. 48–51.
11. Vlasova 3. S. *Communicative intonation division of a sentence in the German language: dissertation ... Candidate of Philological Sciences: 10.00.00*. Moscow, 1966. 200 p.
12. Zinder L.R. *General phonetics*. Leningrad: LSU. 1960. 336 p.
13. Kalachev A.I. *Intonation division of a simple narrative sentence in modern English: dissertation... Candidate of Philological Sciences: 10.00.00*. Moscow, 1951. 205 p.
14. Popov P.S. *Judgment and sentence // Questions of syntax of the modern Russian language*. Moscow, 1950. pp. 5–35.
15. Raspopov I.P. *The actual division of the sentence: based on the material of a simple narrative mainly in monological speech / Bashkir State University named after the 40th anniversary of October*. Ufa: [B. I.], 1961. 163 p.

Место и роль России в отношениях с государствами постсоветского пространства

Шикунов Дмитрий Владимирович,

к.п.н., доцент, доцент Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: dim.shikunoff@yandex.ru

Бельский Виталий Юрьевич,

д.ф.н., профессор, профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: v.belskiy@bk.ru

В статье проводится анализ взаимоотношений современной России с государствами постсоветского пространства, делается попытка выявить причины противоречий между соседними странами, а также определить направление векторов их дальнейшего развития. Авторы определяют ведущую роль Российской Федерации в геополитических процессах, происходящих на Евразийском пространстве, влияние специальной военной операции на Украине на политику наших ближайших соседей.

Ключевые слова: внешняя политика России, постсоветское пространство, геополитические процессы, специальная военная операция на Украине, евразийское пространство.

Современная внешняя политика России характеризуется самостоятельностью и независимостью, последовательностью, преемственностью и предсказуемостью, отражает уникальную, сформировавшуюся веками роль России как уравнивающего фактора в международных делах и развитии мировой цивилизации. Она осуществляется под влиянием как позитивных, так и негативных тенденций в международных отношениях, радикальных изменений в мировом сообществе, глобализационных процессов в современном мире, в условиях формирования нового мирового порядка.

В современном сложном, противоречивом и неоднозначном мире Россия в своей внешней политике для достижения ее целей и задач использует широкий комплекс мер и средств как классических, так и современных. Среди них дипломатические, экономические, правовые, технологические, информационные, военные. Неотъемлемой составляющей ее внешнеполитической деятельности стало применение инструментов «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий.

После развала СССР прежние союзные республики, превратившись в самостоятельные государства, выбрали разные пути своей внешней политики.

Первая группа, – те, кто успел запрыгнуть в европейский поезд, став частью Объединенной Европы.

Прибалтийские страны, – Литва, Латвия и Эстония – с момента утверждения своей независимости выбрали западный вектор развития. Значительная часть населения Прибалтики и прежде всего пришедшая к власти новая политическая элита всегда считали себя частью Европы и рассчитывали на полноправное членство в европейской семье. Литва, Латвия и Эстония, начиная с 1991 года, прикладывали значительные усилия, направленные на присоединение к общеевропейскому пространству, и в итоге в марте 2004 г. они вместе с Болгарией, Румынией, Словакией и Словенией официально стали членами Североатлантического блока, а в мае 2004 г. – членами Евросоюза.

Единая с Европой политика, единое экономическое и таможенное пространство, единая валюта, – вот то, к чему стремились и что получили Прибалтийские государства. Однако вступление в ЕС завершило процесс деиндустриализации Прибалтики, начавшийся еще в 1990-е годы. Доставшиеся в наследство от СССР промышленные объекты прекратили свое существование. Продукция этих предприятий, ранее востребованная в Советском Союзе, оказалась не нужна общеевропейскому внутреннему рынку. В результате ранее развитое промышленное и аграрное производство сошли практически на нет.

Литва вынуждена была закрыть у себя Игналинскую АЭС. Из-за антироссийских санкций и подорожания газа в 2023 г. был законсервирован на неопределенный срок химический комбинат Lifosa в Кедайняе. Почти всю осень 2023 г. не работал химкомбинат Аchema в Йонаве, на реконструкцию которого еврокомиссия была вынуждена выделить 122 млн евро. Стоит вспомнить закрытые Вильнюсский завод электроизмерительной техники,

выпускавший по 4100000 электросчетчиков в год и поставивший свою продукцию на экспорт (Индия, Бразилия и др. страны), а также завод «Нуклон», выпустивший один из первых в истории СССР бытовых (или, как позже начали выражаться, персональных) компьютеров. Из-за европейских санкций против Белоруссии Литва и другие прибалтийские страны потеряла транзит белорусских нефтепродуктов и удобрений. В результате резко сократился грузооборот Клайпедского, Рижского, Вентспилсского и Лиепайского портов. В Латвии прекратили работу Рижский вагоностроительный завод, выпускавший известные на весь СССР электросоставы, и Рижский электромашиностроительный завод, знаменитый своими стиральными машинами. Причем последним автомобилем, выпущенным в 1997 г. прежним автогигантом в Елгаве, стал катафалк. В Эстонии закрыли металлургический завод VMT Tehased в Турба и знаменитую «Кренгольмскую мануфактуру» в Нарве. В итоге членство в ЕС обернулось для Прибалтики утратой нормальной экономики как таковой. Страны Балтии в Евросоюзе не являются экономически самодостаточными и живут на «искусственном дыхании» фондов ЕС [5, 6].

В 2000-е годы в Прибалтике стала активно проводиться политика дерусификации – снос советских памятников, уголовное преследование пророссийских журналистов, аресты за поддержку России и так далее. Сегодня прибалтийские государства первыми в ЕС предлагают вводить новые санкции против России, хотя их экономика страдает от них сильнее всего. С начала проведения СВО на Украине они больше других, если смотреть долю от национального ВВП, отправляют оружия Киеву. Вся эта русофобская политика вызвана желанием понравиться Западу, как бы бежать впереди европейского паровоза с логотипом НАТО на борту.

Вторая группа стран на постсоветском пространстве – те, кто в 1990-е годы выбрал путь построения собственного национального государства, базировавшегося на идеологии национализма, превосходства своей титульной нации над другими. По этому пути пошли Грузия, Молдавия и Украина.

Отношения Грузии и России в 1990-е – 2000-е годы были чрезвычайно сложными и противоречивыми. Их конструктивному развитию препятствовали антироссийские проявления в политике Тбилиси, тесно связанные с проводимым руководством Грузии «проамериканским» курсом страны, а также надежда на возвращение Абхазии и Южной Осетии в состав Грузии через силовой сценарий.

«Операция по принуждению Грузии к миру» 2008 г. и ее последствия привели к тому, что Грузия прервала все дипломатические связи с Российской Федерацией и вышла из СНГ.

Летом 2019 г., когда Тбилиси захлестнули акции протеста, а митингующие выступили против участия российских делегатов в сессии Межпарламентской ассамблеи православия, авиаперевозки между двумя странами были прерваны, ограничены поставки в Россию продукции из Грузии, заморожены денежные переводы между странами.

Последнее обострение отношений между нашими странами пришлось уже на время проведения спецоперации Вооруженных сил РФ на территории Украины. Сформировались два противоборствующих лагеря: первый, во главе с Премьер-министром И. Гарибашвили, неоднократно заявлявшим, что Грузия не пойдет против своих национальных интересов и не будет присоединяться к западным санкциям против России, и второй, с противоположной антироссийской позицией представляемый президентом республики С. Зурабишвили, которая

настаивает на участии «во всех международных резолюциях, которые создаются для поддержки Украины» [2].

Раскол обострился в 2024 г. в связи с принятием т.н. законопроекта «об иноагентах». Инициированный правительством Грузии закон был поддержан в грузинском парламенте, но вызвал взрыв недовольства у прозападной грузинской оппозиции, назвавшей законопроект «русским». На улицы Тбилиси были выведены толпы недовольных, стремившихся решить вопрос силовым путем. СМИ стали даже говорить о новой «оранжевой» революции. В настоящее время конфликт до конца не урегулирован, хотя властям Грузии и удалось снизить накал борьбы.

На этом фоне кризиса политических отношений внутри Грузии социально-экономические отношения между нашими странами успешно развиваются. По итогам 2022 г. Россия заняла второе место среди торговых партнеров Грузии после Турции. Основными экспортными товарами являются сырьевые продукты, машины и оборудование. Из Грузии в Россию возятся продуктовые товары, ферросплавы, легковые автомобили.

Развиваются в настоящее время и гуманитарные связи между двумя странами. Взаимно упрощаются визовые режимы, восстановлено прямое авиасообщение между Москвой и Тбилиси.

Отношения между Россией и Республикой Молдова в новейшее время развивались не менее проблематично, чем российско-грузинские. Центральным вопросом в них является урегулирование приднестровской проблемы. Её истоки берут начало в 1992 г., когда Кишинев попытался силовым путем расправиться с «сепаратистами» Приднестровской народной республики. Однако, благодаря вмешательству России этот кровопролитный конфликт был тогда приостановлен.

Приднестровье выступает за получение независимости от Молдавии с последующим присоединением к России (на референдуме 17 сентября 2006 г. более 97% жителей непризнанной республики высказались за такое решение). Молдавия же настаивает на предоставлении региону статуса автономно-территориального образования, являющегося неотъемлемой составной частью страны.

Тем не менее, Молдавия сохранила тесные экономические связи с Россией в рамках совместной работы в Содружестве Независимых Государств (СНГ). Наша страна активно экспортирует в республику энергетические ресурсы, продукты питания, удобрения и различное промышленное оборудование. В свою очередь, основная доля молдавского импорта приходится на фрукты. В стране работают российские компании «Газпром», «Лукойл», «Интер РАО ЕЭС», «Итера» [11].

После избрания президентом республики в 2020 г. М. Санду от проевропейской Партии действия и солидарности российско-молдавские отношения ухудшились. 17 марта 2022 г., выступая в парламенте, глава Молдавии заявила, что единственным путем для страны является вхождение в Евросоюз, а не интеграция в СНГ и развитие евразийского сотрудничества. Её усилиями государство фактически приостановило свою работу в ключевых органах СНГ. В 2023 г. с подачи власти и СМИ в Молдавии была развернута дискуссия о возможной отмене нейтрального статуса страны для дальнейшего сближения с Западной Европой и НАТО.

После начала СВО Молдавия поддержала Украину, приняв несколько пакетов санкций ЕС. 21 ноября 2023 г., в так называемый День достоинства и свободы, М. Санду прибыла в Киев, чтобы обсудить с М. Зеленским региональную безопасность и вступление в Евросоюз. Спустя неделю, в Кишинев наведлся спикер Верховной

рады Р. Стефанчук. Он поблагодарил молдавский народ за помощь в борьбе с Россией, указав, что Украина и Молдова должны войти в ЕС, потому что всегда были частью европейской цивилизации.

Геополитическое положение Украины как буфера между Западной Европой и Россией, ее выход к Черному морю всегда вызывали безусловный интерес к тому курсу («западному» или «восточному»), по которому будет развиваться это государство. Втягивание Украины в русло американской политики, дестабилизация обстановки в «подбрюшье» России, стало для нас серьезным ударом.

В течение последних десятилетий США с помощью своих некоммерческих организаций (поддержки издания нужных школьных учебников, финансовой поддержки нужных историков, нужных политологов и политиков с нужными идеями, нужных общественных деятелей Украины, нужных журналистов, укрепления националистов, сторонников Бандеры и Шухевича), и с помощью проамериканских украинских политиков (типа Виктора Ющенко) буквально культивировали и заботливо выращивали на Украине две вещи: украинский шовинизм и ненависть к России. Суть подобного идеологического воспитания состоит в том, чтобы усвоить, что Украина – это не часть Русского мира, это – часть Европы, противостоящая многовековой экспансии варварской России. Соответственно все, кто не согласен с данным утверждением, враги Украины, с которыми настоящий украинский патриот должен бороться всеми ему доступными средствами.

Мы не обращали внимания на Украину, а там уже скакали – «кто не скачет, тот москаль». Активно ущемлялся русский язык. Сменивший Л. Кравчука Л. Кучма включился в процесс «Украина-не-Россия». За 9 лет его правления доля обучающихся на русском языке сократилась почти вдвое – с 41,4% (в 1995–1996 учебном году) до 23,9% (в 2003 году).

При президенте П. Порошенко Украина шла на дальнейший разрыв отношений с Россией (денонсировала десятки соглашений о сотрудничестве с Россией в различных сферах, ввела ограничения на въезд в страну российских граждан, приняла санкции против российских банков и т.д.).

В. Зеленский продолжил политику своего предшественника, заигрывая с националистами и подписав закон «О коренных народах Украины». В 2021 г., находясь в одной из многочисленных заграничных поездок, он публично заявил, что Украина планирует изменить свой безъядерный статус, а позднее в одном из своих указов объявил целый ряд южных российских регионов исконно украинскими землями.

О неонацистском характере современной власти на Украине неоднократно говорили российские политические лидеры. Так Президент РФ В.В. Путин, в выступлении на заседании ОДКБ 16 мая 2022 г. подчеркнул: «К сожалению, в соседней нашей стране, на Украине, давно наблюдается разгул неонацизма, на что закрывают глаза, а значит, и фактически поощряют их деятельность, некоторые наши партнеры из так называемого коллективного Запада»... «Нигде, я хочу это подчеркнуть, нигде на государственном уровне не героизируются нацисты. И нигде в цивилизованных странах не поощряются органами власти многотысячные неонацистские шествия с нацистской символикой» [10].

Особой остроты достигли отношения России и Запада в конце 2021 г. – начале 2022 г. США и НАТО активизировали работу по продвижению проекта членства Украины в НАТО, стали закачивать в нее огромное количество летального оружия и денег на оборону. Все это

подтолкнуло руководство страны к мысли о скорейшем решении вопроса Луганской и Донецкой народных республик силовым путем, т.н. «освобождении» Крыма, выхода из Будапештского меморандума и создании своей «грязной» атомной бомбы.

В этой критической ситуации в феврале 2022 г. Президент России В.В. Путин принял единственно правильное решение о признании Луганской и Донецкой народных республик и проведении специальной военной операции на территории Украины. «Её цель, по словам В.В. Путина, – защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные, кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации».

Подливая масла в огонь, сегодня Запад продолжает поставлять все новые виды вооружения Украине и выделяет громадные средства в поддержку киевскому режиму. Однако все эти поставки кардинально не меняют расклад сил на фронте и лишь продлевают агонию нынешнего киевского режима.

Само украинское государство существует только благодаря финансовым вливаниям со стороны США и Евросоюза. Без своих спонсоров оно не способно ни платить зарплаты, ни выплачивать пенсии и пособия. После начала СВО многие сотни тысяч украинцев сбежали за границу, скрываясь от войны и возможного призыва в украинскую армию. Внутри страны бесчинствуют военкомы, хватая всех подряд мужчин и мобилизуя их в ВСУ для отправки на фронт. Провальное наступление ВСУ в 2023 г. привело к огромным потерям личного состава и нежеланием украинцев воевать за режим Зеленского. Сам президент Украины «отменил» собственные выборы в связи с особым положением, перенеся их на неопределенный срок.

В канун празднования 79 годовщины Великой Победы в Москве на Поклонной горе была размещена экспозиция трофейной западной военной техники, всего более 30 образцов из США, Германии, Франции, Великобритании, Турции, Швеции, Финляндии и других «спонсоров» Украины. Особый интерес у москвичей и гостей столицы вызвали подбитые на фронте и доставленные в Москву хваленый немецкий танк Leopard 2A6 и «непобедимый» американский танк M1 Abrams. Также как и в 1943 г., вражеская военная техника «дошла» до Москвы и заняла достойное ей место.

Третья группа стран, получившая независимость в 1991 г. после развала СССР, – это те, кто продолжил сотрудничество с Российской Федерацией, стал участником организаций, активно развивающихся сегодня на территории Евразийского пространства.

В начале 2000-х гг. Россия отказалась принять предлагаемую США однополярную систему международных отношений, выдвинув свою концепцию многополярности, ставшую одним из столпов таких программных документов, как концепция внешней политики Российской Федерации. Считая себя одним из государств, имеющих основания претендовать на роль полюса в международных отношениях, Россия прилагает существенные усилия к тому, чтобы, с одной стороны, показать независимость осуществляемой ею политики, а с другой, – сделать культурно и экономически привлекательным государством и надежным политическим партнером. Так как в основу концепции полицентричного мира заложен географический принцип (принцип регионального влияния), приоритетным вектором отечественной внешней политики стало именно постсоветское пространство – го-

сударства, исторически, экономически и культурно тесно, если не неразрывно, связанные с Россией. По мере возрастания остроты и напряженности в международной обстановке, при сохранении угрозы изоляции, Российская Федерация, все более заинтересована в том, чтобы найти или изобрести некие «скрепы» для интенсификации интеграционных процессов в регионе и сглаживания противоречий между входящими в него государствами. Непрочность объединений, создаваемых по инициативе трех наиболее близких идее «евразийской интеграции» государств – России, Казахстана и Белоруссии, ощутивший рост потребности в идеальном заполнении образовавшегося после распада СССР вакуума заставили Москву поставить на повестку дня вопрос о необходимости поиска национальной идеи, пересмотра исторической политики и, наконец, формулирования некой общей «формулы», которая обусловила бы создание единой «евразийской идентичности» [12].

Существенное влияние на внешнеполитический курс Российской Федерации и обеспечение мира, безопасности и взаимовыгодного сотрудничества на евразийском пространстве оказывают сегодня такие международные организации, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Содружество независимых государств (СНГ).

Сложность отношений России с соседями по Евразийскому дому определяется отсутствием у нее детально разработанной доктрины взаимоотношений с ними как на многостороннем, так и на двустороннем уровнях. Поэтому политика России решает здесь скорее не стратегические задачи укрепления собственных позиций, а носит тактический характер и является ответом на возникающие время от времени конфликты. Примерами тому являются «осенняя война» 2020 г. между Арменией и Азербайджаном и последующее перемирие между ними при посредничестве России, а также миссия ОДКБ во главе с Россией по восстановлению порядка в Казахстане в январе 2022 г.

Начавшаяся в феврале 2022 г. специальная военная операция на Украине внесла определенные коррективы во взаимоотношения России со странами евразийского пространства. Страны Закавказья и Средней Азии заняли выжидательную стратегию, с сожалением глядя на Россию, которую Западу удалось втянуть в вооруженный конфликт с Украиной. В этих условиях российское внимание к политике этих стран ослабело, а влияние других «игроков» (Китай, Турция, США и Евросоюз) в этом регионе усилилось. Говоря о сущности позиции Среднеазиатских государств и стран Закавказья по вопросу о дальнейшем поддержании баланса сил на Евразийском пространстве, можно сказать, что руководство этих стран на самом деле ждет результата спецоперации на Украине. Если победит Россия, это будет сигналом к принятию российской модели взаимодействия в Евразии, победит «коллективный» Запад, вектор ориентации сместится в направлении, предлагаемом США и их западноевропейскими сателлитами [13].

Внутри Евразийского пространства сложились разные отношения между государствами. Самые тесные дружественные отношения существуют между Россией и Белоруссией, составляющие Союзное государство. Позиции руководства этих стран относительно противостояния со странами Запада близки. Помимо социально-экономического сотрудничества, налажено и военно-стратегическое. Имеются совместные планы противостояния возможной агрессии стран НАТО. На территории Республики Беларусь развернута группировка рос-

сийских ракет тактического назначения с ядерным вооружением.

Среди среднеазиатских государств наиболее тесные и дружественные отношения в настоящее время у России сложились с Кыргызстаном и Узбекистаном. Киргизия на протяжении всего постсоветского периода являлась военно-стратегическим партнером Российской Федерации на территории Средней Азии. Еще в 2000 г. странами была подписана Декларация о вечной дружбе, союзничестве и партнерстве. В республике реализуются крупные инвестиционные проекты таких российских компаний как «Газпром», «Роснефть», «Русская платина» [8]. Важной составляющей двустороннего взаимодействия является сфера миграции. По данным МВД России на 01 января 2023 г. в России находилось более 1 млн граждан Киргизии. Объем денежных переводов в Киргизию трудовыми мигрантами из России в 2023 г. составил более 2,5 млрд долл.

Узбекистан также тесно связан с Россией экономическими отношениями, а его руководство всегда подчеркивает дружеское отношение к нашей стране. Россия является ключевым инвестором Узбекистана – за 2023 г. российские компании инвестировали в республику более 13,5 млрд долл. Россия начинает строить в Узбекистане первую в Средней Азии атомную электростанцию вблизи озера Тузкан в Джизакской области. В свою очередь огромным спросом на российском рынке пользуется узбекская плодоовощная сельхозпродукция и текстильные изделия.

Динамично развиваются российско-таджикские отношения. В 2023 г. Россия заняла лидирующее место среди внешнеэкономических партнеров Таджикистана с долей в 20,6%. Россия является одним из ключевых инвесторов в экономику республики. На таджикском рынке работает более 300 предприятий с российским участием. Таджикистан рассматривается Россией как одна из ключевых стран буферной зоны между Россией и Афганистаном, где сохраняется высокий уровень активности международного терроризма и религиозного экстремизма. Поэтому на ее территории располагается российская военная база, причем ее пребывание продлено соответствующим соглашением до 2042 г. Российские военнослужащие круглосуточно осуществляют постоянный мониторинг границы Таджикистана и Афганистана. Наблюдение осуществляется при помощи средств воздушной и радиоэлектронной разведок, находящихся в распоряжении российских военных. Востребовано в республике высшее российское образование, – в России обучаются более 35 тыс. таджикских студентов и аспирантов. В стране открыты филиалы российских вузов: МГУ им. Ломоносова, МИСиС, МЭИ и Российско-Таджикский (Славянский) университет [4]. Важное значение придается взаимодействию с Таджикистаном в миграционной сфере. Гражданам республики предоставлены максимально возможные для не членов ЕАЭС преференции: возможность пребывания в России в течение 15 дней без постановки на учет, оформление патента на работу сроком до трех лет. В настоящее время, по разным оценкам, в России находится около 1,5 млн мигрантов из Таджикистана [9].

Азербайджан и Туркменистан придерживаются политики сохранения независимости в области политических и экономических решений, выступают против дальнейшей интеграции в рамках евразийского пространства. Поэтому сегодня российско-азербайджанские и российско-туркменские отношения развиваются в основном на двусторонней основе.

В 2023 г. товарооборот Азербайджана и России вырос до 4,3 млрд долл., то есть вырос почти на 20%.

22 января 2024 г. Баку и Москва подписали «Дорожную карту по развитию ключевых направлений российско-азербайджанского сотрудничества на 2024–2026 годы». На встрече с Председателем Правительства РФ М. Мишустиним 6 марта 2024 г. президент Азербайджана И. Алиев отметил: «Отношения между Россией и Азербайджаном могут быть примером отношений между двумя соседними дружественными государствами» [7].

Отношения между Россией и Туркменистаном обе стороны характеризуют как стратегическое партнерство. Россия является одним из главных торговых партнеров Туркменистана. На местном рынке российский бизнес представлен такими крупными строительными, производственными и логистическими компаниями, как «РЖД», «КАМАЗ», «Татнефть», «Возрождение» и др. Успешно работает Межправительственная Российско-Туркменская комиссия по экономическому сотрудничеству. 24 мая 2024 г. в Ашхабаде прошло заседание Совета глав правительств СНГ, в котором принял участие Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин [1].

Казахстан, оставаясь одним из интеграционных центров на евразийском пространстве, последние годы придерживается многовекторной политики. Это наглядно демонстрирует визиты в Астану в 2023 г. президентов Франции Э. Макрона, Турции Р.Т. Эрдогана, России В.В. Путина, госсекретаря США Э. Блинкена, а также многочисленные зарубежные поездки и встречи К.-Ж. Токаева с президентом США Дж. Байденом, лидером КНР Си Цзиньпином, наследным принцем Саудовской Аравии Мухаммедом бен Салманом, канцлером Германии О. Шольцем. Главными политическими и экономическими партнерами Астаны остаются Пекин и Москва, сотрудничество с которыми по-прежнему определяется руководством Казахстана как стратегическое. При этом, несмотря на сохранение тесных экономических и политических отношений между Россией и Казахстаном, в последнее время, по сообщениям иностранных СМИ, Казахстан все дальше отдален от России и активно дрейфует в сторону Запада. Здесь уже пять лет не проводятся Парады Победы 9 мая. Весной 2024 г. руководство Казахстана подписало двухстороннее соглашение о стратегическом партнерстве и сотрудничестве с Великобританией. В Казахстане налажена деятельность большого количества прозападных неправительственных организаций и фондов, результатом работы которых в том числе стал рост антироссийских настроений в стране [3].

Все сильнее отдален от России Армения. Последнее время в Ереване называют «стратегической ошибкой» ставку на Москву после распада СССР и рассчитывают, что новым гарантом безопасности и ведущим партнером станет Запад, а не Россия. Армения в последнее время критически оценивает свое участие в ОДКБ. Премьер-министр Армении Н. Пашинян заявил в феврале 2024 г., что участие страны в ОДКБ заморожено. Сокращается также и социально-экономическое сотрудничество с Россией. Пока Россия удовлетворяет до 50% потребностей экспорта из Армении. В случае дальнейшего ухудшения российско-армянских отношений эта доля может резко сократиться, что приведет к возможному социально-экономическому кризису в стране и политическим изменениям.

Литература

1. Волынкин И.К. Здесь братство – обычай и дружба – закон. – URL: https://turkmenistan.mid.ru/ru/press-centre/posolstvo_soobshchaet/statya_posla_rossii_v_turkmenistane_i_k_volynkina_zdes_bratstvo_obyчай_i_druzhba_zakon_v_gazete_ney/

2. История отношений России и Грузии. – URL: <https://tass.ru/info/17714153>
3. Мармونتова Т. Внешнеполитические ориентиры Казахстана в 2024 году. – URL: <https://nicrus.ru/analyt/vneshnepoliticheskiye-orientiry-kazakhstanav-2024-godu/>; Казахстан преподнес России сразу три крайне неприятных сюрприза. – URL: <https://dzen.ru/a/ZkBsm2iqvjmcjEuz>
4. Межгосударственные отношения России и Таджикистана. – URL: <https://ria.ru/20240508/diplomatiya-1944478677.html>
5. Носович А. Прибалтика в Евросоюзе. Неутешительные итоги. – URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/01052018-pribaltika-v-evrosoyuzene-uteshitelnye-itogi/>
6. Оленченко В. К годовщине расширения ЕС: почему страны Балтии теперь существуют только на бумаге. – URL: <https://dzen.ru/a/ZEprBW5FmEi7X-KI>
7. О качественно новом уровне российско-азербайджанских отношений шла на встрече Михаила Мишутина с Ильхамом Алиевым. – URL: https://www.1tv.ru/news/2024-03-06/472195-o_kachestvenno_novom_urovne_rossiysko_azerbaydzhanskih_otnosheniy_shla_na_vstreche_mihaila_mishutina_s_ilhamom_alievym
8. О российско-киргизских отношениях. – URL: <https://kyrgyz.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/political-relations/>
9. Проблемы правового регулирования адаптации и интеграции эмигрантов в Российской Федерации: Научно-практическое пособие. – СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 52 с.
10. Путин указал на поощрение Западом неонацизма на Украине | Новости мира | Известия | 16.05.2022 (iz.ru). – URL: <https://iz.ru/1335109/2022-05-16/putin-ukazal-na-pooshchrenie-zapadom-neonatcizma-na-ukraine>
11. Российско-молдавские отношения. Досье. – URL: <https://tass.ru/info/3945005>
12. Самонкин Ю. Евразийский вектор развития современной политики России. – URL: <https://www.worldrussia.com/public/index.php/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F/evraziyskiy-vektor-razvitiya-sovremennoy-politiki-rossii>
13. Шикинов Д.В., Моисеев А.Б. Влияние специальной военной операции на геополитическое равновесие на евразийском пространстве // Социально-гуманитарные знания. № 7. 2022. С. 103–106.

THE PLACE AND ROLE OF RUSSIA IN RELATIONS WITH THE POST-SOVIET STATES

Shikunov D.V., Belsky V.Yu.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

The article analyzes the relations of modern Russia with the states of the post-Soviet space, attempts to identify the causes of contradictions between neighboring countries, as well as to determine the direction of vectors of their further development. The authors define the leading role of the Russian Federation in the geopolitical processes taking place in the Eurasian space, the influence of the special military operation in Ukraine on the policy of our closest neighbors.

Keywords: Russian foreign policy, post-Soviet space, geopolitical processes, special military operation in Ukraine, Eurasian space

References

1. Volynkin I.K. Here brotherhood is a custom and friendship is the law. – URL: <https://turkmenistan.mid.ru/ru/press-centre/pos->

- olstvo_sobshchaet/statya_posla_rossii_v_turkmenistane_i_k_volynkina_zdes_bratstvo_obychay_i_druzhba_zakon_v_gazete_ney/
2. History of relations between Russia and Georgia. – URL: <https://tass.ru/info/17714153>
 3. Marmontova T. Foreign policy guidelines of Kazakhstan in 2024. – URL: <https://nicrus.ru/analytics/vneshnepoliticheskiye-oriyentiry-kazakhstana-v-2024-godu/>; Kazakhstan presented Russia with three extremely unpleasant surprises at once. – URL: <https://dzen.ru/a/ZkBsm2iqvjmcjEuz>
 4. Interstate relations between Russia and Tajikistan. – URL: <https://ria.ru/20240508/diplomatiya-1944478677.html>
 5. Nosovich A. The Baltics in the European Union. Disappointing results. – URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/01052018-pribaltika-v-evrosoyuzeneuteshitelnye-itogi/>
 6. Olenchenko V. On the anniversary of the EU enlargement: why the Baltic countries now exist only on paper. – URL: <https://dzen.ru/a/ZEprBW5FmEi7X-KI>
 7. A qualitatively new level of Russian-Azerbaijani relations was discussed at the meeting of Mikhail Mishutin with Ilham Aliyev. – URL: https://www.1tv.ru/news/2024-03-06/472195-o_kachestvenno_novom_urovne_rossiysko_azerbaydzhanskih_otnosheniy_shla_na_vstreche_mihaila_mishutina_s_ilhamom_alievym
 8. On Russian-Kyrgyz relations. – URL: <https://kyrgyz.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/political-relations/>
 9. Problems of legal regulation of adaptation and integration of emigrants in the Russian Federation: Scientific and practical manual. – SPb.: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. – 52 p.
 10. Putin pointed to the West's encouragement of neo-Nazism in Ukraine | World News | Izvestia | 05/16/2022 (iz.ru). – URL: <https://iz.ru/1335109/2022-05-16/putin-ukazal-na-pooshchrenie-zapadom-neonacizma-na-ukraine>
 11. Russian-Moldovan relations. Dossier. – URL: <https://tass.ru/info/3945005>
 12. Samonkin Yu. Eurasian vector of development of modern policy of Russia. – URL: <https://www.worldrussia.com/public/index.php/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F/evraziyskiy-vektor-razvitiya-sovremennoy-politiki-rossii>
 13. Shikunov D.V., Moiseev A.B. The Impact of a Special Military Operation on the Geopolitical Balance in the Eurasian Space // Social and Humanitarian Knowledge. No. 7. 2022. P. 103–106.

Казарян Гор Ильич,

магистр, МГИМО (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
E-mail: gorinich29@list.ru

Курилкина Екатерина Алексеевна,

магистр, МГИМО (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
E-mail: kata.kurilkina.mail@gmail.com

Целью исследования является анализ эволюции стратегических подходов России и НАТО к присутствию в Арктическом регионе, а также выявление основных форм современного соперничества между ними. Гипотеза исследования заключается в том, что Арктика стала ключевым регионом для геополитического соперничества, это требует анализа стратегий и действий участвующих государств. Задачи исследования включают: изучение исторических этапов развития арктической политики России и НАТО, анализ текущих стратегий и форм соперничества, таких как военное и экономическое противостояние, а также оценка перспектив дальнейшего развития ситуации. Методы исследования подразумевают под собой анализ нормативно-правовых документов, стратегий развития, международных договоров и статистических данных. Результаты показывают, что Россия имеет значительное преимущество в Арктике благодаря развитой инфраструктуре и стратегическим проектам, таким как Северный морской путь и «Арктик СПГ-2». НАТО, и в свою очередь, усиливает свое военное присутствие и сотрудничество среди членов блока для противодействия российскому влиянию. Обострение соперничества связано как с экономическими, так и с политическими и военно-стратегическими аспектами, что подчеркивает важность Арктики в мировой геополитике.

Ключевые слова: Арктика, НАТО, энергоресурсы, Северный морской путь, Россия, международное сотрудничество, Арктик СПГ-2.

Введение

После холодной войны интерес НАТО к региону Арктики усилился из-за необходимости поиска нового направления деятельности. В связи с распадом СССР НАТО получил возможность установить постоянное институциональное присутствие в регионе, как и Россия. Так, Арктика обрела новое геополитическое значение, состоящее, прежде всего, в добыче энергоресурсов за счет углеводородных запасов. В настоящее время разведанные запасы природного газа в российской Арктике составляют около 55 трлн м³, что составляет 75% от всех запасов России, а нефти – 7,3 млрд тонн, что составляет 23,5% от запасов России. С учетом того, что запасы Арктики еще не являются окончательно изведенными, как и запасы арктического шельфа, по предварительным оценкам в несколько раз превосходящие объем изученных запасов, данный регион приобретает стратегическое значение для России и стран НАТО (Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Швеция и США), которые также обладают существенными запасами в пределах своих территорий, определенных международным правом.

Тем не менее, добыча полезных ископаемых не является единственным геополитическим интересом арктических государств. Так, для России данный регион также имеет важное значение по причине развития Северного морского пути, через который поставки в Азию осуществляются наиболее выгодно, что сегодня является одним из главных направлений торговой политики РФ. Однако нельзя не отметить, что за последние несколько лет особое внимание со стороны России и стран НАТО уделяется Арктике как составляющей национальной безопасности каждого из государств по причине текущей геополитической обстановки в мире. Реализация геополитических интересов в Арктике связана с исключительными климатическими условиями, в связи с чем освоение данного региона и противостояние в нем обладает рядом особенностей, которые будут описаны далее.

Стратегические подходы и достижения России к присутствию в регионе Арктики

О постоянном повышении значимости рассматриваемого региона для России свидетельствует формирование системы управления Арктикой путем создания Департамента развития Арктики в структуре Минвостокразвития России в 2019 г. [1], а также регулирования мер государственной поддержки предпринимательства в Арктической зоне [2]. Системный подход обеспечивается не только за счет создания специального органа в системе федеральных органов исполнительной власти и нормативно-правового регулирования, но и за счет документов стратегического планирования.

В этой связи, прежде всего, следует упомянуть Основы государственной политики РФ в Арктике до 2035 г. (далее – Основы 2035 г.) [3] и Стратегию развития Арктической зоны РФ до 2035 г. (далее – Стратегия 2035 г.) [4]. В Основах 2035 г. изложены главные цели РФ в Арктике, которые имеют следующую природу:

1) социальные (повышение качества жизни населения);

2) экономические (ускорение экономического развития территорий);

3) экологические (охрана окружающей среды и экологической среды обитания);

4) международное сотрудничество (мирное разрешение споров на основании международного права);

5) безопасность (защита национальных интересов РФ в экономической и иных сферах).

В связи с тем, что Россия перешла к более системному подходу к государственной политике в Арктике, в Основах 2035 г. не нашли отражение существовавшие ранее (до 2020 г.) цели развития ресурсной базы, научно-технологического развития и формирования единого информационного пространства [5]. Аналогичный подход наблюдается в Стратегии 2035 г., в которой более подробно раскрываются конкретные меры реализации основных упомянутых целей. В ней также делается акцент на развитие инфраструктуры Арктической зоны, сферы науки и технологий, обеспечение общественной безопасности, военной безопасности, а также защиту и охрану государственной границы.

В обновленной Концепции внешней политики РФ 2023 г. [6] приоритетной задачей арктического направления является развитие региона, обозначенное в рамках внутренней политики. Внешняя политика и международное сотрудничество рассматриваются в большей степени как инструменты такого развития. Кроме того, акцент международного сотрудничества России в Арктике смещается на неарктические государства, заинтересованные в развитии Северного морского пути (прежде всего, Китай).

В связи с этим следует заключить, что по сравнению с обозначенными ранее на государственном уровне целями и мерами развития российского региона Арктики текущий подход в большей степени ориентирован на социальные аспекты и аспекты безопасности. В последние годы аспект безопасности в силу обстоятельств геополитического характера возрастает и становится приоритетным в арктической политике РФ. По этой причине финансирование региона так же возрастает – на период 2022–2024 гг. финансирование Арктической зоны в рамках государственной программы «Социально-экономическое развитие арктической зоны Российской Федерации» составляет более 21,4 млрд рублей. В июне 2024 г. Минвостокразвития России утвердило постановление о том, что в 2024–2026 гг. в данный регион будет направлено более 30 млрд рублей для развития инфраструктуры в тех местах, где дислоцируются воинские формирования.

По итогам 2023 г. Россией были достигнуты значимые достижения в Арктической зоне. Прежде всего, следует отметить международное сотрудничество – в частности, успешное завершение председательства РФ в Арктическом совете, несмотря на бойкот со стороны других арктических государств. Россия воспользовалась данным обстоятельством в свою пользу, организовав мероприятия по привлечению своих основных международных партнеров – Китай, Индию, Бразилию и др. к участию в повестке дня. Также впервые с марта 2022 г. Арктическим советом было вынесено совместное заявление о защите и укреплении данного институционального формата, что расценивается экспертами как крайне положительный сигнал. Работа Арктического совета была перезапущена, хотя, безусловно, его работа на условиях, которые существовали до февраля 2022 г., все еще не представляется возможной.

Кроме того, в Арктике наметилась перспектива выгоды для государственного бюджета – подушевой ВВП в регионе в 6 раз превышает средний по России. Также

были отмечены перспективы дальнейшего сотрудничества по развитию Северного морского пути, в настоящее время являющегося главным проектом, на основании которого осуществляется развитие Арктики [7].

Эволюция стратегического подхода США и НАТО к развитию арктического региона

Рассмотрение этапов трансформации политики США в отношении Арктики является одним из важнейших аспектов в рамках темы настоящего исследования, поскольку данное государство является определяющим с точки зрения общих направлений политики стран НАТО в отношении указанного региона. Возвращение интереса США к Арктике после «холодной войны» связывается с аналогичным восстановлением влияния России в данном регионе после распада СССР (полеты стратегической авиации, экспедиция с участием А. Чилингарова в 2007 г. и т.д.), что имело место в начале 2000-х гг. в период президентства Дж. Буша-мл. [8].

В Директиве по арктической политике США 2009 г. [9] впервые была подчеркнута заинтересованность в регионе, однако он все еще не рассматривался в качестве приоритетного. Среди прочего, в ней были перечислены следующие интересы США в Арктике: военно-стратегические, внутренней безопасности, политико-экономические и международно-правовые. Их реализация на практике стала получать активное воплощение в период президентства Б. Обамы.

В 2013 г. была принята национальная стратегия США в Арктическом регионе [10]. В целом, в ней была продолжена основная линия, намеченная в Директиве 2009 г. – США преследовали схожие интересы, сохраняли за собой право односторонних действий и не признавали статус международной организации за Арктическим советом. Однако вопросам обеспечения безопасности отводилось более существенное значение – ряд неарктических стран НАТО по инициативе США получили статус наблюдателей при Арктическом совете для того, чтобы продвигать свободу мореплавания. На основании указанного документа были созданы ведомственные стратегии, в частности Стратегия Минобороны США в Арктике 2013 г. [11].

После украинского кризиса 2014 г. США начали корректировать свою политику в Арктике ввиду изменившихся отношений с Россией. В докладе ККМБ 2016 г. [12] ввиду «агрессивной политики России в Арктике и увеличения ее военного присутствия» была подчеркнута необходимость усиления позиций США, которые должны были взять на себя главную роль в определении совместной политики арктических и неарктических государств для того, чтобы противостоять действиям России.

В период президентства Д. Трампа ввиду общей политики изоляционизма арктическое направление также претерпело ряд изменений – прежде всего, это связано с выходом США из Парижского соглашения по климату 2015 г. и обеспечением свободы мореплавания за счет проведения первых учений в Северном ледовитом океане. В Стратегии Минобороны США в Арктике 2019 г. [13] подчеркивается стратегический характер соперничества с Россией и Китаем как основными противниками, чем обуславливается более жесткая позиция США. Подчеркивается партнерский характер отношений со всеми странами НАТО, несмотря на то, что не все из них являются арктическими, но при этом в отношении Китая подчеркивается неправомерность его претензий в арктическом регионе. Арктический совет в целом не упоминается в документе, чем администрация Д. Трампа еще

раз подчеркнула неудовлетворительный, по ее мнению, характер его работы.

Существенные изменения ввиду обновленной геополитической обстановки произошли при администрации Дж. Байдена, когда в Стратегии национальной безопасности США 2022 г. Арктике впервые был посвящен отдельный раздел. Значительное внимание уделяется мирному разрешению споров и проблеме глобального потепления. Отмечается роль России в увеличении «конфликтного потенциала» региона, а также негативное влияние Китая через экономическую и исследовательскую деятельность, которая на практике может использоваться в военных целях. Кроме того, была опубликована Национальная стратегия США для Арктического региона 2022 г. [14], в которой были определены четыре основных стратегических аспекта государственной политики – безопасность, изменение климата и защита окружающей среды, устойчивое экономическое развитие и международное сотрудничество и управление.

Новейшим документом в этой сфере является обновленная Стратегия Минобороны США в Арктике 2024 г. [15]. В ней с точки зрения национальной безопасности данному региону отводится приоритетная роль с учетом изменившихся геополитических условий. Отмечается необходимость укрепления сотрудничества с союзниками НАТО для того, чтобы противостоять угрозам, исходящим от России и Китая. Среди основных методов США называют мониторинг и реагирование, а также способность «развернуть объединенные силы по всему миру». В качестве стратегических аспектов выделяются следующие: проведение информационных и иных кампаний, обеспечение обороны и сдерживания, присутствие в форме двусторонних учений с союзниками или многосторонних учений с участием НАТО. Очевидно, что арктическая политика США приобрела конкретный характер, связанный с первоочередной необходимостью обеспечения национальной и региональной безопасности, в связи с чем странам НАТО отводится значительная роль.

В октябре 2023 г. председателем Военного комитета НАТО также была отмечена значимость региона Арктики для сдерживания и обороны в рамках противостояния с Россией и Китаем. Кроме того, он подчеркнул, что в настоящее время происходит «милитаризация» Арктики, в связи с чем был подготовлен новый «Региональный план Север» и создано Командование объединенных сил в Норфолке [16]. Это также подчеркивает, что противостояние России и НАТО в Арктике приобретает милитаристский характер.

Формы современного соперничества России и НАТО в арктическом регионе

Текущее противостояние между Россией, Китаем и США и их союзниками связано не только с геополитической обстановкой, но и объективными причинами. Так, в связи с климатическими изменениями уже к 2035 г. Северный ледовитый океан может уже полностью освободиться ото льдов, что сделает намного доступнее добычу природных ресурсов и судоходство. Арктические и неарктические государства соперничают за присутствие в регионе, в том числе, по экономическим причинам.

В настоящее время эксперты Reuters полагают, что Россия имеет определенное преимущество, потому что количество ее военных баз почти на треть превосходит количество баз НАТО. Кроме того, Россия уже давно активно развивает Северный морской путь, а США только начинают разработку первого глубоководного порта в рассматриваемом регионе [17].

Кроме того, на международном уровне противостояние осуществляется и в Арктическом совете в связи с приостановкой его деятельности, о чем уже было упомянуто. По этой причине арктический регион, его население и природа сталкиваются с определенными последствиями бойкота России в отношении стран НАТО – около 130 проектов Арктического совета не могут быть реализованы в текущих условиях.

В настоящее время в МИД России придерживается точки зрения, что выход из Арктического совета не рассматривается как вариант решения проблемы, однако в феврале 2024 г. было объявлено о приостановке со стороны России ежегодных взносов до того момента, пока его нормальная работа не возобновится. Норвегия как текущий председатель Арктического совета назвала сохранение деятельности данного органа приоритетным направлением своего председательствования, но пока что соответствующие шаги не были ею предприняты. В связи с тем, что действовать в Арктике без участия России представляется для Запада практически невозможным, канал связи через Арктический совет можно рассматривать как один из вариантов частичного восстановления отношений России с западными странами. Тем не менее, западные эксперты, скорее, склоняются к позиции о том, что в Арктике в ближайшем будущем будет действовать блоковая политика, поскольку Россия уже привлекает партнеров с Востока, и ни одна из сторон явно не стремится к восстановлению прежних отношений, не смотря на то, что каждая из них осознает их важность.

Российские исследователи полагают, что ключевые соглашения Арктического совета особо значимы в условиях текущей гибридной войны. Кроме того, Стратегический план Арктического совета 2021–2030 гг. не может быть реализован без сотрудничества и кооперации с Россией. Несмотря на то, что ни одна из сторон объективно не может быть заинтересована в распаде Арктического совета, Россия имеет намного более прочные шансы установить лидерские позиции в регионе по причине наличия развитой инфраструктуры.

Наращивание военного присутствия в регионе также является одной из форм соперничества России и НАТО в Арктике и в настоящее время выходит на первый план. В 2021 г. НАТО было учреждено Командование в Норфолке, было усилено подводное наблюдение, а также реинвестированы военные средства в Арктику. В марте 2024 г. были проведены учения Arctic Edge, целью которых является подготовка НАТО к возможным военным действиям в рассматриваемом регионе. Кроме того, за последние два года произошло расширение НАТО за счет присоединения таких арктических государств, как Финляндия и Швеция. Россией также была произведена модернизация военных баз и активно развивается ледокольный флот.

Экономическое соперничество в Арктике, прежде всего, подводит к обеспечению доступа к энергетическим ресурсам. Россия увеличивает свои возможности за счет проекта «Арктик СПГ-2», реализуемый ПАО «Новатэк» совместно с китайскими компаниями. Тем не менее, страны Запада оказывают давление на Россию через применение санкций, в связи с чем развитие таких проектов затрудняется.

Другим крайне важным направлением является Северный морской путь, который Россия активно развивает – так, в 2022 г. объем перевозок из-за санкций существенно сократился, однако была создана и утверждена институциональная и нормативная база для его функционирования и цифровизации. С 2024 г. судоходство в нем осуществляется круглогодично. Сегодня он является одним из основных каналов поставок нефти

в Китай. Такие поставки связаны с рядом причин – например, усиленная активность хуситов в Красном море и санкции стран Запада в сфере грузоперевозок. Несмотря на это, ожидается, что в 2024 г. грузопоток вырастет в два раза – до 71 млн тонн. Страны НАТО, осознавая, что в будущем в связи с климатическими изменениями Северный морской путь может стать одним из главных транспортных путей в мире, высказывают обеспокоенность тем, что стратегическое управление им в настоящее время осуществляется Россией.

Таким образом, в настоящее время Арктика по праву может считаться одним из наиболее важных стратегических регионов, о чем свидетельствуют различные формы соперничества между Россией и странами НАТО. Для всех арктических и ряда неарктических государств рассматриваемый регион является еще одной площадкой для продвижения своих национальных интересов или интересов блока, о чем свидетельствует активное привлечение Россией своих партнеров с Востока – Китая, Индии, Бразилии и др. В текущих условиях противостояния в Арктике Россия является более подготовленной с военной, экономической и инфраструктурной точек зрения. При этом она успешно реализует свои инициативы в Арктике в обход Арктического совета, в то время как для стран НАТО приостановка деятельности данного органа имеет менее позитивные последствия. Следует предположить, что в ближайшем будущем значимость арктического региона будет только возрастать по мере того, как ведение экономической и ресурсодобывающей деятельности в нем будет становиться более доступной. В связи с этим необходимо заключить, что установление стратегического присутствия и лидерства в регионе Арктике во многом будет определять геополитические и экономические позиции России и стран НАТО в мире.

Литература

1. Указ Президента РФ от 26.02.2019 № 78 «О совершенствовании государственного управления в сфере развития Арктической зоны Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 44.
2. Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // Российская газета. 2020. № 155.
3. Указ Президента РФ от 05.03.2020 № 164 «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Доступ через СПС «КонсультантПлюс».
4. Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Доступ через СПС «КонсультантПлюс».
5. Казакова С.М. Трансформация целей развития Арктической зоны Российской Федерации / С.М. Казакова, В.В. Климанов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 1. – С. 96–110.
6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 25.07.2024).
7. Итоги развития Арктической зоны России в 2023 году подводит Николай Доронин [Электронный ресурс] // ПОРА. – URL: <https://porarctic.ru/ru/events/>

itogi-razvitiya-arkticheskoy-zony-rossii-v-2023-godu-podvodit-nikolay-doronin/ (дата обращения: 25.07.2024).

8. Хазиева Р.П., Карпова Е.И. Различия политики США в отношении Арктики в соответствии со стратегиями национальной безопасности // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2023. № 2(32). С. 60.
9. National Security Presidential Directive (NSPD-66) and Homeland Security Presidential Directive (HSPD-25). Arctic Region Policy. Jan. 9, 2009 [Электронный ресурс] // Federation of American Scientists. Intelligence Resource Program. – URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.htm> (дата обращения: 30.07.2024).
10. National Strategy for the Arctic Region 2013 [Электронный ресурс] // The Arctic Institute. – URL: <https://www.thearcticinstitute.org/us-national-strategy-for-arcticregion/> (дата обращения: 30.07.2024).
11. Кобышев В.Н. Эволюция концептуальных основ Арктической стратегии США / В.Н. Кобышев, А.А. Сергуинин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – № 27(2). – С. 225–236.
12. Report on Arctic Policy. International Security Advisory Board 2016 [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. – URL: <https://www.state.gov/documents/organization/262585.pdf> (дата обращения: 30.07.2024).
13. Report to Congress: Department of Defense Arctic Strategy 2019 [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF> (дата обращения: 30.07.2024).
14. National Strategy for the Arctic Region 2022 [Электронный ресурс] // The White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (дата обращения: 30.07.2024).
15. 2024 Arctic Strategy [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – URL: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF> (дата обращения: 30.07.2024).
16. «Arctic remains essential to NATO's Deterrence and Defence Posture», says Chair of the NATO Military Committee [Электронный ресурс] // NATO. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_219529.htm (дата обращения: 30.07.2024).
17. Ларина Е., Овчинский В. Стратегическое соперничество в Арктике [Электронный ресурс] // Совет по внешней и оборонной политике. – URL: <https://www.svip.ru/main/48352/>

THE CONFRONTATION BETWEEN RUSSIA AND NATO IN THE ARCTIC

Kazaryan G.I., Kurilkina E.A.

Moscow State Institute of International Relations

The aim of the study is to analyse the evolution of strategic approaches of Russia and NATO to the presence in the Arctic region, as well as to identify the main forms of contemporary rivalry between them. The hypothesis of the study is that the Arctic has become a key region for geopolitical rivalry, this requires analysing the strategies and actions of the states involved. The objectives of the study include: studying the historical stages of the development of the Arctic policy of Russia and NATO, analysing the current strategies and forms of rivalry, such as military and economic confrontation, as well as assessing the prospects for further development of the situation. The research methods involve analysing legal and regulatory documents, development strategies, international treaties and statistical data. The results show that Russia has a significant advantage in

the Arctic due to its developed infrastructure and strategic projects such as the Northern Sea Route and Arctic LNG-2. NATO, and in turn, is increasing its military presence and co-operation among the bloc's members to counter Russian influence. The intensified rivalry is linked to both economic, political and military-strategic aspects, which emphasises the importance of the Arctic in global geopolitics.

Keywords: Arctic, NATO, energy resources, Northern Sea Route, Russia, international co-operation, Arctic LNG-2.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 26.02.2019 No. 78 "On improving public administration in the development of the Arctic zone of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. 2019. No. 44.
2. Federal Law of 13.07.2020 No. 193-FZ "On state support for entrepreneurship in the Arctic zone of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. 2020. No. 155.
3. Decree of the President of the Russian Federation of 05.03.2020 No. 164 "On the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period up to 2035" // Access via the ConsultantPlus SPS.
4. Decree of the President of the Russian Federation of 26.10.2020 No. 645 "On the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period up to 2035" // Access via the ConsultantPlus SPS.
5. Kazakova S.M. Transformation of the Development Goals of the Arctic Zone of the Russian Federation / S.M. Kazakova, V.V. Klimanov // Public and Municipal Administration. Scientific Notes. – 2022. – No. 1. – P. 96–110.
6. The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023) [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (date of access: 25.07.2024).
7. Nikolai Doronin sums up the development of the Arctic zone of Russia in 2023 [Electronic resource] // PORA. – URL: <https://porarctic.ru/ru/events/itogi-razvitiya-arkticheskoy-zony-rossii-v-2023-godu-podvodit-nikolay-doronin/> (date of access: 07/25/2024).
8. Khazieva R.R., Karpova E.I. Differences in US policy towards the Arctic in accordance with national security strategies // Arctic XXI century. Humanities. 2023. No. 2 (32). P. 60.
9. National Security Presidential Directive (NSPD-66) and Homeland Security Presidential Directive (HSPD-25). Arctic Region Policy. Jan. 9, 2009 [Electronic resource] // Federation of American Scientists. Intelligence Resource Program. – URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.htm> (date of access: 30.07.2024).
10. National Strategy for the Arctic Region 2013 [Electronic resource] // The Arctic Institute. – URL: <https://www.thearcticinstitute.org/us-national-strategy-for-arcticregion/> (date of access: 30.07.2024).
11. Konyshov V.N. Evolution of the conceptual foundations of the US Arctic strategy / V.N. Konyshov, A.A. Sergunin // Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations. – 2022. – No. 27 (2). – P. 225–236.
12. Report on Arctic Policy. International Security Advisory Board 2016 [Electronic resource] // U.S. Department of State. – URL: <https://www.state.gov/documents/organization/262585.pdf> (date of access: 30.07.2024).
13. Report to Congress: Department of Defense Arctic Strategy 2019 [Electronic resource] // U.S. Department of Defense. – URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF> (date of access: 30.07.2024).
14. National Strategy for the Arctic Region 2022 [Electronic resource] // The White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (date accessed: 30.07.2024).
15. 2024 Arctic Strategy [Electronic resource] // U.S. Department of Defense. – URL: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF> (date accessed: 30.07.2024).
16. "Arctic remains essential to NATO's Deterrence and Defense Posture", says Chairman of the NATO Military Committee [Electronic resource] // NATO. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_219529.htm (date accessed: 30.07.2024).
17. Larina E., Ovchinsky V. Strategic rivalry in the Arctic [Electronic resource] // Council on Foreign and Defense Policy. – URL: <https://www.svpov.ru/main/48352/>

Политические причины раскола УПЦ: аспекты трансформации подхода к влиянию государства на церковь в секулярном обществе

Кащенко Людмила Павловна,

абитуриент аспирантуры, кафедра мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России
E-mail: milmach@yandex.ru

В статье рассматриваются причины, суть и последствия церковного раскола в Украине. Особенное внимание уделяется роли Русской Православной Церкви в этом процессе. Исследуются исторические корни, приведшие к возникновению раскола, включая политические, социальные и культурные факторы, способствовавшие его развитию.

Основное внимание отводится взаимодействию церковных структур, ведущему к предоставлению автокефалии Украинской Православной Церкви, а также реакции Русской Православной Церкви на эти события.

Рассмотрены долгосрочные последствия раскола для православного мира и международных отношений.

Ключевые слова: церковный раскол, Украина, Русская Православная Церковь, автокефалия, Константинопольский патриархат.

Церковь всегда играла значительную роль в условиях государственной деятельности и общественной жизни каждого государства, и Украина тут не исключение. Определяется эта роль несколькими основными факторами, а именно историческими предпосылками, текущей политической ситуацией и взаимоотношениями между самим государством и существующими на его территории церковными организациями.

В этом значении, несмотря на то обстоятельство, что Украина является светским государством, законодательно закрепляющим разделение церкви и государства, духовная сфера оказывает значительное влияние на развитие страны во многих направлениях её деятельности. Так, основными аспектами такого влияния признаются следующие положения:

1) церковь, безусловно, важнейший социальный институт, который, по сути, формирует и поддерживает моральные ценности среди граждан – это, в частности, любовь к ближнему, честность и взаимоуважение. В этом смысле церковь призывает к соблюдению высоких этических стандартов в политике и государственной деятельности, подчеркивая тем самым важность служения общественному благу, воплощая их в повседневной деятельности;

2) церковь активно участвует в социальной работе, включая поддержку нуждающихся, организацию благотворительных акций для помощи бедным, больным и лицам без определенного места жительства. Так, распространение получили пищевые программы, предоставление убежища для бездомных и реабилитационные центры для людей, страдающих от разных зависимостей.

Во время тяжелой обстановки (в частности политического характера), церковь часто выступает в роли главного координатора помощи и поддержки пострадавшего населения, предоставляя таким образом пример солидарности и тех самых высоких моральных стандартов в особенно сложные времена;

3) церковь, как носитель и хранитель культурного наследия, сыграла ключевую роль в развитии украинского искусства, музыки, литературы и архитектуры. Храмы и монастыри Украины (в которых мастера прошлых лет сохранили дух времени через иконопись и церковные муралы) являются отражением искусства, привлекающим туристов со всего мира.

В дополнение к этому, церковная музыка и пение, в частности хоровое, – это неотъемлемая часть украинской культурной традиции, способствующая сохранению и развитию национальной музыкальной идентичности. Церковь оказывает воздействие на сохранение украинского языка, ведь богослужения и религиозные тексты на украинском языке способствуют его популяризации и дальнейшему распространению на соответствующих территориях.

4) украинская церковь, что важно, не только составляющая внутренней системы страны, поддерживающая духовные ценности её населения, но и, в том числе активно участвующая при формировании внешнеполитического образа государства на международной арене. Речь о межконфессиональном и межцерковном диалоге, которые усиливают позиции Украины как страны, способствующие развитию её религиозной толерантности.

Церковь – посредник в диалоге с различными религиозными общинами за рубежом, укрепляющий международные связи и создающий в этом смысле положительный образ Украины, открытой к сотрудничеству, ответственно, с иными странами. Важным аспектом является также роль церкви в процессе интеграции Украины в современное мировое сообщество – через участие в международных религиозных мероприятиях, визиты церковных иерархов за границу, церковь способствует распространению информации о культуре, истории и современному развитию Украины.

Однако указанные категории не всегда имели место в церковной сфере Украины, которая вплоть до начала XXI века рассматривалась многими как часть Русской Православной церкви, что, конечно, представляется в большей степени как дискуссионный вопрос. Так, после распада Советского Союза и обретения Украиной независимости в 1991 году, внутренние православные отношения на территории государства значительно усложнились. Это было связано с возникновением и развитием различных православных юрисдикций и церковных структур, которые стремились к автокефалии и также обладали собственными представлениями о путях развития православия в Украине.

Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата во многом стала результатом данных перемен и попыток части украинского духовенства и верующих создать независимую от Московского Патриархата церковную организацию. Филарет (известный также как Михаил Антонович Денисенко), занимавший до рассматриваемых событий высокие позиции в Иерархии Русской Православной Церкви, стал одной из ключевых фигур в создании и развитии УПЦ КП [2, с. 963–980].

В 1992 году на Архиерейском Соборе, состоявшемся после обретения Украиной независимости, Филарет дал обещание уйти в отставку, однако затем передумал и взял активное участие в создании УПЦ КП. Данный шаг обусловил разлад не только с Московским Патриархатом, которому ранее подчинялась большая часть православных приходов в Украине, но и в самом православном сообществе внутри страны. Так, в ответ на создание УПЦ КП и действия Филарета, Русская Православная Церковь в 1997 году объявила его в анафеме, что в православии является крайней формой церковной кары, подразумевающей полное отлучение от церковного общения [3, с. 391–392].

Вплоть до 2018 года УПЦ КП оставалась непризнанной большинством Поместных Православных Церквей. Однако ситуация изменилась после того, как был начат процесс предоставления автокефалии Православной Церкви в Украине. Это привело к образованию Православной Церкви Украины (ПЦУ) путем объединения УПЦ КП, Украинской автокефальной Православной церкви (УАПЦ) и некоторых епископов Украинской Православной Церкви Московского Патриархата (УПЦ МП) на объединительном соборе 15 декабря 2018 года, и получению Томоса об автокефалии в январе 2019 года. Это, в свою очередь, вновь обратило внимание на проблему церковного раскола.

Следует, что причины такого раскола имели следующие предпосылки:

1) история данного вопроса. После октябрьской революции 1917 года и последующего распада Российской империи на территории бывшей империи возникли новые государственные образования. В данный период на Украине зародилась мысль о создании независимой от Русской Православной Церкви украинской церковной структуры.

Первые шаги были сделаны во время кратковременной независимости Украинской Народной Республики (УНР) в 1917–1920 годах. В 1921 году была провозглашена автокефалия УАПЦ, однако она не получила широкого признания на международной православной арене и столкнулась с сильным сопротивлением со стороны Московского Патриархата.

В период Советского Союза религиозная деятельность в стране была подвергнута жёсткому контролю и репрессиям со стороны государства, что затрудняло любые попытки создания независимых церковных структур. Тем не менее, подпольная и в изгнании деятельность УАПЦ продолжалась, накапливая потенциал для будущих изменений.

Уже после обретения Украиной независимости в 1991 году вопрос о создании независимой ПЦУ снова встал с новой силой. Независимая Украина стала катализатором возрождения религиозной жизни и дискуссии о церковной автономии. Одним из заметных результатов этих процессов стало новое официальное провозглашение автокефалии УАПЦ и возникновение УПЦ КП в 1992 году;

2) рост национального самосознания. С распадом Советского Союза и обретением независимости Украиной, активно пошёл процесс формирования национальной идентичности, в который церковь занимала ведущую позицию. В условиях поиска и укрепления собственного государственно-культурного суверенитета православие, имеющее корни в средневековой Киевской Руси, рассматривалось как один из ключевых элементов украинской национальной идентичности.

Церковь на Украине была провозглашена символом независимости и суверенитета страны. Возрождение религиозной жизни после десятилетий атеистической идеологии советской власти и репрессий против верующих вылилось не только в восстановление разрушенных храмов и монастырей, но и в стремление обрести каноническую независимость Украины. Именно это стремление проявилось в возникновении и развитии церковных структур, которые заявили о своей автономии от Русской Православной Церкви;

3) политические конфликты. Политическая деятельность различных лидеров на Украине способствовала делению религиозной сферы, в которой церковь стала использоваться больше как инструмент влияния. Распад СССР и новое государственное устройство привели к переосмыслению множества ключевых аспектов общественной жизни, включая религию.

В частности, религиозный вопрос имеет долгий исторический контекст, и политические силы использовали его для укрепления своих же позиций. Например, поддержка одной из ветвей отражала политическую стратегию определённой группы или лидера и их настроения по отношению к России, к Европе, или к вопросам национального суверенитета.

Важным этапом использования церкви как инструмента политического влияния стало признание легитимности и канонической независимости, что выражено через получение Томоса об автокефалии ПЦУ, одобренного поддержкой украинских политических лидеров. Он окончательно закрепил стремление Украины к самоопределению, при том не только в политическом и культурном, но и в религиозном значении, одновременно обусловив ряд споров и конфликтов как на внутренней, так и на международной арене.

Вмешательство государственных и политических структур в церковные дела неизбежно приводит к политизации религиозных вопросов, что может способствовать разделению общества. Изначально религиозные

разногласия и между церковными группировками получают дополнительную остроту за счёт охвата их политическими силами и использованию в борьбе за власть и влияние в обществе.

4) вопросы канонической территории, юрисдикции, а также признания автокефалий, в том числе стали причиной длительных споров, что особенно видно на примере напряженности отношений между Константинопольским и Московским Патриархатами. Эти отношения особенно обострились в связи с ситуацией на Украине.

В основе спора лежала проблема определения границ канонической территории каждой Церкви. Русская Православная Церковь считает Украину частью своей канонической территории, ссылаясь на исторические связи и на установление юрисдикции над ней в периоде существования Московского Патриархата. В то же время, Константинополь утверждал, что Украина входила в сферу его канонической ответственности до передачи Москве прав на крещение Руси, и что эта передача никогда не означала окончательной потери Константинополем своих прав на эту территорию.

Юрисдикционные споры в рамках данного вопроса возникли на основе различного по содержанию толкования канонического права. Московский Патриархат обвинял Константинопольский Патриархат в непосредственном нарушении его канонической территории путем предоставления автокефалии Украинской Церкви без согласия Москвы. Константинопольский Патриархат, в свою очередь, считал, что имеет древние привилегии как «мать церквей» для разрешения церковных споров и предоставления автокефалии.

Вопросы взаимного признания автокефалий, в частности обусловили некоторые дискуссии. Так, признание автокефалии ПЦУ Константинополем привело к разрыву евхаристического общения между Русской Православной Церковью и Патриархатом Константинополя, так как Москва не признала автокефалию ПЦУ, считая ее созданием вмешательством во внутренние дела.

Эти споры оказали значительное влияние на мировое православие, ведя к переосмыслению вопросов канонической власти, авторитета и взаимного признания. Они обнажили различия в понимании церковной автономии и способствовали усилению дискуссий о нормах и принципах управления в целом, которые в определенной степени обострили противостояние церквей [1, с. 57–59];

5) внешнее международное влияние. Политическое напряжение между Россией и Украиной послужило фоном для решения Константинопольского Патриархата предоставить автокефалию ПЦУ в 2018 году. Поддержка этого решения со стороны украинского правительства свидетельствует о том, что политические силы видели и видят в церковной автономии средство для укрепления национального суверенитета и культурной идентичности.

Действия Константинополя вызвали реакцию со стороны Московского Патриархата, рассматривавшего признание автокефалии ПЦУ, как отмечено, в роли некоторого вмешательства на его каноническую территорию. Россия, поддерживая позицию Московского Патриархата, видит в данных событиях попытку ослабить ее влияние в регионе и в ответ на признание автокефалии ПЦУ, Московский Патриархат разорвал общение с Константинополем, что фактически привело к еще большему расколу в православном мире.

Международное общество, в частности разделилось в рамках вопроса признания автокефалии ПЦУ. Некоторые Церкви, например, Церковь Греции и Патриархат Александрийский признали автокефалию ПЦУ, в то вре-

мя как Сербская и Антиохийская Православные Церкви, выразили же поддержку Московскому Патриархату.

Раскол в православном христианстве имеет далеко идущие последствия для мирового православия, отражая широкие геополитические и культурные разрывы. Он также вызывает вопросы о роли религии в современном мире и ее связи с государственной властью, о принципах религиозной свободы и, конечно, самоидентификации.

При этом последствия, следующие за обострением церковного вопроса, имеют отношение как к самой Украине и России, так и ко всему мировому сообществу. Для Украины они состоят в следующем:

1) церковный раскол постоянно усиливает религиозную напряженность среди общества, приводя к конфронтации между различными религиозными группами, которых в современных реалиях достаточно много (как и взглядов таких групп на процедуры ведения церковной деятельности). Это сводится к возникновению споров о принадлежности храмов и святынь, нападениях на священнослужителей и прихожан (не говоря уже о масштабных конфликтах, которые происходят на межгосударственном и международном уровне);

2) социальные разногласия, которые возникли как следствие раскола, проявились сразу же на нескольких уровнях. В первую очередь, это касается религиозных общин, где возникли конфликты относительно принадлежности к той или иной юрисдикции. Ситуация усложнялась борьбой за контроль над церковной собственностью, что привело к международным напряженностям и столкновениям внутри общин. Кроме того, дискуссии о церковном вопросе затрагивали и идеи национальной идентичности и культурного наследия Украины, привнося деление на уровне взглядов на будущее страны;

3) политическая мобилизация, вызванная церковным расколом, стала заметным феноменом в украинском обществе. С приобретением автокефалии ПЦУ национальный суверенитет и независимости вышли на первый план, стимулируя обсуждение этих вопросов среди граждан и в политических кругах. Украинское правительство заняло активную позицию в поддержку образования независимой церкви, что использовано как внутривнутриполитический способ укрепления внутреннего единства страны и сопротивления внешнему влиянию. Этот момент сплотил общество, поднял вопросы государственной идентичности, укрепив стремление к международному признанию.

Создание автокефальной церкви на Украине не просто углубило кризис в отношениях между странами. Вместе с ней значительно был укреплен так называемый конструкт украинства как современной идеологической основы официального Киева. Кроме того, речь может идти о возможном кризисе внутри самой Русской Православной Церкви.

Здесь и символическая и историческая важность Украины для РПЦ. Киев – не просто «мать городов русских», но и долгое время был духовным центром русского православия. В связи с чем, сейчас звучат алармистские прогнозы экспертов о возможной опале Патриарха Кирилла, что без Украины РПЦ теряет не просто имидж «церкви империи», но и перестает ею быть, по существу.

Церковный раскол в Украине оказал воздействие на геополитическую напряженность и внутренний религиозный дискурс в России, влияя на них комплексно и многопланово. Процесс этот не только обострил уже сложные отношения государств, но и задел фундаментальные аспекты российской внешней политики и церковной жизни. Российская Федерация, долгие годы рассматриваемая как непреложный центр православного

мира, встретила решение о предоставлении ПЦУ статус автокефалии как вызов.

Для многих в России церковный разрыв с Украиной воспринимался не просто как потеря части канонической территории Русской Православной Церкви, но и как вызов самому пониманию российской духовной миссии и единства Восточного православия. Это стимулировало активное обсуждение вопросов, связанных с религиозной идентичностью, культурно-историческим наследием и ролью церкви в обществе, которые, в свою очередь, привели к различным формам религиозного самоосмысления и поиску новых путей аффирмации православной идентичности в современном мире.

Российская сторона акцентировала на защите традиционных церковных ценностей и канонов, представляя события как внешнее вмешательство в вопросы церкви и нарушение прав верующих. С другой стороны, украинская позиция подчеркивала стремление к независимости и самоидентификации, что было воспринято как шаг к укреплению национального суверенитета.

Событие не только привело к усилению напряженности между Россией и Украиной, но и между их союзниками на международной арене, обострив проблемы безопасности и стабильности в регионе Восточной Европы. Раскол углубил также пропасть между Восточным и Западным православием, вызвав дебаты о канонической территориальности православного мира.

Кроме того, предоставление автокефалии ПЦУ было воспринято как пример политизации религии и ее использования в качестве инструмента для достижения геополитических целей. Это привело к обострению обсуждений вопросов религиозной свободы и прав человека в контексте государственной политики и международных отношений. Такие дискуссии способствовали формированию новых подходов и принципов во взаимоотношениях между религией и государством на глобальном уровне.

Влияние раскола также ощутимо в сфере межкультурного диалога, где усиление религиозной идентичности и конфессиональных различий как способствовало культурному обогащению, так и привело к напряженности и конфликтам на религиозной почве. Важным следствием стало подтверждение значимости религиозного фактора в международных отношениях и его учет при разработке стратегий глобального и регионального управления.

Таким образом, процессы раскрыли как глубокие исторические, так и актуальные противоречия между двумя государствами, оказав значительное влияние на религиозную, социальную и политическую жизнь в регионе.

Таким образом, мы наблюдаем два важных аспекта, которые оказывают влияние на существование Украины в условиях церковного раскола:

1) вопрос предоставления полной автокефалии Киевской митрополии, находящийся в центре внимания уже на протяжении последних десятилетий, акцентирует внимание на историко-культурных и политических тенденциях развития ПЦУ. Уникальность ситуации состоит в том, что представители религиозных течений, включая униатов и папских представителей, активно влияли на процесс предоставления автокефалии, что подчеркивает сложность взаимоотношений между различными христианскими конфессиями.

2) как отметили митрополит Антоний и священник Андрей Филлипс, важно сохранять независимость церкви от политик, акцентируя внимание на духовных аспек-

тах церковной жизни. Церковь должна фокусироваться на проповеди православной веры, верности преданию и, конечно, христианским ценностям, а также быть открытой для всех, независимо от национальности или культурной принадлежности, что приобретает особую значимость в условиях глобализации и стирания культурных границ [3, с. 394–395].

Обе эти тематики подчеркивают важность сохранения идентичности и самобытности Православной Церкви в изменяющемся мире, подчеркивая потребность в диалоге между церковью, обществом и государством. В этих условиях церковь должна стремиться к тому, чтобы оставаться «островом стабильности», духовности и поддержки для верующих, поддерживая и распространяя христианские ценности и учения в условиях постоянных социальных изменений, вне зависимости от конфликта государств.

Литература

1. Вольтер О.В. Религиозное противостояние Русской Православной церкви и Константинопольского патриархата как отражение геополитических трансформаций на мировой арене / О.В. Вольтер // Вестник ЗабГУ. – 2019. – № 5. – С. 56–66.
2. Курьлев К.П., Станис Д.В. Церковный раскол на Украине как следствие государственного переворота в феврале 2014 / К.П. Курьлев, Д.В. Станис // Постсоветские исследования. – 2019. – № 2. – С. 963–980.
3. Химин В.Н. Церковная жизнь на Украине в конце XX-начале XXI века: перспективы перемен / В.Н. Химин // Молодой ученый. – 2022. – № 4 (399). – С. 390–396.

POLITICAL REASONS FOR THE SPLIT OF THE UOC: ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF THE APPROACH TO THE INFLUENCE OF THE STATE ON THE CHURCH IN A SECULAR SOCIETY

Kashchenko L.P.

Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article examines the causes, essence and consequences of the church schism in Ukraine. Special attention is paid to the role of the Russian Orthodox Church in this process. The historical roots that led to the emergence of the split, including political, social and cultural factors that contributed to its development, are investigated.

The main focus is on the interaction of church structures leading to the granting of autocephaly to the Ukrainian Orthodox Church, as well as the reaction of the Russian Orthodox Church to these events.

The long-term consequences of the split for the Orthodox world and international relations are considered.

Keywords: church schism, Ukraine, Russian Orthodox Church, autocephaly, Patriarchate of Constantinople.

References

1. Voltaire O.V. Religious confrontation between the Russian Orthodox Church and the Patriarchate of Constantinople as a reflection of geopolitical transformations on the world stage / O.V. Voltaire // Bulletin of ZabGU. – 2019. – No. 5. – pp. 56–66.
2. Kurylev K.P., Stanis D.V. Church schism in Ukraine as a consequence of the coup d'etat in February 2014 / K.P. Kurylev, D.V. Stanis // Post-Soviet studies. – 2019. – No. 2. – pp. 963–980.
3. Zimin V.N. Church life in Ukraine at the end of the XX-beginning of the XXI century: prospects for change / V.N. Khimin // Young scientist. – 2022. – No 4 (399). – Pp. 390–396.

Оценка стратегического партнерства России и Ирана в контексте системы региональной безопасности Ближнего Востока

Сейедерфан Ладжеварди,

аспирант кафедры международного и интеграционного права, факультет национальной безопасности Института права и национальной безопасности РАНХиГС
E-mail: erfana.lajevardi@mail.ru

Предлагаемая статья посвящена углубленному анализу современного российско-иранского сотрудничества в контексте формирования новой архитектуры региональной безопасности на Ближнем Востоке. В фокусе исследования находится эволюция понятия «стратегическое партнерство» и его конкретное воплощение в отношениях между Россией и Ираном.

Автор аргументирует, что стратегическое партнерство России и Ирана выходит за рамки традиционных двусторонних отношений и приобретает системный характер, оказывая существенное влияние на региональную и глобальную политику. Анализируется, как это партнерство способствует формированию многополярного мира и противодействию однополярной модели, доминировавшей в мировой политике последние десятилетия.

В статье проводится детальный разбор ключевых областей сотрудничества между Россией и Ираном, включая политическую, экономическую, военно-техническую и энергетическую сферы. Особое внимание уделяется роли этих отношений в контексте урегулирования региональных конфликтов и противостояния терроризму.

Автор также исследует факторы, способствующие укреплению российско-иранского сотрудничества, и потенциальные вызовы, с которыми оно может столкнуться в будущем. Анализируется динамика их отношений и какие новые возможности открываются для углубления взаимодействия в вопросах региональной безопасности Ближнего Востока.

В заключении делается вывод о том, что российско-иранское стратегическое партнерство является важным фактором, способствующим укреплению стабильности и безопасности на Ближнем Востоке. Автор подчеркивает, что это сотрудничество не направлено против третьих стран, а служит укреплению многополярного миропорядка и созданию более справедливой и демократической системы международных отношений.

Ключевые слова: Россия, Иран, Ближний Восток, стратегическое партнерство, региональная безопасность, многоцентричная система, геополитика.

Введение

В ходе исследования выявился недостаток глубоких теоретических анализов внешней политики России в отношении Ирана. Отсутствует системный подход к изучению концептуальных основ и долгосрочных целей сотрудничества двух стран. Это противоречит распространенной в научных кругах оценке российско-иранских отношений как стратегического партнерства.

Анализ научных работ показал, что концептуальные основы внешней политики России по отношению к Ирану изучены недостаточно глубоко. Отсутствует целостное видение и четкая аргументация ключевых приоритетов и ожиданий от этого сотрудничества. Эта проблема особенно заметна на фоне часто встречающихся утверждений о стратегическом характере российско-иранских отношений.

Несмотря на широкое признание стратегического характера российско-иранских отношений, глубокое теоретическое обоснование этого утверждения в научной литературе отсутствует. Авторы исследований, как правило, ограничиваются общими рассуждениями, не углубляясь в анализ концептуальных основ и долгосрочных перспектив сотрудничества [10].

Усиливающаяся многополярность и возрастающая роль региональных акторов кардинально меняют ландшафт современных международных отношений. Ближний Восток, традиционно являющийся очагом геополитических конфликтов, не стал исключением. В условиях формирования новых центров силы и пересмотра традиционных альянсов, укрепление российско-иранского сотрудничества приобретает особое значение. В данной статье мы проанализируем современные тенденции в российско-иранских отношениях и их влияние на динамику региональной безопасности.

Цели и задачи исследования

Проанализировать эволюцию российско-иранских отношений на современном этапе. Определить ключевые факторы, способствующие укреплению сотрудничества между двумя странами. Исследовать влияние российско-иранского взаимодействия на баланс сил в регионе Ближнего Востока. Оценить перспективы развития российско-иранского партнерства и его возможные последствия для региональной безопасности.

Методы исследования: изучение официальных заявлений, договоров, стратегических документов России и Ирана; мониторинг российских и иранских СМИ, а также ведущих мировых изданий для выявления ключевых дискурсов и оценок; сравнение динамики российско-иранских отношений с другими региональными взаимодействиями в научных работах отечественных и зарубежных исследователей.

Основной материал

Геополитическое положение Ирана, позволяющее ему оказывать существенное влияние на процессы в регионах, граничащих с Россией, обусловило неоднозначное

отношение к этому государству в российской внешней политике начала 1990-х годов. Приверженцы евроатлантизма в российской элите рассматривали Иран как потенциальную угрозу российским интересам в Центральной Азии и на Кавказе, что подтверждается и исследованиями иранских ученых. Такая оценка была связана с рядом вызовов, с которыми столкнулась Россия в тот период: конфликтами в Закавказье, терроризмом, нестабильностью на южных границах Центральной Азии и проблемами энергетической безопасности [3].

Следует отдельно указать на то обстоятельство, что в постсоветский период одной из причин того, что потенциал российско-иранских отношений не был полностью реализован, служило отсутствие четкого «шаблона», то есть такого подхода к взаимодействию, при котором в определенных институциональных рамках поведение сторон было бы в большей мере предсказуемым и направленным на эффективное использование имеющихся друг у друга ресурсов.

Следует отметить, что хотя сотрудничество по сирийскому вопросу позволило Ирану и России наладить тесные контакты и скоординировать действия в ответ на давление западных стран, в других регионах такого уровня взаимодействия достичь не удалось. Несмотря на заявления о необходимости более тесной координации и очевидные выгоды от такого сотрудничества, на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, Каспийском море и на Южном Кавказе сохраняется разрозненность интересов и действий двух государств.

Одним из ключевых факторов, затрудняющих формирование стабильных и предсказуемых российско-иранских отношений, является отсутствие единого видения перспектив сотрудничества среди правящих элит обеих стран. В Иране консервативные силы традиционно выступали за укрепление альянса с Россией как противовес западному давлению и инструменту обеспечения региональной безопасности. В то же время, умеренные и прагматичные политические силы в Тегеране придерживались более сбалансированного подхода, стремясь диверсифицировать внешнеполитические связи и не связывать себя жесткими обязательствами ни с одним из внешнеполитических игроков. В России, в свою очередь, также наблюдались колебания в оценке перспектив сотрудничества с Ираном. Так, в период президентства Дмитрия Медведева, когда на первый план вышли задачи нормализации отношений с США, российско-иранское сотрудничество несколько отошло на второй план [8].

В условиях турбулентности мировой политики сложно предсказать траекторию развития российско-иранских отношений. Несмотря на стремление к расширению взаимодействия, отношения двух стран находятся под влиянием множества переменных факторов. Динамика событий на Ближнем Востоке и в глобальном масштабе может существенно корректировать приоритеты и форматы сотрудничества.

Перспективы российско-иранских отношений находятся под значительным воздействием внешних факторов. Несмотря на стремление к укреплению двустороннего сотрудничества, отношения двух государств во многом определяются региональными и глобальными процессами. Изменение геополитической обстановки, особенно на Ближнем Востоке, может существенно влиять на характер и масштабы взаимодействия.

Российско-иранские отношения представляют собой динамичную систему, подверженную влиянию многочисленных переменных, действующих на разных уровнях. От личных связей политических лидеров до глобальных геополитических изменений – все это оказывает суще-

ственное воздействие на характер и содержание двусторонних отношений.

Анализ российско-иранских отношений осложняется многоуровневым характером их зависимости от внешних и внутренних факторов. Личностные, двусторонние, региональные и международные переменные в совокупности формируют сложную и изменчивую картину двусторонних отношений. Геополитические реалии толкают Иран и Россию к прагматичному и реалистичному подходу во внешней политике. Оба государства скептически относятся к возможности долгосрочных союзов в условиях современной международной системы, предпочитая строить отношения на основе прагматических интересов. Такой подход обуславливает их осторожность в выборе партнеров и готовность к конкуренции на мировой арене.

Согласно мнению некоторых исследователей, сотрудничество между Россией и Ираном носит скорее временный, тактический характер, диктуемый текущими геополитическими реалиями. При этом они подчеркивают важную роль Ирана в реализации российской региональной политики на Ближнем Востоке. Иран, по оценке исследователей, выполняет для России функцию сдерживающего фактора по отношению к Израилю, в то же время сам сталкиваясь с ограничениями израильского влияния в регионе [9].

Российские ученые предлагают углубленный анализ российско-иранского стратегического партнерства, подчеркивая совпадение взглядов на мировой порядок, общие ценности и успешный опыт сотрудничества в прошлом. Партнерство объясняется схожими оценками глобальных угроз, стремлением к многополярному миру и взаимной поддержкой в укреплении безопасности.

Российско-иранское стратегическое партнерство, по мнению российских ученых, имеет глубокие исторические корни и обусловлено совпадением интересов в современном мире. Общие ценности, схожие взгляды на международные отношения и успешный опыт совместной работы в прошлом, такой как в Афганистане и Таджикистане, стали основой для этого сотрудничества [5].

В условиях современных международных вызовов российско-иранское стратегическое партнерство приобретает особую актуальность. Российские ученые отмечают, что совпадение интересов в области безопасности, экономики и политики, а также успешный опыт совместного противостояния внешним угрозам лежат в основе этого сотрудничества.

Совместные действия России и Ирана выходят далеко за рамки двусторонних отношений. Партнерство этих стран сыграло решающую роль в срыве американских планов по доминированию в Евразии. Благодаря их сотрудничеству удалось предотвратить государственные перевороты в Центральной Азии, противостоять расширению НАТО на Южный Кавказ и защитить Сирию от внешнего вмешательства. Таким образом, Россия и Иран стали ключевыми игроками, формирующими новую архитектуру безопасности в Евразии.

Стратегическое партнерство России и Ирана имеет глубокие геополитические последствия. Совместными усилиями оба государства не только защищают свои национальные интересы, но и активно противодействуют американской гегемонии в Евразии. Их сотрудничество стало фактором стабильности в регионах, где ранее доминировали внешние игроки. От Центральной Азии до Ближнего Востока Россия и Иран демонстрируют свою способность противостоять давлению США и НАТО, формируя альтернативный центр силы [6].

Благодаря согласованным действиям России и Ирана на внешнеполитической и оборонной арене, произошли кардинальные изменения в геополитической и военно-стратегической обстановке на Ближнем Востоке. Наиболее ярко эти изменения проявились на сирийском направлении:

1. Перераспределение сил и влияния в регионе.
2. Создание предпосылок для политического урегулирования конфликта путем переговоров.
3. Значительное повышение геополитического веса и международного престижа Российской Федерации.
4. Успешное возвращение России на Ближний Восток в качестве одного из ведущих игроков.
5. Общий сдвиг баланса сил в пользу стран Востока в противовес Западу.

Геополитический аспект российско-иранского партнерства подчеркивается многими экспертами. Обе страны занимают ключевые позиции на Евразийском континенте, располагая значительными ресурсами и военным потенциалом. Общая граница на Каспии открывает широкие возможности для энергетического сотрудничества. Кроме того, интересы России и Ирана пересекаются в регионах Южного Кавказа, Центральной Азии и Афганистана.

Иран и Россия, будучи богаты природными ресурсами и обладая значительным военным потенциалом, занимают стратегически важные позиции на Евразийском континенте. Эта геополитическая реальность, по мнению ряда исследователей, делает российско-иранское партнерство крайне перспективным [4].

В современной внешней политике России Иран играет роль важного партнера, обеспечивающего стратегический баланс сил на Ближнем Востоке. Интерес РФ к укреплению позиций Ирана связан с необходимостью сдерживать растущее влияние суннитских государств и Израиля в регионе. Такая политика полностью соответствует принципам реализма, которые лежат в основе российской внешней политики.

В рамках реалистической концепции международных отношений, доминирующей в российской внешнеполитической мысли, Иран рассматривается как ключевой игрок на Ближнем Востоке. Стремясь к сохранению регионального равновесия, Россия заинтересована в усилении Ирана, который может противостоять влиянию суннитских государств и Израиля.

Важным вектором российско-иранских отношений является концепция «евразийского треугольника», предложенная А. Дугиным. Она подразумевает создание союза России, Ирана и Турции на основе взаимозависимости и взаимопомощи. Этот союз, по мнению сторонников концепции, позволит трем историческим державам усилить свое влияние в Евразии и эффективно решать общие задачи, в том числе в Сирии и на Ближнем Востоке [5].

Идея создания «евразийского треугольника» России, Ирана и Турции, предложенная представителями российской геополитической школы, находит все большее отражение в современной внешней политике России. Эта концепция, основанная на принципах взаимозависимости и взаимопомощи, предлагает новый взгляд на исторические отношения трех великих держав. Объединившись, Россия, Иран и Турция смогут не только преодолеть прошлые противоречия, но и достичь новых высот в обеспечении своей безопасности и процветания, особенно в таком беспокойном регионе, как Ближний Восток.

Современные российские геополитики видят в концепции «евразийского треугольника» эффективный ин-

струмент для реализации внешнеполитических целей России в регионе Ближнего Востока. Создавая такой геополитический союз, Россия стремится укрепить свои позиции в этом стратегически важном регионе и противостоять внешним вызовам. При этом, сотрудничество в рамках «евразийского треугольника» позволит трем странам не только решать общие задачи в сфере безопасности, но и развивать экономические связи [2].

А. Дугин аргументирует необходимость формирования союза России, Ирана и Турции как единственно возможного пути противостояния западной гегемонии и решения общих проблем региона. Каждая из стран в этом союзе преследует свои цели: Турция стремится укрепить экономический суверенитет, Иран – сохранить государственный и шиитский суверенитет, а Россия видит в этом союзе возможность ускорить формирование многополярного мира. Евразийские эксперты считают, что именно Россия, благодаря формату евразийского треугольника «Москва – Тегеран – Анкара», может гарантировать Ирану лидирующую позицию в регионе [1].

Предлагаемый подход не подразумевает полной интеграции Ирана в евразийское пространство. Достаточное формирование нового геополитического контура – «евразийского треугольника», который станет платформой для взаимодействия России, Турции и Ирана на основе взаимных интересов.

Выводы

Проведенная автором в рамках концептуально-теоретической и методологической части исследования работа подтвердила наличие достаточно широкого спектра научных работ российских и зарубежных исследователей. Вместе с тем, анализ уже проведенных исследований и полученных результатов убеждает в наличии достаточно значительного количества открытых вопросов и проблем, которые затрудняют возможность полноценного раскрытия сущности современной внешней политики России в отношении Ирана и сотрудничества двух государств в целом. Такая ситуация объясняется, на наш взгляд, как недостаточной четкостью концептуального понимания понятия «стратегическое партнерство», так и наличием проблем концептуально-доктринальной составляющей формирования и реализации внешней политики РФ непосредственно по отношению к Ирану.

Предлагаемый подход не подразумевает полной интеграции Ирана в евразийское пространство. Достаточное формирование нового геополитического контура – «евразийского треугольника», который станет платформой для взаимодействия России, Турции и Ирана на основе взаимных интересов.

Проведенный в исследовании анализ свидетельствует о том, что создание полноценного стратегического партнерства между Россией и Ираном затруднено из-за глубоких цивилизационных, идеологических и исторических различий. Таким образом, более объективно реалистичным представляется лишь ограниченное сотрудничество по отдельным направлениям, не затрагивающим фундаментальных вопросов.

Литература

1. Дуйшоев Э.К. Евразийство в контексте геополитики и экономики // Гуманитарные и социальные науки. 2023. № 4. С. 11–16.
2. Захидов О.Х. Мировой треугольник и американская гегемония в современной международной политике // Вестник Таджикского государственного уни-

верситета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2017. № 3. С. 141–151.

3. Ильина Ю.И. Усиление влияния Исламской Республики Иран на политические процессы в странах ближнего востока в региональном и глобальном контекстах: дисс... канд. политич. наук. Москва. 2022. 330 с.
4. Карякин В.В. Российско-иранское стратегическое партнерство как фактор международной безопасности. Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии. Материалы Международной научно-практической конференции 19 октября 2016 г. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 83–98.
5. Кочарский Л.С. Классическое евразийство и современность // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2021. № 6. С. 109–111.
6. Манойло А.В. Конфликт в Сирии и внешняя политика России // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 2. С. 145–172.
7. Руми Ф. Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития: дисс... канд. политич. наук. Москва. 2017. 231 с.
8. Сулаберидзе Ю.С. Кавказский вектор политики Ирана: вчера, сегодня, завтра // Russian Colonial Studies. 2020. № 1. С. 143–163.
9. Хоссейнзаде В. Российско-иранские отношения на современном этапе: дисс. канд. политич. наук. Москва. 2018. 154 с.
10. Шаповалова А. М., Сальников А.В. Политика России по отношению к Ирану: вызовы и риски, сценарий развития отношений // Caucasian Science Bridge. 2019. Т. 2. № 2. С. 45–51.

ASSESSMENT OF THE STRATEGIC PARTNERSHIP BETWEEN RUSSIA AND IRAN IN THE CONTEXT OF THE REGIONAL SECURITY SYSTEM OF THE MIDDLE EAST

Seyed Erfan Lajevardi
RANEPА

This article is devoted to an in-depth analysis of contemporary Russian-Iranian cooperation in the context of the formation of a new regional security architecture in the Middle East. The focus of the study is on the evolution of the concept of «strategic partnership» and its specific embodiment in relations between Moscow and Tehran. The author argues that the strategic partnership between Russia and Iran goes beyond traditional bilateral relations and acquires a systemic character, having a significant impact on regional and global politics. The article analyzes how this partnership contributes

to the formation of a multipolar world and counteracts the unipolar model that has dominated world politics in recent decades. The article provides a detailed analysis of the key areas of cooperation between Russia and Iran, including political, economic, military-technical, and energy spheres. Particular attention is paid to the role of these relations in the context of the settlement of regional conflicts and the counteraction of terrorism. The author also examines the factors contributing to the strengthening of Russian-Iranian cooperation and the potential challenges it may face in the future. The article analyzes how sanctions imposed on both countries affect the dynamics of their relations and what new opportunities open up for deepening interaction. In conclusion, it is concluded that the Russian-Iranian strategic partnership is an important factor contributing to the strengthening of stability and security in the Middle East. The author emphasizes that this cooperation is not directed against third countries but serves to strengthen the multipolar world order and create a more just and democratic system of international relations.

Keywords: Russia, Iran, Middle East, strategic partnership, regional security, multipolar system, geopolitics.

References

1. Duishoev E.K. Eurasianism in the context of geopolitics and economics // Humanitarian and social sciences. 2023. No. 4. P. 11–16.
2. Zakhidov O. Kh. World triangle and American hegemony in modern international politics // Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of social sciences. 2017. No. 3. P. 141–151.
3. Ilyina Yu.I. Strengthening the influence of the Islamic Republic of Iran on political processes in the countries of the Middle East in regional and global contexts: diss... Cand. of Political Sciences. Moscow. 2022. 330 p.
4. Karyakin V.V. Russian-Iranian strategic partnership as a factor in international security. Cooperation between Russia and Iran in the political, economic and cultural fields as a factor in strengthening peace and security in Eurasia. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference on October 19, 2016. Moscow: FGBOU VO MSLU, 2017. Pp. 83–98.
5. Kocharsky LS Classical Eurasianism and Modernity // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Cognition. 2021. No. 6. Pp. 109–111.
6. Manoilo AV The Conflict in Syria and Russia's Foreign Policy // Actual Problems of Europe. 2020. No. 2. Pp. 145–172.
7. Rumi F. Political Problems of International Relations, Global and Regional Development: Diss... Cand. of Political Sciences. Moscow. 2017. 231 p.
8. Sulaberidze Yu.S. Caucasian Vector of Iran's Policy: Yesterday, Today, Tomorrow // Russian Colonial Studies. 2020. No. 1. P. 143–163.
9. Hosseinzadeh V. Russian-Iranian relations at the present stage: diss. Cand. of Political Sciences. Moscow. 2018. 154 p.
10. Shapovalova A. M., Salnikov A.V. Russia's policy towards Iran: challenges and risks, scenario for the development of relations // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol. 2. No. 2. P. 45–51.

Внешиполитической процесс институционализации интеграционной деятельности БРИКС

Цзи Кайлай,

магистр, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
E-mail: jikailai123@mail.ru

В современном мире трансрегионализм, как новый формат интеграционного объединения, приобрел свое развитие в большей степени благодаря синергии трех ключевых мировых трендов, среди которых демократизация, глобализация и интеграция. Одним из крупных и значимых объединений, существующих в современном геополитическом и экономическом пространстве, является БРИКС.

В данной статье представлены результаты исследования вопроса препятствий для дальнейшего расширения объединения БРИКС. Во время геополитических изменений данная тема приобретает особое значение, ведь именно данная международная структура может изменить мировую архитектуру. Сценарии развития могут быть различные и противоречивые, но именно развивающиеся страны могут стать толчком для построения нового мирового порядка. Группа стран БРИКС является ярким примером изменений в международных экономических отношениях, и именно поэтому будет целесообразным охарактеризовать мирохозяйственные преобразования с этой стороны. Всё же существуют определенные препятствия, которые тормозят расширение БРИКС на современном этапе. Обозначение данных препятствий имеет большое значение для поиска путей их устранения.

Ключевые слова: БРИКС, экономическая интеграция, развивающиеся страны, международные экономические отношения.

Глобализация способствует росту влияния отдельных центров и акторов межгосударственного взаимодействия, что приводит к возникновению общемировых структур, которые могут стимулировать процессы политической консолидации и расширять пространство международной и региональной безопасности. Основанная в 2006 году организация БРИКС – первоначально это объединение четырех крупнейших активно развивающихся экономик мира (Бразилия, Российская Федерация, Китай, Индия), которые позже приобщили к своим рядам Южную Африканскую Республику, Объединенные Арабские Эмираты, Ирана, Египта и Эфиопии. БРИКС красноречиво проявила себя как актора глобального экономического управления уже в 2009 году на фоне мирового финансового кризиса. На практике это нашло свое отражение, в том числе, в решениях принятых на саммите Большой 20, когда Китай утвердил стимулирующий пакет восстановления в объеме 585 млрд дол. США, а Бразилия превратилась из нетто-дебитора МВФ в крупнейшего донора институции [7, p.811]. Впрочем, тогда усилия стран-участниц БРИКС все еще носили внутренний характер. Концентрируясь на таких сферах экономического сотрудничества, как: энергетика, транспорт, телекоммуникации, социально-трудовые отношения, – БРИКС создала собственный банк развития с целью финансирования инфраструктурных проектов стран-участниц объединений. С этой точки зрения Банк Развития БРИКС мог бы играть одну из значительных ролей в глобальном экономическом управлении, однако сфера охвата сейчас географически ограничена.

Стремление увеличить собственную роль на международной арене, создать собственный центр принятия решений, конкурентный США и ЕС, создать альтернативные международные финансовые структуры обусловило создание хотя не официальной однако масштабной и влиятельной международной организации БРИКС. Сейчас сотрудничество в БРИКС охватывает значительный круг разнообразных сфер, среди которых международные отношения, экономика, энергетика, торговля, финансы, бизнес, сельское хозяйство, развитие передовых технологий, освоение космоса, образование, здравоохранение, наука и техника, культура, охрана окружающей среды и тому подобное.

Дальнейшая институционализация БРИКС и трансформация группы в полноценный экономический союз может повлиять не только на отношения между странами «пятерки», но и на трансформацию глобального управления. При этом западные эксперты сдержанно высказываются относительно вероятного геостратегического влияния БРИКС на баланс сил в мире, учитывая достаточный арсенал рычагов влияния участников объединения на современную международно-политическую ситуацию, но подчеркивают, что по механизму усиления интеграции внутри образования страны пытаются найти баланс в отношениях в разных сферах пересечения национальных интересов. Таким образом, подчеркивается, что имеются некоторые препятствия для расширения БРИКС.

Наиболее очевидным препятствием являются базовые различия между странами-членами БРИКС, а также возможные различия при включении новых членов

в объединение. Проблема фундаментального измерения касается содержания и институциональных аспектов сотрудничества в рамках БРИКС. Важным аспектом является состав стран-участниц и связанные с этим атрибуты и институциональное позиционирование БРИКС. После официального запуска организации различия между странами-членами и заложенные в них политические различия существенно возросли, что привело к усилению разнообразия и различий между странами-участницами, а также усложнило координацию и коммуникацию внутри БРИКС и достижение консенсуса. Добавление пяти новых членов ещё больше усилило многогранность различий между участниками. Самый высокий ВВП на душу населения среди стран БРИКС наблюдается в ОАЭ – 55000 долларов США, а самый низкий – в Эфиопии – 1027 долларов США [6]. ВВП на душу населения в Индии составляет всего 2388 долларов США. Самый высокий общий ВВП у Китая – почти 18 триллионов долларов США, а самый низкий – у Эфиопии – 126,8 миллиарда долларов [6]. С точки зрения религии четыре важные арабские исламские страны – Египет, Иран, Саудовская Аравия и ОАЭ – являются арабскими, а с точки зрения государственного устройства Саудовская Аравия и ОАЭ остаются монархиями. Эти особенности вносят дополнительное разнообразие в БРИКС.

Из информации открытых источников усматривается, что с большей частью инициатив в БРИКС выступают Российская Федерация и Китай [14, р.171], а соответствующие проекты и мероприятия преимущественно сконцентрированы в сфере защиты, безопасности и обороны, независимо от того в каком блоке экономических вопросов расположены эти инициативы. Так очевиден и тот факт, что большинство инициатив имеют двусторонний характер, большинство проектов реализуется в пределах единого географического континента. Таким образом, несмотря на технический прогресс и цифровую революцию, географический критерий и критерий взаимодополняемости в экономическом и политическом смысле не теряют своей актуальности ни в случае простой международной экономической интеграции, ни мегарегиональной интеграции. При этом в отличие от других мегарегиональных соглашений и объединений БРИКС крайне скромно ознаменована подписанием по крайней мере двусторонних преференциальных торговых соглашений [17]. Это свидетельствует, во-первых, об отсутствии заинтересованности в облегчении ведения двусторонней торговли между странами участницами, об отсутствии необходимости в преференциальном режиме, во-вторых, свидетельствует о том, что из-за небольших объемов всё еще имеются значительные расхождения в товарной структуре внешней торговли, в-третьих, о том, что дальнейшее сотрудничество в экономической сфере будет менее активным, чем в случае других международных региональных объединений, объединяющих страны с многочисленными производственно-технологическими возможностями.

В дальнейшем углублении сотрудничества стран БРИКС в экономическом и стратегическом плане существует ряд важных проблем. Так, необходимо отметить, что особенностью взаимодействия страны БРИКС в сфере международной безопасности является то, что они расположены на разных континентах, поэтому угрозы их безопасности могут и не совпадать. Также среди стран-членов БРИКС не существует однозначного лидера, который бы формировал принципы общей политики безопасности, поэтому страны БРИКС осуществляют самостоятельную внешнюю политику, подчеркивая принципы национального суверенитета, который предусматривает сохранение свободы в военно-политической

сфере. Проблемы углубления интеграции стран БРИКС в сфере международной безопасности, по мнению ряда бразильских экспертов, связаны не с наличием противоречий между участниками, а со стремлением каждой страны руководствоваться собственными стратегиями развития, а потому существует потребность в расширении схожих интересов. Не совпадают интересы внутри стран БРИКС по вопросу предоставления статуса постоянного члена в Совете Безопасности ООН, поскольку взаимодействие Бразилии в четырехугольнике Бразилия-Индия-Япония-ФРГ не позволяет государству стать членом Совета безопасности (СБ) ООН [13]. Данная причина может негативно отразиться на расширении БРИКС в дальнейшем.

Также эксперты прогнозируют, что в рамках объединения БРИКС может развиваться «кризис идентичности» вследствие формирования альтернативных подходов к вопросам демократии и защиты прав человека [4, с. 20], в частности соблюдение принципов представительной демократии Бразилией, Индией и ЮАР может повлиять на их внешнеполитические интересы, хотя страны продолжают углублять взаимодействие для пересмотра их статуса в международно-политических процессах, при реформировании международных финансовых структур и избрании в постоянные члены Совета Безопасности. В отношении ядерного оружия страны БРИКС без ядерного оружия также занимают противоположную позицию по сравнению с Россией, Китаем и Индией как ядерными державами, в частности поддерживают международные предложения по значительному ограничению дальнейшего развития ядерных технологий в странах, которые ими владеют, и недопущению появления новых ядерных стран. Это будет и в дальнейшем препятствовать расширению БРИКС.

Для преодоления этих препятствий организация БРИКС может предоставить многополярному миру и странам с формирующимся рынком больше возможностей и пространства для развития, именно поэтому перед саммитом БРИКС в ЮАР около 50 стран выступили в очередь, чтобы подать заявку на участие в саммите БРИКС, а более 20 стран официально подали свои заявки [1, с. 5].

Исходя из того, что у каждой страны свои национальные условия и свои собственные интересы, в процессе расширения членства в БРИКС необходимо сосредоточиться на общих интересах и ключевых приоритетных областях, построить эффективный механизм сотрудничества БРИКС и сделать сотрудничество в рамках стратегического партнерства БРИКС более эффективным и прагматичным [9, р. 451]. Прежде всего, БРИКС необходимо достичь соглашения об условиях, руководящих принципах, критериях и процедурах расширения членства в БРИКС. Новые члены должны обладать определенной степенью экономической мощи, потенциалом развития и позитивной готовностью к сотрудничеству с БРИКС. В то же время процесс расширения должен быть справедливым и прозрачным, исключая фаворитизм или необоснованное принятие решений. Во-вторых, расширение БРИКС должно соответствовать основным ценностям и принципам механизма БРИКС.

Что касается торгового сотрудничества, то экономики БРИКС составляют 18% мирового экспорта. Однако их доля растет, а темпы роста экспорта внутри БРИКС превышают среднемировой показатель [6]. Увеличение экспорта внутри БРИКС может подтвердить аргумент о том, что расширение экономического сотрудничества приносит ощутимые преимущества и является важным двигателем развития роста внутриблоковых инвестиций (хотя и умеренными темпами). Данные ЮНКТАД о прямых иностранных инвестициях (ППИ) показывают, что страны

БРИКС, как группировка, демонстрируют более чем четырехкратное увеличение своих годовых поступлений ПИИ с 84 млрд долларов США в 2001 году до 355 млрд. долларов США в 2023 году. Их доля в мировом доходе ПИИ также удвоилась с 11% в 2001 году до 22% в 2023 году [6].

Но всё же необходимо отметить, что основные противоречия между странами-участницами БРИКС касаются экономической безопасности и торгово-экономических отношений. Во-первых, политическая и экономическая обстановка в некоторых из новых членов более изменчива. Например, Иран уже давно находится под санкциями Запада, и риск того, что китайские предприятия в Иране попадут под «юрисдикцию длинной руки», остается высоким; внутренняя ситуация в Эфиопии неопределенная, и риск безопасности персонала и имущества китайских предприятий возрос; Египет находится в затруднительном положении из-за нехватки иностранной валюты, и местная валюта резко обесценилась, что усилило давление на возврат торговых платежей китайскими предприятиями [3]. Во-вторых, среди некоторых новых членов растет торговый протекционизм. Саудовская Аравия начала свое первое антидемпинговое расследование против китайской химической продукции в ноябре 2023 года, а также усилила торговые барьеры против китайской электронной продукции, введя сертификацию импорта на законодательном уровне [12]. В-третьих, условия ведения бизнеса для некоторых новых членов являются плохими. Саудовская Аравия и ОАЭ ссылаются на европейскую и американскую практику в области стандартов и сертификации и имеют громоздкие процедуры, Египет вводит предварительную регистрацию импортируемых товаров, а импорт Ирана предполагает более 30 процессов согласования и длительное таможенное оформление, что в той или иной степени повышает стоимость освоения рынка для китайских предприятий [8, p. 12].

Ряд экспертов отмечает, что глобальные экономико-политические интересы некоторых членов БРИКС, например, Китая, гораздо шире, чем заинтересованность во взаимодействии в рамках БРИКС [18], поэтому остальным членам организации нужно усилить государственную поддержку национальной деловой деятельности и разработать гибкую экономическую стратегию. Объединение БРИКС нужно использовать для увеличения международного присутствия стран-участниц, а через встречи в рамках форума нужно расширить двусторонние отношения, особенно в инвестиционной и нефтяной, а также социальной и образовательной сферах [15] – такие шаги помогут преодолеть противоречия между странами БРИКС в торгово-экономическом плане и устранить препятствия для дальнейшего расширения организации. Кроме того, в рамках организации БРИКС проблемы взаимоотношений между странами-участницами в определенной степени усугубляются вступлением новых членов, которым уже трудно согласовывать свои интересы. Помимо геополитических разногласий, таких как процесс примирения между некоторыми странами, новые члены все чаще конкурируют между собой по принципу однородности.

Негативными тенденциями являются экономические трудности России, Бразилии, Индии, ЮАР и Китая, связанные с исключением России из платежной системы SWIFT, которая объединяет 10 тыс. банков из 209 стран мира для обмена авторизованной информацией, в том числе 84 платежными поручениями и соглашениями [2, с. 162]. Министры финансов и руководители центробанков стран БРИКС обсуждали тематику организации платежных систем и перспективы перехода на расчеты в национальных валютах. Так, Китай и Россия запустили собственные трансграничные платежные системы, но в меж-

банковском обороте доля этих систем по обороту остается низкой, что препятствует дальнейшему расширению БРИКС на основе экономико-финансовых причин [5].

Электронная коммерция является значимым сегментом цифровой экономики. Страны БРИКС являются крупными рынками электронной коммерции, но внедрение электронной коммерции варьируется. Доля онлайн-покупателей среди пользователей Интернета колеблется от примерно 8% в Индии до 46% в Российской Федерации и до 80% в Китае [10]. Это мешает сближению БРИКС на этой основе. Все же в странах БРИКС действуют внутренние и международные платформы электронной коммерции, и ожидается, что электронная коммерция будет поддерживать быстрый рост стран объединения.

Нужно отметить, что в последнее время в экспертной среде дискутируются инициативы относительно потенциального функционирования неформальных объединений по формату БРИКС, деятельность которых усматривается прежде всего в экономическом сотрудничестве стран с интенсивным или поступательным развитием [16]. Эксперты отмечают, что критериями такого объединения могут стать общие, а не географические характеристики, обусловленные скорее возможностями сотрудничества экономик, отличающимися как динамичностью, так и интенсивностью прогресса [4, с. 16]. Это говорит о том, что в целом структура БРИКС достаточно жизнеспособна и привлекательна.

Итак, БРИКС, с одной стороны, выступает как фактор консолидации мирового сообщества, указывая, что политическое руководство России активизирует деятельность по политическим, стратегическим, экономическим, экологическим направлениям; инициирует создание общего рынка. С другой стороны, имеются препятствия для дальнейшего расширения БРИКС.

Таким образом, страны БРИКС занимают важные геостратегические позиции в своих регионах, а значительное политическое и экономическое влияние, которое они имеют, позволяет им быть в роли своеобразного ориентира для ближайших соседей в процессе принятия и осуществления последними внешнеполитических решений, что может способствовать расширению организации [11]. БРИКС обладает большим экономическим и политическим потенциалом, который остается в полной мере нереализованным. Объединение успешно функционирует в формате клуба, в то время как деятельность в направлении оформления полноценной организации, установление более тесного сотрудничества пока не отличается желаемой эффективностью.

Сотрудничество и развитие БРИКС – это не только возможность для стран-участниц, но и вопрос процветания и стабильности мировой экономики. Поэтому необходимо полностью осознать сложность и деликатность вопроса расширения БРИКС, продвигать механизм сотрудничества и расширения БРИКС в соответствии с изменениями в международном ландшафте и формате, а также потребностями каждой страны, чтобы обеспечить интересы огромного числа развивающихся стран, включая БРИКС.

Перспективными векторами развития сотрудничества в рамках БРИКС и преодоления препятствий для дальнейшего расширения организации может стать согласованная цифровая трансформация пространства БРИКС, реальное укрепление цифрового взаимодействия в рамках общей платформы, финансовое и межбанковское сотрудничество, углубление торговых отношений, увеличение внутригруппового потока инвестиций и тому подобное. Страны-члены группировки БРИКС должны прийти к согласию по актуальным вопросам в политической, экономической сфере и проблемам

обеспечения безопасности, что усилит процессы формализации образования.

Литература

1. Ключев Н.Н. Перспективы расширения формата БРИКС в контексте интересов Российской Федерации // Огарёв-Online. 2023. № 8 (193). С. 5–11.
2. Молчанов А. В., Смирнов Ф.А. Формирование валюты БРИКС–проблемы и перспективы в рамках трансформации мировой валютно-финансовой системы // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7. № 1. С. 155–174.
3. Нуриддинов Р.Ш. Позиция Китайской Народной Республики в вопросах расширения и укрепления БРИКС // ПАЁМИ. С. 277.
4. Семенова М.С. Расширение БРИКС в российских и зарубежных экспертных оценках // Управление и политика. 2024. Т. 3. № 2. С. 8–26.
5. Ярыгина И.З. Межгосударственные проекты ЕА-ЭС-БРИКС в финансовой сфере: проблемы и решения // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. № 17–1. С. 322–324.
6. BRICS Investment Report. <https://unctad.org/publication/brics-investment-report>.
7. Imtiaz A., Yaseen Z., Muzaffar M. Bridging Continents: Emergence of BRICS and Assumptions for New-World Order // Annals of Human and Social Sciences. 2023. Т. 4. № 3. С. 808–821.
8. Katz M.N. The geopolitical (in) significance of BRICS enlargement // EconPol Forum. Munich: CESifo GmbH, 2024. Т. 25. № 1. С. 10–13.
9. Kipgen K. T., Chakrabarti S. The politics underpinning the BRICS expansion // Journal of Liberty and International Affairs. 2022. Т. 8. № 3. С. 445–458.
10. Lissovolik Y. BRICS expansion: new geographies and spheres of cooperation. Editorial for special Issue // BRICS Journal of Economics. 2024. Т. 5. № 1. С. 1–12.
11. Mangani D. Y. BRICS as a Catalyst for Global Governance Transformation: Beyond Western Perceptions // MGIMO Review of International Relations. 2024. Т. 17. № 1. С. 46–64.
12. Nach M., Ncwadi R. BRICS economic integration: Prospects and challenges // South African Journal of International Affairs. 2024. С. 1–16.
13. Putri F. M., Santoso M.P. T. BRICS Diplomacy: Building Bridges for Global Cooperation // Politics and Humanism. 2023. Т. 2. № 1. С. 10–21.
14. Srinivas J. Russia and China in BRICS: Convergences and Divergences // Future of the BRICS and the Role of Russia and China. Singapore: Springer Nature Singapore, 2022. С. 147–192.
15. Valeeva R. A., Prata-Linhares M. BRICS countries in the educational universe // Globalisation and Teacher Education in the BRICS Countries. Routledge. С. 27–56.
16. Vandemoortele M. Building Blocks for Equitable Growth: Lessons from the BRICS. ODI, 2022.
17. Xiujun X. The BRICS Model of Global Governance: The Underlying Logic and Working Roadmap // China Int'l Stud. 2022. Т. 96. С. 33.
18. Zongyi L. China and BRICS // Locating BRICS in the Global Order. Routledge India, 2022. С. 221–236.

FOREIGN POLICY PROCESS OF INSTITUTIONALIZATION OF BRICS INTEGRATION ACTIVITIES

Ji Kailai

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

In the modern world, transregionalism, as a new format of integration association, has acquired its development largely due to the synergy of three key global trends, including democratization, globalization and integration. One of the largest and most significant associations existing in the modern geopolitical and economic space is the BRICS.

This article presents the results of a study on the issue of obstacles to further expansion of the BRICS association. During geopolitical changes, this topic acquires special importance, because it is this international structure that can change the world architecture. Development scenarios may be different and contradictory, but it is developing countries that can become the impetus for building a new world order. The BRICS Group of countries is a vivid example of changes in international economic relations, and that is why it would be appropriate to characterize the global economic transformations from this side. Nevertheless, there are certain obstacles that hinder the expansion of the BRICS at the present stage. The designation of these obstacles is of great importance for finding ways to eliminate them.

Keywords: BRICS, economic integration, developing countries, international economic relations.

References

1. Klyuev N.N. Prospects for expanding the BRICS format in the context of the interests of the Russian Federation // Ogarev-Online. 2023. No. 8 (193). P. 5–11.
2. Molchanov A. V., Smirnov F.A. Formation of the BRICS currency – problems and prospects in the framework of the transformation of the world monetary and financial system // Economic Security. 2024. Vol. 7. No. 1. P. 155–174.
3. Nuriddinov R. Sh. Position of the People's Republic of China on issues of expanding and strengthening BRICS // PAEMI. P. 277.
4. Semenova M. S. BRICS expansion in Russian and foreign expert assessments // Management and Politics. 2024. Vol. 3. No. 2. P. 8–26.
5. Yarygina I.Z. Interstate projects of the EAEU-BRICS in the financial sphere: problems and solutions // Russia: development trends and prospects. 2022. No. 17–1. P. 322–324.
6. BRICS Investment Report. <https://unctad.org/publication/brics-investment-report>.
7. Imtiaz A., Yaseen Z., Muzaffar M. Bridging Continents: Emergence of BRICS and Assumptions for New-World Order // Annals of Human and Social Sciences. 2023. Т. 4. № 3. С. 808–821.
8. Katz M.N. The geopolitical (in) significance of BRICS enlargement // EconPol Forum. Munich: CESifo GmbH, 2024. Т. 25. № 1. С. 10–13.
9. Kipgen K. T., Chakrabarti S. The politics underpinning the BRICS expansion // Journal of Liberty and International Affairs. 2022. Т. 8. № 3. С. 445–458.
10. Lissovolik Y. BRICS expansion: new geographies and spheres of cooperation. Editorial for special Issue // BRICS Journal of Economics. 2024. Т. 5. № 1. С. 1–12.
11. Mangani D. Y. BRICS as a Catalyst for Global Governance Transformation: Beyond Western Perceptions // MGIMO Review of International Relations. 2024. Т. 17. № 1. С. 46–64.
12. Nach M., Ncwadi R. BRICS economic integration: Prospects and challenges // South African Journal of International Affairs. 2024. С. 1–16.
13. Putri F. M., Santoso M.P. T. BRICS Diplomacy: Building Bridges for Global Cooperation // Politics and Humanism. 2023. Т. 2. № 1. С. 10–21.
14. Srinivas J. Russia and China in BRICS: Convergences and Divergences // Future of the BRICS and the Role of Russia and China. Singapore: Springer Nature Singapore, 2022. С. 147–192.
15. Valeeva R. A., Prata-Linhares M. BRICS countries in the educational universe // Globalisation and Teacher Education in the BRICS Countries. Routledge. С. 27–56.
16. Vandemoortele M. Building Blocks for Equitable Growth: Lessons from the BRICS. ODI, 2022.
17. Xiujun X. The BRICS Model of Global Governance: The Underlying Logic and Working Roadmap // China Int'l Stud. 2022. Т. 96. С. 33.
18. Zongyi L. China and BRICS // Locating BRICS in the Global Order. Routledge India, 2022. С. 221–236.

Размышления о политическом разделении между Россией и Украиной с точки зрения исторических и культурных различий восточнославянских народов

Чжан Цзиньжуй,

бакалавр, Институт славянских языков, Харбинский педагогический университет
E-mail: 2541147804@qq.com

В статье анализируются историко-культурные предпосылки политического разделения России и Украины. Рассматривается влияние от Древней Руси до советского периода и настоящего времени. Затрагиваются языковые, религиозные и территориальные различия. Особое внимание уделяется событиям 2004 и 2014 годов, а также крымскому кризису. Статья подчеркивает сложность и многогранность российско-украинских отношений.

Ключевые слова: Россия, Украина, политический раскол, история, культура, религия, язык, территория, Евромайдан, Крым, конфликт.

Введение

Политическое разделение между Россией и Украиной стало одной из основных проблем современной Восточной Европы. Оно обусловлено как недавними событиями, так и глубокими историческими процессами. Эти события нашли своё отражение в международной политике, повлияли на мировую безопасность и привели к серьезным последствиям для обеих стран.

Такое разделение между Россией и Украиной является сложным и многогранным процессом. Оно связано с современными политическими событиями. Кроме того, существует связь с глубоко укоренённым и историческими и культурными различиями. Историческое наследие, начиная с Древней Руси, различия в культурных и языковых особенностях и т.д. – всё это сказалось на формировании современных взаимоотношений между двумя государствами.

В условиях современного мира понимание причин и последствий разделения между Россией и Украиной имеет критическое значение. Конфликт на востоке Украины, присоединение Крыма к РФ, влияют на стабильность во всём мире. Анализ исторических и культурных предпосылок, которые привели к сегодняшней ситуации, поможет лучше понять корни конфликта и найти пути его разрешения.

Целью данной работы является анализ историко-культурных предпосылок, которые привели к политическому разделению между Россией и Украиной.

Исторические предпосылки политического разделения

Возникновение восточнославянских народов: Древнерусское государство

Вопрос о происхождении восточнославянских народов, тесно связан с историей Древнерусского государства. Киевская Русь, существовавшая с IX по XII века, стала колыбелью восточнославянской цивилизации. Объединение племён под властью киевских князей заложило основу для формирования общих культурных и религиозных традиций.

Однако уже в этот период наблюдались некоторые различия между северными и южными славянами¹. Киевская Русь, хотя и была единым государством, не представляла собой культурно-гомогенную территорию. Северные регионы, тесно связанные с новгородскими и ростово-суздальскими землями, имели свои особенности. Южные земли, в том числе Киев, испытывали влияние византийской культуры и южных соседей. Со-

¹ Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998.

вокупность этих явлений явилась основой для будущих различий между русскими и украинцами¹.

Разделение между Киевской Русью и Московским княжеством: Истоки различий

После падения Киевской Руси начался процесс территориального и политического разделения восточно-славянских народов. Возвышение Московского княжества в XIV веке положило начало формированию русской государственности. В то же самое время, украинские земли оказались под влиянием Великого княжества Литовского и Польши. Данный аспект привёл к дальнейшему культурному и религиозному обособлению украинцев и русских².

Московское княжество стало ядром Русского царства. Оно развивалось в условиях борьбы за независимость от Золотой Орды. Киевские же земли, оказавшись под властью Литвы и Польши, впитали западноевропейские элементы культуры и права. Различия в политических и культурных условиях существования этих двух регионов привело к формированию двух различных национальных идентичностей.

Золотая Орда оказала сильное влияние на разъединение восточнославянских народов³. Московские князья, вынужденные признать сюзеренитет Орды, восприняли элементы её административной и военной организации. Это повлияло на развитие русской государственности, сделав её более централизованной и авторитарной⁴.

Великое княжество Литовское, напротив, предоставило украинским землям значительную автономию. Украинская знать сохраняла свои традиции и самоуправление. Данный факт способствовал укреплению местной идентичности. Влияние Польши и Литвы привело к распространению католицизма и униатства на территории Украины. Вмешательство усилило культурные различия между русскими и украинцами.

В XIV–XVII веках украинские земли входили в состав Речи Посполитой, что оказало значительное влияние на их культурное и политическое развитие. Польско-литовская уния 1569 года привела к усилению польского влияния на украинские земли. Этот период характеризуется активной полонизацией и распространением католицизма. Но данные действия вызвали сопротивление со стороны православного населения⁵.

Одним из важнейших событий того времени стала Брестская уния 1596 года. Тогда часть украинских православных епископов признала верховенство Папы Римского, создав грекокатолическую (униатскую) церковь. Всё это усилило религиозные противоречия и способствовало формированию украинской национальной идентичности, отличной от русской.

Культурные различия между Россией и Украиной

Язык всегда имел важное влияние в формировании национальной идентичности. Русский и украинский языки, хотя и происходят от одного древнерусского источника, имеют значительные различия. Данные различия вызваны

¹ Петрухин В.Я. Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013

² Волков, В.К. Место славяноведения в системе гуманитарных знаний / В.К. Волков // Славяноведение. – 2003 – № 5. – С. 3–13.

³ Молдован, А.М. Славистические исследования в России / А.М. Молдован // Славяноведение. 2006. – № 4. С. 3–15.

⁴ Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. М., 1983.

⁵ Абалкин, Л. И. Н.Я. Данилевский о России, Европе и славянском единстве / Л.И. Абалкин // Социологические исследования. – 2003. – № 5. – С. 37.

историческими и культурными процессами. Украинский язык впитал в себя множество западноевропейских заимствований, что делает его более отличным от русского.

В XIX веке, язык стал одним из элементов украинского национального движения. Украинские писатели и поэты, такие как Тарас Шевченко, способствовали популяризации украинского языка и укреплению национального самосознания. На Украине язык стал символом сопротивления русификации.

Православная церковь оказала значимое влияние в культурном развитии как России, так и Украины. Однако религиозные различия между двумя народами начались формироваться ещё в период польско-литовской унии. В России церковь стала важным инструментом централизации и поддержания самодержавия. Московская патриархия поддерживала идею «Третьего Рима» и уникальности русского пути.

На Украине же религиозная ситуация была более сложной. Наряду с православной церковью существовали униаты и католики. Брестская уния и создание грекокатолической церкви привели к религиозному расколу. Он оказал значительное влияние на формирование украинской идентичности. Православие, униатство и католицизм создавали уникальный культурный ландшафт, в котором религиозная принадлежность часто была связана с национальной идентичностью.

Географическая близость Украины к Западной Европе способствовала культурным и экономическим связям с западными странами. Влияние западноевропейской культуры на Украину ощущалось уже в период Средневековья, особенно через Польшу и Литву. В XVII–XVIII веках украинская знать активно перенимала западные культурные традиции, что нашло отражение в искусстве, архитектуре и литературе.

Ориентация на Запад оказала сильное влияние на украинское культурное самосознание в XIX веке. Многие представители украинской интеллигенции видели в Западе образец для подражания, что контрастировало с ориентацией России на собственные традиции и культурную замкнутость. Эта разрозненность культурных ориентиров углубляла различия между русским и украинскими народами⁶.

Народные обычаи и традиции: сходства и различия

Несмотря на общие восточнославянские корни, народные обычаи и традиции России и Украины имеют свои особенности. Украинская культура, сохранившая влияние западнославянских и балтийских народов, отличается более разнообразным фольклором и народным искусством. Песенная культура Украины, являясь важной составляющей в формировании национального самосознания.

Русская культура развивалась под влиянием восточных традиций, что проявляется в архитектуре, музыке и народных обычаях. Сходства между народными традициями двух стран сохраняются в таких областях, как празднование религиозных праздников. Однако различия становятся все более заметными в условиях современных политических процессов.

Советский период: формирование современного политического ландшафта

В советский период политика в отношении Украины была двойственной. С одной стороны, в 1920-х годах была про-

⁶ Мирский, Г. Общность судьбы и национальное самосознание // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 4. – С. 5–16.

ведена политика украинизации, которая способствовала развитию украинского языка и культуры. Но уже в 1930-е годы началась русификация, которая включала продвижение русского языка в качестве государственного.

Дискуссии о независимости Украины в конце 1980-х – начале 1990-х годов

В конце 1980-х годов, на фоне ослабления советского режима, в Украине начались активные дискуссии о будущем страны. Национально-демократические движения, такие как Народный рух Украины, начали активно продвигать идею независимости. В 1991 году, после распада СССР, Украина провозгласила независимость, что положило начало новому этапу в её истории¹.

Политическое разделение после 1991 года

После обретения независимости в 1991 году Украина столкнулась с вопросом определения своего геополитического вектора. В стране сложилась ситуация, при которой часть населения ориентировалась на Запад, поддерживая евроинтеграцию, в то время как другая часть сохраняла пророссийские настроения. Данный внутренний раскол стал основой для политического разделения, которое усиливалось с течением времени.

Влияние внешних факторов, таких как НАТО, ЕС и Россия, сыграло значительную роль в формировании политической поляризации в Украине. НАТО и ЕС предлагали Украине перспективы интеграции, что привлекало проевропейски настроенную часть населения. Россия, напротив, стремилась сохранить Украину в сфере своего влияния, предлагая экономическое сотрудничество и военные гарантии. Эти противоречия усугубляли внутренние конфликты и в конечном итоге привели к политическому кризису².

Анализ событий 2004 года (Оранжевая революция) и 2014 года (Евромайдан)

Оранжевая революция 2004 года и Евромайдан 2014 года стали переломными моментами в современной истории Украины. Эти события показали глубокий внутренний раскол в обществе, связанный с вопросом выбора между европейским и российским векторами развития. Оранжевая революция привела к избранию проевропейского президента Виктора Ющенко, вызвав напряженность в отношениях с Россией.

Евромайдан, начавшийся в 2013 году как протест против отказа подписать соглашение об ассоциации с ЕС, перерос в массовое восстание против режима Януковича и завершился его свержением. Эти события усилили политический раскол внутри Украины и привели к эскалации конфликта с Россией³.

Крымский кризис и конфликт на востоке Украины: важнейшие этапы и их последствия

Территория является основополагающим элементом формирования национальной идентичности. Когда страна сталкивается с угрозой, территориальные споры могут перерасти в военные действия. Государства, имеющие общие границы, часто сталкиваются с дипломатическими

¹ Панарин, А.С. Славянский мир сегодня: очарованные странники на опасной дороге / А.С. Панарин // Вестник Московского университета. Сер.12, Политические науки. – 2003. – N4. – С. 5–15.

² Васильев, А. Украина на линии цивилизационного разлома / А.В. Васильев // Россия XXI. – 2003. – N 3. – С. 27–32.

³ Гришин, Д.В. История и современность российско-украинских отношений / Д.В. Гришин. – М.: Высшая школа экономики, 2020. – 350 с.

проблемами из-за таких споров. Российско-украинская граница, протяженность которой составляет около 2300 километров, отличается сложностью как в географическом, так и в историческом плане. Главный спор между Россией и Украиной касается принадлежности Крымского полуострова. Чтобы объективно оценить данный вопрос, важно признать стратегическое значение Крыма. Важно также учитывать историческое и современное положение его жителей⁴.

Крымский полуостров обладает определяющим стратегическим значением для контроля над Черноморским регионом. Расположенный на пересечении Европы и Азии, он находится на пересечении интересов различных держав, благодаря своей близости к Черному и Азовскому морям. Крым соединен с Украиной узким перешейком на северо-западе, а с Россией его разделяет Керченский пролив на востоке⁵. С древних времен Крым был территорией, за которую боролись различные народы. История полуострова насчитывает тысячи лет, начиная с основания здесь греческих городов-государств в 480 году до нашей эры. Позже здесь появилось Босфорское царство, а затем римская армия установила контроль над регионом.

В VI веке нашей эры под давлением аваров восточные славяне мигрировали на юг, основав на Днепре в 886 году Киевскую Русь. Византия вместе с Киевской Русью уничтожила Коса – ханство, основанное тюрками в Крыму. В XIII веке монголы оккупировали полуостров, который оказался под юрисдикцией Золотой Орды. В XV веке здесь возникло Крымское ханство, которое позже вошло в состав Османской империи, став форпостом ислама на северных границах. В XVIII веке, воспользовавшись ослаблением Османской империи, Россия смогла завоевать Крым после ряда русско-турецких войн. В 1783 году императрица Екатерина II добилась признания Турцией Крыма как части Российской империи, и с тех пор полуостров стал важной частью российской территории.

Исторически Крым сменил множество правителей. Он был интегрирован в состав Российской империи. Это придало ему статус священной территории, от которой нельзя отказаться. Если сравнивать два века российского контроля с тридцатью годами украинского управления, то с точки зрения исторической идентичности и прочности русская претензия на Крым выглядит более основательной.

Значимость Крыма, площадью 27 000 квадратных километров, зависит от конкретного контекста. Для России и Украины, которые имеют общую границу с Крымом на севере, полуостров является выходом к Черному морю. Для России Крым веками служил плацдармом. Он стал символом национального величия, за который были пролиты кровь и слёзы.

Крым важен для России как единственный незамерзающий военный порт, позволяющий эффективно обслуживать Черноморский флот. Россия осознает стратегическую значимость Севастополя, особенно в сравнении с Санкт-Петербургом, портом, который замерзает на полгода. Эта важность была подтверждена еще во время Крымской войны 1855 года. Тогда британско-французские войска заключили мирный договор, опираясь на свои военные достижения.

⁴ Горизонтов, Л.Е. Национальные идеи и их геополитические проекции (Восточная, Центральная и Юго-Восточная Европа) / Л.Е. Горизонтов // Славяноведение. – 2003. – № 2. – С. 110–115.

⁵ Дмитриев, А.А. Крым в составе России: политические и правовые вопросы / А.А. Дмитриев. – М.: Норма, 2016. – 275 с.

Изначально, передача Крыма Украине в 1950-х годах советским лидером Никитой Хрущёвым не воспринималась как значимая. Так как происходила внутри единой советской системы. Но после распада СССР вопрос принадлежности Крыма стал политически острым. Несмотря на разногласия в 1990-х годах, Россия и Украина смогли мирно обсуждать этот вопрос. Россия даже признала его внутренним делом Украины, арендуя у неё военно-морскую базу.

Однако в 2014 году, на фоне расширения НАТО и нарастающего давления на Россию, кризис в Крыму обострился¹.

Территориальные споры, подпитываемые историческими разногласиями и играми крупных держав, всегда осложняли российско-украинские отношения. Кризис вокруг Крыма стал причиной военного конфликта в 2022 году, когда Россия заявила, что Крым – её неотъемлемая часть. Но Украина продолжает отстаивать свой суверенитет над полуостровом. Вопрос о принадлежности Крыма стал центральным в споре между Россией и Украиной, угрожая безопасности обеих стран и вызывая эскалацию конфликта.

Заключение

В результате анализа, было установлено, что политический диссонанс между Россией и Украиной обусловлен глубокими историческими, а также культурными различиями. Эти различия берут начало в периоде Киевской Руси, общей колыбели двух народов. Однако уже тогда начали формироваться различные пути развития территорий, которые впоследствии стали основой для российской и украинской государственностей.

Также было выявлено, что монгольское нашествие оказало существенное влияние. Последующее установление власти Золотой Орды на этих землях, способствовало дальнейшей дифференциации народов. Украина, оказавшаяся под влиянием Литвы и Польши, развивалась в католическом и греко-католическом русле. Россия же сохраняла верность православным традициям.

Было выяснено, что присоединение Украины к Российской империи в XVII веке было воспринято многими украинцами как утрата автономии. Всё это привело к росту национального самосознания и антироссийских настроений.

Также было установлено, что в советский период усугубились внутренние противоречия в Украине. С одной стороны, проводилась активная политика русификации, с другой стороны, на Западе Украины сохранялись сильные националистические настроения. После распада СССР в 1991 году эти противоречия переросли в глубокий политический кризис, разделив страну на проевропейскую западную часть и пророссийскую восточную.

Ключевыми моментами обострения стали Оранжевая революция 2004 года и Евромайдан 2014 года. Такие события привели к ухудшению отношений с Россией. Присоединение Крыма к Российской Федерации и конфликт на востоке Украины стали следствием этих событий, углубив исторические и культурные разногласия между двумя странами.

Сегодня российско-украинские отношения находятся в состоянии глубокого кризиса. Культурные, языковые и религиозные различия, стали основой для современных политических разногласий. Россия и Украина по-разному воспринимают свою историю и культуру, что усиливает националистические настроения и усложняет поиск компромиссов.

¹ Панарин, А.С. Искушение глобализмом.- М.: Наука, 2000.

Международное сообщество, играя активную роль в конфликте, этим вносит свой вклад в его обострение. Санкции, дипломатическое давление и военная поддержка со стороны западных стран усугубляют конфликт, делая его частью более широкого геополитического противостояния.

Таким образом, политическое разделение между Россией и Украиной, обусловленное историческими и культурными различиями. Данное разделение представляет собой сложный и многослойный феномен. Решение конфликта требует глубокого понимания исторических предпосылок и готовности к компромиссам с обеих сторон. Без этого, достижение мира и стабильности в регионе останется сложной задачей.

Литература

1. Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998.
2. Петрухин В.Я. Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013.
3. Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. М., 1983.
4. Абалкин, Л. И. Н.Я. Данилевский о России, Европе и славянском единстве / Л.И. Абалкин // Социологические исследования. – 2003. – № 5. – С. 37.
5. Васильев, А. Украина на линии цивилизационного разлома / А.В. Васильев // Россия XXI. – 2003. – N 3. – С. 27–32.
6. Панарин, А.С. Искушение глобализмом.- М.: Наука, 2000.
7. Волков, В.К. Место славяноведения в системе гуманитарных знаний / В.К. Волков // Славяноведение. – 2003. – N 5. – С. 3–13.
8. Мирский, Г. Общность судьбы и национальное самосознание // Мировая экономика и международные отношения.- 1998.- № 4.- С. 5–16.
9. Горизонтов, Л.Е. Национальные идеи и их геополитические проекции (Восточная, Центральная и Юго-Восточная Европа) / Л.Е. Горизонтов // Славяноведение. – 2003. – № 2. – С. 110–115.
10. Молдован, А.М. Славистические исследования в России / А.М. Молдован // Славяноведение. 2006. – № 4. С. 3–15.
11. Панарин, А.С. Славянский мир сегодня: очарованные странники на опасной дороге / А.С. Панарин // Вестник Московского университета. Сер.12, Политические науки. – 2003. – N4. – С. 5–15.
12. Дмитриев, А.А. Крым в составе России: политические и правовые вопросы / А.А. Дмитриев. – М.: Норма, 2016. – 275 с.
13. Гришин, Д.В. История и современность российско-украинских отношений / Д.В. Гришин. – М.: Высшая школа экономики, 2020. – 350 с.

REFLECTIONS ON THE POLITICAL DIVIDE BETWEEN RUSSIA AND UKRAINE FROM THE PERSPECTIVE OF HISTORICAL AND CULTURAL DIFFERENCES AMONG EAST SLAVIC PEOPLES

Zhang Jinrui

Harbin Normal University

The article analyzes the historical and cultural prerequisites for the political division between Russia and Ukraine. It examines the influence from the period of Kievan Rus to the Soviet era and the present day. The study explores linguistic, religious, and territorial differences. Special attention is given to the events of 2004 and 2014, as well as the Crimean crisis. The article highlights the complexity and multifaceted nature of Russian-Ukrainian relations.

Keywords: Russia, Ukraine, political division, history, culture, religion, language, territory, Euromaidan, Crimea, conflict.

References

1. Kotlyar N.F. Old Russian statehood. SPb., 1998.
2. Petruhin V. Ya. Rus' in the 9th – 10th centuries. From the calling of the Varangians to the choice of faith. M., 2013.
3. Sverdlov M.B. Genesis and structure of feudal society in Ancient Rus'. M., 1983.
4. Abalkin, L.I. N. Ya. Danilevsky on Russia, Europe and Slavic unity / L.I. Abalkin // Sociological studies. – 2003. – No. 5. – P. 37.
5. Vasiliev, A. Ukraine on the line of civilizational fault / A.V. Vasiliev // Russia XXI. – 2003. – N 3. – P. 27–32.
6. Panarin, A.S. The Temptation of Globalism. – Moscow: Nauka, 2000.
7. Volkov, V.K. The Place of Slavic Studies in the System of Humanitarian Knowledge / V.K. Volkov // Slavic Studies. – 2003. – N 5. – P. 3–13.
8. Mirsky, G. Common Destiny and National Identity // World Economy and International Relations. – 1998. – No. 4. – P. 5–16.
9. Gorizontov, L.E. National Ideas and Their Geopolitical Projections (Eastern, Central and South-Eastern Europe) / L.E. Gorizontov // Slavic Studies. – 2003. – No. 2. – P. 110–115.
10. Moldovan, A.M. Slavic Studies in Russia / A.M. Moldovan // Slavic Studies. 2006. – No. 4. P. 3–15.
11. Panarin, A.S. The Slavic World Today: Enchanted Wanderers on a Dangerous Road / A.S. Panarin // Bulletin of Moscow University. Series 12, Political Sciences. – 2003. - N4. - P. 5–15.
12. Dmitriev, A.A. Crimea as part of Russia: political and legal issues / A.A. Dmitriev. – M.: Norma, 2016. – 275 p.
13. Grishin, D.V. History and modernity of Russian-Ukrainian relations / D.V. Grishin. – M.: Higher School of Economics, 2020. – 350 p.